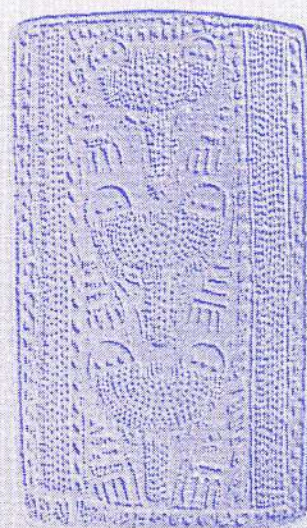

Т.Н. Троицкая
А.В. Новиков

ВЕРХНЕОБСКАЯ КУЛЬТУРА В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Т.Н. Троицкая А.В. Новиков

Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье

Ответственный редактор
академик В.И. Молодин

НОВОСИБИРСК
1998

УДК 902
ББК 63.4
Т 70

Рецензенты

доктор исторических наук Е.И. Деревянко, кандидат исторических наук В.С. Елагин

Утверждено к печати Институтом археологии и этнографии СО РАН

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
грант № 97-01-16126

Троицкая Т.Н., Новиков А.В.

Т 70 Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 152 с.

В монографии впервые в полном объеме и систематизированном виде публикуются археологические материалы, относящиеся ко второй половине I тыс. н.э., полученные в ходе более чем тридцатилетних исследований в Новосибирском Приобье. На основании анализа имеющихся источников авторы предприняли попытку реконструкции отдельных аспектов социально-экономических отношений и мировоззрения носителей верхнеобской культуры, рассмотрели вопросы ее генезиса и развития.

Книга предназначена для археологов, этнографов, музейных работников, студентов исторических факультетов, специализирующихся в области археологии.

ББК 63.4

ISBN 5-7803-0023-2

© Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков, 1998
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая половина I тыс. н.э. представляет собой определенную веху в развитии народов Западной Сибири. Это время, когда продолжают свое развитие культуры угорских и самодийских племен, сложившиеся в конце раннего железного века, когда формируются государственные образования тюркоязычных народов Южной Сибири и местное население постепенно начинает втягиваться в орбиту их влияния, время, когда начинается проникновение самих тюрков в среду аборигенов. В различных районах Западной Сибири этот процесс проходил со своими особенностями. Специфические черты имеет и культура лесостепного Верхнего Приобья, получившая название верхнеобской. Ее территориальные границы и хронологические рамки разные исследователи определяют по-разному. Опубликованных материалов явно недостаточно для окончательного решения спорных вопросов. К настоящему времени опубликованы данные памятников верхнеобской культуры степного Алтая [Грязнов, 1956] и Томского Приобья [Беликова, Плетнева, 1983]. Материалы Новосибирского Приобья опубликованы лишь частично. Поэтому в настоящей работе авторы ставят своей задачей публикацию имеющихся данных по верхнеобской культуре Новосибирского Приобья, чтобы на основе их анализа осветить вопросы ее происхождения, дать характеристику основных особенностей и определить ее место в кругу культур Южной и Западной Сибири V - IX вв.

Раскопки памятников верхнеобской культуры производились еще в конце XIX в., но сама культура была выделена лишь в последнее время. Первые погребения конца I тыс. н.э. были раскопаны в 1887 г. А.В. Адриановым [Комарова, 1952, с. 47]. Это были шесть могил Томского могильника. В 1896 г. С.К. Кузнецов раскопал курганы Архиерейской Заимки под Томском [Беликова, Плетнева, 1983, с. 37 - 41]. В 1946 - 1949 гг. в урочище Ближние Елбаны у с. Большая Речка к югу от Барнаула М.П. Грязнов исследовал могильники Ближние Елбаны XII и XIV, давшие материал, характеризующий одинцовский этап верхнеобской культуры [Грязнов, 1956, с. 99 - 144]. В 1960 - 1970-х гг. широкие исследования были проведены экспедициями Томского университета. Под руководством В.И. Матющенко, М.Ф. Косарева и Л.М. Плетневой раскопаны серия курганов могильников Ти-

мирязовский I и II под Томском [Беликова, Плетнева, 1983, с. 7 - 36; Плетнева, 1984, с. 64 - 87] и курганы у с. Могильники на юге Томской области на правом берегу Оби [Плетнева, 1973, с. 94 - 102]. В последнее время памятники верхнеобской культуры раскопаны на р. Иня в Кемеровской области у с. Сапогово [Илюшин и др., 1992].

В Новосибирской области экспедиции проводились Новосибирским государственным педагогическим институтом (в настоящее время - университет). В 1960 - 1970-х гг. под руководством Т.Н. Троицкой раскопаны курганы могильников Умна-2 и -3, Каменный Мыс, Юрт-Акбалык-4, -8 и -11 и городища Черный Мыс-1, -2 на берегах р. Уень в Колыванском районе [Троицкая и др., 1980, с. 53, 61, 66, 67]. В 1982 и 1984 гг. Т.Н. Троицкая и Е.А. Сидоров раскопали курганы могильника Черное Озеро-1 к северу от Новосибирска [Троицкая, 1989б, с. 50 - 54]. В 1990 г. Т.Н. Троицкой была раскопана серия жилищ поселения Крохалевка-Соколово-5. На берегу р. Чик Колыванского района в 1988 - 1989 гг. Т.Н. Троицкая вместе с А.А. Адамовым вела раскопки курганов Крохалевка-13, а в 1985 - 1989 гг. вместе с А.В. Новиковым - раскопки могильника Крохалевка-23 [Новиков, 1988, с. 47 - 54; Троицкая, Новиков, 1992, с. 116 - 119]. Т.Н. Троицкой и А.В. Новиковым проведены исследования курганов памятника Чингис-2 на юге Новосибирского водохранилища в 1968 и 1984 - 1985 гг. [Троицкая и др., 1980, с. 101]. Т.Н. Троицкой раскопаны верхнеобские курганы могильника Ордынское-1.

Сама верхнеобская культура впервые была выделена М.П. Грязновым в 1951 г. [Грязнов, 1951, с. 105 - 113] и подробно проанализирована им в 1956 г. [Грязнов, 1956, с. 99 - 144]. Исследователь разделил ее на три этапа: одинцовский (II - IV вв. н.э.), переходный (V - VI вв.) и фоминский (VII - VIII вв.). Позднее, с накоплением материала, последний этап был отнесен к кулайской культуре, а одинцовский был датирован V - VI вв. н.э. Т.Н. Троицкая вначале выделила одинцовский материал в самостоятельную культуру [Троицкая, 1981, с. 101 - 120]. Л.М. Плетнева и О.Б. Беликова сочли целесообразным сохранить за всей культурой название, предложенное М.П. Грязновым - верхнеобская, отметив, что она доживает до сросткинской культуры, испытывая в VII - VIII вв. тюркское влияние [Беликова, Плетнева, 1983, с. 116]. Л.А. Чиндина полага-

ет, что одинцовская культура прослеживается только в районах степного Алтая (Ближние Елбаны), а территорию Новосибирского Приобья во второй половине I тыс. н.э. занимала релкинская культура, центры которой находились в Среднем Приобье [Чиндина, 1985, с. 24]. С этим не согласны Л.М. Плетнева и О.Б. Беликова, которые относят материалы Томского Приобья к верхнеобской культуре. В.А. Могильников считает, что отдельные погребения памятников Новосибирского Приобья могут быть отнесены к релкинской культуре, но в то же время эти памятники имеют особенности культуры Верхнего Приобья [Могильников, 1987, с. 218]. В своих последних работах Т.Н. Троицкая признает наличие не одинцовской культуры, а верхнеобской, которую она делит на три этапа: одинцовский (V - VI вв.), тимирязевский (VII - VIII вв.), получивший название по тимирязевским могильникам, и юрт-акбалыкский (IX - X вв.) - по названию городища Юрт-Акбалык-1 [Троицкая, Адамов, 1987, с. 177 - 178; Троицкая, 1992б, с. 22 - 35].

Благодаря накоплению материалов появился ряд статей по отдельным вопросам верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье. Это в первую очередь работы, содержащие публикации памятников [Троицкая, 1977, с. 121 - 130; 1978, с. 99 - 117; 1989, с. 47 - 54; 1990, с. 256 - 258; Новиков, 1988,

с. 47 - 54; Троицкая и др., 1984а, с. 80 - 97; Троицкая, Адамов, 1991, с. 140 - 148; Троицкая, Елагин, 1991, с. 53 - 60; Троицкая, Новиков, 1992, с. 116 - 119]. Опубликован и проанализирован материал ряда погребений [Троицкая, 1963, с. 60 - 65; 1973, с. 100 - 103; 1992, с. 22 - 35; 1993, с. 53, 56; Троицкая, Адамов, 1987, с. 59 - 62; Новиков, Троицкая, 1989, с. 41 - 43; Галибин, Троицкая, 1983, с. 31 - 33; Троицкая, Бородовский, 1990, с. 149 - 162].

За это время были предприняты попытки осветить вопросы этногенеза и процесса тюркизации местного населения [Троицкая, 1973, с. 183 - 185; 1976, с. 126 - 130; 1979, с. 74 - 91; 1991а, с. 170 - 172; 1993а, с. 115 - 116; Троицкая и др., 1984б, с. 127 - 128]. Некоторые данные по антропологии опубликованы В.А. Дремовым [1977, с. 99 - 110]. Однако все эти работы лишь частично характеризуют историю племен верхнеобской культуры и не дают целостного представления о происхождении и развитии этой культуры и ее месте среди культур Сибири V - IX вв. н.э., что и определило необходимость обобщения всего имеющегося материала.

Предисловие, главы II, V и приложение написаны Т.Н. Троицкой, глава I - А.В. Новиковым, главы III и IV - Т.Н. Троицкой и А.В. Новиковым. Приложения составлены Т.Н. Троицкой. Иллюстрации выполнены авторами и М.И. Шахматовой.

ГЛАВА I

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Эволюция взаимодействия природы и общества является объектом исторической экологии - специальной области знаний, интенсивно развивающейся в последнее время. Однако и традиционная археология при интерпретации источников широко использует экологический подход, в основе которого "применительно к археологии лежат выявление, изучение и использование в историко-археологических построениях общих, региональных и эпохальных закономерностей адаптации человеческих коллективов к окружающей среде" [Косарев, 1991, с. 4]. В настоящее время уже очевидно, что социально-экономическая и этнокультурная интерпретация археологических источников без учета данных о характере природной среды (в широком понимании термина), в которой проживали носители тех или иных археологических культур, была бы неполной, а порой и неверной. При этом мы исходим из того, что различные формы жизнедеятельности древнего населения были направлены на его жизнеобеспечение - "процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания и путем развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства" [Козлов, 1991, с. 26]. Поэтому многие формы жизнедеятельности в большей или меньшей степени отражают экологическую ситуацию - дискретный фрагмент в развитии системы общество - природа, ограниченный пространственно-временными рамками [Лисица, 1988, с. 11]. Они могут быть использованы в качестве отправных точек этой проблемы, поскольку материальное производство является определяющей (хотя и далеко не единственной) формой, которую культура противопоставляет адаптации социума [Файнбург, 1982, с. 64].

В археологии палеометалла Западной Сибири проблемы влияния особенностей естественно-географической среды на исторические процессы в последнее время постоянно привлекают внимание исследователей [Особенности естественно-географической среды..., 1979; Косарев, 1984, 1991; и др.]. Археологические данные безусловно могут служить ценным источником при характеристике экологической ситуации в отдаленные от нашего времени эпохи. Однако рассмотрение имеющихся в нашем

распоряжении археологических материалов под этим углом зрения - специальная задача, пока слабо обеспеченная соответствующими реконструктивными методиками. Здесь мы лишь в общих чертах попытаемся описать те природные условия, в которых проживали носители верхнеобской культуры и которые, по нашему мнению, оказывали определенное влияние на ее облик. Очевидно, что закономерность экстраполяции данных о современном состоянии природно-климатических параметров региона на период, отстоящий от нашего времени на 1 - 1,5 тысячи лет, нуждается в определенных доказательствах.

В настоящее время существует несколько основных групп методов реконструкции климата прошлого. К ним относятся группа дендроклиматических методов, группа фитоиндикационных методов, группа гляциологических и криогенных методов и некоторые другие методы. Для отдельных регионов применительно к рассматриваемому периоду к этим методам можно добавить анализ письменных источников. По ряду причин в данной работе мы не можем в полной мере использовать ни один из имеющихся в арсенале современной науки методов реконструкции климата применительно к лесостепному Приобью второй половины I тыс. н.э. Наша попытка определить природно-климатическую ситуацию, в которой проживали носители верхнеобской культуры, позволяет выдвинуть лишь гипотезу со значительной степенью допуска. Она основана на общих характеристиках климата Евразии I тыс. н.э., заимствованных нами из работ различных исследователей, и, судя по имеющимся косвенным данным, не противоречит хозяйственно-культурному типу населения Верхнего Приобья того периода.

В целом "последние 4 - 2 тысячи лет климат характеризовался небольшими колебаниями по сравнению с теми, которые имели место... при переходе от межледниковых к ледниковым породам" [Бодженков, Палецкий, 1988, с. 55]. Для северного полушария, по данным А.В. Шнитникова, климат I тыс. н.э. характеризуется пониженной увлажненностью. В это время "происходило усыхание торфяников, уменьшение стока рек, понижение уровня озер, их усыхание и интенсивное отложение в них солей" [Шнитников, 1957, с. 268]. Однако в пределах тысячелетия происходили определенные ко-

Таблица 1
Климатические изменения в Китае
(вторая половина I - начало II тыс. н.э.)

Век н.э.	Кол-во лет с наводнениями	Кол-во лет с засухами	Кол-во дождливых лет
IV	5	41	11
V	18	37	33
VI	10	41	20
VII	13	43	23
VIII	31	41	43
IX	24	43	36
X	36	64	36
XI	41	69	37
XII	56	58	49

лебательные изменения увлажненности. Очень подробно они отражены в китайских архивных источниках. Опубликовавший эти данные Ку Чин Чу определяет для Китая IV, VI, VII вв. как более засушливые, а II, III и VIII вв. как более влажные. Поскольку эти данные очень хорошо согласуются с аналогичными данными для других регионов Евразии [Брукс, 1952, с. 298], мы можем их (с известной долей условности) экстраполировать и на западно-сибирскую лесостепь.

Китайский исследователь "приводит также некоторые данные относительно изменений температуры. Он рассматривает число суровых зим в течение каждого столетия на протяжении периода с VI до XVI вв. Число их достигает минимума между 600 и 800 гг." [Там же, с. 299]. Некоторые данные Ку Чин Чу о климатических изменениях в Китае во второй половине I - начале II тыс. н.э. [Там же, с. 298, табл. 26] представлены здесь в табл. 1.

Данные китайских источников (за I - XIX вв.) еще в 1906 г. обобщил и опубликовал П. Кингс-милл. Он отметил очень сильные засухи в Китае в X в., из которых засухи в 963 - 996 гг. были наиболее сильными за весь исторический период с VII в. [Шнитников, 1957, с. 270].

Повторим, что мы далеки от прямой экстраполяции этих данных на лесостепное Приобье, однако общие тенденции климатических изменений в Азии они отражают. Говоря же в целом о климатических изменениях в лесостепной зоне Евразии I тыс. н.э., необходимо подчеркнуть, что выявляемые в этом регионе климатические колебания "во внутренних районах Сибири не приводили к... существенным изменениям. ..." "Запас континентальности" этих территорий был очень велик на протяжении всего голоцена, что ослабляло палеоботанический эффект температурных изменений" [Хотинский, Савина, 1985, с. 32, 33].

Итак, смещение в голоцене границ лесной и степной зоны в Западной Сибири не было значительным [Герасимов, Розов, 1940, с. 42; Нейштадт, 1957, с. 362]. Климатические колебания в лесостепном Приобье во второй половине I тыс. н.э. не были

столь мощными, чтобы кардинальным образом влиять на хозяйственно-культурный тип населения. Различные внутривековые периоды повышенной и пониженной увлажненности в пределах второй половины I тыс. н.э. пока не выявляются по археологическим данным, хотя, безусловно, они должны были вносить некоторые, вероятно незначительные, коррективы в ведение хозяйства. Но в целом, судя по всему историко-культурному контексту, верхнеобцы находились в состоянии экологического равновесия с окружающей природной средой, лишь опосредованно испытывая на себе влияние экологических кризисов степной зоны, проявлявшееся, в частности, в появлении и постепенном внедрении в их культуру тюркоязычных мигрантов, оказавшихся по многим причинам (которые здесь мы рассматривать не будем) гораздо более чувствительными к климатическим изменениям [Гумилев, 1967, с. 53 - 66; и др.].

Все сказанное выше об изменениях природно-климатических условий в западно-сибирской лесостепи в I тыс. н.э. позволяет нам экстраполировать современные данные о природно-климатических особенностях региона на то время. Естественно, что при этом мы учитываем определенные изменения в них, связанные с деятельностью человека.

Анализ географического расположения памятников верхнеобской культуры (глава II) показывает устойчивую приверженность верхнеобцев в выборе мест проживания к коренным террасам р. Оби и к останцам террас в левобережной пойме реки. При этом нам кажется вполне логичным предположение, что основным объектом хозяйственного освоения верхнеобцев была пойма Оби, а кроме того, ленточные боры на коренных террасах и, конечно, само русло реки. Однако, судя по выходу биомассы, наибольший интерес, на наш взгляд, представляла именно пойма Оби.

У экологов бассейн р. Оби принято разделять на пять основных частей [Иогансен, 1963, с. 7]:

- 1) истоки Оби - реки Бия и Катунь с притоками (лежат почти целиком в пределах Горного Алтая);
- 2) Верхняя Обь - от слияния Бии и Катунь до устья р. Томь (степная и лесостепная зоны);
- 3) Средняя Обь - от устья р. Томь до устья р. Иртыш (таежная зона);
- 4) Нижняя Обь - от устья Иртыша до устья Оби (таежная зона и лесотундра);
- 5) Обская губа (тундра).

Каждая из указанных частей поймы имеет свои характеристики, порой значительно различающиеся между собой. Поскольку регион распространения верхнеобской культуры ограничен в основном Верхней Обью, здесь мы основываемся на описании особенностей именно этого отрезка поймы. При этом нужно учесть, что часть верхнеобской поймы (от г. Камня-на-Оби до г. Новосибирска) в настоящее время затоплена водами Новосибирского во-

дохранилища, а потому приведенные здесь данные отражают либо состояние этого участка поймы до затопления, либо касаются отрезка верхнеобской поймы от г. Новосибирска до устья р. Томь.

По мере продвижения от истоков к северу коренные берега Оби все больше удаляются друг от друга, а пойма соответственно расширяется, хотя на протяжении реки ее долина неоднократно сужается (в частности, на интересующем нас участке - в районах современного расположения Камня-на-Оби и Новосибирска). Средняя ширина поймы Верхней Оби - 5 - 7 км. Рельеф поймы характеризуется повышением в притеррасной и прирусловой части, тогда как центральные участки являются наиболее пониженными. В центральной пойме часто располагаются системы озер, а также низкие луга и заболоченные участки. В качестве отдельных геоморфологических элементов могут быть выделены гривы, идущие в разных направлениях в зависимости от характера водных потоков в период разлива. Наиболее высокие гривы представляют собой останцы второй террасы. Отрицательные формы рельефа представлены межгрядными ложбинами, а более глубокие из них - водоемами различного типа [Иоганзен, 1963, с. 7, 8].

Приведем основные климатические характеристики поймы Верхней Оби по данным Б.Г. Иоганзена и Н.Ф. Тюменцева:

- 1) среднегодовая температура воздуха - от -0,0 до +1,2° С;
- 2) число морозных дней в году - 245 - 247;
- 3) годовое количество осадков - 375 - 509 мм;
- 4) продолжительность снежного покрова - 164 - 169 дней;
- 5) количество дней со среднесуточной температурой воздуха 5, 10 и 15° С - соответственно 156 - 165, 123 - 130, 78 - 86;
- 6) количество дней в году с открытой водой на р. Обь - 176 - 185;
- 7) продолжительность ледостава - 162 - 168 дней.

Два последних признака чрезвычайно важны для оценки возможностей рыболовства, поскольку для бассейна Оби характернейшей особенностью гидрологического режима является замор, связанный с обеднением воды растворенным кислородом из-за большого поступления в реку болотных вод. Правда, район Верхней Оби в отношении рыболовства гораздо предпочтительнее Среднего и Нижнего Приобья [Иоганзен, Тюменцев, 1968, с. 24 - 25]: здесь ежегодных зимних заморов практически не бывает. Как явление, определяющее специфику рыболовства, заморы необходимо учитывать для зоны от устья р. Тым (в отдельные годы от участка реки в районе современного расположения с. Колпашева) до Обской губы. В связи с заморами у рыб Оби выработался инстинкт миграции в незаморные участки реки - к ключам, в таежные озера, уральские притоки и в незаморную зону реки (в

частности, в Верхнюю Обь). В последнем случае миграции рыб должны были происходить именно в пойменные водоемы, поскольку в пойме Оби сконцентрировано более 99% всех организмов, которыми питаются рыбы, а в русле - менее 1%. Благодаря развитой пойме уловы рыбы в бассейне Оби, по современным данным, в 8 - 10 раз выше, чем в бассейнах Енисея или Лены, имеющих неразвитую пойму [Гундризер, 1963, с. 126 - 129]. Кроме того, что верхнеобская пойма являлась местом спасения от заморов, она была также основным кормовым и нерестовым угодьем рыб Оби.

Все сказанное выше приводит нас к утверждению, что до разрушения поймы Верхней Оби в результате антропогенного воздействия этот отрезок был одним из наиболее благоприятных для рыболовства на протяжении всей реки до Обской губы, да, пожалуй, и вообще в Западной Сибири, что, безусловно, оказывало значительное влияние на развитие здесь этого промысла в древности (в частности, у верхнеобцев).

Вдоль Оби протекает также один из основных путей пролета птиц в Западной Сибири, а ее пойма для многих их видов - преимущественное место обитания. "Близость воды, наличие лесов и кустарников с их прекрасными защитными и кормовыми условиями, разнообразие лугов и заболоченных участков, многочисленные озера, старицы и другие водоемы, нередко обрамленные густыми зарослями кустарников, камышей и тростников - все это создает исключительно благоприятные условия для обитания птиц в пойме" [Гынгазов, 1963, с. 302, 303].

Значительную, хотя и меньшую, чем у птиц, связь с поймой проявляют млекопитающие, в частности охотничье-промысловые виды. По степени связи различных видов наземных позвоночных с поймой выделяются три типа: "эндемики", "облигатные" и "факультативные" виды. Эндемики поймы обитают почти исключительно в ней и в своей эволюции связаны с водной средой. Облигатные виды постоянно обитают в пойме, так же как и в прилежащих к ней биотопах, но связаны с ней менее тесно. Факультативные виды - случайные обитатели поймы, их эволюция практически не связана с ней. И.П. Лаптев сгруппировал промысловые и охотничьи виды птиц и млекопитающих бассейна р. Оби по характеру их связи с поймой и полученные данные свел в таблицу [Лаптев, 1963, с. 280]. Здесь мы приводим эти данные в табл. 2.

Таблица показывает, что 91,6% охотничье-промысловых видов птиц и 32,8% видов млекопитающих бассейна Оби в своей биологии достаточно жестко связаны именно с ее поймой. По современным данным, "из 14 важнейших охотничье-промысловых млекопитающих Западной Сибири восемь видов добываются преимущественно в пойме, где плотность их популяции оказывается наибольшей" [Там же, с. 280 - 286]. Эндемитами в обской пойме

Группировки промысловых видов птиц и млекопитающих бассейна р. Оби по характеру их связи с поймой

Класс	Всего видов	Эндемики		Облигатные		Факультативные	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Птицы	48	33	68,7	11	22,9	4	8,4
Млекопитающие	58	7	12,1	12	20,7	39	67,2
Всего	106	40	37,8	23	21,7	43	40,5

являются норка, выдра, речной бобр, водяная крыса. Облигатные виды для верхнеобской поймы - это, в частности, барсук, волк, обыкновенная лисица, лось, обыкновенная белка. Факультативными же являются очень многие виды млекопитающих, такие как соболь, хорек, куница, бурый медведь, песец, корсак, рысь, кабан, косуля, олень, сайгак, центрально-азиатский козел, белка-летяга, сурок и многие другие [Там же, с. 281 - 283, табл. 3].

Как отмечает И.П. Лаптев, "пойменные биотопы отличаются разнообразием и обилием многих кормов... хорошими защитными и гнездовыми условиями, что обеспечивает повышенную численность многих промысловых зверей и птиц..." [Там же, с. 284]. В этом состоит одна из главнейших особенностей поймы как охотничьего угодья. Вторая особенность заключается в том, что в пойме происходит резкое изменение состава охотничье-промысловой фауны по сезонам года, что обеспечивает возможность практически круглогодичного использования ее в качестве охотничьего угодья [Там же]. Сочетанием этих особенностей определяется то, что в древности у населения Верхнего Приобья пойма служила основной территорией для занятий охотой и рыболовством.

Кроме поймы объектом хозяйственного освоения верхнеобцев были, безусловно, и участки коренных террас, покрытые боровыми и смешанными лесами. М.И. Нейштадт для позднего голоцена Западной Сибири в целом отмечает отступление северной границы темно-хвойных лесов и продвижение тундры к югу. В то же время "судить, насколько спустилась граница еловой тайги к югу Западно-Сибирской низменности и спустилась ли она вообще, в настоящее время невозможно, поскольку нет пыльцевых диаграмм для соответствующих районов. Можно лишь с уверенностью сказать, что южнее широтного изгиба р. Оби еловая тайга как зональное явление не распространялась" [Нейштадт, 1957, с. 367, 368]. Таким образом, мы не располагаем данными, которые позволили бы говорить о принципиально ином, чем современный, типе растительности, покрывающей коренные верхнеобские террасы. Представляется, что это были смешанные лиственно-хвойные ассоциации с пре-

обладанием на отдельных участках хвойных пород. При этом среди хвойных пород явно преобладали сосняки. Ельники и кедровники были представлены в меньшей степени и лишь у северных границ Верхнего Приобья, а лиственничники отсутствовали. Характером покрывающей коренные террасы растительности определяется и ассортимент "даров леса" (черника, брусника, соответствующие виды грибов и т.д.). Безусловно, лес использовался в качестве источника энергетического и строительного сырья.

Что же касается самой р. Оби, то с учетом всего сказанного о ее пойме, по нашему мнению, она использовалась прежде всего как транспортная артерия. Рыболовство на этой крупнейшей сибирской реке не могло соперничать по продуктивности с пойменным. Это объясняется тем, что "вследствие значительных колебаний уровня, высоких скоростей течения и преобладания песчаных грунтов в русле Оби высшие водные растения (микродиты) почти не встречаются. Планктон реки беден, максимум его развития приходится на время наибольшего прогрева воды" [Иоганзен, Тюменцев, 1968, с. 37], следовательно, в русле значительно беднее кормовая база для рыб. К тому же рыбная ловля в русле Оби сложнее в техническом плане.

Кратко остановимся на характеристике Верхнего Приобья с точки зрения его возможностей для развития производящего хозяйства. Отмеченная выше продолжительность периода с температурой в 5, 10 и 15° С имеет очень важное значение для вегетации растений. По мере продвижения к северу период, пригодный для вегетации, становится все короче, при том, что условия - все суровее. Следовательно, Верхнее Приобье - один из наиболее благоприятных участков обского бассейна для развития земледелия. Что же касается скотоводства, то великолепные пойменные луга, их обильность и продолжительность вегетационного периода были прочной базой для его развития начиная с эпохи бронзы.

Однако при этом встает вопрос о характере пойменного скотоводства. Мог ли свободный выпас животных осуществляться круглый год или была необходима заготовка кормов на зиму? Не вдава-

ясь здесь в дискуссию по этому поводу, отметим, что если по продолжительности снежного покрова Верхнее Приобье представляет собой однохарактерный регион (в районе г. Барнаула - 164 дня, а в районе г. Новосибирска - 168 дней), то по его мощности вследствие различных природно-климатических причин Верхнее Приобье нельзя рассматривать как единый регион. Наибольшей мощности снежный покров достигает везде в феврале-марте, однако в среднем в районе современного расположения г. Барнаула он достигает 19 см, а в районе Новосибирска - 52 см. Высота снежного покрова в пойме северной части Верхнего Приобья близка к показателям остальных участков поймы до устья Оби

[Там же, с. 23]. Тебеневка же крупного рогатого скота может осуществляться при мощности снежного покрова до 5 см, овец - до 30 см, лошадей - до 50 см (эти сведения получены нами при опросе пастухов Горного Алтая). При этом, однако, в большей или меньшей степени необходима подкормка животных сеном. По данным Б.Г. Иоганзена, в зависимости от типа растительности пойменные луга Оби могут давать с 1 кв. м от 493 до 1300 г сырой травы (от 300 до 730 г сена) [Иоганзен, 1963, с. 27].

Таким образом, характер природно-климатических факторов Верхнего Приобья позволяет определить этот регион как исключительно благоприятный для ведения комплексного хозяйства.

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В этой главе приводится описание всех памятников верхнеобской культуры Новосибирского Приобья. В каждом параграфе памятники рассматриваются в хронологическом порядке, нумерация их такова: первая цифра - для поселений и городищ и вторая, указанная в скобках, - для могильников, она соответствует номерам на карте (рис. 1). Краткие сведения о ряде памятников приводятся в "Археологической карте Новосибирской области" [Троицкая и др., 1980] и в "Археологических памятниках Колыванского района" [Молодин и др., 1996].

1. Городища и поселения

1. Черный Мыс-1 (рис. 2, 1). Городище. Расположено на краю надпойменной террасы над протекающей в обской пойме р. Уень на ее левом берегу у с. Черный Мыс. Под руководством Т.Н. Троицкой в 1977 и 1978 гг. вскрыто 2/3 всей его площади. Имеет прямоугольную форму с выступом в северном углу. Длина по линии обрыва 60 м, ширина 28 м. Окружено внешним валом и внутренним рвом.

Прослеживаются два строительных периода. Вначале на городище у края обрыва были сооружены четыре полуземлянки площадью от 6 x 7,30 до 6,75 x 10,10 м и глубиной 10 - 30 см*. Во втором ряду над ними находилось пять небольших полуземлянок хозяйственного назначения (раскопано три сооружения, все они без очагов). Их размеры - от 3,40 x 3,90 до 5,00 x 4,20 м. Все строения были обнесены рвом шириной до 1,80 м и глубиной до 70 см, на продольной стороне находился въезд. Позже в северном углу ров был засыпан, на его месте выстроили подквадратное жилище (6,00 x 5,80 м), углубляющееся в материк примерно на 20 см. Оно огибалось выступом нового рва, остальная же часть старого рва сохранялась.

В крупных жилищах прослежен выход в сторону обрыва. В двух из них имелись материковые выступы, в жилище 6 длина такого выступа достигает 8 м. Очаги наземные, они располагались у стен, слегка углубляясь в материк, диаметр их 50 - 70 см. В жилищах 1 и 2 очаги находились у стенки

большой неглубокой ямы. В жилище 4 четко прослеживаются следы пожара (рис. 4, 1, 3, 5, 7).

На валу на расстоянии около 3 м друг от друга прослежены ямки диаметром 30 - 40 см. Это следы бревен - основы забора-плетня. На валу около входа первого строительного периода имела выровненная площадка с ямками глубиной 35 - 60 см - следами от бревен диаметром 15 - 24 см. Они располагались полукругом диаметром примерно 1,60 м около самой крупной и глубокой ямки со следами угля и сажи. Можно предполагать, что здесь находился идол, огражденный полукруглым плетнем или более мелкими идолами.

Культурный слой слабо окрашен, на 1 кв. м приходится около 2,5 находок. Из костей найдены только мелкие обломки конских зубов. Находки представлены керамикой, керамическим шлаком, кусками необожженной глины, обломками каменных точил и одного грузила. Сосуды относятся к одицовскому этапу (рис. 27, 1 - 7). Материал частично опубликован [Троицкая, 1981, с. 107, 108, рис. 3, 1 - 9].

2. Черный Мыс-2 (рис. 2, 2). Городище. Расположено рядом с Черным Мысом-1 к юго-западу от него. Частично осыпалось. Почти полностью раскопано Т.Н. Троицкой в 1961, 1968 - 1970, 1973 - 1974 гг. Сооружено на холме, имеет удлиненную прямоугольную форму. Окружено с трех сторон внешним валом и неглубоким внутренним рвом. Въезд находился с широкой стороны. Длина по линии обрыва 64 м, ширина 18 - 20 м.

Прослеживаются два строительных периода. Вначале на глубине 30 - 60 см от уровня материка было сооружено три жилища размерами от 5 x 7 до 7 x 8 м, огражденных рвом шириной 1,60 м и глубиной до 80 см. Затем городище расширили, выстроили четвертое жилище и второй ряд построек из четырех малых полуземлянок размерами от 3,20 x 2,39 до 3,84 x 4,54 м и глубиной от 15 до 60 см. Все жилища были обнесены новым рвом шириной около 2 м и глубиной до 1 м. Земля из рва выбрасывалась наружу и образовала вал. Старый ров затянулся сажей, в него сбрасывали мусор, здесь были обнаружены основные находки. Юго-западная стенка всех крупных жилищ осыпалась, входы не выявлены.

В центре жилища 2 находился материковый выступ длиной около 2,40 м. Вероятно, в этом жилище был пожар, так как обнаружены следы обо-

* Здесь и далее глубины даются от уровня материка.

жжения и горелые тонкие бревна. В каждом из жилищ первого ряда найдены остатки открытых очагов. Глиняная обмазка отсутствовала, около очага были сажные пятна. Жилища второго ряда имели выход в сторону рва. В двух из этих жилищ выявлены очаги, в двух других очагов не было, они имели хозяйственное назначение. В жилище 4 вдоль северо-восточной стенки сохранились ямки, возможно от опорных столбов. Заполнение всех полуземлянок - серый песок с редкими сажными вкраплениями (рис. 4, 2, 4, 6, 8, 9).

Культурный слой городища слабо гумусирован, насыщенность его находками низкая: около 2,5 находок на 1 кв. м, кости почти не встречались, найдено лишь два конских зуба и несколько мелких обломков костей. Находки представлены керамикой (обломками не менее чем 102 сосудов), керамическим шлаком, куском железного шлака, обломками костяного и железного наконечников стрел, железной ромбовидной подвеской с шишечками в углах. Материал частично опубликован [Там же, с. 103 - 106, рис. 2]. Керамика является типичной для одинцовского этапа (рис. 28).

3. Черный Мыс-3 (рис. 2, 3). Городище. Расположено на расстоянии около 2 км к северо-востоку от Черного Мыса-1 и Черного Мыса-2, на краю той же террасы. Обследовано Т.Н. Троицкой в 1962 г. Состоит из четырех западин средними размерами 7 x 8 м, окруженных внутренним рвом с двумя выступами по краям и невысоким внешним валом. Длина по линии обрыва 52 м, ширина 18 м. В шурфе найден обломок одинцовского сосуда.

4. Черный Мыс-6. Городище или поселение. Находится рядом с Черным Мысом-2. Полностью разрушено широкой траншеей и выстроенным на нем домом. В стенке траншеи обнаружены остатки жилища и собрана одинцовская керамика.

5. Юрт-Акбалык-5 (рис. 2, 5). Городище полуовальной формы. Расположено на левом берегу террасы над р. Уень на юго-западной окраине с. Юрт-Акбалык. Окружено внутренним рвом и внешним валом, проходящими вдоль западин, расположенных в два ряда. У края обрыва находятся крупные западины, за ними мелкие. Длина городища по линии обрыва 73 м, ширина около 30 м. Ширина рва и вала - по 3 м. В 1975 г. Т.Н. Троицкой раскопано строение из второго ряда (рис. 4, 11). Полуземлянка имела подквадратную форму (4,60 x 4,20 м) и углублялась в материк на 40 см. На дне ее найдены горелые плахи, пятна сажи. Очаг не выявлен. Культурный слой слабо окрашен. Найдены обломки 14 сосудов одинцовского типа (рис. 27, 14 - 17), часть их опубликована [Там же, с. 104, рис. 1, 4].

6. Дубровинский Борок-6. Городище на правом берегу р. Уень у с. Черный Мыс. Исследовано Т.Н. Троицкой в 1973 г. Многослойное. В шурфе выявлена одинцовская керамика (рис. 27, 12). Материал опубликован [Там же, с. 108, рис. 3, 15 - 17].

7. Вьюны-9 (рис. 2, 4). Городище на левом берегу р. Уень к северу от с. Вьюны. Обследовано В.А. Дремовым в 1961 г. Имеет овальную форму, размеры - 55 x 30 м. Окружено внешним слабо различимым валом и внутренним рвом. Въезд находится на северо-востоке. Пересечено дорогой. Ширина рва 3 м, глубина 40 см. Вдоль длинных сторон городища расположены в два ряда 10 западинок размерами от 5 x 5 до 5 x 7 м. Собрана керамика одинцовского этапа.

8. Вьюны-10 (рис. 2, 6). Городище. Расположено к востоку от памятника Вьюны-9. Обследовано В.А. Дремовым в 1961 г. Имеет вид овала с выступами с узких сторон. Размеры городища - 45 x 36 м. Окружено рвом шириной 3 м и глубиной 40 см. Вход не выявлен. Вал почти не прослеживается, 10 западин (от 4 x 5 до 6 x 7 м) расположены по овалу, шесть западин (3 x 3 м) находятся в центре и на севере. Собрана одинцовская керамика.

9. Вьюны-11 (рис. 2, 11). Городище. Расположено к северу от городища Вьюны-10. Обследовано В.А. Дремовым в 1961 г. Имеет вид овала (60 x 30 м) с двумя выступами. Внешний вал прослежен лишь на протяжении 15 м. Ширина рва около 4 м, глубина 20 - 60 см, 12 западин тянутся двумя рядами, между ними разбросаны западины меньших размеров. Найдены обломки одинцовского сосуда (рис. 27, 13). Все три городища находятся на обширном поле, сплошь занятом остатками полуземлянок.

10. Ирмень-3. Городище на левом берегу Оби, затоплено Новосибирским водохранилищем. Имело вид овала (40 x 56 м) с выступом с одной стороны. Окружено рвом, вход и вал не прослежены. В 1953 г. М.П. Грязновым раскопана полуземлянка (6 x 8 м). Найдены обломки не менее чем 12 одинцовских сосудов (рис. 27, 8 - 11), три из них опубликованы [Там же, с. 108, рис. 3, 10 - 12].

11. Вьюны-18 (рис. 2, 8). Городище, расположенное в 1 км к юго-востоку от с. Вьюны. Обследовано А.А. Адамовым в 1986 г. Овальное (70 x 50 м), окружено внешним валом и рвом, с двух сторон образующими выступы. Прослеживается внутренний ров, делящий городище на две части. Вдоль рва расположено 13 западин. Собрана керамика (рис. 35, 17 - 20), относящаяся предположительно к VII - IX вв.

12. Крутоборка-4 (рис. 2, 9). Городище на краю террасы над р. Уень у с. Крутоборка. Обследовано в 1961 г. В.А. Дремовым. Имеет вид прямоугольника с двумя выступами на углах. Прослежен вход. Размеры городища 55 x 28 - 30 м. Окружено слабо прослеживаемым внешним валом и внутренним рвом шириной около 4 м и глубиной до 1 м. Заросло густым лесом, жилища прослеживаются слабо. Найдено несколько обломков сосудов, которые могут относиться к одинцовскому или тимирязевскому этапам.

13. Чучка-7 (рис. 2, 7). Городище на краю надпойменной террасы на р. Уень между селами Вьюны и Красный Яр. Обследовано в 1961 г. В.А. Дремовым и в 1963 г. Т.Н. Троицкой. Городище сооружено на части ирменского поселения и относится к типу мысовых: две его стороны упираются в крутой лог и обрыв террасы, третья ограждена внешним рвом и внутренним валом. Ширина рва около 6 м, глубина достигает 1 м. Ширина южной части вала около 6 м, высота 60 - 90 см от поверхности городища. К северу от входа вал представляет собой холм (12 x 15 м) высотой до 1,10 м. Около него находится западина (8 x 9 м), а в восточной части городища - пять западин средними размерами 4 x 5 м. Сборы в обрыве и при его зачистке дали наряду с ирменской керамикой серию находок верхнеобской культуры (рис. 13, 10; 14, 7; 23, 1, 4, 7). Это обломки не менее чем 10 сосудов, бронзовая пряжка, глиняная крышечка, костяная ложка и скопление железных цепочек из двух звеньев. Среди сосудов есть близкие к одинцовским и типично тимиразевские (рис. 34, 2 - 5). Памятник можно датировать в пределах VI - начала VIII в. Не противоречит этому и бронзовая поясная пряжка с овальной рамкой с утолщенным передним краем (рис. 25, 25).

14. Чучка-11. Поселение, расположенное к северу от Чучки-7. Обследовано в 1961 г. В.А. Дремовым. Состоит из 22 западин, расположенных грядой вдоль края террасы. В обрыве найден обломок сосуда V - начала VIII в.

15. Ирмень-1. Многослойное поселение. Исследовано М.П. Грязновым в 1952 - 1953 гг. Среди многочисленных находок различных периодов обнаружены обломки трех сосудов, которые могут быть отнесены ко второму периоду верхнеобской культуры (рис. 34, 1).

16. Х Кордон-2. Городище, многослойный памятник. Находится к югу от Колывани. Исследован в 1983 г. Е.А. Сидоровым. В коллекции хранятся обломки не менее чем четырех сосудов, которые можно датировать в пределах V - начала VIII в.

17. Крохалевка-Соколово-6. Поселение. Расположено в 200-300 м от края старой обской террасы на правом берегу над системой стариц и рек Чик - Чаус между селами Крохалевка и Соколово. Сооружено на месте неолитического поселения, состоит из 14 западин. В 1989 г. А.А. Адамовым раскопано одно жилище, которое датируется на основании обломков двух сосудов в пределах двух первых этапов верхнеобской культуры.

18. Соколово-Колывань-3 (рис. 2, 10). Городище. Расположено на краю старой обской террасы над системой рек и стариц Чик - Чаус у с. М. Оеш. Окружено слабовыраженным внешним валом и внутренним рвом подковообразной формы. Размеры городища 60 x 45 м. На его территории находится 19 западин, за ним тянется серия полужемля-

ного поселения, к которому относится одна исследованная за пределами городища западина. На городище в 1978 г. Т.Н. Троицкой раскопаны два жилища и участок оборонительной системы. Ширина рва на уровне материка 1,20 м, глубина 80 - 90 см. Вал - выброс из рва, под ним прослежена погребенная почва, в пределах раскопа она сглажена проходящей через него дорогой.

Оба раскопанных жилища имеют подпрямоугольную форму, их размеры 4,00 x 5,70 и 5,00 x 5,80 м. Жилища частично разрушились (рис. 4, 19). Углубляются в материк на 30 и 40 см. В центре жилища 1 проходит материковый выступ, рядом с которым находится открытый очаг (52 x 24 x 15 см). В жилище 2 сохранились куски сгоревших бревен и плах. В центре находился очаг, такой же как и в первом жилище, а рядом с ним - большая яма. Отличительной особенностью заполнения жилища 1 является наличие на уровне пола под слоем светлой супеси четко прослеживаемой темной прослойки толщиной 8 - 10 см.

В раскопе найдены обломки не менее чем 14 сосудов тимиразевского этапа (рис. 34, 6 - 9) и одно крупное глиняное грузило. На 1 кв. м приходится две-три находки.

19. Крохалевка-Соколово-5. Поселение. Расположено на расстоянии 80 - 300 м от края старой обской террасы над системой стариц и рек Чик - Чаус в 2 км к северо-востоку от с. Соколово. Состоит из более чем 100 западин различных размеров, беспорядочно расположенных в густом лесу. Многие из них уничтожены траншеями газопровода. В 1989 и 1990 гг. Т.Н. Троицкой раскопано шесть построек размерами от 3 x 3,5 до 6 x 7 м (рис. 4, 10, 14, 16, 18). Они углублялись в материк на 24 - 26 см и имели подквадратную форму. Вход в помещения не прослеживался. Четыре постройки были не жилищами, а подсобными: очаги в них отсутствовали. В двух других четко выраженных очагов тоже не было, но имелись следы обожжения, которые можно связать с очагами. В каждой из построек найдены развалы двух-трех сосудов, реконструируемых почти полностью. За пределами построек находок не было. В целом найдены обломки не менее чем 27 сосудов и кусок крупной терочницы (рис. 12, 34; 35, 6 - 14). Керамика относится к тимиразевскому этапу, насыщенность слоя - две-три находки на 1 кв. м.

20. Завьялово-2. Многослойный памятник, разрушенный Новосибирским водохранилищем. Основной материал относится к завьяловской культуре. На кромке оставшегося на месте поселения острова и противоположном правом берегу Оби собраны отдельные находки, относящиеся к VII - VIII вв. Это обломки отдельных сосудов, целый сосуд и бронзовая бляха, изображающая фигурку человека, вписанную в круг (рис. 18, 22; 34, 12). Последняя опубликована В.И. Молодиным как об-

носящаяся к самусьской культуре [Молодин, 1977, табл. XI, 6]. Однако эта бляха имеет близкие аналогии в поселении Весленское I (Северное Приуралье) и поэтому датируется VII - VIII вв. [Савельева, Чесноков, 1985, с. 137, рис. 9].

21. Крутоборка-1 (рис. 3, 2). Городище. Расположено к югу от Крутоборки-4. Обследовано в 1961 г. В.А. Дремовым. Имеет подпрямоугольную форму. С двух сторон ограждено обрывом террасы, с двух других - рвом, который имеет дугообразную ломаную форму. Через ров прослеживается въезд. Вал не отмечен. Ширина рва на поверхности 2 - 3 м, глубина достигает 60 см. На поверхности прослеживаются западин размерами 2 x 3 м, которые вряд ли можно связывать с жилищами. При зачистке обрыва найдены обломки двух сосудов тимирязевского этапа (рис. 35, 15, 16).

22. Юрт-Акбалык-9 (рис. 3, 5). Городище обследовано В.А. Дремовым в 1961 г., в 1963 г. Т.Н. Троицкой. Раскопала одно жилище. Городище имеет подпрямоугольную форму с небольшим выступом у западного края. Длина по линии обрыва 50 м, ширина 30 - 33 м. Окружено слабопрослеживаемым внешним валом и внутренним рвом. Ширина рва 2 - 3 м, глубина 30 см. За пределами городища широкой полосой на протяжении 2 км наблюдаются следы жилищ поселения Юрт-Акбалык-7. На расстоянии 3 - 10 м к востоку от городища прослежен участок второго рва с выступом, протяженность рва 20 м. Из-за деревьев не удалось проследить точные границы раскопанного жилища. Его примерные размеры 3,5 x 5,00 м, глубина около 40 см. Выявлены остатки очага (35 x 50 см) с кусками глиняной обмазки. Рядом с ним лежал разбитый сосуд. Найденная керамика относится к тимирязевскому этапу (рис. 34, 13, 14).

23. III Кордон-2. Поселение, расположенное в 1,5 км к северо-западу от с. Соколово на краю террасы над р. Чаус. Примыкает к кулайскому городищу. А.А. Адамовым в 1988 г. раскопаны часть жилища и участок вала. В жилище найдена керамика тимирязевского этапа (рис. 34, 10, 11), за его пределами, ближе к валу, обнаружена бронзовая пластина с изображением медведя (рис. 18, 16).

24. Ирмень-5. Поселение близ устья р. Ирмень (левый берег Оби). Затоплено Новосибирским водохранилищем. В 1953 г. М.П. Грязновым были раскопаны три жилища, содержащих керамику эпохи неолита, большереченской, кулайской и верхнеобской культур. Последняя выявлена в полуземлянках 2 и 3. Конструкция полуземлянок не опубликована. В Государственном Эрмитаже хранятся обломки не менее 11 сосудов (рис. 35, 1 - 5), которые могут быть датированы в пределах двух последних этапов верхнеобской культуры (VII - IX вв.).

25. Чучка-14. Поселение на краю террасы над р. Уень у с. Красный Яр. Обследовано в 1961 г.

В.А. Дремовым. В обнажении обрыва на протяжении 50 м собрана керамика, которая может быть датирована в пределах VII - IX вв. Жилища не прослежены.

26. Умна-1. Многослойное поселение у с. Умна на левом берегу р. Уень. Основной материал относится к ирменской культуре (раскопки Т.Н. Троицкой в 1963 г.). Найдены обломки не менее восьми сосудов, которые могут быть отнесены к двум последним этапам верхнеобской культуры.

27. Старобибеево-1. Поселение у с. Старобибеево на краю террасы над р. Ояш близ ее впадения в Обь (правый берег, на границе с Томской областью). Обследовано в 1985 г. А.А. Адамовым. Состоит из пяти западин. Собран материал VIII - IX вв.

28. Юрт-Акбалык-1 (рис. 3, 8). Городище, расположенное на краю террасы над р. Уень к югу от с. Юрт-Акбалык. Сооружено на высоком естественном холме, резко возвышающемся над окружающим пространством. Раскопки производились Т.Н. Троицкой в 1963 и 1964 гг. Городище окружено сложной системой рвов и валов и состоит из двух площадок, разделенных между собой двойным рвом. Общая длина городищ 135 м, ширина на востоке 55 м, на западе 25 м. Обе части окружены общими рвом и валом, имеющими четыре выступа-бастиона, три из которых приходятся на восточную часть, один - на западную. Ров окружает городище со всех сторон: он прослеживается и на склоне террасы у восточной площадки (начало склона было более пологим, и потому на нем вырыли ров). Помимо общих рва и вала каждая площадка имела дополнительные оборонительные сооружения. С запада малой площадки был вырыт еще один ров. Более высокая и обширная восточная площадка была окружена еще одним рвом, на северном крутом склоне он затянулся землей и имел вид широкой ступени. На западной части находилось четыре западины размерами 5 x 6 м, а на восточной площадке - 18 крупных и мелких западин, глубина которых достигала 1 м.

Раскопками вскрыты две западины: одна - на западной площадке (жилище 1), вторая - на восточной (жилище 2) (рис. 4, 12, 13). Обе дали одинаковый материал. Их площадь 6 x 6 и 7,00 x 7,90 м, глубина от уровня материка 40 - 50 и 30 - 80 см. Пол ровный. Следы опорных столбов не выявлены. В центре каждой имелся материковый "столлик" и по одному очагу диаметром 50 и 70 см. Толщина слоя угля и золы достигала 24 см. В жилище 2 под этим скоплением угля и золы, углубляющимся в материк, прокала почти не было. Выход из жилищ находился на севере. В жилище 2 прослежены следы пожара: в его северной части выше уровня пола лежали горелые куски бревен и плах (некоторые из них выходили за пределы жилища), найдены также зольные скопления. Видимо, горела крыша. В этом жилище выявлено несколько ям, одна с мелкими

обломками костей, среди которых встречены конские зубы.

При раскопках найдены обломки точильных камней (рис. 12, 32, 33), железный нож, железный наконечник стрелы, керамический шлак и обломки не менее чем 48 сосудов (рис. 38, 1 - 13), среди которых преобладают сосуды с разноутолщенными за счет налепа венчиками. Керамика относится к юрт-акбалыкскому этапу (VIII - IX вв.). Насыщенность слоя находками - четыре-пять на 1 кв. м. Материал частично опубликован [Троицкая, Соболев, 1978, с. 31 - 42].

29. Юрт-Акбалык-3. Миниатюрное городище с погребением в его центре. Содержит находки различных периодов, в том числе три обломка верхнеобских сосудов (рис. 12, 35; 38, 21, 24). Материал опубликован Т.Н. Троицкой и В.С. Елагиным [1991, с. 53 - 70] и весь отнесен авторами к верхнеобской культуре. Однако анализ найденного здесь вооружения (железные копье, пальма и наконечник стрелы) позволяет датировать его временем не ранее конца IX - X вв. [Худяков, 1986б, с. 144; рис. 64, 42], что уже выходит за хронологические пределы этой культуры.

30. Юрт-Акбалык-4. Памятник содержит курганы VII в., начала II тыс. н.э. и слабо прослеживаемое городище. Вал не виден, ров сохранился лишь участками, которые нам при неоднократном посещении памятника удалось увидеть лишь после пожара. Длина городища не определена, ширина его 22 м. В 1963 и 1964 гг. Т.Н. Троицкой были раскопаны два жилища (рис. 4, 15). Их размеры 5,20 x 5,30 и 4,00 x 5,70 м, глубина от уровня материка 20 - 25 см. Очаг имелся лишь в одном из них, во втором около материкового выступа были сосредоточены следы от шестов - ямки диаметром 6 - 8 см и глубиной 12 - 16 см, располагались они беспорядочно на ограниченном участке. Выходы не прослежены. Находок мало: копыто лошади и обломки не менее чем 10 сосудов VIII - IX вв. (рис. 35, 15).

31. Марахта-2 (рис. 3, 7). Городище на левом берегу р. Уень у заброшенного с. Марахта. Обследовано в 1963 г. Т.Н. Троицкой. Укреплено сложной системой рвов и валов. Сооружено на узкой гриве надпойменной террасы. Длина городища 100 м, ширина 20 - 40 м. Внутренний вал делит его на две части. Обе окружены общим рвом шириной 6 - 8 м и глубиной до 60 см. На северо-западе городища по обе стороны рва расположены внешний и внутренний валы. С юга и севера, где склон был пологим, прослежены дополнительные рвы. Жилища располагались двумя параллельными рядами: у обрыва крупные, у рва мелкие западины. В западной части городища находилось пять западин, в восточной - 10. В обрыве собрана керамика VIII - IX вв. (рис. 35, 16).

32. Красный Яр-3. Поселение. Расположено у с. Красный Яр на расстоянии около 200 м от края

террасы над р. Уень в густом лесу. На протяжении 600 м беспорядочно расположено не менее 100 западин. В 1962 г. Т.Н. Троицкая раскопала одно жилище размерами (3,80 x 4,10 м), углубленное в материк до 40 см. В центре располагался очаг (58 x 46 x 15 см). Вдоль стенок прослежены следы опорных столбов - шесть ямок диаметром 14 см и глубиной 6 - 10 см. Найдены обломки двух верхних конских челюстей и остатки не менее чем 14 сосудов (один почти целый), относящихся к VIII - IX вв. (рис. 38, 17 - 20).

Памятники, рассматриваемые ниже, в связи с единичностью найденной керамики могут быть отнесены к верхнеобской культуре без более точной датировки.

33. Юрт-Акбалык-2. Городище. Находится между памятниками Юрт-Акбалык-1 и Юрт-Акбалык-3. Обследовано Т.Н. Троицкой в 1963 г. Окружено рвом подковообразной формы. Площадь 60 x 45 м. Прослеживаются следы девяти полуземлянок.

34. Крохалевка-18 (рис. 3, 3). Городище близ края террасы над р. Чик у с. Крохалевка. Обследовано Е.А. Сидоровым в 1985 г. Имеет форму овала (70 x 52 см) с двумя выступами. Расположено на холме, окруженном двумя валами и рвом между ними. Проход через них находится в западном выступе, 11 западин расположены по овалу, три - в центре. Западины имеются и за пределами городища.

35. Крохалевка-21 (рис. 3, 1). Городище. Находится в 70 м от края террасы. Обследовано Е.А. Сидоровым в 1985 г. Имеет форму овала (60 x 50 м) с выступом с одной стороны, возле которого прослеживается выход. Окружено двумя рвами. Западины расположены по овалу и в центре.

36. Крохалевка-32 (рис. 3, 4). Городище. Обследовано Е.А. Сидоровым в 1985 г. Расположено в 200 м от края террасы. Имеет прямоугольную форму (45 x 25 м) с выступами по углам. Окружено рвом шириной 2 м и глубиной 70 см. Прослеживаются три западины.

37. Хмелевка-2. Поселение на правом берегу Новосибирского водохранилища между селами Абрашино и Хмелевка. Обследовано в 1984 г. Е.А. Сидоровым. Состоит из четырех западин.

38. Юность-6. Городище. Расположено в Новосибирске по дороге в Академгородок на правом берегу Оби на краю террасы. Обследовано Е.А. Сидоровым в 1973 г. Длина по линии обрыва 48 м, ширина 40 м. Городище окружено внешним валом и рвом подковообразной формы. Западины расположены беспорядочно. В проложенной траншее найдена керамика I тыс. н.э.

39. Золотой Ключик (рис. 3, 6). Городище. Обследовано Е.А. Сидоровым в 1984 г. Находится на правом берегу Оби в 5 км к северу от с. Н. Каменка над ручьем Золотой Ключик. Размеры городища 65 x 35 м, оно имеет подпрямоугольную форму, окру-

жено рвом шириной до 3 м и глубиной около 50 см. На востоке виден проезд. По периметру городища расположено 11 западин. Найден материал конца I тыс. н.э.

40. Крохалевка-11а. Многослойное поселение на краю террасы над системой озер и стариц рек Чик - Чаус. Раскопки проводились Е.А. Сидоровым в 1986 г. Среди многочисленной керамики эпохи бронзы и раннего железного века встречено несколько обломков сосудов, относящихся скорее всего ко второму-третьему этапам верхнеобской культуры (рис. 38, 14).

41. Седова Заимка. Городище. Расположено на правом берегу Оби к северу от Новосибирска. Раскапывалось в 1966 г. Т.Н. Троицкой, в 1973 и 1974 гг. В.Д. Романцовой. Материал частично опубликован [Романцова, 1978, с. 81 - 90] и датирован XI - XIII вв. А.А. Адамов предположил, что городище было двухслойным, часть керамики относится к верхнеобской культуре и датируется VIII - IX вв.*

2. Характеристика поселений и жилищ

Расположение памятников. В хорошо обследованных районах прослеживается расположение синхронных памятников "кустами". Выделяется несколько групп памятников. Первая группа - это находящиеся рядом памятники Черный Мыс-1, -2, -3, -6 и Дубровинский Борок-6. Все они относятся к одинцовскому этапу. Вторая группа памятников также датируется одинцовским этапом. Это Вьюны-9, -10, -11. Они расположены рядом на поле из западин, которые пока не раскапывались, и потому нельзя выяснить их соотношение с городищами. В 1 км от них находится городище Вьюны-18, несколько дальше - Чучка-7. Третья группа памятников относится к VII - началу VIII в. и находится над системой рек Чик - Чаус. Это поселения Крохалевка-Соколово-5 и -6. К ним примыкают III Кордон-2 и Крохалевка-11а. Последняя, четвертая, группа датируется VIII - IX вв. Это городища Юрт-Акбалык-1, -3, -4. Подобное расположение не является случайным, оно отражает определенные социальные отношения.

Все описанные городища и поселения тяготеют к краю обской террасы, расположены над малыми реками, старицами и протоками, находящимися в пойме (реки Уень, Чик, Чаус и др.) или же у устья небольшой реки близ ее впадения в Обь (реки Ирмень, Каракан). Поселения располагаются на краю террасы (Чучка-11, III Кордон-2) или в глубине от нее (Крохалевка-Соколово-5). Они могут содержать несколько западин, вытянутых в один ряд (Чучка-11,

Хмелевка-2), либо около сотни, беспорядочно разбросанных на большом пространстве (Крохалевка-Соколово-5, Юрт-Акбалык-7 и др.).

Характеристика городищ. Чаще всего городища расположены на краю террасы, реже - чуть в глубине от нее. При их строительстве максимально использовался рельеф местности. Городища всегда находились на возвышенном месте - холме или гриве. Ров и вал могли окружать холм с трех сторон (четвертая - обрыв террасы), иногда ров и вал отсекали часть узкой гривы. В овальных городищах, находящихся в стороне от обрыва террасы, ров и вал опоясывали холм. Встречено лишь два мысовых городища - Чучка-7 и Крутоборка-1.

Размеры городищ колеблются от 6300 до 860 кв. м (Юрт-Акбалык-1 и Черный Мыс-3). Вал был внешним, он сооружался из выброшенной при строительстве рва земли. Внутренний ров встречен лишь на Чучке-7, причем часть его, к северу от входа, переходила в холм размерами 12 x 15 м и высотой более 1 м. Вероятно, здесь находилось какое-то сооружение. Ширина рва была небольшой, чаще всего 1,20 - 1,50 м. Вал также не отличался мощностью, но все же, видимо, в оборонительной системе он играл главную роль, и его укрепляли забором или плетнем (Черный Мыс-1).

Культурный слой слабо гумусирован и плохо отличается от материка. Насыщенность слоя находками - две-три на 1 кв. м в памятниках V - начала VIII в.; чуть больше их в городище Юрт-Акбалык-1 (VIII - IX вв.) - четыре-пять на 1 кв. м. Находки сосредоточены, как правило, в жилищах, в Черном Мысе-2 - в старом рве. Костей животных фактически нет, встречены единичные обломки конских зубов и копыто. В Юрт-Акбалыке-1 найдена яма с мелкими обломками костей, но они очень разрушены и не поддаются определению. Среди них встречены зубы коня.

Городища V - начала VIII в. более простые, они окружены рвами и валами небольших размеров. Сами городища небольшие. Оборонительные сооружения последнего этапа сложнее, они больше по своей протяженности: длина Юрт-Акбалыка-1 - 130 м, Марахты-2 - 110 м (рис. 3, 7, 8). Уже используется не один холм, а две высокие площадки, они окружаются общими рвом и валом, каждая из них имеет свои укрепления. На участках пологого склона холма строятся дополнительные сооружения, а городище Юрт-Акбалык-1 укреплено рвом даже со стороны некрутой обской террасы.

Жилища. Расположение жилищ в городищах связано с формой последних. В овальных городищах они располагались по овалу, причем внешний ряд составляли все крупные и несколько малых полуземлянок, в центре находились малые (рис. 2, 6; 3, 3). Во многих подпрямоугольных памятниках жилища располагались в два ряда: на краю террасы - крупные, за ними - небольшие. Как показали

* Авторы благодарят А.А. Адамова за предоставленную возможность ознакомиться с его неопубликованным материалом.

раскопки, малые постройки в основном не были жилыми, часть из них не имела очагов, назначение их было хозяйственным. Один ряд из крупных жилищ прослежен в первом строительном периоде Черного Мыса-2 и на Черном Мысе-1. В городище Соколово-Кольвань-3 имелось пять рядов жилищ (рис. 2, 10). В Юрт-Акбалыке-1 на малой площадке их был один ряд, а на большой - три.

При строительстве почвенный слой и верхний слой материка снимался до твердого грунта. Нами раскопано 30 построек, что позволяет дать их характеристику. Площадь жилищ колебалась от 10 до 67 кв. м, они углублялись в материк на 20 - 50 см или 45 - 75 см от поверхности. Следы опорных столбов встречены лишь в двух постройках (рис. 4, 15, 17); возможно, они были и у входа жилища 3 Черного Мыса-1. Отсутствие опорных столбов дает возможность считать, что большинство построек были срубными. В ряде крупных жилищ найдены материковые выступы - "столики" (рис. 4, 3, 5, 6, 13). Судя по этнографическим данным, у хантов они служили основой для нар [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 73].

Вход в помещение в виде короткого коридора прослежен в четырех жилищах (рис. 4, 2, 3, 12), в еще четырех на участке одной из стенок граница жилища не выявлена, скорее всего здесь находился выход (рис. 4, 1, 3), а у 16 полуземлянок вход вообще не прослеживался. Видимо, дверь, как и в шатровых полуземлянках хантов, была расположена в стене выше уровня пола и открывалась не вбок, а вверх [Там же, с. 73 - 74]. В остальных жилищах одна стенка обрушилась, и нельзя реконструировать вход. Жилища имели завалинки, которые со временем обрушились внутрь помещения.

В отдельных случаях прослеживается темная прослойка - утоптанность на уровне пола, причем она не была сплошной: видимо, остальная часть жилища чем-то застилалась. Во многих случаях перекрытие было плоским - об этом говорит утолщение заполнения полуземлянок в их центре. Оно прослеживается на поверхности западины в виде небольшого холмика, который образовался тогда, когда рухнула плоская крыша и находящаяся на ней земля с мусором оползли внутрь помещения.

Очаги однотипны. Они встречены во всех крупных и нескольких малых жилищах. Очаги были открытыми и располагались на уровне пола или углублялись в него на 8 - 15 см. Глиняная обмазка обнаружена лишь в одном случае (Юрт-Акбалык-9). Очаги располагались чаще ближе к стене, реже в центре жилища. В двух случаях (Черный Мыс-1) они помещались в неглубоких овальных ямах - понижениях пола размерами 2,00 x 1,5 и 2,5 x 3,00 м. В жилище, даже большом, обычно имелся лишь один очаг. Размеры очагов колеблются от 0,50 x 0,60 до 1,20 x 0,70 м. Очаги обнаружены и за пределами жилищ. Обращает на себя внимание тот факт,

что прокал земли под очагами не был мощным (не более 8 - 10 см), хотя отдельные жилища, например в Черном Мысе-1 и -2, существовали длительное время - в течение двух строительных периодов. Это говорит о том, что имела тяга, и жар устремлялся вверх. Следовательно, сооружались чужалы с тягой, однако глиняная обмазка, которой обязательно покрывалась деревянная тяга, отсутствовала. Встреченный в ряде случаев керамический шлак найден вдали от очагов.

Находки представлены обломками сосудов, керамическим и железным шлаком, каменными точилами, костяными и железными наконечниками стрел, одним обломком каменного грузила. Костей почти не было. Описанным жилищам в основном аналогичны жилища верхнеобской культуры Томского Приобья [Беликова, Плетнева, 1983, с. 102 - 116].

Таким образом, для городищ и поселений верхнеобской культуры характерно следующее.

1. Городища и поселения расположены на обской надпойменной террасе над старицами и протоками или в устьях небольших рек.

2. Городища имели внешний вал и внутренний ров. Вал укреплялся деревянным ограждением. Оборонительные сооружения развивались от простых (в V - начале VIII в.) до крупных и сложных (с конца VIII в.).

3. Культурный слой слабо гумусирован, насыщенность его находками небольшая: от 1 - 2,5 находок на 1 кв. м в памятниках V - начала VIII в. до четырех-пяти в памятниках VIII - IX вв. Кости животных почти полностью отсутствуют.

4. Постройки представлены прямоугольными полуземлянками. Крупные (30 - 70 кв. м) были жилыми, малые (10 - 20 кв. м) большей частью имели хозяйственное назначение и лишь некоторые - жилое.

5. Жилища имели один очаг, иногда в них были материковые выступы - основания для нар. В большинстве случаев вход в постройку не прослежен.

3. Могильники

1 (42). Крохалевка-23 (рис. 5). Курганный могильник у с. Крохалевка Коченевского района на высокой террасе над системой проток, стариц и рек Чик - Чаус. Порос густым лесом. Состоит из 22 насыпей, расположенных двумя компактными группами на расстоянии 50 м друг от друга. Памятник открыт В.И. Молодиным. Раскопки производились в 1985 - 1987 гг. А.В. Новиковым и в 1989 г. Т.Н. Троицкой. Всего раскопано 14 курганов, содержащих 21 могилу с 24 погребенными. Все курганы, кроме кург. 14, ограблены. В последнем находилось несколько могил, расположенных в один ряд. Он имел вид вала.

Насыпи сложены из светлого материкового песка с супесью. Диаметр курганов колеблется от 4 до

12 м. Один курган вытянутый, его размеры 19,5 x 8 м, он слился из двух насыпей. Под насыпью, у ее краев, находились ямы различных форм, многие из них с сажными включениями. В нескольких ямах найдены сосуды. В насыпях почти всех курганов обнаружены не потревоженные скопления находок: наконечники стрел, пластинчатый панцирь, удила, стремена, отдельные сосуды. Здесь же встречено одно захоронение собаки. Все курганы, кроме одного, содержали по одной могиле, иногда полностью разграбленной. Лишь в сдвоенном кургане 14 имелось восемь могил. Глубина их колебалась до 58 см от уровня материка. Могилы вытянуты с северо-востока на юго-запад и с севера на юг. В кург. 14 три могилы были сожжены на месте, сохранились мощные пятна обожжения и остатки сгоревших деревянных перекрытий. Пол могил был устлан берестой. Она входила и в состав перекрытий, горбыли которых были расположены в один ряд.

Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, реже - на боку в скорченном положении, головы ориентированы на северо-восток или север. В двух могилах было погребено четыре-пять человек, эти захоронения явно вторичные: у некоторых скелетов не хватало костей, хотя могилы не были ограблены. В могиле 8 кургана 14 погребенные лежали в неестественном положении, их могли втиснуть в могилу лишь после того, как уже разложились связки (рис. 5, 6). В могиле 4 этого же кургана скелеты также были неполными (рис. 5, 2), сосуды рядом с ними - разбитыми и не полностью собирающимися, но пятый скелет сохранился хорошо, рядом с ним находился целый сосуд, т.е. покойный был погребен явно вскоре после смерти.

Все курганы синхронны, относятся к одинцовскому этапу (V - VI вв.), керамика в них однотипна, ярусные наконечники стрел и другой инвентарь датируют их этим временем. Материал погребений частично опубликован [Новиков, 1988; Троицкая, Адамов, 1991, с. 142 - 143; Троицкая, Новиков, 1992, с. 116 - 119]. Подробное описание курганов дано в прил. 1. Находки представлены на рисунках 12, 1, 5 - 7, 9, 16, 24, 36 - 38; 13, 5, 6, 23; 14, 1, 5, 10, 12, 19, 20; 15, 78 - 81; 16, 9, 10; 17, 55; 20, 7, 8; 21, 10 - 17; 23, 5, 9, 13, 14; 24, 4, 7, 15, 22; 25, 1 - 5, 38; 29; 30, 1 - 8.

2 (43). Дубровинский Борок-5. Расположен на правом берегу р. Уень у с. Черный Мыс. Памятник содержит около 20 насыпей. В 1973 г. Т.Н. Троицкой раскопано два кургана, сложенных из светлой супеси. Курганы ограблены. Выявлено три могилы. Найдены сосуды и костяные наконечники стрел (рис. 22, 6, 17; 31, 21, 22). Материал опубликован [Троицкая, 1981, с. 113, 116, рис. 9, 5 - 11], датируется V - VI вв.

3 (44). Ирмень-4. Расположен близ устья р. Ирмень при впадении в Обь (левый берег), затоплен Новосибирским водохранилищем. В 1953 г. М.П. Грязновым раскопаны две разграбленные квад-

ратные насыпи, сложенные из светлой супеси. Могилы не прослежены. Найдены сосуды одинцовского типа, стеклянная позолоченная бусина и железное изделие с втулкой (рис. 14, 18; 15, 75; 28, 18 - 20). Материал опубликован [Там же, с. 113, 116, рис. 9, 1 - 4].

4 (45). Черное Озеро-1. Курганы расположены в 10 км к югу от пос. Колывань на берегу Черного озера - старицы Оби на высоком увале. Памятник состоит из разновременных насыпей. Т.Н. Троицкая и Е.А. Сидоров в 1982 и 1984 гг. раскопали 15 курганов, из них 11 верхнеобской культуры (рис. 6). Диаметр раскопанных насыпей колеблется от 5 до 9 м, высота их 30 - 50 см. Под насыпью из светлой супеси находилась обычно одна могила (в одном кургане их было две). Могилы содержали по одному погребенному, одно погребение было парным (женщина и ребенок). Могилы обычно были окружены ямами с сажным и зольным заполнением, в одной из них найден сосуд. Встречен один ров в виде полукольца. В насыпях найдены следы тризн: обломки сосудов и угольки. Погребения не разграблены. Глубина могил 10 - 57 см от уровня материка. В отдельных могилах сохранились бревна или труха от перекрытий. Погребенные ориентированы головами на восток с отклонениями на северо-восток (67%) и юго-восток (8%). Скелеты лежали на спине в вытянутом положении, у половины из них кисти были положены на лобок. В насыпи ряда погребений найдены удила (в могилах их не было). В могилах обнаружены керамика, костяные и железные наконечники стрел, железные пряжки, кельты, бронзовые бусы, гривна, серьги, железные ножи, сошники, перстень, роговая подпружная пряжка, бронзовые ажурная бляха и подвеска (рис. 13, 3, 4, 20 - 22; 15, 1, 5, 8, 10, 82 - 96; 16, 11; 17, 54; 19, 12; 20, 9; 21, 8, 9, 18, 19, 24, 28, 29, 47; 24, 5, 10, 16, 19 - 21; 30, 9, 10; 33, 9, 10, 18).

Большинство могил относится к одинцовскому этапу (V - VI вв.), несколько - к тимирязевскому (VII - начало VIII в.). Материал частично опубликован [Троицкая, 1989б, с. 47 - 54]. Подробное описание курганов дано в прил. 1.

5 (46). Юрт-Акбалык-8. Расположен на левом берегу р. Уень у с. Юрт-Акбалык близ границы с Томской областью. Состоял из 52 насыпей со следами ограбления. Т.Н. Троицкой в 1963, 1964 и 1975 гг. было раскопано 36 насыпей, восемь из которых оказались полностью разграбленными. Курганы относились к двум первым этапам верхнеобской культуры. Зафиксированный на них погребальный обряд совершенно одинаков (рис. 7; 9, 7, 8).

Диаметр курганов колеблется от 4 до 10 м, высота - от 15 до 150 см. Насыпь была сооружена из верхних слоев почвы, имела светло-серый цвет и почти не отличалась от материка. В курганах выявлены следы тризн, ямы с сажой. Обнаружены разбитые и целые сосуды, уголь, охра, пережженные

косточки, удила, наконечники стрел. В кургане 17 найдена яма, заполненная раздробленными и слегка обожженными конскими костями.

Обычно под насыпью находилось одно захоронение, реже - два. Могилы подпрямоугольные. Глубина их - от 5 до 20 см. Следы перекрытий не прослежены. Резко преобладала ориентация погребенных головами на северо-восток с редкими отклонениями на восток (четыре случая), север (два) и юго-восток (три). Всего в курганах было погребено не менее 46 человек, из них 10 детей. Плохая сохранность костей не дает возможности точно определить число мужских и женских скелетов. Черепа с искусственной деформацией встречены в четырех случаях [Дремов, 1977, с. 99 - 110]. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, в кургане 10 два погребенных находились на левом боку с подогнутыми руками и ногами, у четырех погребенных подогнутые ноги распались по сторонам, у одного руки лежали на лобке. Обычно в могиле находился один скелет, парных погребений было два, в кургане 23 три ребенка были перепоясаны одним ремнем (рис. 9, 8). В двух могилах найдено по пять потревоженных скелетов (кург. 18 и 28). Сравнение с погребениями из Крохалева-23 заставляет полагать, что эти люди были перезахоронены: отсутствуют отдельные кости, сохранность скелетов в одной могиле различная. В кургане 8 у погребенного отсутствовал череп (рис. 7, 4). В насыпях двух курганов встречены скелеты собак (рис. 7, 8).

Найден небогатый материал. Оружие представлено костяными, реже железными наконечниками стрел, конский набор - железными удилами и костяными чумбурами, орудия труда и предметы быта - железными ножами, кельтами, одним шилом с костяной ручкой, двумя сошниками, двумя каменными пряслицами. Некоторые изделия миниатюрны. Это отдельные наконечники стрел, ножи и кельт. Украшения большей частью бедны. Найдены бронзовые бляхи с изображением трех голов медведей, железные поясные пластинки, гривна, пряжки, несколько стеклянных бус, бронзовые умбоновидные бляшки и др. В кургане 23 с погребениями детей найдено много бронзовых украшений: поясные бляшки, пряжки, китайские монеты, различные подвески (рис. 9, 7, 8). В большинстве могил найдено по одному сосуду, в насыпи встречены разбитые сосуды. Находки представлены на рисунках 12, 2, 10, 12 - 15, 17, 19 - 21; 13, 2, 7, 19, 24, 26; 14, 2 - 4, 21; 15, 2, 69 - 74; 16, 1, 50, 51, 55 - 58; 17, 30, 32, 35 - 39, 41 - 47; 18, 17 - 20; 19, 11; 21, 1 - 6, 36 - 38; 22, 8 - 12, 24 - 29, 36, 42 - 44, 46, 52 - 54; 23, 8; 24, 2, 3, 12, 17, 18; 25, 6, 11, 12, 26, 34, 35, 37, 40, 42 - 46; 26, 15 - 20, 23, 26 - 28, 35, 56; 31, 1 - 17; 32, 1 - 10, 12, 13.

Материал курганов V - VI вв. опубликован [Троицкая, 1981, с. 101 - 120], VII в. - частично опубликован [Троицкая, Бородавский, 1990, с. 150 -

157, рис. 4, 5]. Подробное описание курганов дано в прил. 1.

6 (47). Юрт-Акбалык-4 (рис. 8, 10). Расположен к югу от Юрт-Акбалыка-8. В состав памятника входят восемь курганов и слабо прослеживаемое городище юрт-акбалыкского этапа. Т.Н. Троицкой в 1963 и 1964 гг. раскопаны три насыпи верхнеобской культуры. Диаметр курганов 4-6 м, в одном кургане обнаружена одна могила, в двух - по две. В насыпях, сложенных из светлой супеси, отмечены следы тризны: обломки нескольких сосудов и один целый. Некоторые обломки сосудов VIII - IX вв. могли попасть сюда во время бытования чуть в стороне от курганов поселения, о котором говорилось выше.

Одно погребение совершено в насыпи, другие - в прямоугольных могилах глубиной 7 - 20 см. В могилах погребенные лежали по одному в вытянутом положении, головой на восток. Один ребенок был положен на правый бок. Следы перекрытий не прослежены. Найдены сосуд, костяные и один железный наконечники стрел, железные ножи и кельты, поясные железные и бронзовые бляшки, нашитые на кожу, псевдопряжки, ажурная прямоугольная бляха, бронзовая фигурка птицы с распростертыми крыльями, кожаная налобная повязка с нашитыми на нее бляшками (рис. 12, 31; 13, 8, 14; 15, 60; 17, 33, 53; 19, 6; 25, 31; 26, 33, 34, 36, 37, 68; 32, 11). Материал не опубликован.

7 (48). Юрт-Акбалык-11 (рис. 8, 5, 6, 9, 10). Находился на северной окраине с. Юрт-Акбалык, в настоящее время застроен. Состоял из девяти насыпей. Т.Н. Троицкой в 1964 г. раскопано пять насыпей, сооруженных на месте андроновского могильника. В четырех курганах найдено по одной верхнеобской могиле, одна из них содержала парное детское захоронение. Диаметр насыпей 4,50 - 5,50 м, высота около 20 см. Могилы подпрямоугольные, глубина их около 10 см от уровня материка. Два скелета принадлежали мужчинам 25 - 30 лет, один - женщине 30 - 35 лет и два - детям 2 и 10 лет. У двух скелетов были деформированные черепа. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении головами на восток, юго-восток и север. С ними найдены костяные наконечники стрел, костяная пряжка, железные кельт и нож, точильные камни, бронзовые бусы, бляшки и ворворка, а также четыре целых сосуда (рис. 14, 13; 16, 59; 17, 25, 26; 20, 3; 22, 30 - 35; 33, 5 - 8). Материал не публиковался. Предположительно датируется VII - VIII вв.

8 (49). Высокий Борок (рис. 8, 11). Расположен на правом берегу р. Уень у с. Вьюны. Раскопки проведены А.А. Адамовым в 1988 и 1989 гг. Могильник содержал курганы от I тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. В трех из курганов обнаружены могилы верхнеобской культуры. Два погребения были впускными. В четвертом кургане отдельные находки встречены лишь в насыпи. Все курганы ограбле-

ны. Погребенные лежали в вытянутом положении головами на северо-восток и юго-восток. В насыпях найдены развалы сосудов и два бронзовых изображения птиц. В могилах находились сосуды, бронзовая пряжка, железные ножи, кельты и сошник. Материалы могильника (рис. 12, 11; 13, 25; 19, 4; 30, 1 - 4) частично опубликованы [Троицкая, Адамов, 1991, с. 140, 141, рис. 1] и датированы в пределах VI - VII вв.

9 (50). Каменный Мыс-в. Расположен на левом берегу р. Уень, у с. Черный Мыс. Курганная группа примыкает с северо-востока к могильнику кулайской культуры Каменный Мыс и состоит не менее чем из 12 насыпей. Насыпи забросаны мусором и перерезаны дорогой. Т.Н. Троицкой в 1961 и 1972 гг. раскопано три кургана. Два из них относятся к верхнеобской культуре, оба сильно разграблены.

В кургане 19 в разрушенной могиле и рядом с ней найдены железные удила, две нефритовые подвески, граненые сердоликовые бусы (одна бусина с инкрустацией), стеклянная бусина, поясная бронзовая пряжка с кнопкой-застежкой (рис. 15, 61 - 63, 97), отдельные кости человека. Материал не публиковался.

Курган 1 содержал нарушенную могилу с трупосожжением. Найдены круглые бронзовые бляшки, панцирные пластинки и хорезмийская монета VI - VII вв. (рис. 17, 48). Материал кургана опубликован [Троицкая и др., 1984а, с. 80 - 97, рис. 1, 1; 4, 18, 19].

10 (51). Ордынское-1. Курганный могильник близ р.п. Ордынское, на левом берегу Оби у впадения в нее р. Орда. Открыт М.П. Грязновым в 1953 г. Содержит разновременные курганы, восемь из которых относятся к верхнеобской культуре. Все они сильно разграблены, осыпаются в Обь. Раскопаны Т.Н. Троицкой [Троицкая, 1973в, с. 84], и А.В. Новиковым.

Диаметр курганов колеблется от 5,5 до 8 м, насыпь сложена из светлой супеси. Глубина могил 50 - 94 см от уровня материка. Все могилы перерыты, немногочисленные находки обнаружены в насыпях. Лишь в двух могилах сохранились остатки деревянных перекрытий, причем в кургане 24 плахи имеют следы огня. Расположение скелетов не восстанавливается, определение их пола и возраста из-за разграбленности могил, а иногда и отсутствия костей невозможно. В двух курганах под насыпями выявлены ямы. Найдены обломки не менее чем 13 сосудов и три целых сосуда. В могиле кургана 1 сохранились остатки ремня и восемь бронзовых бляшек с вытисненными на них фигурами в виде ромба, в кургане 21 - бронзовое навершие с полый фигуркой медведя и железные удила. Материал погребений частично опубликован [Троицкая, 1973в, с. 84; Гутов, 1989, с. 69 - 72]. Находки представлены на рис. 19, 2; 22, 7; 25, 41; 33, 11 - 17.

11 (52). Умна-2. Могильник расположен на левом берегу р. Уень у места впадения в нее р. Умнушка у с. Умна. Состоит из 14 курганов. Т.Н. Троицкой в 1962 г. раскопано два не разграбленных кургана. В одном погребен мужчина с деформированным черепом (рис. 8, 2, 8). Инвентарь в могиле отсутствовал. Другой курган с детским погребением. В насыпи его найден поминальный комплекс: железные стремя и удила, обломок железного панциря, 11 бронзовых бляшек с изображением личин и две каплевидные подвески. В подпрямоугольной могиле (1,20 x 0,74 x 0,10 м) на спине в вытянутом положении головой на восток лежал скелет ребенка трех лет. С ним найдены железные наконечники стрел со свистунками, железный крючок, бронзовые бобовидные подвески, поясные пряжки, остаток узкого ремешка, обмотанного бронзовой проволокой, и поясная бляшка. Материал этого погребения опубликован [Троицкая, Бородовский, 1990, с. 150 - 152, рис. 1, 2] и датирован VII в. Находки представлены на рисунках 12, 1; 16, 48, 49; 17, 5 - 7; 18, 1 - 12; 23, 11; 24, 14; 25, 8, 19; 26, 13.

12 (53). Умна-3 (рис. 8, 1, 3, 7; 11, 6 - 10). Примыкает к могильнику Умна-2. Насчитывает около 100 насыпей, все они разграблены, многие поросли густым лесом. Т.Н. Троицкой в 1962 и 1963 гг. раскопана 31 насыпь. Их диаметр колеблется от 4,20 до 9 м, высота - от 10 до 70 см. Все курганы сооружены из светлой супеси, могилы углублены в материк. Встречены ямы с сажей и разбитые сосуды - остатки тризн. Каждый курган содержал одну могилу, кроме одного, где их было две.

Обряд погребения различен. Раскопано семь курганов с труположением, 17 с сожжением, один поминальный курган, один кенотаф. Пять насыпей были полностью разграблены и не содержали инвентаря.

В могилах с ингумацией погребенные лежали на спине в вытянутом положении, один - в скорченном, на правом боку. Они ориентированы головами на северо-запад (четыре скелета), восток (один) и юго-восток (один). Два скелета имели деформированные черепа. Четыре могилы были почти без инвентаря и не могут быть датированы. Выделяются детское и одно взрослое погребение. Детское опубликовано и датировано VII в. [Там же, с. 150, 153, рис. 3]. В нем с ребенком двух-трех лет найдены сосуд, сережки в виде незамкнутого кольца, бляшка с рельефным изображением, бронзовые бусы, сосуд, подвеска, китайские монеты, которые датируются 553 г. [Быков, 1969, табл. X, 65]. В кургане 20 найдены два сосуда, бронзовые пронизки, ремешок, обвитый спиралью, лежащие в кожаном мешочке четыре китайские монеты и поясная бронзовая бляха, все они датируются VII - началом VIII в. Находки из этих двух курганов представлены на рис. 15, 59; 16, 2, 3, 44; 17, 17, 34, 46, 50; 26, 14; 32, 16 - 18.

Курган 2 был поминальным. Его насыпь сложена из плотной светлой супеси. Могилы под насыпью не было, на уровне погребенной почвы лежал железный нож с втулкой. Материал опубликован [Троицкая, 1990, с. 256, рис. 13]. Курган 29 содержал кенотаф. В небольшой могиле не было никаких следов захоронения. Найдены костяные наконечники стрел, обломок однолезвийного палаша, кельт и другие изделия. Вероятно, это погребение синхронно курганам с трупосожжениями.

Остальные 17 курганов содержали трупосожжения. Они преобладали в северной части памятника. Размеры могил колебались от 0,60 x 0,30 до 1,60 x 1,25 м. В насыпи встречается много углей. Погребенного сжигали на сильном огне на стороне. Вещи не обжигались. В ряде могил сохранились следы продольных бревен или плах перекрытия. В кургане 10 было две могилы, в остальных - по одной. Ямы вытянуты с северо-запада на юго-восток (28%), с запада на восток (39%), с севера на юг (22%) и с северо-востока на юго-запад (11%). Обычно прах лежал компактно в одной кучке, чаще всего в центре или ближе к северу, реже он располагался в двух кучках. Отдельно лежали железные удила, кельт, нож, сосуд, каменное точило и бронзовые бубенчики. С прахом лежали украшения (серьги, подвески, бляшки) и наборный пояс. В одном случае в могиле с сожжением найдены кости водоплавающей птицы. В четырех могилах обнаружены сосуды. Их обломки встречены и в насыпях. Материал сожжений опубликован и отнесен к IX - X вв. [Троицкая, 1977, с. 121 - 130]. Сейчас эта дата пересмотрена. Находки представлены на рисунках 12, 4, 8, 18, 23, 25 - 30; 13, 9, 16; 14, 17; 15, 9, 15 - 38, 59, 76, 77; 16, 2, 3, 5 - 7, 14, 15, 19 - 27, 29, 30, 35, 37, 39 - 44, 46, 63, 64; 20, 13 - 15; 21, 27, 31, 34, 43; 22, 1, 14, 15, 37, 38; 23, 16; 25, 14, 22; 26, 21; 32, 16 - 18; 37, 19 - 20.

13 (54). Красный Яр-1. Находится на окраине с. Красный Яр на левом берегу р. Уень. Это комплекс памятников от эпохи неолита до начала II тыс. н.э. В его состав входят поселения и 130 курганов различных эпох Т.Н. Троицкой в 1959 - 1961 гг. и А.В. Матвеевым в 1981 г. раскопано 36 курганов и три грунтовые могилы. Весь материал, кроме материала кургана 36, опубликован [Троицкая, 1978, с. 98 - 117]. К верхнеобской культуре относятся 22 кургана и три грунтовые могилы (рис. 9, 1 - 6; 10, 1 - 3).

Диаметр курганов колеблется от 4 до 16 м, высота - от 15 до 100 см. Насыпи, находящиеся на территории ирменского поселения со значительным культурным слоем, сложены из темной супеси, за его пределами - из светлой. В курганах встречены следы тризн: разбитые сосуды, ямы с угольным и сажым заполнениями, ямы с костями коня. Могилы неглубокие: от 7 до 60 см. В некоторых сохранились следы перекрытий - остатки продольных бревен. Встречено три типа захоронений: трупопо-

ложения в курганах, грунтовые могилы и трупосожжения.

Поминальных курганов три. Их насыпи светлые, очень плотные, курганы расположены рядом. На уровне погребенной почвы в центре каждого кургана найдено по одному предмету: два кельта и сосудик [Троицкая, 1990, с. 257, рис. 1]. На краю полы кургана 8 среди полувыкорчеванных корней лежал череп мужчины.

Более ранними были восемь могил с ингумацией. Под насыпью находилась одна могила. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении головами на восток с отклонениями на север и юг. В насыпи помимо сосудов найдены железные удила и кельты, в могилах удил не было. В погребениях обнаружены костяные и железные наконечники стрел, железные кельты, ножи, бронзовые поясные пластины, бляхи с изображением трех голов медведей, пронизи, бляшки, подвески, полая фигурка белки, отдельные костяные предметы. Эти погребения датируются в пределах VI - VII вв.

Грунтовые могилы с ингумацией, возможно, находились под насыпями, распаханными на этом участке. В них найдены бронзовые поясные бляшки, костяная пряжка и серьга с боковым отростком и стерженьком для насаживания бусин. Эти предметы позволяют датировать могилы временем не ранее второй половины VIII в.

Сожжения встречены в восьми курганах. В трех из них имелось по две могилы, при этом вторая была значительно меньшей по размерам. Так, в кургане 1 площадь одной могилы - 1,45 x 0,80 м, а второй - 0,60 x 0,30 м. Могилы вытянуты с северо-востока на юго-запад с небольшими отклонениями. Прах чаще всего лежал в одной кучке. Вместе с ним найдены костяные и железные наконечники стрел, одно копьё, костяные накладки лука, кельты и ножи, бронзовые поясные бляхи, серьги, подвески, пронизи, бубенчики, обоймы, костяные, бронзовые и железные пряжки, каменные точила, китайская монета династии Тан. В отличие от могильника Умна-3 сосуды в могилах не встречались. Все захоронения с сожжениями явно однотипны и датируются VIII - IX вв. Находки представлены на рисунках 13, 12, 13, 17; 14, 6, 8, 11, 14, 15; 15, 6, 7, 11 - 14, 64 - 68; 16, 4, 16, 18, 45, 60; 17, 1 - 4, 51; 18, 22, 23; 19, 8; 20, 2, 4, 5, 11, 12, 16, 17, 20; 21, 20, 35, 48; 22, 2, 16, 18 - 21, 39, 45; 24, 8; 25, 16, 23, 27; 26, 5 - 10, 24, 25, 3 - 32; 32, 14, 15; 37, 1 - 11.

14 (54). Крохалевка-13. Расположен на краю террасы над системой стариц и рек Чик - Чаус в 2 км к северу от с. Крохалевка. Состоит из 40 насыпей различных эпох (от неолита до начала II тыс. н.э.). Раскопки производились в 1985, 1988 - 1990 гг. Т.Н. Троицкой и А.А. Адамовым, и в 1990 г. В.С. Елагиным. Материал верхнеобской культуры найден в семи курганах. Выявлено одно погребение с трупоположением и девять - с сожжением. В одном кур-

гане, сильно ограбленном, могила не обнаружена, а в насыпи найдены обломки верхнеобских сосудов и конские кости. Одна из могил была окружена вертикальными столбами - остатками какого-то сооружения (рис. 10, 45).

В курганах найдены железные кельты, колчаный крючок, стремя, ножи, сошник, бронзовые серьги с боковыми отростками, поясные пряжки, подвески, браслет, ажурная бляшка, костяная пряжка, бусины-глазчатки. Материал частично опубликован [Троицкая, Адамов, 1991, с. 143-146, рис. 3]* и датирован второй половиной VIII - началом IX в. Находки представлены на рисунках 13, 11, 27; 15, 3, 4; 16, 12, 38; 19, 10; 36, 1 - 5.

15 (56). Каменный Мыс-2 (рис. 11, 1-5). Комплекс памятников у с. Черный Мыс на левом берегу р. Уень. В состав описываемой группы входит 25 насыпей, расположенных к востоку от группы кулайских курганов. Они поросли лесом, имеют следы ограбления. Т.Н. Троицкой в 1968 - 1973 гг. раскопано 10 курганов, содержащих не менее 14 могил. Диаметр курганов колеблется от 4,20 до 10 м, высота - от 20 до 100 см. Под насыпями находились от одной до четырех могил. Курганы сооружены из темной супеси. Видимо, в отличие от описанных выше могильников, они были сложены из дерна и почвенного слоя. Могилы углублялись в материк на 3 - 30 см. Почти все могилы имели следы перекрытия в виде трухи. Само перекрытие сохранилось лишь в могиле 3 кургана 21 - 22, в которой бревно сразу же после сооружения погребения сгорело. Сохранились остатки бересты, выстилавшей пол, куски бересты лежали и поверх перекрытия, которое состояло из нескольких рядов продольных бревен. Одно бревно стояло вертикально - возможно, оно отмечало место захоронения. Умерших сжигали на стороне на сильном огне, вещи огню не предавались. Детей сжигали не столь тщательно. Так, в кургане 9 детский скелет был полуобожжен, а в кургане 8 рядом с кучкой пережженного праха лежали разрозненные кости детского скелета с нечеткими следами огня. Прах чаще всего располагался в центре могилы одной или двумя кучками, в потревоженных могилах он был разбросан по всей площади. В могиле 3 кургана 9 прах лежал на дне и на перекрытии. Возможно, он принадлежал лицу, сопровождавшему погребенного в могиле. Могилы вытянуты по линии северо-запад - юго-восток (77,8%) и северо-восток - юго-запад (22,5%). В насыпях двух курганов имелись следы тризны: яма с обломками сосуда, скопление конских черепов и два сосуда в слое сажи сразу же над могилой.

Инвентарь в погребениях чаще всего располагался двумя кучками, причем железные изделия (стремена, удила, кельт, нож и наконечники стрел) лежали отдельно от бронзовых украшений. В сгоревшей могиле сохранились два обугленных деревянных сосуда типа пиал и деревянная ложка. Найдено одно железное копье. К конскому убору относится листовидная бляха. Из украшений обнаружены бляхи наборного пояса, пряжки, серьги, подвески, перстни и пастовые бусы. Найдены шесть китайских монет династии Тан и одна тюркешская монета. Все погребения однотипны и синхронны. Материал опубликован и датирован IX - X вв. [Троицкая и др., 1984а, с. 80 - 97]. Сейчас дата пересмотрена. Находки представлены на рисунках 13, 15, 18; 15, 39 - 53; 16, 17, 31 - 33, 36, 52 - 54, 61, 62; 17, 49, 51; 20, 1; 21, 21, 22, 39, 42, 44, 45; 22, 4, 5; 23, 15; 24, 1, 6, 9; 25, 9, 13, 20, 21, 28; 26, 1 - 3, 29, 43 - 49, 53 - 55; 36, 6 - 8.

16 (57). Чингис-2 (рис. 10, 6-8). Курганный могильник, расположенный на правом берегу Оби в 1,5 км к северу от с. Чингисы. Памятник открыт в 1966 г. В.Я. Есиным, исследовался Т.Н. Троицкой в 1967 и 1985 гг. и А.В. Новиковым в 1986 г. В 1967 г. в могильнике насчитывалось 15 насыпей, затем часть их была снесена при разработке песчаного карьера, к 1985 г. их осталось семь.

Раскопано семь курганов. Диаметр их колебался от 6 до 9,5 м, высота - от 15 до 50 см. Три кургана оказались полностью разграбленными. Насыпи сооружены из светлой супеси. Под ними обнаружены ямы с сажным заполнением и без него. От тризны сохранились сосуды в обломках и отдельные конские кости. В каждом кургане находилась одна могила (в кург. 3 была еще могила с жеребенком), глубина могил колебалась от 1 - 2 до 40 см от уровня материка. В кургане 3 могила всадника с двумя конями, вероятно, была ограждена невысокой (около 40 см) стенкой из пластов дерна, а от деревянного сооружения, частично перекрывавшего могилу и дерновую стенку, сохранилось лишь коричневое пятно (5,40 x 4,20 м), по которому нельзя судить о конструкции самого сооружения (рис. 10, 6 - 8).

Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, у одного ноги были согнуты в коленях. Три скелета были ориентированы черепами на северо-восток, один - на юго-запад. Последний скелет принадлежал мужчине с деформированным черепом. Этот скелет первоначально был определен В.А. Дремовым как женский [Дремов, 1977, с. 105], а в 1991 г. после вторичного осмотра исследователь отнес его к мужским. В двух курганах погребенных сопровождали кони, лежавшие в могилах на одном уровне со всадниками, головами в противоположную сторону (на северо-восток и юго-запад). В кургане 3 вместе с взнузданным конем лежал крупный жеребенок, второй жеребенок был погребен в этом же кургане в отдельной могиле. Между могилами

* Настоящая монография находилась в печати, когда были опубликованы материалы раскопок В.С. Елагина [Троицкая и др., 1995], поэтому здесь они не использованы, так же как и материалы раскопок курганов Старобибеево - 6 [Троицкая, Елагин, 1995].

обнаружены следы тризны - отдельные кости двух взрослых лошадей.

Основная часть находок обнаружена в могилах и рядом с ними. Встречены сосуды в обломках и отдельные украшения. Оружие представлено костяными и железными наконечниками стрел, одним коленчатым кинжалом и одним палахом, а также двумя железными копьями. Предметы конского набора найдены в могилах с конями. Это железное стремя с массивной петельчатой дужкой, датированное VIII - IX вв. [Савинов, 1984, с. 133], и железные удила с костяными псалиями. Одни удила имеют восьмеркообразные окончания, причем кольца расположены в одной плоскости, что, по мнению Д.Г. Савинова, было более характерно для сrostкинской культуры [Там же, с. 134]. На лбах коней найдены крупные листовидные бляхи, которые обычно появляются с VIII - IX вв. [Степи Евразии, 1981, с. 50, рис. 28, 31, 32]. С конями же найдены бронзовые бубенчики и костяные предметы. Из другого инвентаря можно указать тюркешскую монету VIII в., бронзовые и железные поясные наборы, бронзовые обувные застёжки, серьги, стеклянные бусы, железные кельты, ножи, каменные оселки. Керамика найдена лишь в насыпях в разбитом состоянии. Могильник может быть датирован в пределах второй половины VIII - IX вв. Материал опубликован [Троицкая, Новиков, 1995, с. 138 - 153]. Находки представлены на рисунках 14, 9, 16; 15, 54 - 58; 16, 8, 28, 34; 17, 49; 20, 24; 23, 2, 3, 10; 24, 11; 25, 10; 26, 39 - 41, 57, 63, 64 - 67; 36, 9 - 14.

17 (58). Турист-1. Расположен в Новосибирске на правом берегу Оби у впадения в нее р. Плющиха. Памятник уничтожен при земляных работах. Содержал материалы от эпохи неолита до конца I тыс. н.э. Обследован С.Г. Росляковым в 1988 г. Выявлено скопление жженных костей, пять костяных и три железных наконечника стрел, две бронзовые бляшки и пронизка, костяной кочедык, накладка на лук и чумбур. Материал позволяет датировать памятник VIII - IX вв., он опубликован [Молодин и др., 1993, с. 6, рис. 18].

18 (59). Топовские курганы. Расположены у с. Крутоборка на берегу р. Уень. Открыты в 1961 г. В.А. Дремовым. Группа состоит из двух насыпей, одна из них раскопана Т.Н. Троицкой в 1961 г. [Троицкая и др., 1980, с. 66]. Курганы разграблены, в насыпи найдены обломки верхнеобской керамики, в могиле - железный нож в хорошо сохранившемся берестяном чехле (рис. 12, 22).

4. Случайные находки и местонахождения

1 (60). Бронзовая пронизка в виде полой фигурки фантастического животного. Найдена у с. Вьюны Колыванского района. Хранится в НОКМ (рис. 19, 1).

2 (61). Бронзовое плоское литье в виде фигуры птицы с распростертыми крыльями с изображением на ней двух птиц и личины. Опубликовано [Троицкая и др., 1980, с. 163, табл. XVIII, 6; Молодин, 1992, с. 148, рис. 149]. Хранится в НОКМ (рис. 19, 5).

3 (62). Бронзовое плоское литье в виде фигуры птицы с распростертыми крыльями и с изображением личины на груди. Найдено под Новосибирском. Опубликовано [Молодин, 1992, с. 147, рис. 148]. Хранится в НОКМ (рис. 19, 3).

4 (63). Бронзовое плоское литье в виде небольшой фигурки медведя (рис. 18, 14). Найдено в Кудряшовском Бору. Хранится в НОКМ.

5 (64). Бронзовая прямоугольная бляха с изображением голов трех медведей в ее нижней части. Опубликовано [Троицкая, 1963, с. 61, рис. 2, б; 1981, с. 112, рис. 6, 44; Молодин, 1992, с. 139, рис. 140]. Хранится в НОКМ (рис. 18, 21).

6 (65). Бронзовое плоское литье в виде фигуры человека, по обеим сторонам которого стоят на задних лапах хищные животные (волки?). Опубликовано [Молодин, 1992, с. 164, рис. 165]. Хранится в НОКМ (рис. 18, 13).

7 (66). Обломки керамики верхнеобского типа. Собраны О. Чинокалом под с. Грязнуха (ныне с. Соколово) Колыванского района, точное местонахождение неизвестно. Хранится в НОКМ.

8 (67). Обломок костяного изделия. Найдено у с. Красный Яр Колыванского района. Памятник называется "Красный Яр. Пляж". Находится на высоком холме, культурный слой выветрился. На песке найдены обломки ирменской керамики и обломок костяного изделия, предположительно рукоятки плети того же типа, что были найдены в могильниках Чингис-2 и Красный Яр-1. Хранится в НОКМ.

9 (68). Турист-2. Памятник расположен в Новосибирске, уничтожен строительными работами. Среди многочисленных находок разных периодов обнаружено три обломка сосудов последнего этапа верхнеобской культуры (рис. 35, 23, 22, 25). Материал опубликован [Молодин и др., 1993, с. 7, рис. 15, 1 - 3].

5. Погребальный обряд

Анализ погребального обряда проведен на основании материалов 18 могильников, содержащих 153 раскопанных кургана и три грунтовые могилы. В могильниках выявлено 176 могил, в которых было захоронено не менее 197 человек, четыре коня и три собаки.

Для верхнеобской культуры в целом характерно наличие курганных могильников. Диаметр насыпей колеблется от 4 до 10 м, высота - от 15 до 150 см. Курганы располагались на краях высоких надпойменных террас, на гривах или дюнах, на бе-

регах небольших рек, иногда близ их впадения в Обь. Насыпь курганов сооружалась не из дерна, как это было принято в эпоху раннего железа, а из материкового грунта - песка или суглинка. В насыпи или под ней встречаются следы тризн: сажные пятна, ямы с сажным или зольным заполнением, отдельные кости и черепа коней, целые и разбитые сосуды. Поскольку ямы обычно располагались на периферии насыпи, можно предполагать, что именно из них бралась земля для сооружения кургана. В одном случае прослежен неглубокий ров в виде полукруга (рис. 6, 5).

Помимо обычных курганов с могилами встречи и поминальные: три в Красном Яре-1 и один в Умне-3 (рис. 9, 1). В них нет следов погребений, дно ровное, следы ограбления отсутствуют. Насыпь состояла из светлого песка или суглинка и отличалась сильной уплотненностью. Под ней на уровне погребенной почвы обнаружены отдельные обломки сосудов и единичные находки: втульчатый нож (Умна-3, кург. 2), железный кельт (Красный Яр-1, кург. 21), сосуди́к (Красный Яр-1, кург. 24), железное долото и череп человека (Красный Яр-1, кург. 8). Материал этих курганов опубликован [Троицкая, 1990, с. 256 - 258].

Остальные курганы были обычными погребальными. Под насыпью чаще всего находилось одно погребение, реже - два или три. Могилы углублялись в материк на 3 - 50 см, отдельные могилы были вырыты в погребальной почве. Перекрытия плохо сохранились, они хорошо дошли до нас лишь в отдельных погребениях, подвергшихся обожжению (рис. 5, 6; 11, 1). Площадь сохранившихся перекрытий значительно превышала площадь могил. В кургане 14 памятника Крохалевка-23 продольные бревна, лежащие на краю могильной ямы на уровне древней почвы, были необработанными, на них сохранились кора и сучья. Поперек них лежали горбыли или плахи, в перекрытии прослежен слой бересты. Берестой выстлано и дно могилы. Аналогичную картину дают курганы 21 - 22 из Каменного Мыса, только одно из его бревен стояло вертикально, образуя как бы знак над могилой.

В погребальном обряде прослеживаются особенности, дающие основание выявить два периода в его существовании. Первый период охватывает V - начало VIII в., второй - вторую половину VIII - IX в.

Для первого периода характерен обряд труположения. В насыпях курганов и над могилами зачастую находятся специальные скопления отдельных предметов. Возможно, это поминальные комплексы (рис. 9, 31). В их состав входят удила, стремена, наконечники стрел, уздечные ремешки с бляшками, кельты, ножи и сосуды. Украшения и поясные наборы в них не найдены. Погребенные в основном ориентированы головами на северо-восток (40%) с отклонениями на восток и север (44%). В отдельных случаях погребенные ориентированы на юго-

восток с отклонениями (10%) и на запад с отклонениями - 6%. В могильниках Юрт-Акбалык-8 и -11 обнаружено несколько черепов с искусственной деформацией. Погребенные чаще всего лежали на спине в вытянутом положении, руки у них иногда располагались на лобке (Черное Озеро-1 и единичные случаи в других могильниках). Около 12% захороненных лежали на боку или на спине с подогнутыми ногами.

В могильнике Крохалевка-23 в кургане 14 три могилы подверглись обожжению на месте (рис. 5, 1). Судя по обугленным бревнам над перекрытыми, но еще не засыпанными могилами, был разведен мощный костер, от высокой температуры кости погребенных не только обуглились, но и кальцинировались. Костяные наконечники стрел также были пережженными. Горящий костер был заброшен землей. Местами цвет прокала, особенно над могилами, стал ярко-красным. Позже уже на остывшую землю были поставлены сосуды: они не имели следов пережжения. В кургане 11 того же могильника перекрытие от огня превратилось в уголь, но кости погребенного не имели следов огня (рис. 5, 4, 7).

В ряде случаев, особенно в могилах с несколькими погребенными, четко прослеживается вторичность захоронений. Возможно, что так хоронили зимой. Умершие вместе с сопровождавшей их пищей долгое время находились за пределами кургана. В случаях повторного захоронения у некоторых скелетов в потревоженных могилах отсутствовали отдельные кости, сосуды оказались разбитыми, а часть их обломков - утерянными. К сожалению, плохая сохранность костей не дает возможности определить, имеются ли на них следы погрызов хищниками.

К первому же периоду относится одно погребение с трупосожжением, совершенным на стороне (Каменный Мыс-в, кург. 1). Оно сопровождалось хорезмийской монетой VI - VII вв. и круглыми поясными бляшками, типичными для этого времени. В Новосибирском Приобье это пока самый ранний курган с подобным обрядом захоронения.

Со второй половины VIII в. погребальный обряд резко меняется. Преобладающим становится обычай трупосожжения на стороне. Могилы лишь слегка углубляются в материк. Реже они располагаются на уровне материка или в насыпи. Преобладают курганы с одной могилой; в тех случаях, когда их две, вторая обычно бывает небольшого размера и отличается бедностью инвентаря. В отдельных случаях в детских погребениях кости были слабо обожженными (Каменный Мыс, кург. 9). А в Крохалевке-13 в кургане 9 вместе с мелкими пережженными косточками найден не подвергавшийся огню череп взрослого со слегка обожженными шейными позвонками. В остальных случаях прах пережжен.

Могилы ориентированы по линиям северо-запад - юго-восток, запад - восток (41%), реже север -

юг (12%) и юго-запад - северо-восток (6%). В неразграбленных курганах с сожжениями обычно нет скопления предметов в насыпях, встречаются только следы тризн в виде разбитых сосудов и изредка целые сосуды. Стремена, удила, наконечники стрел помещены в могилах.

Прах обычно лежал одной, реже двумя кучками. Лишь в могилах, потревоженных корнями деревьев, он был разбросан по всему дну. Предметы, сопровождавшие прах, действию огня не подвергались. В одном случае в могиле лежал скелет водоплавающей птицы (Умна-3, кург. 4). Расположение праха компактными кучками заставляет полагать по аналогии с таштыкскими погребениями, что он был зашит в "куклы".

В VIII - IX вв. сохраняются отдельные курганы с труположением. В Красном Яре-1 раскопано 11 могил с сожжениями и три с обрядом ингумации. В Крохалевке-13 на семь могил с сожжением приходится одна могила с труположением. В Умне-3 выявлено 16 сожжений и один кенотаф. Кроме того, раскопано три погребения с обрядом ингумации, но они безинвентарные, поэтому нельзя решить вопрос о том, синхронны ли они курганам с сожжением или относятся к VII в., как и остальные могилы с труположением, сопровождающиеся находками этого времени. А в могильнике Каменный Мыс-2 встречены могилы только с сожжением.

К VIII - IX вв. относится и могильник Чингис-2, находящийся на самом юге Новосибирского Приобья. В нем полностью отсутствуют сожжения, скелеты лежали на спине в вытянутом положении, один - на боку, слегка скорченный. В двух курганах вместе с воинами были погребены кони (рис. 10, 6, 7). Они лежали на животе с подогнутыми ногами и были ориентированы головами в противоположную сторону по отношению к всаднику. Так, в кургане 1 всадник лежал головой на юго-запад, конь - на северо-восток. В кургане 3 человек ориентирован головой на северо-восток, а два коня - на юго-запад; отдельно погребенный в этом же кургане жеребенок положен головой на северо-запад. Кони лежали в одной могиле с всадником на одинаковом с ним уровне.

У каждого могильника верхнеобской культуры наряду с общими чертами есть и индивидуальные. Так, в могильниках Черное Озеро-1 и Крохалевка-23 на периферии кургана под насыпью выявлено несколько ям, которые как бы окружают могилу. Видимо, грунт на сооружение насыпи брали из них, совсем рядом с курганом. В могильниках Юрт-Акбалык-8 и Умна-3 землю брали с более отдаленных участков: здесь под насыпями встречено либо по

одной яме, либо ямы вовсе отсутствовали. В двух могильниках насыпи были сложены из темной земли, а не из светлого грунта, как в остальных. В Красном Яре-1 значительная часть курганов сооружена на территории ирменского поселения с четко выраженным темным культурным слоем, который и шел на сооружение курганов. А в Каменном Мысе темный грунт для насыпи, видимо, брали с расположенного в 50 - 200 м поселения эпохи раннего железа.

В курганах Черного Озера-1 почти у всех скелетов кисти рук были сложены на лобке, в других могильниках такое положение встречается в единичных случаях. Только в могильнике Крохалевка-23 обнаружены сожжения погребенных в могилах. В синхронных курганах по-разному представлены сосуды: в Умне-3 они найдены и в могилах, и разбитыми в насыпях, в Красном Яре-1 в могилах сосудов нет, они встречены только в насыпях и являются собой следы тризны. В Каменном Мысе сосудов нет ни в могилах, ни в насыпях. Исключение составляют только курганы 21 - 22, где рядом с могилой найдены два целых сосуда. В Юрт-Акбалык-8 и Крохалевке-23 обнаружены погребения собак, в курганах 17 - 18 Юрт-Акбалык-8 и кургане 10 Красного Яра-1 - яма со слегка обожженным черепом и костями коня. Кости лошади найдены в насыпях ряда курганов. В могильнике Чингис-2 имеются погребения всадников с конями. В кургане 3, судя по стратиграфии насыпи, могила всадника была окружена невысокой стенкой (не выше 40 см), сложенной из пластов дерна. Рядом с могилой находилось деревянное сооружение, от которого осталось пятно коричневого цвета. А в кургане 6 могильника Крохалевка-13 могилу окружали деревянные столбики (рис. 10, 4).

Итак, относительно погребального обряда можно сделать следующие выводы.

1. Для верхнеобской культуры характерен обряд захоронения в курганах. Насыпи сооружались из светлого материкового грунта.

2. В V - начале VIII в. преобладает обряд труположения, единичны сожжения в могилах. В насыпях встречаются специальные скопления вещей - поминальные комплексы. Они состоят из предметов вооружения, конского набора и сосудов.

3. Со второй половины VIII в. резко преобладает обряд сожжения на стороне. В отдельных могильниках это единственный способ погребения. Поминальные комплексы в насыпях пока не отмечены, сохраняются следы тризн в виде разбитых сосудов и разрозненных костей коня. В это же время появляются отдельные могилы, в которых были погребены всадники с конями.

ГЛАВА III ИНВЕНТАРЬ

В этой главе дается описание инвентаря поселений и погребений, определяются время их бытования и круг распространения. Тем самым достигается возможность привлечения материала для характеристики социально-экономических сторон жизни населения в V - IX вв. Выявление непосредственного назначения предметов помогает реконструировать занятия людей. Определение принадлежности инвентаря конкретным владельцам характеризует социальное положение отдельных групп населения. Анализ оформления вещей, и в первую очередь предметов искусства, дает представление об эстетических и мифологических воззрениях.

1. Орудия труда и предметы быта

Ножи (рис. 12, 1 - 21). Это самая распространенная после керамики находка, встреченная почти во всех погребениях. Ножи сопровождают погребенных, относящихся ко всем категориям населения. Они имеются в женских и мужских погребениях, детских и взрослых, бедных и богатых. Обычно в могиле находился один нож, в поминальных комплексах могло быть и два (Крохалевка-23, кург. 1). Ножи, видимо, висели на поясе, поэтому они чаще всего расположены слева или справа от погребенного на уровне таза и кистей рук.

К сожалению, сохранность железных ножей очень плохая, и можно лишь констатировать наличие их в погребениях. Нами учтено 56 ножей (53 железных и три костяных). Только в 46 случаях можно говорить о размерах лезвия и рукояти. Проводить классификацию ножей по форме лезвия нельзя, так как чаще всего она зависит от степени изношенности. Почти всегда прямая спинка ножа переходит в рукоять, лишь у двух ножей они образуют тупой угол (рис. 12, 12). В ряде случаев прослеживаются рукояти со следами дерева.

По длине лезвия ножи составляют три группы. Первая группа ножей имеет длину лезвия от 6 до 10 см (26 экз. - 57%). Отличаются они друг от друга лишь степенью изношенности лезвия. Среди этих ножей два костяных (рис. 12, 13). Видимо, это обычные бытовые, универсальные ножи, не имевшие специального назначения.

Вторая группа - крупные ножи (рис. 12, 1 - 8), длина их лезвия достигает 11 - 15 см (13 экз. - 28%).

Здесь уже прослеживается разнообразие форм, связанных со специальными функциями. Прекрасно сохранились два ножа из Крохалевки-23. На их черешках имеются сквозные отверстия для прикрепления деревянной рукояти (рис. 12, 1). Три массивных ножа с шириной лезвия до 3 см и утолщенной спинкой скорее всего служили секачами и предназначались для рубки (рис. 12, 2, 5, 7). Особняком стоит нож с незамкнутой втулкой (рис. 12, 4) из поминального кургана. В ряде случаев на крупных ножах сохранились следы ножен в виде перекладины у острия (рис. 12, 8, 18). Ножны из кург. 2 Крохалевки-23 были деревянными, сверху обложенными железным листом (рис. 12, 6); сам нож с ножнами лежал в тканевом мешочке. Этот нож мог выполнять функцию оружия, потому он описан в параграфе о вооружении.

Нож из детского погребения могильника Умна-2 (рис. 12, 3) также описан в параграфе о вооружении. Миниатюрной копией этого ножа является votивный ножичек, входивший в состав поясного набора (рис. 12, 17). Видимо, подобные ножи подвешивались к поясу двумя ремешками, о чем свидетельствует аналогичная бронзовая модель ножа из Релки [Чиндина, 1991, с. 169, рис. 29, 29].

Третья группа представлена миниатюрными ножами (7 экз. - 15%). Их размер колеблется от 3,5 до 5 см (рис. 12, 19 - 21). Лезвие резко сужается к острию. Такие изделия принято считать votивными. Однако они могли иметь и хозяйственное назначение, использоваться для тонких работ. Такие миниатюрные ножи встречены в нескольких курганах V - VII вв. В кургане могильника Топовское найдены берестяные ножны, дающие возможность реконструировать их выкройку (рис. 12, 22).

Гарпуны. В могильнике Крохалевка-23 найдено три железных гарпунных наконечника с одним шипом (рис. 20, 7, 8). Длина их 9 - 10 см, длина пера 3 - 4 см. В других могильниках верхнеобской культуры они не обнаружены, но широко представлены в кулайских курганах Каменного Мыса [Троицкая, 1979а, табл. VIII, 12 - 19], где они выполнены из бронзы и костей и имеют две или три грани. Гарпунные наконечники свидетельствуют о занятии населения рыбной ловлей.

Кельты железные (рис. 13, 1 - 9, 11 - 14). Нами учтено 40 экз. кельтов. В неразграбленных курганах они находятся в могилах, лишь два кельта най-

дены в насыпи над могилой. В кург. 1 могильника Чингис-2 кельт располагался вместе с конем. Кельты сопровождали мужские и женские погребения, они лежали лезвиями к ногам, чаще справа, реже слева от умершего на уровне кисти, таза или бедер. В могилах с сожжением определенного месторасположения кельтов нет. Можно отметить, что чем к более позднему времени относятся захоронения, тем чаще встречаются в них кельты. Так, в V - начале VIII в. кельты обнаружены у 13% погребенных, а в период со второй половины VIII по конец IX в. - в 29% могил.

Все кельты изготовлены ковкой из одного листа железа. По своей форме они подразделяются на два типа. Первый включает подавляющее большинство кельтов (35 экз.), у конца их втулки при переходе в лезвие на внутренней поверхности имеется равномерное утолщение, вызванное расковкой (рис. 13, 5). У кельтов второго типа (5 экз.) это утолщение переходит в уступчик, в который упиралась рукоять (рис. 13, 8, 14). Эти различия не связаны со временем бытования кельта.

Длина кельтов колеблется от 7 до 13 см, ширина - от 2,5 до 5 см. Пропорции и форма края лезвия различны, - видимо, это связано с различием функций конкретных кельтов. Длинные и узкие кельты с ровным рабочим краем могли служить долотами (рис. 13, 1, 12), широкие кельты с округлым краем лезвия скорее всего были топорами (рис. 13, 2).

Сошники (рис. 13, 21 - 27). Нами учтено семь железных сошников, все они найдены в могилах. В трех случаях сошники сопровождали погребение женщины, в одном - мужчины, в трех случаях пол погребенного не определен. Сошники могли лежать справа и слева от умершего и в его изголовье, но лезвие всегда было направлено к ногам.

Длина сошников колеблется от 10 до 20 см. Как и кельты, они были изготовлены путем расковки из одного куса железа. Края лопасти заточены, ее разрез имеет вид вытянутой трапеции. Все сошники имеют небольшой прогиб от внешней стенки втулки, что свидетельствует об их использовании.

По форме сошники делятся на четыре типа. У сошников первого типа (рис. 13, 23 - 25) сечение втулки овальное, задняя стенка спрямлена, втулка постепенно сужается, она шире лопасти.

Второй тип (рис. 13, 21, 26) отличается от первого тем, что имеет уступчик на границе внутренней поверхности втулки и лопасти. Функциональное назначение этих двух типов скорее всего было одинаковым.

Третий тип (рис. 13, 22) представлен одним сошником. Сечение втулки близко к круглому, края ее почти смыкаются. Лопасть узкая, нижний конец острый. Сошник такого типа мог иметь некоторое специальное функциональное назначение, пока еще нам не ясное.

Четвертый тип (рис. 13, 27) также представлен одним экземпляром. Втулка его уже лопасти, которая имеет плечики шириной до 1 см, конец лопасти отломан, - видимо, он был заостренным. Сошник найден в погребении с сожжением VIII - IX вв. и является более поздним вариантом сошника первого типа. В Сибири такие сошники широко распространены с начала II тыс. н.э. [Беликова, 1992, с. 15, рис. 1; Малолетко и др., 1983, с. 117].

Жернова. В кург. 5 могильника Черное Озеро-1 обнаружено два камня-жернова (рис. 13, 20). Они выявлены в насыпи полностью разграбленного кургана без датирующего материала, но все раскопанные рядом с ним курганы датируются в пределах V - VII вв. Жернова изготовлены из местного гранита. Диаметр камней около 28 см, толщина 5 см. В центре верхнего камня было широкое сужающееся книзу отверстие диаметром 8,5 и 5,5 см. Через это отверстие поступало зерно, и в нем располагалась ось вращения. Верхний жернов оказался расколотым на две части. Для удержания рукояти, при помощи которой жернов приводился в движение, на внешней поверхности этого камня имелись две овальные лунки диаметром 2 - 3 см. В центре нижнего камня также было отверстие для прохождения оси вращения. Жернова опубликованы [Троицкая, 1993в, с. 204]. Аналогичные жернова известны в памятниках Южной Сибири второй половины I тыс. н.э.: в Сырском чаатасе [Степи..., 1981, рис. 28, 20], в III Шагонарском городище [Там же, рис. 30, 11] и т.д. Это вполне соответствует предполагаемому времени бытования обнаруженных жерновов.

Каменные точила (рис. 12, 25, 28 - 30, 32 - 37). Точила найдены в курганах (8 экз.) и жилищах (6 экз.). Абразивы из жилищ могут иметь неправильную форму, отверстия для подвешивания у них отсутствуют, они сильно изношены. Точила из могил большей частью имеют овальную или подпрямоугольную форму, они очень слабо изношены. М.П. Грязнов считал, что оселки из могил скифского времени были не абразивными, а каменными амулетами, подвешивавшимися к поясу [Грязнов, 1961, с. 139 - 144]. Из наших оселков, найденных в могилах, лишь один имел сквозное отверстие. Длина его 5 см, поверхность следов использования не имеет. Такой оселок действительно мог быть амулетом (рис. 12, 27). Пять оселков найдено в могилах с сожжениями. В могилах со скелетами они располагались ниже уровня пояса. В могильнике Чингис-2 (кург. 3) абразив находился рядом с ножом - видимо, они вместе были положены в мешочек, подвешенный к поясу.

Пряслица. Встречено лишь два экземпляра пряслиц (рис. 14, 1, 2). Оба каменные, уплощенные, найдены в могилах V - VI вв. На обломке одного сохранился орнамент в виде схематического изображения животных, идущих вереницей. Каменные

орнаментированные пряслица - частая находка в кулайских могилах [Троицкая, 1979а, табл. XVI]. В верхнеобских погребениях Томского Приобья пряслица не обнаружены [Беликова, Плетнева, 1983], а в синхронных памятниках релкинской культуры (Релка, Малгет) встречаются пряслица кулайского типа [Чиндина, 1991, рис. 23, 1 - 3]. Можно предполагать, что у племен верхнеобской культуры вместо пряслиц имелись иные приспособления к веретену. Так, Б.А. Литвинский указывает, что в Средней Азии иногда вместо пряслиц употреблялись деревянные крестовины [Литвинский, 1978, с. 53].

Прочие орудия. Встречены единичные костяные проколки (рис. 12, 31, 38), железное шило с костяной рукояткой в виде усеченного конуса (рис. 13, 19). Непонятно назначение трех железных предметов, видимо, орудий. Это круглые в сечении стержни длиной более 8 см с черешком (рис. 12, 24; 14, 12, 25).

Ложки (рис. 13, 15 - 18). Три костяные и одна деревянная обугленная ложки найдены в могилах, одна - на поселении. Все они неглубокие, овальные, с округлой в разрезе ручкой. Длина ложек достигает 17 см. Ложка из поселения более крупная, трапезовидная, ручка ее отломана (рис. 13, 10). Вероятно, она предназначалась для перемешивания пищи, так как, имея широкий передний край, она была неудобной для еды. По этнографическим наблюдениям некоторых исследователей [Мошинская, 1955, с. 95; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 185], плоские лопаточкообразные ложки могли иметь культовое назначение: они служили для угощения божеств в святилищах.

Деревянные сосуды. В кургане с сожжением VIII - IX вв. Каменного Мыса найден один целый и нижняя часть второго сосуда, оба обуглившиеся (рис. 36, 6).

Предметы неясного назначения. Среди инвентаря имеется ряд находок, назначение которых нам представляется недостаточно ясным.

Непонятно назначение костяного изделия из кург. 5 Красного Яра-1 (рис. 14, 14). Это узкий изогнутый стержень длиной 15 см. Его заостренный конец отломан, на другом конце находится втулка. Посередине стержня имеется сквозное отверстие и два небольших гребневидных выступа. Аналоги этому предмету нам не известны. К заготовке костяного наконечника стрелы можно отнести предмет, представленный на рис. 14, 21. Возможно, обломком пряжки является пластина с циркульным узором (рис. 14, 3).

К предметам неясного назначения можно отнести 16 конских бабок из Юрт-Акбалыка-8 без всяких следов обработки на них.

Из железных изделий надо указать два крупных кольца, диаметром 4 и 5 см, которые могли иметь самое различное применение. Крупный железный

предмет из Ирмени III имеет вид прямоугольника (11,5 x 5,3 см). На его внешней стороне припаяны полусферы диаметром около 1 см, с обратной стороны имеется незамкнутая втулка (рис. 14, 18). Аналоги нам не известны. Массивная обкладка овального в сечении предмета также имеет выпуклости на внешней поверхности (рис. 14, 20). К предметам неясного назначения можно отнести обкладку из бронзового и железного листов из Крохалевки-13 (рис. 14, 10), стержень длиной около 14 см с каплевидным заостренным концом (рис. 12, 23) и орудие в виде небольшой железной "лопаточки" (рис. 21, 35).

2. Украшения

Бусы (рис. 15, 11 - 95). Всего найдено 184 бусины, они находились в мужских и женских погребениях, в могилах взрослых и детей. Их число при одном захороненном колебалось от 1 до 51. Бусины входили в состав ожерелий, браслетов (найжены у кисти одной из рук захороненного), их нанизывали на стерженьки серег с боковым отростком, нашивали на одежду. В отдельных случаях сохранились узенькие ремешки, которые продевались в бусы (рис. 15, 60).

По характеру материала различают бусы бронзовые, стеклянные (из прозрачного и глушеного стекла) и каменные. Почти все они встречаются в датированных комплексах и распределяются следующим образом. К двум первым периодам верхнеобской культуры (V - начало VIII в.) относятся 106 бусин, из них 82% бронзовых, 9,5% сердоликовых, 8,5% стеклянных. На последний период (вторая половина VIII - IX в.) приходится 78 бусин: 17% бронзовых, 1% сердоликовых и 82% стеклянных.

Бронзовые бусы литые, шесть бусин сделаны из свернутого листка. Они резко преобладают в V - начале VIII в. (рис. 15, 59, 60, 64 - 68, 76, 77, 82 - 89, 96). Форма их чаще всего бочонкообразная и цилиндрическая. Встречено несколько пронизей длиной до 8 см (рис. 15, 64). Около половины бронзовых бус найдено в кург. 7 Красного Яра-1 (51 экз.), 16 из них лежало у левой кисти - видимо, они входили в состав браслета. Остальные бронзовые бусины из этого кургана представляли собой оригинальное ожерелье, бочонкообразные бусы которого располагались в один ряд, от них вниз отходили длинные пронизи, свернутые из бронзового листка (рис. 15, 11). К последним прикреплялись бобовидные подвески, в отверстиях двух из них сохранились остатки узенького ремешка, заходящего в длинную пронизь. В курганах с сожжением найдено только 19 бронзовых бусин (рис. 15, 12 - 14, 20, 27, 28, 35, 36, 40).

Каменные бусы - сердоликовые (11 экз.). Они биконические, четырех- и шестигранные (рис. 15, 37, 61, 62, 78, 80, 81). Обнаружены в памятниках всех трех этапов верхнеобской культуры. В кург. 19 Каменного Мыса найдено семь сердоликовых бусин. На одной из них белой краской нанесены различные знаки (рис. 15, 61). Такие бусы известны в погребениях VII - IX вв. [Голдина, Королева, 1983, с. 56]. Особняком стоит крупная бусина из халцедона, по своей форме похожая на небольшое пряслице (рис. 15, 10).

Стеклянные бусы, прозрачные и изготовленные из глушеного стекла (53 экз.), преобладают в памятниках VIII - IX вв. (рис. 15, 18, 22 - 26, 29, 39, 41 - 48, 53 - 55). Некоторые из бусин настолько эрозированы, что это не дает возможности судить об их форме. К V - VII вв. относится лишь несколько стеклянных бус (рис. 15, 79, 90 - 95). Позолоченных бусин 11, они одинарные, двойные и многокомпонентные (рис. 15, 21, 49, 50, 69 - 75). Среди бусин, изготовленных из неглушеного стекла, синих семь, зеленых одна, прозрачных одна. Бусы глушеного стекла многоцветные. Среди полосатых бус (рис. 15, 15 - 17, 19, 31 - 33, 52, 56, 57) преобладают черно-белые (9 экз.), по одной бусине с черно-салатными и черно-желтыми полосками. Глазчаток встречено 8 экз. (рис. 15, 30, 34, 38, 51, 58, 63). Они черные, коричневые, зеленые, глазки красные и коричневые с желтым ободком, в одном случае и с желтыми ресничками. Судя по данным В.Б. Деопик, многие из них датируются в пределах VI - IX вв. [Деопик, 1961, рис. 5]. Бисер из белого глушеного стекла сохранился очень плохо, почти весь рассыпался.

Таким образом, статистический анализ ассортимента бус показывает, что в V - начале VIII в. резко преобладают бусы местного производства - бронзовые. Позже подавляющая часть бус - привозные, выполненные из цветного стекла.

Серьги (рис. 16, 1 - 34). Всего найдено 35 бронзовых сережек, подавляющее большинство обнаружено в могилах с сожжениями. Серьги сопровождали погребения мужчин и женщин, взрослых и детей. Детские серьги были миниатюрными. В могилах с труположением серьги обнаружены около черепа, по одной или две в каждом случае.

По своей форме серьги делятся на два типа. Серьги первого типа имеют вид несомкнутого кольца. Время их бытования точно не определено, они встречаются как на всем протяжении верхнеобской культуры, так и за ее пределами. Таких сережек найдено восемь, по две или одной в могиле (рис. 16, 1 - 8).

Серьги второго типа - бронзовые, литые с каплевидной подвеской. Среди них выделяются три серьги (рис. 16, 9 - 11). Они массивные, стержень, идущий к подвеске, толстый, каплевидные подвески крупные. Они совершенно аналогичны серьге из

могильника одинцовского этапа БЕ-XIV [Грязнов, 1956, табл. XLI, 16, 18] и, видимо, являются характерными для этого периода. В наших могильниках вместе с этими серьгами были найдены сосуды одинцовского типа.

Остальные 23 серьги с каплевидными подвесками отличаются изяществом. Почти все они найдены в курганах с сожжениями. Число их в одной могиле колебалось от одной до пяти. Совершенно одинаковых сережек нет, но чаще всего в одной могиле встречаются однотипные. У ряда сережек тонкий стержень переходит в вытянутую каплевидную подвеску (рис. 16, 13, 17 - 22), у 12 из них имелись боковые отростки в виде шариков (рис. 16, 12, 15 - 21, 25, 33). В одном случае отросток представлял собой стержень - видимо, на него насаживалась стеклянная бусина (рис. 16, 14) или бронзовая пронизь (рис. 16, 26). У двух других это колечко, в которое вдевались фигурные подвески (рис. 16, 29, 32). Четыре сережки вместо каплевидной подвески имели узенький стержень, на который нанизывались бусы (рис. 16, 14 - 15). Вертикальный стержень мог отсутствовать или быть утолщенным (рис. 16, 27, 31). Серьги с каплевидными подвесками и боковым отростком являются хорошо датированным материалом, определяющим нижнюю дату для наших комплексов. Они появляются не ранее середины - второй половины VIII в. [Распопова, 1980, с. 112, рис. 75] и продолжают бытовать в IX в. [Амброз, 1971а, с. 122, рис. 8, 18 - 32].

Особняком стоит серьга в виде небольшого перстенька (рис. 16, 34). Для перстня она слишком мала и не могла быть надета даже на мизинец, тем более мужчины. Найдена под черепом.

Резюмируя сказанное о серьгах, надо отметить, что серьги из памятников верхнеобской культуры не являются типичными для узкого круга памятников, а были широко распространены в рассматриваемое время в Евразии.

Подвески. В погребениях представлены подвески различных типов.

Три подвески из погребений с сожжениями повторяют форму овальных сережек с каплевидными окончаниями (рис. 16, 35 - 37). Подвески имеют два боковых отростка, расположенных напротив друг друга, и кольцо для подвешивания. Они должны быть датированы тем же временем, что и серьги - второй половиной VIII - IX в. Эти подвески настолько близки к серьгам, что, казалось бы, в тюркском мире им должно быть много аналогов. Однако в опубликованных материалах они не встречены: их нет среди находок степного Алтая [Уманский, 1970, с. 55 - 62], могильника Кудырге [Гаврилова, 1965], курганов Верхнего Прииртышья [Арсланова, 1963; 1972; и др.], погребений Барабы [Бараба в тюркское время, 1988], синхронных могильников кыргызов и других памятников. Зато

такие подвески в достаточном количестве найдены в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 22, 3; 34, 7; 78, 13; 79, 6, 16].

Близка к ним подвеска, имеющая вид круга или овала с двумя отростками в виде перевернутых восьмерок, у одной из которых есть петелька для подвешивания, а другая завершается каплевидной подвеской (рис. 16, 43). От овала отходят две или четыре ромбовидные лопасти. Такая подвеска найдена в погребении с сожжением могильника Умна-3. Аналоги ей известны в Архиерейской Заимке [Там же, рис. 79, 10] и в Сапогово на р. Иня в Кемеровской области [Илюшин и др., 1992, рис. 41, 11].

К этому же кругу относятся подвески, связанные с солярным знаком. Их найдено четыре, все в могилах с сожжениями. Они представляют собой уплощенные кольца с четырьмя или пятью отростками, у верхнего из которых есть отверстие для подвешивания (рис. 16, 39 - 42). Некоторые отростки имеют вид колец или пятиугольников, у одной крупной подвески нижняя лопасть усложненная (рис. 16, 41). Аналоги им известны в Архиерейской Заимке [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 79, 9] и в Сапогово [Илюшин и др., 1992, рис. 23, 4]. Примыкает к этим украшениям стремчовидная подвеска, найденная в могиле с сожжением (рис. 16, 38), и подвески из трех окружностей (рис. 16, 46, 47).

Широко распространены подвески в виде полового усеченного конуса - ворворки (9 экз.). Для них характерны три треугольных отростка, отходящих от конуса (рис. 16, 55 - 63). Они могут иметь длинный или короткий полый стерженек. Генетически этот тип восходит к подвескам кулайской культуры [Троицкая, 1979а, табл. XII, 13, 14], которые связаны с таштыкскими подвесками в виде перевернутых котлов [Кызласов Л.Р., 1960, табл. IV, 29]. Известны они и среди украшений потчевашской культуры [Финно-угры..., 1987, табл. XXVIII, 51]. Ворворки без отростков (рис. 16, 64) распространены в широком хронологическом и территориальном диапазоне. Подвески с тремя отростками в Новосибирском Приобье встречены на всем протяжении бытования верхнеобской культуры. Аналоги им обнаружены в Тимирязевских курганах [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 21, 2; 22, 4] и в Релке [Чиндина, 1977, рис. 5, 5 и 7, 10].

Подвески бобовидные (рис. 17, 1 - 10) встречаются в погребениях на всем протяжении существования верхнеобской культуры. Они плоские, могут иметь длинный или короткий стерженек для подвешивания, среди них есть орнаментированные и без орнамента. Четыре из них, как это указывалось выше, вместе с длинными пронизками входили в состав ожерелья (рис. 15, 11). Аналоги им известны в Тимирязевских курганах [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 21, 4; 63, 1, 2 и др.] и в Релке [Чиндина, 1977, рис. 10, 17; 13, 4 и др.].

Встречаются подвески в виде стерженька с каплевидным окончанием (рис. 16, 48, 49, 52 - 54). Они найдены в могилах VII - IX вв. Аналоги им известны опять-таки в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 22, 1, 2; 71, 7] и Релке [Чиндина, 1977, рис. 4, 1; 6, 1]. Две миниатюрные подвески в виде бочонка (рис. 16, 50, 51) обнаружены в детской могиле. Скорее всего, они подвешивались к поясу, так как лежали ниже него.

Нефритовые подвески из кург. 19 могильника Каменный Мыс имеют форму овала с каплевидной прорезью (рис. 15, 97). Такие же подвески были найдены на Дальнем Востоке - в Ново-Троицком могильнике VII - IX вв. [Деревянко, 1977, с. 179, табл. XV, 5 и др.]. Там они входили в состав серег. Интересна золотая подвеска, восьмигранная в сечении (рис. 17, 28), с круглыми отверстиями на четырех гранях, в которые, возможно, вставлялись камни, сверху к ней прикреплена петелька.

Из других подвесок можно указать умбоновидную бляшку с петлей наверху (рис. 17, 11), бронзовую ажурную лапчатую подвеску из детского погребения кург. 8 могильника Умна-3 (рис. 16, 44), крупное бронзовое плоское украшение с двумя дугообразными отростками внизу из могилы с сожжением Красного Яра-1 (рис. 16, 45). В верхней части украшение орнаментировано двумя спиралями, в отростках - рядами из прямоугольников. У бронзового бубенчика длиной около 5 см недовылита одна сторона (рис. 17, 97). К числу подвесок можно отнести пять вытянутых подовальных лепестков с загнутым верхним краем. Они лежали рядом друг с другом в области груди ребенка из кург. 23 могильника Юрт-Акбалык-8 (рис. 17, 41 - 44).

Таким образом, среди подвесок выделяется группа с четко очерченным ареалом распространения в Среднем и Верхнем Приобье, включая бассейн р. Иня (рис. 11, 55 - 64; 17, 1 - 10 и др.). Это чисто местные, самодийские, бобовидные, лапчатые и другие подвески. Имеются подвески, сделанные по тюркским образцам (рис. 16, 35 - 37). Отдельные виды подвесок встречаются целыми сериями, например, бобовидные и полые конусы с "лепестками", другие же обнаружены в одном экземпляре (рис. 16, 44, 45).

Бляхи. Все они бронзовые, отличаются большим разнообразием форм. Некоторые из них бытуют на широких территориях и в различных хронологических рамках. Это небольшие умбоновидные бляшки, восьмеркообразные, круглые плоские и полусферические (рис. 17, 12 - 27, 29 - 32, 40). Некоторые из них имеют отверстия для нашивки. Одни бляшки литые, другие изготовлены из фольги. Круглые плоские бляшки были как поясными, так и предназначенными для нашивки на одежду. Поясные бляхи мы в этом параграфе не рассматриваем.

С гуннскими традициями связана бронзовая позолоченная бляха из Крохалевки-23 (рис. 17, 55). Ее наибольший диаметр - 4,2 см, в центре расположена крупная сердоликовая вставка, вокруг которой и по краю бляхи находятся ободки из зерни. По краям расположены два отверстия для пришивания бляхи, они прерывают ободки и, видимо, были проделаны позже. Бляха опубликована В.И. Молодиным [1992, с. 130, рис. 127]. Украшение имеет полные аналоги среди гуннских золотых полихромных изделий [Засецкая, 1975, с. 46, рис. 19]. В Тимирязевском могильнике найдена пуговица, выполненная точно в таком же стиле [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 12, 5]. Она обнаружена, как и наша, в погребении V - VI вв.

Явно привозной является круглая бронзовая бляшка из кург. 8 могильника Умна-3 с выпуклым изображением, которое из-за коррозии плохо читается (рис. 17, 34). Три бляшки в виде сдвоенных розеток из Юрт-Акбалыка-8 (рис. 17, 36 - 38) имеют полные аналоги в Тимирязевском могильнике [Там же, с. 195, рис. 60, 3]. Фигурные пряжки с отходящими от центра четырьмя стилизованными бутонами (рис. 17, 39) распространены на большом хронологическом отрезке. В кург. 23 Юрт-Акбалыка-8 такая пряжка найдена в хорошо датированном комплексе VI - VII вв. [Троицкая, Бородовский, 1990, с. 159].

Бляха в виде рядов кружков, соединенных между собой перемычками (рис. 15, 3), дошла до нас в обломках. Одним из аналогов ей можно указать бляху из Архиерейской Заимки [Финноугры..., 1987, табл. XCIX, 60], которая датируется VII - VIII вв. Также к лесному, северному кругу находок, можно отнести три почти одинаковые крупные прямоугольные ажурные бляхи из могильников Черное Озеро-1, Юрт-Акбалык-8 и Юрт-Акбалык-4 (рис. 17, 52 - 54). Их ширина - от 3,0 до 3,4 см, длина - от 5,8 до 6,2 см. Они состоят из шести или семи рядов круглых выпуклостей, разделенных между собой сквозными отверстиями, по четыре выпуклости в каждом ряду. Судя по местонахождению в могиле, одна из этих блях (найденная в кург. 23 Юрт-Акбалыка-8) подвешивалась к поясу. Она обнаружена среди инвентаря, который четко датируется первой половиной VII в. [Троицкая, Бородовский, 1990, с. 159]. Видимо, этим же временем можно датировать и две другие бляхи.

Перстни. Найдено 4 экз. Хорошо сохранились два перстня из кург. 7 Красного Яра-1. Один из них имеет три расположенные рядом выпуклости (рис. 15, 7). Второй, крупный, перстень - с орнаментированным овальным щитком (рис. 15, 6). Аналоги ему известны в погребениях VII - VIII вв. Релки [Чиндина, 1977, рис. 16, 31], Тимирязевского могильника [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 42, 6], в более позднем погребении с сожжением могиль-

ника Сапогово на р. Иня в Кемеровской области [Илюшин и др., 1992, с. 89, рис. 23, 5]. Встречены они и в Нижнем Приобье [Чернецов, 1953, с. 130, табл. IV, 9, 10]. Еще два перстня (Черное Озеро-1 и Умна-3) - железные, с круглыми щитками (рис. 15, 8, 9).

Гривны, браслеты, диадемы. Гривн найдено две. Одна, изготовленная из железного прута (Юрт-Акбалык-8, кург. 12), сохранилась лишь в мелких обломках (рис. 15, 2). Вторая гривна - бронзовая, в виде плоского несомкнутого круга (Черное Озеро-1, рис. 15, 1).

Браслеты - один железный, круглый в сечении (Черное Озеро-1, рис. 15, 6), несомкнутый; от второго, бронзового (Крохалевка-13), сохранилась лишь половина, конец его украшен орнаментом в виде насечек (рис. 15, 4).

Диадем найдено тоже две. От одной (Юрт-Акбалык-8) сохранилась лишь зеленая полоса на черепе. Другая (Юрт-Акбалык-4) представляет собой кожаную ленту, на которую в три ряда были нашиты мелкие бронзовые полусферические бляшки с двумя отверстиями для нашивки (рис. 17, 33). Бляшки пришиты сученой ниткой. Сама лента сшита из нескольких полос: местами это две узкие длинные полосы, местами - несколько широких, на них хорошо видны стежки ниток.

Амулеты. Представлены просверленным медвежьим клыком и зубом бобра (рис. 14, 11, 13).

Монеты. Мы рассматриваем монеты среди украшений, так как многие из них имели отверстия для пришивания и, видимо, использовались населением в качестве нашивных блях. Всего в курганах найдено 27 монет. Число их в одной могиле колебалось от одной до пяти. Чаще всего встречаются китайские монеты (23 экз.), тюркешских монет найдено две и по одной сасанидской и хорезмийской.

Девять китайских монет достоинством в 5 шу найдено в могильниках Юрт-Акбалык-8 (в кург. 6 - 4 экз., в кург. 23 - 1 экз.) и Умна-3 (в кург. 20 - 4 экз.). Эти монеты имеют весьма широкую датировку: с 118 г. до н.э. по 621 г. н.э. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 157, 165, табл. I, 2]. Наши монеты на основании инвентаря довольно четко датируются началом VII в. [Троицкая, Бородовский, 1990, с. 159]. Все четыре монеты из Умны-3 находились в меховом мешочке с выделанной сверху кожей. Тип монеты представлен на рисунке 17, 46.

Более точную датировку имеют две китайские монеты из кург. 23 Юрт-Акбалыка-8 (рис. 17, 45). Их номинал - 2005 шу, дата чеканки - 580 г. [Быков, 1969, табл. X, 66]. Близки к ним по дате и четыре монеты из кург. 8 Умны-3 (рис. 17, 50), выпущенные династией Северной Ци в 553 г. [Там же, табл. X, 68].

Самые поздние китайские монеты (8 экз.) относятся к династии Тан и чеканились с 621 г. на про-

тяжении 340 лет [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 157, 165, табл. I]. Все они найдены в могилах с сожжением курганах 1 и 2 Красного Яра-1 и курганах 8 и 9 Каменного Мыса (рис. 17, 51). Как указывалось выше, курганы с сожжениями этих могильников по всему сопровождающему инвентарю датируются VIII - IX вв.

Две совершенно одинаковые тюркешские монеты найдены в могильниках Чингис-2 и Каменный Мыс-6 (рис. 17, 49). Такие монеты относятся к VIII в. [Смирнова, 1963, с. 126, рис. 31]. Сасанидская монета из могильника Умна-2 после реставрации наполовину разрушилась. По определению А.А. Быкова и В.Г. Лукониной, она относится к четвертому году правления Хосрова I, т.е. к 534 г. Хорезмийская монета из кургана 1 Каменного Мыса имеет надпись на хорезмийском алфавите, т.е. относится к периоду до появления таких монет с арабскими надписями (рис. 17, 48). Она может датироваться VI - VII вв., как и другие монеты, близкие к нашей [Толстов, 1938, с. 130, табл. II].

Таким образом, монеты появляются в Новосибирском Приобье не ранее самого конца VI в., точнее, в VII в. Они составляют две хронологические группы. Первая - это монеты VI - VII вв., вторая - китайские монеты династии Тан, встреченные в комплексах VIII - IX вв.

3. Зооморфные и антропоморфные изображения

Изображения медведей. Медведь - один из наиболее часто встречающихся сюжетов в бронзовом литье верхнеобской культуры. В исследуемых памятниках обнаружено несколько типов плоскостных изображений этого животного.

Первый тип - бляхи с горизонтально расположенными тремя головами медведей. Это пять одинаковых бронзовых блях (рис. 18, 16 - 21). Четыре из них найдены в могильнике Юрт-Акбалык-8, и одна находка случайная. Бляхи прямоугольные, шириной от 3 до 3,5 см и длиной от 5,2 до 6 см. В нижней части каждой бляхи изображены расположенные в один горизонтальный ряд три головы медведя, лежащие на передних лапах. Верхняя часть бляхи делится на три полосы, окаймленные тонким шнуровым валиком. Две крайние полосы заполнены вертикальными рядами из четырех овальных выпуклостей. Посередине центральной полосы проходит слабо заметная грань от пересечения двух плоскостей или шнуровой валик. Сзади имеются петельки для продевания ремешка. Одна из блях со стилизованным изображением: головы медведей соединены между собой ушами так, что на три головы приходится четыре уха, выпуклости не овальные, а круглые, вверху над ними находится изображение медвежьей лапы,

сзади одна петелька осталась невылитой, поэтому на месте крепления пробиты две сквозные дырочки (рис. 18, 19).

Количество таких блях в одной могиле - от одной до трех. Они сопровождали захоронения взрослого и ребенка, причем с последним найдено три бляшки, которые лежали на верхней половине скелета. Оба погребения сопровождалось типичными оцинцовскими сосудами.

Описанные бляшки имеют почти полные аналоги в культурах широкой лесной и лесостепной полосы. Они известны в Прикамье [Оборин, 1976, рис. 29, а], в низовье Иртыша [Чернецов, 1953, с. 109, рис. 4, 7], в Айдашинской пещере [Молодин и др., 1980, табл. 21, 1, 4], в Окуневском могильнике Среднего Прииртышья [Могильников, Конилов, 1983, с. 171, рис. 9, 17], в Прииртышье [Матвеева, 1995, табл. 66, 4; 70, 7 - 10]. Подробно они будут рассмотрены в главе IV, в разделе, посвященном духовной жизни.

Второй тип плоскостных изображений с медведем - бляхи с вертикально расположенными тремя медвежьими головами. Они представлены двумя экземплярами из кург. 7 Красного Яра-1 (рис. 18, 23, 24). Бляхи бронзовые, непарные по размеру (8,3 x 4,4 см и 6,9 x 3,7 см). Впервые они были опубликованы Т.Н. Троицкой [1963, с. 63, рис. 3]. Стиль выполнения обеих блях одинаков. Каждая бляха украшена по краям шнуровидным валиком. Два таких же валика делят бляшку на три части: две узкие гладкие по краям и одну центральную, где вертикально расположены три медвежьи головы, лежащие на передних лапах. Морды вытянутые, на лапах подчеркнуты шерсть и когти. На тыльной стороне бляшек имеются четыре петельки для продевания ремешка. Точно такие же бляхи встречены в Прикамье [Оборин, 1976, рис. 27, 30], в Релке [Чиндина, 1977, рис. 23, 9; 24, 13], в Архиерейской Заимке [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 73, 1] и в Окуневском могильнике [Могильников, Конилов, 1983, с. 171, рис. 9, 14].

Третий тип - бляха с идущим медведем (рис. 18, 16). Найдена при исследовании жилища верхнеобской культуры поселения III Кordon-2 в месте его прилегания к насыпи вала кулайского городища III Кordon-1. Бронзовая пластина обнаружена за пределами жилища, ближе к валу. Поэтому С.Г. Росляков отнес ее к кулайской культуре, так она и была опубликована [Росляков, 1990, с. 63, рис. 2, 13]. Однако детальный анализ пластины и обстоятельства, при которых она была найдена, дают основания отнести ее к I тыс. н.э. Изображение плоское, выполнено очень реалистично. Медведь изображен в профиль, левой стороной. Морда, уши и лапы типичны для этого зверя. Туловище приземистое, лапы мощные, короткие, четырехпалые, с когтями, хвост короткий. Голова отделена от туловища поперечной полосой из мелких прямоугольников.

Лапы и голова животного соединены полоской металла, являющейся продолжением подставки, на которой стоят лапы. Туловище медведя, лапы и подставка сплошь покрыты изображениями головы хищного животного, на которых хорошо прослеживаются круглый глаз, ухо и приоткрытая пасть. Что это за животное, определить трудно. С.Г. Росляков полагает, что тут изображена голова волка, В.И. Молодин видит здесь головы птиц [Молодин, 1992, с. 141]. Задняя лапа медведя действительно покрыта изображениями головы хищной птицы с изогнутым клювом, а не головы волка. Бляха выполнена литьем в плоской односторонней форме, детали подработаны резцом.

Аналоги этой бляхе известны в Среднем Приобье. Одна бляха опубликована Л.А. Чиндиной [Чиндина, 1977, рис. 35, 4]. На ней изображен медведь, туловище которого тоже сплошь покрыто изображениями голов животных. Бляха имеет два ушка для подвешивания. Другая бляха, с изображениями голов лосей, была обнаружена в двух обломках в Тискинском могильнике [Боброва, 1982, с. 43, рис. 5, 1]. Эти явно ранние обломки уже во II тыс. н.э. были вмонтированы в железное стилизованное туловище лоса.

Еще одна бляха, также выполненная в технике плоского литья со следами полировки и подработки деталей резцом, отличается небольшим размером (4,15 x 1,16 см). Животное изображено в профиль с левой стороны (рис. 18, 14). Отломаны лапы зверя и полоска металла, соединявшая их с мордой. Пасть медведя открыта, глаз круглый, рельефный. По верхнему краю туловища и на шее нанесена полоска - кант из прямоугольников. Близость в технике изготовления с описанной выше фигурой медведя позволяет нам отнести ее к верхнеобской культуре.

Изображения прочих животных. В обследованном регионе были найдены бронзовые объемные фигурки двух фантастических зверей и одной белки.

Фигура животного из Ордынского могильника представляет собой полую подвеску и датируется псалями VI - VII вв. [Гутов, 1989, с. 69]. Зверь стоит на подставке, орнаментированной полоской из квадратиков, такие же полосы идут вдоль его спины и задних лап (рис. 19, 2). Уши небольшие, лапы трехпалые, хвост длинный. Морда удлиненная, похожая на клюв, с правой стороны изделия она выходит за подставку, с левой - перекрывается ею. В верхней части фигуры имеется овальное отверстие. Как полагает Е.А. Гутов, опубликовавший данное изделие, это подвеска в виде стилизованного изображения медведя, которая могла входить в косоплеточный набор [Там же, с. 70]. По мнению В.И. Молодина, рассматриваемая фигура скорее всего являет собой собирательный образ, сочетающий черты медведя (четыре лапы, туловище, ухо)

и птицы (хвост и вытянутая в виде клюва морда) [Молодин, 1992, с. 143].

Подобные пронизки, также украшенные лентой из квадратиков или выпуклостей, известны в лесной полосе, где представлены отдельными экземплярами, датирующимися VI - VII вв., в Прикамье [Оборин, 1976, рис. 21, а], на Иртыше [Финноугры..., 1987, рис. LXXVIII, 52]. В более стилизованном виде они сохраняются в Нижнем Приобье и в культурах конца I - начала II тыс. н.э. [Там же, рис. LXXXIX, 11, 16].

Вторая аналогичная фигурка - случайная находка у с. Вьюны Колыванского района (рис. 19, 1). Полая подвеска изображает животное с вытянутым туловищем, четырьмя трехпалыми лапами. Уши отсутствуют, глаза овальные, морда вытянутая, но без клюва. Длинный хвост упирается в подставку, на которой стоит животное. На спине также имеется овальное отверстие. Изображение трудно идентифицировать с каким-либо животным.

В виде белки выполнена небольшая пронизка из Красного Яра-1 (рис. 19, 8). Белочка представлена стоящей. Ее длинный хвост орнаментирован штрихами в виде елочки и смыкается с кончиком ее ушей. Трехпалые лапы соединены между собой и с мордой животного планкой в виде веточки. Глаза зверя округлые, уши удлиненные. Сверху и снизу фигурка завершается трубочкой, в спине напротив нее имеется сквозное отверстие. Такие пронизки, но только с изображением птиц, широко представлены в Прикамье, где они датируются в пределах VII - VIII вв. [Голдина и др., 1980, табл. I, 7, 12; XV, 8 - 14 и др.]. У отдельных экземпляров сохранились ремешки для подвешивания. Такие изделия в Прикамье могли входить в состав шумящих подвесок [Там же, табл. IV, 29].

К зооморфным изображениям относится и вереница животных, процарапанная на каменном пряслице из Юрт-Акбалыка-8 (рис. 14, 2). На сохранившемся обломке видны две фигуры и конец третьей с четырьмя ногами, туловищем в виде дугообразной линии и двумя ушами или рогами. Возможно, это олени.

Орнитоморфные изображения. В исследованных памятниках они представлены серией бронзовых птиц с распростертыми крыльями, плоским туловищем и объемной головой.

Среди этой серии резко выделяется крупная фигура (12,0 x 11,8 см) - случайная находка из Новосибирской области (рис. 19, 5), впервые опубликованная в 1980 г. [Троицкая и др., 1980, с. 163, табл. XVIII, 6]. Перья на крыльях и хвосте птицы переданы с помощью рельефных валиков. Голова имеет небольшие уши. Видимо, это филин. На груди птицы изображена личина с круглыми глазами и горизонтальной полоской в них. Уголки рта опущены. У основания крыльев изображены две небольшие птицы с развернутыми крыльями. Между

личиной и каждой птицей расположены треугольные отверстия, над головами птиц - круглые отверстия для подвешивания. Как полагает В.И. Молодин, изображения птиц носили на груди, и они могли являться символом светской или духовной власти [Молодин, 1992, с. 146].

Второе изображение птицы неполное, хвост и одно крыло отломаны еще в древности, на обратной стороне фигурки сохранились остатки припая - следы починки. Фигура найдена в могильнике Высокий Борок (рис. 19, 4). Голова птицы имеет уши, крылья и шея окаймлены полоской из прямоугольников. На груди сохранились остатки личины: верхняя часть двух овалов с точкой внутри. Над крыльями имелись выступы с отверстиями для подвешивания. Изображение найдено в насыпи, вне датирующего материала, но в целом погребения верхнеобской культуры в могильнике Высокий Борок датируются в пределах VI - VII вв. [Троицкая, Адамов, 1991, с. 140 - 141].

Третья бляха также выполнена в виде птицы с ушами (рис. 19, 3). Это случайная находка под Новосибирском. На груди птицы изображена сердцевидная личина с круглыми глазами и прямой полоской рта. Поперек шеи проходит полоска из мелких прямоугольников. В.И. Молодин трактует ее как ошейник [Молодин, 1992, с. 146].

Четвертая бляха - из Юрт-Акбалыка-4. Она имеет точную датировку, поскольку найдена в могиле с псевдопряжками и обыкновенными пряжками, которые, как это будет показано в параграфе о поясах, хорошо датируются в пределах VII в. Птица без ушей, личина отсутствует, вдоль крыльев расположены полоски с прямоугольниками, соединяющиеся с такой же горизонтальной линией (рис. 19, 6). Отверстий для нашивки нет. Бляха располагалась в области груди погребенного.

Следующие два изделия могут быть трактованы как стилизованные изображения птиц без личин на груди. Для того, чтобы яснее была видна связь этих изделий с фигурками птиц с распростертыми крыльями, мы здесь приводим как промежуточное звено изображение одной птицы из Сапогово Кемеровской области (рис. 19, 9). Оно без личины и не имеет орнаментальных украшений. Голова объемная, прямоугольная, с круглой шишкой в центре. В верхней части головы имеется отверстие для подвешивания, хвост внизу расширяется. Бляха найдена в могиле с сожжением [Илюшин и др., 1992, рис. 23, 3].

Точно так же можно трактовать железное изделие из могильника Крохалевка-13 (рис. 19, 10), найденное в погребении с сожжением VIII в. Голова птицы превратилась в прямоугольный выступ с отверстием для подвешивания, крылья узкие, распростерты. Бронзовая подвеска из Юрт-Акбалыка-8 также может восходить к изображению птицы (рис. 19, 11). Голова у нее отсутствует, крылья не-

большие, расправленные, туловище и хвост массивные. Погребение датируется железными наконечниками стрел, которые относятся, как это указывается в разделе об оружии, к V - VII вв.

Еще одно стилизованное изображение птицы обнаружено в могильнике Черное Озеро-1. Оно лежало в области груди погребенного мужчины (рис. 19, 12). Фигурка выполнена из тонкой бронзовой пластины. На месте головы птицы находится прямоугольный выступ с отверстием для подвешивания, туловище отломано, крылья распростерты и опущены вниз перпендикулярно плечам, внизу они заостряются. Погребение датируется ярусными железными наконечниками стрел V - VI вв.

Эти находки свидетельствуют о том, что стилизация в изображении птиц не связана с хронологией, - такие подвески встречаются с V - VI по VIII вв. Бляхи в виде птицы с распростертыми крыльями и личиной на груди или без нее известны на широкой территории. Они отмечены в Прикамье [Оборин, 1976, табл. 1, 2, 6], в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 60, 1; 62, 4; 74, 15], в Среднем Приобье [Чиндина, 1991, рис. 22, 1 - 3], на р. Иня Кемеровской области (указанная выше бляха из Сапогово) и т.д. Все эти бляхи схожи тем, что изображают птиц с распростертыми крыльями - в полете - и в ряде случаев имеют личины на груди. Трактовка же деталей (перьев, хвоста и др.) на всех бляхах различна. Такого стереотипа, как в бляхах с изображением медведей, у них нет.

Бронзовое навершие из могильника Почта относится к сложным изображениям (рис. 19, 7). Оно завершается фигурой хищной птицы, клюющей перевернутую голову лося. Навершие найдено в насыпи кургана. Туловище птицы орнаментировано полосками из прямоугольников. Втулка удлиненная, овальная в сечении, несомкнутая. Край втулки на лицевой стороне орнаментирован рядами косых линий. В центре втулки расположен вертикальный прямоугольник, внутри которого обозначены зигзагообразная линия и ряды из трех небольших треугольников. Подобный сюжет распространен в лесной и лесостепной полосе от Прикамья до Западной Сибири, чаще всего он изображен на пронизках [Оборин, 1976, рис. 19, а; Чиндина, 1991, рис. 21, 17]. Наиболее близко к нашему навершию изображение птицы, клюющей голову животного, из Бартынского могильника [Голдина, Водолага, 1984, с. 13, 15, табл. 13, 15, рис. 3, 29].

Совсем иной характер имеют изображения птиц на бронзовой петле от ножен (рис. 18, 1). Она найдена в скоплении вещей в насыпи в кург. 1 могильника Умна-2 в одной коробочке (кучке) с бронзовыми бляхами с изображением человеческой личины. В центральной части петли реалистично изображены две повернутые головами друг к другу птицы, одна из которых терзает жертву (змею?). Очень хорошо видны перья, клювы, ког-

ти. Птицы расположены на узенькой пластине, орнаментированной плетенкой, сверху они окаймлены удлиненной аркой, покрытой треугольниками. Петля имеет пять отверстий для прикрепления к ножам, три из них включены в общую композицию, два нижних перерезают хвосты птиц. Если все рассмотренные выше бляхи имеют аналоги в культурах северной полосы, то связи данного изображения и самой петли ведут в Пянджикент [Расопова, 1980, с. 67, рис. 47; с. 95, рис. 67, 7]. Аналогичная петля с изображениями, выполненными в зверином стиле, также восходящая к южным традициям, известна в Релке [Чиндина, 1977, рис. 6, 12].

Антропоморфные изображения. Такие изображения представлены на 13 бронзовых бляшках.

Одиннадцать бляшек с личинами (рис. 18, 2 - 12) по стилю выполнения теснейшим образом примыкают к описанному выше изображению сцены на петле от ножен, вместе с которой они были найдены. На круглых, овальных и прямоугольных бляшках повторяется одна и та же личина с открытым ртом, округлыми глазами и каплевидными ушами. Нос стилизован: внизу он переходит в две округлые ноздри, а на лбу - в сердцевидную фигуру. Это изображение можно отождествлять с мифическим существом Картимукхи. Подобные его изображения известны в Пянджикенте [Расопова, 1980, с. 121, 122, рис. 80, 1, 2; Троицкая, Бородавский, 1990, с. 151, 159, рис. 1, 8 - 12].

Второе изображение человека - сложное, выполненное в плоском литье (рис. 18, 13). Это случайная находка, точной датировки она не имеет. В.И. Молодин датирует ее широкими хронологическими рамками - эпохой средневековья [Молодин, 1992, с. 164, рис. 165]. Мы полагаем, что она относится к концу I тыс. н.э. Бляха изображает фигуру человека, с обеих сторон которого расположены фигуры стоящих на задних лапах зверей (волков?), соприкасающихся мордами с ушами человека. Их передние и задние лапы переходят в руки и ноги человека с ромбовидной головой, округлыми глазами и прямым носом.

Последнее антропоморфное изображение - из поселения Завьялово-2. Это фигура пляшущего человека, заключенного в правильный круг (рис. 18, 15). Руки его подняты до уровня плеч и согнуты в локтях, пальцы, обозначенные черточками, расположены на круге, ноги согнуты в коленях. Глаза обозначены точками, рот - черточкой. Над головой прочерчено три штриха, обозначающих волосы или головной убор. От кулайских традиций сохранилась недоочищенность литья. На ободок, в который заключена фигурка, нанесены черточки, образующие прямоугольники. Над головой в ободке имеется выступ. В.И. Молодин относит это изображение к эпохе бронзы и видит в нем аналог пляшущим человечкам самусьской культуры [Мо-

дин, 1977, с. 148, табл. XI, 6; 1992, с. 34, рис. 26]. С такой датировкой трудно согласиться по двум причинам: во-первых, имеются близкие аналоги в материале железного века и, во-вторых, на поселении Завьялово-2 присутствует верхнеобская керамика. Нам известны два изображения, где фигурка человека с распростертыми руками вписана в круг, на котором лежат его ладони. Одно такое изображение обнаружено на Весленском поселении (республика Коми) в слое, который хорошо датируется VII - VIII вв. [Савельева, Чеснокова, 1985, с. 137, рис. 9]. Эта фигурка отличается от нашей тем, что в ее ободок вписаны две головы лося. Второе изображение - напасская находка из бассейна р. Тым Томской области [Дульзон, 1956, с. 240, рис. 263]. Изображение на этой бляхе более реалистично, чем фигурка из Завьялово-2. Хорошо прорисованы черты лица и пальцы рук. В ободок вписан круг из вытянутых прямоугольников, над головой человечка имеется небольшой выступ - три лучевидных отростка. Л.А. Чиндина относит изображение к кулайской культуре [Чиндина, 1984, с. 22, рис. 17, 7; Чиндина и др., 1990, с. 158]. Поскольку это изделие является случайной находкой и близких аналогов ему в кулайской культуре нет, вопрос о его датировке остается открытым. Во всяком случае, принадлежность данной фигурки к железному веку не вызывает сомнений. Как указывалось выше, среди находок керамики в памятнике Завьялово-2 встречено несколько обломков и один целый сосуд верхнеобской культуры, что наряду с упомянутыми аналогами может датировать эту фигурку второй половиной I тыс. н.э.

Подводя итоги описанию зооморфных и антропоморфных изображений, мы должны отметить, что среди них явно преобладают бляхи, связанные с культурами северной лесной и лесостепной полосы. Лишь в одном кургане найдены изображения, имеющие прямые аналоги в культурах Средней Азии.

4. Вооружение

Предметы вооружения - один из основных источников, позволяющих решать различные задачи археологического исследования [Худяков, 1990, с. 8, 9]. В данном параграфе мы предполагаем прежде всего опубликовать весь комплекс вооружения верхнеобских воинов в систематизированном виде. Его интерпретация с точки зрения реконструкции военного дела - тема специального исследования; опыт подобной реконструкции уже имеется [Худяков, 1986б, с. 122 - 125; Соловьев, 1987, с. 101 - 143]. Мы не затрагиваем здесь также вопросы о роли вооружения в системе мировоззрения верхнеобцев, хотя отдельные реминисценции у аборигенного населения Западной Сибири [Гемуев, Соловьев, 1984,

с. 49 - 52; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 46 - 53] позволяют предполагать, что эта роль была значительной и многогранной.

Комплекс вооружения верхнеобцев (средства ведения дистанционного, ближнего боя и защиты) уже был предметом исследования специалистов-оружиеведов [Худяков, 1986, с. 110 - 125]. Однако Ю.С. Худяковым были использованы далеко не все материалы верхнеобской культуры, а лишь опубликованные ко времени написания его монографии. Кроме того, по его мнению, "основные комплексы, содержащие находки предметов вооружения (верхнеобской культуры. - *авт.*) относятся ко второй четверти I тыс. н.э., хотя отдельные категории вещей известны и в более ранних памятниках" [Там же, с. 11]. С этим положением нельзя согласиться, поскольку, на наш взгляд, развитие верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье проходило в три этапа, но при этом являло собой непрерывную линию, начиная с середины I тыс. н.э. до его конца. Таким образом, учет всех имеющихся на сегодняшний день источников, причем относящихся к значительно более широкому хронологическому диапазону существования культуры, оправдывает появление в нашей книге этого параграфа. Принцип типологических построений при анализе предметов вооружения заимствован нами из работ Ю.С. Худякова.

Средства ведения дистанционного боя

Лук. Наиболее древние свидетельства о наличии сложносоставных луков у населения лесостепного Приобья относятся к новосибирскому варианту кулайской культуры (III - II вв. до н.э., могильник Каменный Мыс) [Троицкая, 1979 а, с. 10]. Различные костяные части сложносоставных луков верхнеобцев (рис. 20, 13 - 17, 21 - 23) в памятниках Новосибирского Приобья обнаружены в пяти случаях:

- 1) Красный Яр-1, кург. 15, погр. 1 (одна фронтальная накладка);
- 2) Красный Яр-1, кург. 10, погр. 1 (одна срединная боковая накладка, фрагмент срединной боковой и фрагмент концевой накладок);
- 3) Умна-3, кург. 18 (две срединные боковые, одна фронтальная накладки);
- 4) погребение на поселении Турист-1 (две срединные боковые, одна фронтальная и одна концевая накладки);
- 5) Чингис-2, кург. 3 (две срединные боковые накладки).

Все комплексы, в которых были обнаружены остатки луков, датируются в пределах VIII - X вв. н.э. Рассматривая эволюцию сложносоставных луков населения Центральной Азии, Ю.С. Худяков выделил для IX - X вв. вторую (особую) фазу второй стадии в развитии этого оружия [Худяков, 1993,

с. 134]. Для нее характерно многообразие типов. "В целом в конце I тыс. н.э. для Саяно-Алтая в наибольшей степени характерны луки со срединными боковыми и фронтальной накладками" [Там же]. По типологии луков Ю.С. Худякова для Обь-Иртышского междуречья [Там же, с. 128], верхнеобские образцы принадлежат к следующим типам: *тип 1* - лук с концевыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками (погребение на поселении Турист-1); *тип 2* - лук со срединными боковыми и фронтальной накладками (Умна-3, кург. 18); *тип 3* - лук со срединными боковыми накладками (Чингис-2, кург. 3, погр. 1); *тип 4* - лук со срединной фронтальной накладкой (Красный Яр-1, кург. 15). Аналоги этим типам приведены в описании Обь-Иртышских луков Ю.С. Худяковым [Там же]. Кроме того, мы, вероятно, можем добавить еще один тип, *тип 5*, - лук со срединными боковыми и концевыми накладками (Красный Яр-1, кург. 10, погр. 1).

На наш взгляд, представляют интерес наблюдения, дающие возможность объединить все верхнеобские луки по характеру их обнаружения. Кроме находок из Чингиса-2, все остальные случаи обнаружения остатков луков связаны с погребениями по обряду кремации. Но главное, что во всех погребениях наряду с другими находками были обнаружены изделия, прямо или косвенно связанные со всадничеством погребенных: в погребении 1 кургана 15 - навершие плети, в погребении 1 кургана 10 Красного Яра-1 - удила с псалиями и костяной подпружной пряжкой, в кургане 18 Умны-3 - навершие плети, в погребении на поселении Турист-1 - чумбурный блок. Что же касается погребения 1 кургана 3 Чингиса-2, то это наиболее яркое погребение воинов-всадников в Новосибирском Приобье с конями и остатками сбруи.

Следовательно, у нас есть основания предполагать, что сложносоставные луки у верхнеобцев были обязательной принадлежностью воинов-всадников и непременным атрибутом, сопровождавшим их при погребении.

Железные наконечники стрел. Все железные наконечники стрел верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье были обнаружены в погребальных комплексах. Они находились либо в непосредственной близости от погребенных, либо, в случае погребения по обряду кремации, среди праха. В некоторых случаях они были встречены в насыпях курганов среди скоплений сопутствующих погребениям вещей.

В типологии железных наконечников из памятников верхнеобской культуры Новосибирского Приобья учтено 68 экземпляров этой категории вооружения, у которых с большей или меньшей точностью можно установить признаки, определяющие их морфологические особенности. У одного наконечника (Дубровинский борок-5, кург. 2) об-

ломано окончание пера (рис. 21, 46). В связи с этим Ю.С. Худяков описал его как "наконечник с тупым острием" и отнес к типу томаров [Худяков, 1986б, с. 112, рис. 49, 12]. Форма его пера скорее всего была удлинненно-шестиугольная.

Необходимо подчеркнуть, что в могильниках найдено значительное количество обломков наконечников стрел, форма которых не поддается реконструкции, и поэтому они не учтены в типологии. Судя по фрагментам перьев эти наконечники принадлежали к группам I, II, V, хотя все они сильно корродированы и определение групп условное. В некоторых случаях (например, в кург. 1 Ордынского-1, в кург. 7 Чингиса-2) наконечники стрел спеклись в единую массу, что также не позволяет установить их форму и точное количество (в типологии они тоже не присутствуют).

В основе датировок выделенных типов лежат ближайшие в географическом плане аналоги, обнаруженные на различных памятниках Южной и Западной Сибири.

Все наконечники относятся к черешковым. По сечению пера они делятся на группы, по форме пера - на типы.

Группа I. Трехлопастные наконечники. Включает четыре типа.

Тип I.1 - асимметрично-ромбические. Учтено 7 экз. (рис. 21, 6, 17, 20, 29).

На территории Горного Алтая подобные наконечники обнаружены на памятниках Балыктыюль (кург. 227), Белый Бом-I (кург. 13, погр. 1; кург. 14, погр. 1), Булан-Кобы-IV (кург. 7), что говорит об их употреблении в этом регионе в I - V вв., а также в комплексах древнетюркского времени Бажанты (кург. 19), Боротол (кург. 82), Кудыргэ (погр. 18), Курай-IV (кург. 1), Туэкта (кург. 3), Узунтал (кург. 2), что свидетельствует об их бытовании здесь в VI - X вв. Ю.С. Худяков описывает аналоги этому типу с такой же датировкой, обнаруженные в Туве, Минусинской котловине и Монголии [Худяков, 1986б, с. 143].

В Приобье аналогичные наконечники обнаружены в Релке (кург. 6, погр. 11), где они датируются соответственно концом VI - началом VIII в. [Чиндина, 1977, рис. 21, 17], в Тимирязевском курганном могильнике-II (кург. 46, погр. 1) с датировкой VI - IX вв. [Беликова, Плетнева, 1983, с. 91, рис. 64, 11], на Ближних Елбанах [Грязнов, 1956, табл. XXXVIII, 14]. Этот тип наконечников широко представлен на многих средневековых памятниках Западной Сибири (с различными подтипами в характере оформления пера): могильниках Мурлинский-1, Кип, Аргаз, Малая Тебендя, Усть-Ишим, Окуневка, у с. Александровка, в Архиерейской Заимке [Соловьев, 1987, с. 37].

Датировка наконечников этого типа в рамках I тыс. н.э. ни у кого не вызывает сомнений, но при этом вряд ли может удовлетворить исследователей.

Однако в настоящее время датировать этот тип более узким периодом затруднительно.

Тип I.2 - удлинненно-треугольные. Учтено 11 экз. (рис. 21, 1 - 5, 7 - 9, 25, 28, 47). При публикации наконечников этого типа из Умны-2 [Троицкая, Бородавский, 1990, с. 150] они ошибочно обозначены как костяные. Этот тип, несмотря на свою морфологическую близость к вышеописанному, распространен в более узком хронологическом диапазоне (VI - X вв.). В Горном Алтае наконечники данного типа обнаружены на памятниках Катанда II (кург. 4), Курай IV (кург. 1), Туэкта (кург. 7), Узунтал I (кург. 2), Большой Курманак I (ограда А-2), Талдура (ограда II), Кер-Кечу (ограда 6) [Худяков, 1986б, с. 143]. Известны они и в памятниках второй половины I тыс. н.э. Тувы и Минусинской котловины.

В Западной Сибири этот тип наконечников известен в материалах Холмогорской коллекции, среди находок на могильнике Малая Тебендя и других памятниках. А.И. Соловьев также связывает наиболее широкое их распространение со второй половиной I тыс. н.э. [Соловьев, 1987, с. 35]. Аналогичные наконечники в Томском Приобье обнаружены в Релке (кург. 6, погр. 11) [Чиндина, 1977, рис. 21, 6], в насыпи кургана 48 Тимирязевского курганного могильника I [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 49, 2] с датировками комплексов VI - VIII вв. Таким образом, на основании аналогий наконечники этого типа наиболее оправданно отнести к VI - X вв.

Тип I.3 - трехлопастные, удлинненно-шестиугольные. Учтено 14 экз. (рис. 21, 23, 27, 30, 32, 34, 36 - 40, 43, 45, 46). Наконечники этого типа чаще всего встречаются в Южной Сибири. В Горном Алтае подобные наконечники обнаружены в памятниках Поротал (кург. 82), Кудыргэ (погр. 5, 9, 11, 19, 22), Катанда II (кург. 4), Курай IV (кург. 1), Кок-Паш (ограда А-2), Талдура (ограда II), Кара-Тал IV (ограда А, Б) [Худяков, 1986б, с. 145].

В Западной Сибири наконечники данного типа распространены не столь широко, как на Алтае и в Минусинской котловине, хотя и здесь их нельзя назвать редкими. Они известны среди материалов Елыкаевской коллекции и случайных сборов [Соловьев, 1987, с. 36]. Наконечник такого типа обнаружен в насыпи кургана 1 могильника Релка [Чиндина, 1977, рис. 3, 14], в погребении 15 Архиерейской Заимки [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 77, 6, 7]. К данному типу относятся, в частности, два наконечника из Умны-3 (кург. 11), имеющие широкие лопасти с круглыми отверстиями в их нижней части. Д.Г. Савинов считает наконечники "с пирамидальной верхней частью и серповидными, реже круглыми отверстиями в лопастях... специально кыргызской формой" [Савинов, 1984, с. 130]. Думается, что это утверждение излишне категорично. "Пирамидальная" верхняя часть является

характерной для большинства типов наконечников стрел, а различной формы отверстия в лопастях имеются у наконечников VII - X вв. от Приамурья [Деревянко, 1987, с. 58, табл. XIV, 6, 7] до хазарского Верхнего Чир-Юрта, встречаются они и у авар [Амброз, 1981, с. 16]. Такие наконечники известны и в Западной Сибири (Елыкаевская коллекция) [Соловьев, 1987, табл. II, 18 - 21]. В связи с этим мы не можем рассматривать наконечники из Умны-3 в качестве некоего этнокультурного маркера.

Тип I.4 - трехлопастные, ярусные. Учтено 11 экз. (рис. 21, 10 - 16, 18, 19). Трехлопастные наконечники стрел с обособленным бойком (ярусные) встречаются реже, чем наконечники предыдущих трех типов. Но все же в различных комплексах Южной Сибири их насчитывается более 60 экз. При этом мы разделяем точку зрения В.Н. Елина о том, что данный тип "не является типичным только для хунну" [Елин, 1989, с. 22 - 23]. Этого же мнения придерживается и Н.Н. Николаев [Николаев, 1989, с. 89 - 91].

При публикации материалов погребения 12 могильника Кок-Паш (Восточный Алтай), где были обнаружены подобные наконечники, В.Н. Елин и А.С. Васютин предприняли анализ этой категории вооружения для территории Алтая [Елин, Васютин, 1986, с. 149 - 151], что избавляет нас от необходимости делать это здесь, тем более, что с наблюдениями этих исследователей мы полностью согласны (аналоги, обнаруженные на территории Алтая, приведены в указанной работе). Время распространения ярусных наконечников для Восточного Алтая В.Н. Елин и А.С. Васютин определяют III - VI вв., что не вызывает возражений. Вероятно, подобная датировка ярусных наконечников может быть принята и для районов Новосибирского Приобья. Необходимо, однако, оговориться, что речь идет о совершенно конкретном варианте таких наконечников, аналогичных обнаруженным в верхнеобских памятниках. Как тип ярусные наконечники продолжают употребляться и во второй половине I тыс. н.э. В частности, только по Западной Сибири А.И. Соловьевым учтено более 50 экз. наконечников данного типа из различных памятников этого времени [Соловьев, 1987, с. 35, табл. II, 1 - 6], однако они имеют несколько иной облик. Ярусные наконечники второй половины I тыс. н.э. известны в лесостепном Прииртышье [Коники, Худяков, 1983, рис. 1, 1 - 4] и Томском Приобье [Комарова, 1952, с. 24].

Ю.С. Худяков отмечал, что ярусные наконечники Забайкалья и Южной Сибири гуннского времени "менее массивны, часто имеют округлые плечики. Позднее они продолжают бытовать вплоть до конца I тыс. н.э., приобретая массивные очертания" [Худяков, 1982, с. 137]. Таким образом, дальнейшее изучение ярусных наконечников стрел должно

предполагать выделение новых признаков в рамках типа, что позволит предметно говорить о хронологии отдельных вариантов.

Ярусные наконечники, аналогичные по облику обнаруженным в могильниках Крохалева-23, Черное Озеро-1 и Красный Яр-1, обоснованно считаются одним из показателей интенсивного поиска населения Южной Сибири I тыс. н.э. в военнотехнической сфере. "В специфической форме пера наконечника отражено стремление совместить ударно-проникающую способность остроугольной боевой головки с высокими баллистическими качествами широколопастного пера" [Коники, Худяков, 1983, с. 96].

Группа II. Округлые наконечники. Включает один тип.

Тип II.1 - округлые, удлиненно-треугольные. Учтено 17 экз. (рис. 21, 31, 33, 34). Из материалов Южной Сибири Ю.С. Худяков в своей сводке приводит лишь один наконечник данного типа с территории Тувы (Кара-Чога, кург. 4) с датировкой IX - X вв. [Худяков, 1986б, с. 146], хотя этот наконечник отличается от верхнеобских, которые являются более вытянутыми. Аналогичный кара-чогинскому наконечнику экземпляр известен лишь в Ближних Елбанах-III (погр. 6) [Грязнов, 1956, табл. XIV, 16].

Выше уже говорилось об определенной условности выделения данного типа в связи с тем, что наконечники сильно коррозированы. Отчасти, видимо, именно этой условностью объясняется наибольшая частота встречаемости округлых наконечников среди всех типов наконечников стрел верхнеобской культуры. Вероятно, часть наконечников, будь они лучшей сохранности, была бы отнесена к другим типам. А.М. Илюшин аналогичные, судя по рисункам, наконечники из Кок-Паша отнес к группе линзовидных (тип томары), по-видимому, имея на то основания [Илюшин, 1990, рис. 2, 47 - 54]. Соответственно датировка этих аналогов - III - VI вв. Округлые наконечники известны в Восточном Прииртышье, где они обнаружены в памятниках IX - X вв. [Арсланова, 1972, с. 63, табл. IV, 1, 2]. В Новосибирском Приобье они найдены также в могильнике XI - XIII вв. Седова Заимка-2 [Романцова, 1983, рис. 2, 1, 2, 5, 6].

Таким образом, вопрос о датировке наконечников данного типа остается открытым. Время их распространения предварительно можно определить очень широко - в пределах I - начала II тыс. н.э.

Группа III. Плоские наконечники. Включает два типа.

Тип III.1 - плоские, с прямым срезом (рис. 21, 44). Учтено 2 экз. Необходимо уточнить, что верхнеобские наконечники этого типа без упора, что также является важным признаком, определяющим их морфологию. Данная форма предельно проста и представляет собой сильно вытянутый треугольник.

Однако значительное количество плоских наконечников с прямым срезом из различных регионов Южной Сибири имеют упоры и этим отличаются от рассматриваемых образцов. Мы же в качестве аналогов рассматриваем наконечники без упоров. Из наиболее близких аналогов можно назвать наконечники из Басандайки [Соловьев, 1987, с. 181, табл. V, 13], Релки [Чиндина, 1977, рис. 6, 5] и Усть-Ишимского могильника [Коников, 1983, рис. 2, 8].

Различные типы плоских наконечников без упора, распространившись с VIII - IX вв., использовались до этнографической современности в Западной Сибири. Территория их бытования связывается прежде всего с таежным миром. Это касается и европейской части России, где они существовали с VIII по XIV в. [Соловьев, 1987, с. 38, 46].

Тип III.2 - плоские, с вогнутым срезом (рис. 21, 24). Учтен 1 экз.

Плоских наконечников с вогнутым срезом известно значительно больше, чем наконечников предыдущего типа, хотя в основном они имеют иные пропорции пера. Пропорции пера наконечника из Черного Озера-1 приближаются к квадрату (максимальная длина примерно равна максимальной ширине). Наконечники с аналогичным характером среза из Кыштовки-1 (кург. 8) [Молодин и др., 1990а, с. 53, рис. 43, 9], Барсова Городка [Соловьев, 1987, с. 181, табл. V, 14, 16] имеют вытянутые пропорции. В то же время плоские наконечники лесостепной Барабы, длина пера которых приблизительно равна их ширине, из Кыштовки-2 (кург. 20) и Абрамово-10 (погр. 21) [Молодин и др., 1990а, рис. 42, 10, 17] или памятников Томского Приобья (Могильницкое поселение-1 и др.) [Плетнева, 1990, рис. 15, 6, 7] имеют прямой или выгнутый срез. Один из наиболее ранних плоских наконечников с вогнутым срезом, обнаружен в Монголии (Баин-Даванэ-Аман) и датируется IX - X вв. [Худяков, 1986б, рис. 64, 43]. Наконечник, наиболее близкий по своему облику к черноозерскому, обнаружен в Приморье (Николаевское-II, VIII - X вв.); [Леньков, Шавкунов, 1993, с. 218, табл. I, 5А].

Возникает вопрос о характере появления наконечника данного типа в погребении кургана 1 могильника Черное Озеро-1, датированного на основании других находок, и в частности ярусных наконечников, V - VI вв. Видимо, его можно рассматривать как один из наиболее ранних экземпляров наконечников этого типа в Южной Сибири.

Группа IV. Квадратные наконечники. Включает один тип.

Тип IV. 1 - квадратные, удлиненно-пятиугольные (рис. 21, 22). Учтен 1 экз. Ю.С. Худяков обозначает подобные наконечники как "боеголовки". На территории Горного Алтая им зафиксированы

наконечники этого типа в Кер-Кечу (огр. А) и Большом Курманаке I (огр. А.2) с датировкой IX - X вв. [Худяков, 1986б, с. 146]. Подобные наконечники относят к бронебойным, их появление исследователи связывают с концом I тыс. н.э. [Савинов, 1984, с. 130 - 131; и др.]. Во II тыс. н.э. бронебойные наконечники продолжают существовать, однако уже имеют удлиненные пропорции. В связи с этим правильно датировать этот тип VIII - X вв.

Группа V. Трехгранные наконечники. Включает два типа.

Тип V.1 - трехгранные, удлиненно-треугольные. Учтен 1 экз. (рис. 21, 27). В своей основе форма пера удлиненно-треугольная. Усложнена "выемками" у перехода к черешку.

Тип V.2 - трехгранные, удлиненно-шестиугольные. Учтено 2 экз. (рис. 21, 42).

Наконечники стрел этой группы в средневековых памятниках Южной Сибири встречаются не так часто, как трехлопастные. Ю.С. Худяковым учтено 11 экз. с территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины с датировками в пределах VII - X вв. [Худяков, 1986б, с. 146, 148]. Три экземпляра трехгранных наконечников обнаружены в Сапогово (Кузнецкая котловина). Соответственно они датированы второй половиной VIII - первой половиной IX в. [Илюшин и др., 1992, с. 20, 41]. Известно два трехгранных наконечника и в могильниках Северной Кулунды IX - X вв. н.э. (Большие Луки-1, курган 3, погр. 1) [Бараба..., 1988, с. 72, рис. 29, 10, 9]. Обнаружено 6 экз. трехгранных наконечников в Лагереvском, Каранаевском и Муракаевском могильниках Южного Урала VII - IX вв. [Иванов, 1987, с. 175, рис. 1, 7]. И хотя все перечисленные аналоги данной группы наконечников относятся к иным типам, все же представляется, что датировка их в рамках VIII - X вв. вполне возможна.

Группа VI. Ромбические наконечники. Включает один тип.

Тип VI.1 - ромбические, пятиугольные. Учтен 1 экз. (рис. 21, 26).

Ромбическое сечение единственного наконечника этого типа имеет лишь выделенная боеголовка. Далее, к черешку, сечение пера переходит в четырехгранное, а черешок имеет круглое сечение. Подобные наконечники обнаружены на Алтае (Кер-Кечу, ограда А; Большой Курманак I, ограда А.2), где они датируются IX - X вв. [Худяков, 1986б, с. 146, 148]. Известны такие наконечники и в кимакских древностях Верхнего Прииртышья (случайная находка в 30 км юго-восточнее с. Чиникты в Восточном Казахстане). "Данный тип использовался в VIII - X вв. на территории Поволжья, но наиболее он характерен для IX в." [Арсланова, 1991, с. 71 - 73, рис. 3, 5, 6, 8]. Таким образом, наиболее вероятное время бытования этого типа наконечников - IX - X вв.

Таблица 3

Железные наконечники стрел верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье

Группа, тип	Место обнаружения	Кол-во	Датировка	№ рис.
I. Трехлопастные				
I.1. Асимметрично-ромбические	Крохалевка-23, кург. 1 (1 экз.); Юрт-Акбалык-8, кург. 8 (1 экз.), 27 (3 экз.); Красный Яр-1, кург. 6 (1 экз.); Черное Озеро-1, кург. 1 (1 экз.)	7 экз.	I тыс. н.э.	21, 6, 17, 20, 29
I.2. Удлиненно-треугольные	Юрт-Акбалык-8, кург. 8 (5 экз.); Черное Озеро-1, кург. 1, 10, 11 (по 1 экз.); Красный Яр-1, кург. 20 (1 экз.); Умна-2, кург. 1 (2 экз.)	11 экз.	VI - X вв.	21, 1 - 5, 7 - 9, 25, 28, 47
I.3. Удлиненно-шестиугольные	Умна-3, кург. 11 (2 экз.), 21, 24 (по 1 экз.); Каменный Мыс, кург. 21-22 (1 экз.); 24, 25 (по 1 экз.); Красный Яр-1, кург. 20 (2 экз.); Чингис-2, кург. 3 (2 экз.); Юрт-Акбалык-8, кург. 27 (2 экз.); Дубровинский Борок-5, кург. 2 (1 экз.)	14 экз.	IV - X вв.	21, 23, 27, 30, 32, 34, 36 - 40, 43, 45, 46
I.4. Ярусные	Крохалевка-23, кург. 1 (7 экз.); Черное Озеро-1, кург. 1, 11 (по 1 экз.); Красный Яр-1, кург. 5 (2 экз.)	11 экз.	III - VI вв.	21, 10 - 16, 18, 19
II. Округлые				
II.1. Удлиненно-треугольные	Умна-3, кург. 1 (4 экз.), 10, погр. 2 (4 экз.); Каменный Мыс, кург. 9, погр. 2 (4 экз.); 24 (1 экз.); Чингис-2, кург. 2 (4 экз.)	17 экз.	I - нач. II тыс.	21, 31, 33, 41
III. Плоские				
III.1. С прямым срезом	Умна-3, кург. 21; Каменный Мыс, кург. 25	2 экз.	с VIII - IX вв.	21, 44
III.2. С вогнутым срезом	Черное Озеро-1, кург. 1	1 экз.	с V - VI вв.	21, 24
IV. Квадратные				
V.1. Удлиненно-пятиугольные	Каменный Мыс, кург. 26	1 экз.	VIII - X вв.	21, 22
V. Трехгранные				
V.1. Удлиненно-треугольные	Каменный Мыс, кург. 26	1 экз.	VIII - X вв.	21, 21
V.2. Удлиненно-шестиугольные	Каменный Мыс, кург. 25; Красный Яр-1, кург. 29	2 экз.	VIII - X вв.	21, 42
VI. Ромбические				
VI.1. Пятиугольные	Красный Яр-1, кург. 26	1 экз.	IX - X вв.	21, 26

Данные о рассмотренных выше железных наконечниках стрел верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье представлены в табл. 3.

Костяные наконечники стрел. Все костяные наконечники стрел верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье, так же как и железные, обнаружены в погребальных комплексах. Нами учтено 187 экз. этой категории находок. Не рассматривались фрагменты наконечников, у которых невозможно было установить характер признаков, определяющих их морфологию, однако количество таких фрагментов невелико.

По способу крепления с древком костяные наконечники подразделяются на три отдела: черешковые, втульчатые и с раздвоенным насадом. По сечению пера наконечники делятся на группы, по форме пера - на типы. Дополнительные признаки определяют варианты.

Отдел черешковых наконечников состоит из восьми групп: трехгранные, ромбические, удлиненно-треугольные, пятиугольные (с желобком по перу в результате удаления пористой сердцевины кости

или без желобка), трапециевидные, шестигранные, круглые, квадратные, изогнуто-трапециевидные. Эти группы, в свою очередь, подразделяются на типы: удлиненно-треугольные, листовидные (с симметрично или асимметрично срезанным черешком) и пятиугольные (с шипом и без него).

В отделе втульчатых наконечников стрел представлены две группы: округлые и овальные. Последний отдел - наконечники с раздвоенным насадом - представлен лишь одним экземпляром: с круглым в сечении листовидным пером.

Данные о костяных наконечниках сведены в табл. 4.

Костяные наконечники стрел относятся к видам источников, интерпретация которых чрезвычайно затруднена. Их морфологические признаки, будучи во многом заданными параметрами сырья, мало отражают этнокультурную специфику их изготовителей или время их функционирования с тем допуском точности, который может удовлетворить исследователей. Поэтому вряд ли имеет смысл привлечение каких-либо аналогов выделенным выше

Костяные наконечники стрел верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье

Отдел, группа, тип	Место обнаружения	Кол-во	№ рис.
1	2	3	4
Черешковые			
I. Трехгранные			
I.1. Удлиненно-треугольные	Юрт-Акбалык-8, насыпь кург. 18 (1 экз.), погр. (1 экз.); Умна-3, кург. 10, погр. 1 (1 экз.), погр. 2 (2 экз.); Каменный Мыс, кург. 24 (2 экз.); Красный Яр-1, насыпь кург. 17-18 (1 экз.); Дубровинский Борок-5, кург. 2 (1 экз.); Ордынское-1, кург. 8 (1 экз.); Красный Яр-1, кург. 2 (1 экз.), кург. 15 (1 экз.)	12	22, 1 - 7
I.2. Листовидные	Юрт-Акбалык, кург. 7 (5 экз.), кург. 10, погр. 1 (1 экз.), кург. 18, насыпь (5 экз.), погр. 1 (2 экз.), кург. 20, погр. 1 (1 экз.), кург. 21, насыпь (1 экз.), погр. 1 (5 экз.); Ордынское-1, кург. 8 (1 экз.); Дубровинский Борок-5, кург. 2 (2 экз.); Умна-3, кург. 10, погр. 1 (2 экз.), кург. 21 (1 экз.), кург. 24 (5 экз.), кург. 25 (1 экз.); Красный Яр-1, кург. 5 (1 экз.), кург. 17-18 (2 экз.); Черное Озеро-1, кург. 12 (2 экз.), кург. 15 (1 экз.)	38	22, 8 - 15
I.3. Пятиугольные	Чингис-2, кург. 7 (1 экз.); Умна-3, кург. 25 (1 экз.)	2	22, 38
II. Ромбические			
II.1. Удлиненно-треугольные	Юрт-Акбалык-8, кург. 3 (2 экз.), кург. 10 (1 экз.), кург. 18, насыпь (2 экз.), погр. 1 (3 экз.), кург. 19 (1 экз.), кург. 20, погр. 1 (3 экз.); Юрт-Акбалык-11, кург. 2 (1 экз.); Ордынское-1, кург. 8 (4 экз.); Черное Озеро-1, кург. 12 (1 экз.); Чингис-2, кург. 7 (1 экз.); Умна-3, кург. 10, погр. 2 (1 экз.); Каменный Мыс, кург. 17 (1 экз.); Дубровинский Борок-5, кург. 2 (1 экз.); Красный Яр-1, кург. 10 (1 экз.), кург. 15 (2 экз.), кург. 17-18, насыпь (1 экз.), кург. 20 (4 экз.)	31	22, 16 - 24
II.2. Листовидные	Юрт-Акбалык-8, кург. 1 (5 экз.), кург. 3 (2 экз.), кург. 7 (1 экз.), кург. 8 (2 экз.), кург. 10 (2 экз.), кург. 18, насыпь (7 экз.), погр. 1 (1 экз.), кург. 19 (3 экз.), кург. 20, погр. 1 (3 экз.), погр. 2 (5 экз.), кург. 21, насыпь (2 экз.), погр. 1 (3 экз.); Юрт-Акбалык-11, кург. 5 (1 экз.) Умна-3, кург. 1 (1 экз.), кург. 10, погр. 1 (1 экз.), кург. 21 (1 экз.); Черное Озеро-1, кург. 12 (1 экз.), кург. 15 (1 экз.); Красный Яр-1, кург. 2 (1 экз.), кург. 10 (1 экз.), кург. 15 (1 экз.), кург. 20 (1 экз.); Каменный Мыс, кург. 17 (1 экз.); Чингис-2, кург. 7 (1 экз.); Ордынское-1, кург. 8 (1 экз.)	49	22, 25 - 30
II.3. Пятиугольные	Умна-3, кург. 25 (1 экз.); Юрт-Акбалык-11, кург. 4 (4 экз.); Юрт-Акбалык-8, кург. 8 (1 экз.)	6	22, 31, 34 - 37
II.3.A. Пятиугольные с шипом	Юрт-Акбалык-11, кург. 4 (1 экз.); Каменный Мыс, кург. 24 (1 экз.)	2	22, 33
III. Пятиугольные			
III.1. Удлиненно-треугольные	Юрт-Акбалык-8, кург. 18, погр. 1 (5 экз.), кург. 20, погр. 1 (1 экз.), погр. 2 (2 экз.), кург. 21, насыпь (1 экз.); Красный Яр-1, кург. 17-18, насыпь (1 экз.), кург. 19 (1 экз.)	11	22, 39 - 41, 53, 55
III.2. Листовидные	Юрт-Акбалык-11, кург. 2 (1 экз.), кург. 8 (1 экз.), кург. 13 (2 экз.), кург. 18, насыпь (3 экз.), кург. 19 (3 экз.), кург. 20, погр. 1 (1 экз.), кург. 21, насыпь (1 экз.), погр. (1 экз.)	13	22, 44
III.3. Пятиугольные	Умна-3, кург. 24 (1 экз.); погребение на поселении Турист-1 (2 экз.)	3	22, 47, 52
III.4. Пятиугольные с шипами	Умна-3, кург. 24 (1 экз.)	1	22, 48
IV. Трапецевидные			
IV.1. Удлиненно-треугольные	Юрт-Акбалык, кург. 18, насыпь (1 экз.)	1	22, 49
V. Шестигранные			
V.1. Удлиненно-треугольные	Черное Озеро-1, кург. 15 (2 экз.); Красный Яр-1, кург. 2 (1 экз.)	3	-
V.2. Листовидные	Черное Озеро-1, кург. 15 (1 экз.); Умна-3, кург. 21 (1 экз.)	2	22, 50, 51
VI. Круглые			
VI.1. Листовидные			
VI.1.A. С асимметричным черешком	Юрт-Акбалык-8, кург. 19 (6 экз.)	6	22, 42, 43

1	2	3	4
VII. Квадратные			
VII.1. Листовидные с ассиметричным черешком	Юрт-Акбалык-8, кург. 19 (1 экз.)	1	22, 46
VII.2. Ромбические	Крохалевка-23, кург.	1	-
VIII. Изогнуто-трапецевидные			
VIII.1. Удлиненно-треугольные	Черное Озеро-1, кург. 15 (1 экз.)	1	-
VIII.2. Листовидные	Красный Яр-1, кург. 20 (1 экз.)	1	22, 45
Втульчатые			
I. Круглые			
I.1. Пятиугольные	Погребение на поселении Турист-1 (1 экз.)	1	-
II. Овальные			
II.1. Пятиугольные	Погребение на поселении Турист-1 (1 экз.)	1	-
C раздвоенным насадом			
I. Круглые			
I.1. Листовидные	Дубровинский Борок-5, кург. 2 (1 экз.)	1	-

Таблица 5

Ширина черешков костяных стрел верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье (группы I - III)

Группа	Ширина черешков		
	6 мм	6 - 8 мм	9 - 12 мм
I	-	28 (59,5%)	19 (40,3%)
II	1 (2,3%)	45 (59,2%)	30 (39,4%)
III	-	13 (39,4%)	20 (60,5%)

типам верхнеобских костяных наконечников. Остановимся лишь на самых общих вопросах, связанных с изучением наиболее представительного отдела - черешковых наконечников (98,4% от всего количества костяных наконечников).

Обращает на себя внимание достаточно жесткая регламентированность пропорций перьев черешковых наконечников. Эти пропорции определялись отношением максимальной ширины пера (в мм) к расстоянию от окончания острия до точки пересечения с линией максимальной ширины (в мм). Соответственно чем ближе к острию линия максимального расширения пера, тем больше этот показатель. Узких, равномерно расширенных и длинных наконечников (у которых это отношение равно приблизительно 0,1) среди черешковых 7%. У большинства наконечников (89%) этот показатель равен 0,2 - 0,4, что может свидетельствовать о жесткости традиции при оптимальном оформлении перьев (это проявляется во взаимосвязи расположения максимальной ширины и длины проникающей части, что безусловно связано с расположением

центра тяжести наконечника, его баллистическими свойствами). Наконечников, у которых линия максимальной ширины в большей или меньшей степени смещена к острию (отношение равно 0,5 - 0,8), зафиксировано 4%.

Интересную информацию дает такой показатель, как ширина черешков наконечников стрел при их корреляции с группами (сечением перьев). Эти данные сведены нами в таб. 5. Меньшее количество наконечников по группам в таблице по сравнению с типологическим перечнем связано с отсутствием у некоторых из них черешков.

Ширина черешка может быть соотнесена с диаметром древка наконечника стрелы, а диаметр древка с его длиной и мощностью метательного устройства. Очевидно, что чем шире черешок наконечника стрелы (чем больше диаметр древка), тем более мощным метательным устройством стрела может быть пущена в цель [Сидоров, 1989, с. 17 - 19]. Из таблицы видно, что если трехгранные и ромбические наконечники использовались верхнеобцами одинаково с древками как средних, так и крупных

диаметров, то пятиугольные наконечники явно были предпочтительней для мощных древков с диаметром 9 - 12 мм. Следовательно, мы имеем основание предполагать наличие у верхнеобцев, во-первых, различных по мощности метательных конструкций (луков, самострелов), а во-вторых, некоторую специализацию различных типов стрел при использовании их с этими метательными конструкциями.

Оценивая специфику костяных наконечников верхнеобской культуры в целом, можно высказать несколько общих замечаний. Коллекция костяных наконечников стрел верхнеобской культуры обладает значительным типологическим разнообразием (всего выделено 20 типов) с резким преобладанием черешковых наконечников. Ее сравнение с аналогичными коллекциями предшествующих культур (эпохи раннего железа) в лесостепном Приобье позволяет говорить о некоторых тенденциях в изменении ее облика. Резко уменьшилось по сравнению с кулайской коллекцией количество наконечников стрел с жальцами-шипами у перехода к черешку. Втульчатое крепление зафиксировано лишь у двух массивных притупленных верхнеобских наконечников, которые, вероятнее всего, использовались при охоте на пушного зверя. Характерный для костяных наконечников хунну раздвоенный насад у верхнеобцев практически отсутствует [Худяков, 1986б, с. 117]. К сожалению, затруднено сравнение с материалами II тыс. н.э. из Новосибирского Приобья, которые опубликованы пока в крайне незначительном количестве.

Колчаны. Колчаны были обязательным атрибутом экипировки лучников для хранения и транспортировки стрел во время военных действий и на охоте. Мы можем лишь предполагать, что колчаном обладал каждый лучник и поэтому они имели широкое распространение у верхнеобцев. Однако источников, позволяющих определить типы колчанов, реконструировать их внешний вид крайне мало, поскольку колчаны изготавливались из органического сырья, легко поддающегося разложению в земле (кожа, дерево, береста). Поэтому чаще всего от колчанов сохранились лишь железные крючья, на которых они крепились. Лишь в одном случае (Красный Яр-1, кург. 15, погр. 1) были обнаружены костяные пластины - остатки колчана (рис. 20, 11, 12, 20). Во время погребения в колчане находилось четыре стрелы с костяными наконечниками и стек с роговым навершием [Троицкая, 1978, с. 106, рис. 5, 2; Бородавский, 1993, с. 182]. Стрелы были положены в колчан наконечниками вниз, а стек - навершием вверх.

Реконструкция внешнего вида колчана по трем сохранившимся пластинам может быть лишь предположительной и осуществлена только в самом общем виде. Судя по размерам пластин он представлял собой футляр сложной формы. Ширина устья

3 см (устанавливается по максимальной верхней ширине вертикальных боковых пластин), длина устья 13 см (устанавливается по расстоянию между параллельными вертикальными пластинами и расстоянию между точками углов нижней пластины - укрепителя дна). Длина вертикальных пластин 20 см. Вероятно, эту цифру можно принять за длину кармана, хотя общая длина колчана могла быть больше.

В характере оформления дна возможны два варианта. Если нижняя пластина на колчане располагалась вертикально, то скорее всего дно имело округлые очертания, повторяющие внешний контур пластины, которая в этом случае выполняла как укрепительные, так и декоративные функции, оформляя нижнюю часть колчана. Этот вариант вряд ли может быть приемлем, поскольку в этом случае судя по боковым пластинам карман имел бы резко выраженное сужение книзу, доходившее до 6 - 7 мм (ширина вертикальных пластин в нижней части). При этом наконечники стрел явно заклинивало бы в колчане, и они к тому же портили бы материал кармана.

Более вероятным представляется другой вариант, при котором нижняя пластина в колчане была расположена горизонтально, и ее форма практически является формой дна. При этом достигаются следующие цели: 1) дно имеет твердую основу с максимальной шириной 5 см, что исключает заклинивание стрел; 2) наконечники стрел, упиравшись остриями в пластину, не прорывают дно; 3) ровное дно колчана предполагает ровное расположение в нем стрел, что особенно важно при скоростной стрельбе; 4) нижняя часть колчана имела вогнутый вид, что, безусловно, удобно при ношении его у ноги. Судя по отверстию, сохранившемуся в верхней части одной из вертикальных пластин, колчан мог крепиться с помощью шнура диаметром до 5 мм.

Колчаные крючья. Всего в памятниках верхнеобской культуры Новосибирского Приобья их обнаружено четыре экземпляра. По характеру крепления (наличию или отсутствию поперечной планки) колчаные крючья делятся на два типа.

Тип I - с поперечной планкой (1 экз.) (рис. 23, 9). Крюки с поперечной планкой распространены в Южной Сибири в первой - начале второй половины I тыс. н.э. [Комплекс..., 1979, с. 96; Худяков, 1978, с. 167, рис. 2, 1, 2; Уманский, 1974, с. 138, рис. 1, 3, 4; с. 140, 141; Елин, Васютин, 1986, с. 151, рис. 3, 23]. Известны они и в Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, с. 14, рис. 4, 9; 7, 2; 14, 9]. Аналоги датируются по материалам Крохалевки-23 в рамках V - VI вв.

Тип II - без поперечной планки (3 экз.). Крюки этого типа имеют в Южной Сибири широкий круг аналогов в памятниках второй половины I - II тыс. н.э.

Средства ведения ближнего боя

Палаш. Обнаружен один экземпляр (рис. 20, 24). Имеет прямой, треугольный в сечении клинок. С перекрестьем. Длина сохранившейся части клинка 59 см, максимальная ширина 2,5 см.

Во второй половине I тыс. н.э. палаши широко использовались воинами Южной Сибири. Исследователи выделяют значительное количество их типов [Худяков, 1986б, с. 153, 154, 191, 192]. Аналогии чингисскому палашу обнаружены в памятниках Ближние Елбаны VII (мог. 78), Сростки, Усть-Козлуха, Гилево V (кург. 6), Гилево VII (кург. 1), Татарские могилки (кург. 4) [Там же, с. 120, 192]. Известны палаши и в Томском Приобье (Релка, кург. 1, погр. 7), но релкинский палаш с кольцевым навершием [Чиндина, 1977, с. 27, 28, рис. 6, 1]. Таежная зона западной Сибири явилась одним из регионов, где этот вид оружия существовал значительно дольше, чем в степи и лесостепи. А.И. Соловьевым учтено 51 экз. разновременных западно-сибирских палашей, при этом наиболее поздние датируются XVI - XVII вв. [Соловьев, 1987, с. 67 - 73].

Наконечники копий (рис. 23, 15, 17). Наиболее ранние железные наконечники копий появляются в Новосибирском Приобье в кулайское время. Они обнаружены в могильнике Каменный Мыс и относятся к III - II вв. до н.э. [Троицкая, 1979а, с. 12, табл. VIII, 22 - 24]. Следовательно, у нас нет оснований связывать их наличие у верхнеобцев с влиянием комплекса вооружений южно-сибирского населения в результате тюркизации этой территории во второй половине I тыс. н.э. Этот тип вооружения состоял в арсенале таежных воинов и охотников задолго до влияния на него традиций тюркоязычного мира.

Все обнаруженные наконечники копий верхнеобцев железные. Сравнительно целых, с большей или меньшей степенью коррозированности, обнаружено 2 экз.: в Каменном Мысе (кург. 16) и Чингисе-2 (кург. 7). Кроме того, найдено две втулки-насады от наконечников (Чингис-2, кург. 1, Красный Яр-1, кург. 29).

По форме пера каменномысский и чингисский наконечники относятся к удлинненно-шестиугольным, по сечению пера к линзовидным или ромбическим (ввиду их коррозированности установление последнего признака затруднительно).

Ю.С. Худяков приводит ряд аналогов этому типу наконечников из различных регионов Южной Сибири [Худяков, 1980, с. 52, табл. X, 1 - 3, 6; XI, 1, 2; 1991, с. 41, рис. 19, 1], которые позволяют определить время его распространения в рамках VI - X вв.

Боевые ножи. Прежде всего отметим, что под ножами мы понимаем однолезвийные изделия в отличие от обоюдоострых кинжалов. В материалах

верхнеобских культуры, происходящих из Новосибирского Приобья, кинжалов не найдено. Что же касается крупных ножей, то они обнаружены в могильнике кургана 7 Чингис-2 (рис. 23, 12), в кургане 2 Крохалевки-23 (рис. 23, 9), в кургане 29 Умны-3 (рис. 23, 16).

Судя по публикациям, перед исследователями довольно часто возникают затруднения: к какой категории материальной культуры относить крупные ножи ("предметы вооружения" или "предметы быта"). Этот вопрос возникает в связи с полифункциональным назначением ножей. Нам представляется, что его нельзя решить без привлечения всей совокупности данных об особенностях военного дела в конкретных пространственно-временных условиях. Поскольку для западно-сибирского региона такая работа проделана А.И. Соловьевым и в ней достаточно детально аргументируется возможность использования крупных ножей при ведении боевых действий [Соловьев, 1987, с. 84, 85], мы считаем небезосновательным включение таких ножей в арсенал носителей верхнеобской культуры.

Боевые ножи верхнеобцев делятся на два типа: коленчатые и с прямой рукоятью.

Тип I - коленчатые. Обнаружен один экземпляр в могильнике Чингис-2 (рис. 23, 12). Черешок ножа расположен под углом к лезвию, кроме того, данный экземпляр обладает мощным перекрестьем.

В качестве территориально наиболее близкого аналога чингисскому может рассматриваться коленчатый нож из могильника Архиерейская Заимка (погр. 5) [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 76, 1]. Подобные ножи известны и в материалах VI - VII вв. культуры чаатас, причем один из них (обнаруженный в Уйбатском чаатасе) также обладает мощным перекрестьем [Степи..., 1981, с. 48, рис. 28, 27, 28]. Ножи этого типа называют уйбатскими. Кроме того, коленчатые ножи часто изображаются на древнетюркских каменных изваяниях [Кубарев, 1984, с. 40 - 42; Худяков, 1986б, рис. 68, 46, 47, 51 - 54, 57, 58, с. 156]. Аналогии позволяют датировать этот тип VII - VIII вв.

Тип II - с прямой рукоятью. Обнаружено два экземпляра (рис. 12, 9; 23, 16). Длина клинка ножа из Крохалевки-23 составляет 23,5 см. Он имеет чуть горбатую спинку. Длина клинка ножа из Умны-3 равна 35 см. Ножи с клинками подобных размеров вряд ли использовались в повседневной бытовой практике. Наиболее вероятная область их применения - боевые действия и охота на крупного зверя. Датировка этого типа ножей затруднительна.

Рукояти плетей и навершие стека. Очевидно, плети и стеки входили в атрибуты экипировки конных воинов верхнеобской культуры. Всего обнаружено четыре экземпляра рукоятей плетей (рис. 14, 8, 9, 16, 17) и один экземпляр навершия стека

(рис. 14, 6). Все комплексы, где обнаружены эти изделия, датируются в пределах VIII - X вв. Поскольку недавно эта категория находок была проанализирована А.П. Бородовским с привлечением различных аналогов [Бородовский, 1993, с. 179 - 189], в данной работе мы не будем останавливаться на них подробно.

Цепочки для ножен. Подразделяются на два типа: I - с длинными звеньями и II - с короткими звеньями. Цепочки с длинными звеньями (общая длина звена 8 - 9 см) обнаружены на городище Чучка-7 (10 парных звеньев, три звена с большим кольцом и четыре звена с маленьким кольцом), в могильнике Юрт-Акбалык-8 (одно парное звено с маленькими кольцами) (рис. 23, 1, 4, 7, 8), и одно звено с малым колечком найдено в кургане 2 могильника Крохалевка-23. Каждое звено изготовлено из двух витых проволок. В случаях, когда звенья заканчивались большими кольцами (диаметр по внешнему контуру 3,5 см), они проковывались, а потому эти кольца сильно расплющены. В другом варианте оформления конца звеньев две проволоки, из которых они изготавливались, просто загибались, заходя друг за друга.

Ближайшие в географическом плане аналоги цепочкам с длинными звеньями известны в памятниках V - VI вв. (Тимирязевский курганный могильник-1, кург. 55, насыпь) [Беликова, Плетнева, 1983, с. 10, рис. 10, 22] и VI - VIII вв. (Релка, кург. 1, скопление В) [Чиндина, 1977, с. 9, рис. 3, 30].

Одно короткое звено цепочки для ножен обнаружено в кургане 12 могильника Крохалевка-23 (рис. 14, 19). Подобные звенья встречаются чаще, чем длинные. Ближайшие аналоги относятся как к V - VI вв. (Тимирязевский курганный могильник-1, кург. 55, насыпь) [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 11, 4], так и в VI - VIII вв. (Тимирязевский курганный могильник-1, кург. 62 [Там же, рис. 53, 7]; Релка, кург. 6, насыпь [Чиндина, 1977, рис. 19, 10]).

Защитное вооружение

Комплекс защитного вооружения верхнеобцев представлен лишь фрагментами железного панциря из Крохалевки-23 (рис. 23, 5) и кольчуги из Умны-2. К сожалению, фрагменты панциря очень плохой сохранности, они обнаружены в виде сплошной спекшейся массы. Можно лишь сказать, что пластины имели удлиненную, подпрямоугольную форму со скругленными концами. Расположение на пластинах отверстий для их крепления установить затруднительно.

Панцирные доспехи, видимо, были широко распространены в Приобье второй половины I тыс. н.э. Пластины доспехов обнаружены в трех погребениях Релки [Чиндина, 1977, с. 33, рис. 6, 6; 24, 17], в насыпи кургана 6, в насыпи и погребении кургана 48, в

погребении кургана 62 Тимирязевского курганного могильника I, в погребении 5 Архиерейской Заимки [Беликова, Плетнева, 1983, с. 75, рис. 49, 3, 4; 53, 2, 3; 54, 2, 4; 191, 3]. Эти аналоги датируются VI - VIII вв.

Фрагмент кольчуги обнаружен в Релке (кург. 5) [Чиндина, 1977, с. 33] соответственно с датировкой VI - началом VIII вв. Однако этот тип защитного вооружения у воинов Приобья, видимо, использовался меньше, чем панцирные доспехи.

5. Предметы конской упряжи

Предметы, использовавшиеся в конской упряжи верхнеобской культуры, представлены железными удилами, железными и одним костяным псалиями, железными стремянами, различными бронзовыми бляхами - украшениями узды и тройниками, костяными деталями узды (чумбурные блоки, пряжки). Анализ предметов конской упряжи мы проводим по категориям инвентаря, однако при этом в данном параграфе рассматриваем изделия, имеющие узкофункциональное назначение применительно к снаряжению верхового коня. Костяные пряжки, которые многие исследователи определяют как подпружные, могли иметь полифункциональное назначение - служить закрепителями ремней в любых ременных конструкциях, не обязательно в конской упряжи. Поэтому мы посчитали возможным рассмотреть их в разделе, посвященном пряжкам верхнеобцев. То же самое относится и к некоторым типам бронзовых накладных бляшек (например, сердцевидным) и тройникам, которые могли использоваться (и использовались) на поясах. Поэтому здесь мы остановимся лишь на тех изделиях, которые были найдены только вместе с погребениями коней, что доказывает их безусловное использование у верхнеобцев в качестве украшения узды.

Удила и псалии. В могильниках верхнеобской культуры обнаружено значительное количество удила (целые - состоящие из двух звеньев и в виде отдельных фрагментов) различной сохранности. Далеко не все из них снабжены псалиями (не исключено, что псалии могли быть деревянными). По форме своего окончания удила верхнеобцев делятся на два типа: однокольчатые и восьмеркообразные.

Тип I - однокольчатые удила. Относительно целых экземпляров (с двумя звеньями) обнаружено девять. Кроме того, найдено еще 15 одиночных звеньев (или их фрагментов) (рис. 24, 2 - 10, 14, 16 - 22).

Кольца на концах удила представляют собой загнутое продолжение округлых или прямоугольных в сечении прутьев. Круг аналогов этому типу удила даже в пределах Южной Сибири настолько широк,

что вряд ли имеет смысл упоминать их здесь. Подобные удила, появившись еще на шибинском этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая, были известны хуннам и существовали на протяжении I тыс. вплоть до VIII - IX вв. [Савинов, 1984, с. 134]. Однако в некоторых случаях (Каменный Мыс, кург. 19; Красный Яр-1, кург. 10) однокольчатые удила обнаружены вместе с железными "S"-образными псалями с плоскими петлями, хронология которых сравнительно узкая: они начинают распространяться с VII - VIII вв. [Там же, с. 135] и широко представлены среди "аварских, аланских, литовских и тюркских древностей VII - IX вв. от Сибири и Северного Кавказа до Чехии и Литвы" [Кирпичников, 1973, с. 13]. Вероятно, один из наиболее ранних железных псалиев верхнеобской культуры обнаружен в кургане 12 могильника Крохалевка-23 (рис. 24, 15). Этот двудырчатый псалий без скобы имеет аналоги в южно-сибирских комплексах VI - VII вв., в частности в могильнике Кудыргэ [Гаврилова, 1965].

Тип II - восьмеркообразные удила (рис. 24, 1, 11). Такие удила обнаружены в двух случаях: в насыпи кургана 15 памятника Каменный Мыс и в кургане 1 погребении 1 Чингиса-2. Кольца удила расположены в одной плоскости. Каменномысские удила витые и снабжены дополнительными кольцами. Удила из могильника Чингис-2 имеют роговые псалии с железными скобами.

В Южной Сибири восьмеркообразные удила наибольшее распространение получают с VIII в. При этом "начиная с VIII - IX вв. стержни некоторых удила стали делаться витыми, а в IX - X вв. многие из этих удила с дополнительными кольцами, по-видимому, употреблялись без псалий" [Савинов, 1984, с. 134]. С начала II тыс. н.э. восьмеркообразные удила заменяются удилами с трензелями.

Железные стремяна. I тип представлен на рисунке 23, 13, 14. Обнаружено два экземпляра - в насыпях кургана 1 и 8 могильника Крохалевка-23. Эти стремяна типологически едины. Они имеют круглый пластинчатый корпус со спрямленной тавровой подножкой и высокую петлю для ремня без шейки. Стремя из кургана 8 слегка повреждено и деформировано (не исключено, что преднамеренно). Стремя из кургана 1 украшено четырьмя параллельными линиями-бороздками по корпусу и не менее чем тремя по петле, стремя из кургана 8 - тремя параллельными линиями по корпусу.

Обнаружение в одном могильнике двух экземпляров стремян уникального для лесостепи Евразии типа предполагает, что на их анализе следует остановиться подробнее. Насколько нам известно, аналогов крохалевским стремянам немного: в Горном Алтае - два стремени из погребения 7 могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 23, табл. XIV, 7], в Южной Туве - два стремени

из погребения 1 могильника Улуг-Хорум [Грач, 1982, с. 158, рис. 2, 6, 7], одно стремя из "погребения тюркского времени в Самарканде" [Савинов, 1984, рис. 2, 14]. Кроме этих пяти стремян, обнаруженных во время раскопок и надежно документированных, имеются также случайные находки рассматриваемого типа: одно стремя из района Верхней Оби [Гаврилова, 1965, с. 34; Грач, 1982, с. 160] (исследователи ссылаются на него с 1960-х гг., но это стремя, по данным А.А. Гавриловой, хранящееся в Барнаульском краеведческом музее, до сих пор, насколько нам известно, не опубликовано), одно стремя из района Среднего Енисея [Гаврилова, 1965, с. 34; Грач, 1982, с. 162] (в сводной таблице эволюции стремян в IV - VI вв. В.А. Грач поместил рисунок этого стремени со Среднего Енисея [Грач, 1982, рис. 7, 7]; видимо, его же опубликовал и Л.Р. Кызласов [Степи..., 1981, рис. 28, 47], датировав VI - VII вв.) и одно стремя из района пос. Золотаревка (Среднее Поволжье, хранится в Пензенском краеведческом музее) [Измайлов, 1990, с. 62, рис. 1]. На этом круг известных нам аналогов крохалевским стремянам исчерпывается. Остановимся на вопросах датировки данного типа стремян.

Имея в качестве аналогов стремянам из могильника 7 Кудыргэ лишь случайные находки из Верхней Оби и Среднего Енисея, А.А. Гаврилова отнесла их к IV типу ("редкая форма") стремян и датировала VI - VII вв. (в рамках выделенного ею кудыргинского типа могил) [Гаврилова, 1965, с. 58 - 61]. Однако в последующих работах А.К. Амброза [1973, с. 81 - 98], С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова [1984, с. 114 - 130] было убедительно доказано, что стремяна этого облика являются первым (в хронологическом плане) типом железных стремян, во многом еще копирующим деревянные стремяна IV - V вв. из Кореи и Японии. В.А. Грач [1982] на основании этого датировал улуг-хорумские стремяна "временем не позднее середины VI в. н.э., а возможно, еще более ранним" (с. 163). И.Л. Измайлов, исходя из анализа описанного нами круга аналогов, датировал золотаревское стремя концом V - серединой VI в. [Измайлов, 1990, с. 63]. В отличие от стремян, являющихся случайными находками или происходящими из комплексов с незначительным набором инвентаря, крохалевские стремяна можно попытаться датировать и на основании анализа обнаруженных вместе с ними вещей независимо от датировок аналогичных стремян из других регионов. Поскольку такая работа нами была проделана ранее, и результаты ее опубликованы [Новиков, 1988, с. 47 - 54], здесь мы не будем останавливаться на этом подробно. Отметим лишь, что комплекс находок, с которыми были обнаружены рассматриваемые стремяна, не противоречит их датировке в рамках V - начала VI в.

Таким образом, появление железных стремян в лесостепном Приобье синхронно с их появлением в других регионах Евразии и относится ко времени не позднее середины VI в., причем у нас нет оснований исключать V в. Первый в хронологическом смысле тип железных стремян был, судя по всему, единым для всей лесостепной Евразии и представлял собой железные аналоги обитых листовым металлом деревянных стремян из Кореи и Японии. В связи с этим мы не можем обойти вопрос о происхождении стремян в Южной Сибири. Прежде всего, мы считаем, что этот вопрос должен быть разделен на два: о происхождении стремян вообще как части конской упряжи и о происхождении металлических стремян. При этом мы не оцениваем функциональные качества стремян в зависимости от материала изготовителя. Стремя является таковым, если оно выполняет свои основные функции, независимо из какого материала оно изготовлено [Кызласов И.Л., 1973, с. 31].

По поводу даты появления металлических стремян можно сказать со значительной долей уверенности, что в Южной Сибири, да и в других районах лесостепной Евразии, железные стремяна, которые, бесспорно, можно было датировать временем ранее V в., не обнаружены. И судя по тому, что данный тип стремян совершенно очевидно является переходным от деревянных в основе форм, вряд ли они будут найдены. Обоснованным, на наш взгляд, является предположение исследователей, что в евразийскую лесостепь металлические стремяна оказались привнесенными, вероятно, из дальневосточного или (и) юго-восточного регионов. Что же касается вопроса о происхождении стремян как части конской упряжи, то мы его затрагивать не будем, поскольку он выходит за хронологические и территориальные рамки, ограничивающие предмет нашего исследования. Мнение С.В. Киселева, Л.Р. Кызласова и И.Л. Кызласова о том, что в Южной Сибири стремяна существовали в значительно более раннее время (И.Л. Кызласов предполагает "широкое бытование стремян в период с IV - III вв. до н.э. по III в. н.э." [Там же]), основанное лишь на фактах обнаружения миниатюрных "моделей стремян" в памятниках этого времени, представляется нам спорным. Пока не известен ни один факт обнаружения в каком-либо виде настоящих стремян этого времени. Предполагать же существование стремян на основании находок миниатюрных изделий, похожих на стремяна, представляется нам некорректным.

Обнаружение стремян V - начала VI в. в материалах одинцовского этапа верхнеобской культуры поднимает еще один вопрос - о характере их появления в лесостепном Приобье. Все перечисленные нами аналоги происходят из мира кочевых культур. Крохалевские стремяна в этом смысле уникальны, поскольку верхнеобцы не были кочевни-

ками. По нашему мнению, эти стремяна являются одним из свидетельств первых непосредственных контактов ранних верхнеобцев с носителями традиций культур кочевого мира Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Факты проникновения последних в лесостепь Западной Сибири стали накапливаться [Уманский, 1978, с. 129 - 163; Молодин, Чикишева, 1990, с. 161 - 179; и др.].

II тип (рис. 23, 11) - стремяна, имеющие пластинчатую петлю для ремня на шейке. Обнаружен один экземпляр в насыпи кургана 1 могильника Умна-2, он датируется VII в. [Троицкая, Бороодовский, 1990, с. 158].

В целом, стремяна подобного облика бытуют до IX в., хотя уже в VII - VIII вв. появляются первые стремяна "арочного" типа [Амброз, 1973, с. 93] и со второй половины IX в. в европейской лесостепи [Кирпичников, 1973, с. 43 - 55], и в частности, в лесостепной зоне Западной Сибири [Молодин и др., 1990, с. 82, рис. 60, 1 - 3; Молодин, 1979, с. 86 - 87, табл. XIV, 1], распространяются формы, совершенно отличные от раннесредневековых, просуществовавшие без значительных изменений до этнографической современности.

Вопроса о происхождении данного типа стремян мы касаться не будем. Отметим лишь, что начиная с VII в. в лесостепной зоне Евразии он распространен очень широко, причем эта форма в целом (с различными вариантами) повторяется и при использовании цветных металлов (серебра, бронзы) при изготовлении данного типа стремян.

В лесостепном Обь-Иртыше стремяна II типа обнаружены, в частности, в могильниках VIII - IX вв. Чулым-II [Бараба..., 1988, с. 63] и Преображенка-III [Молодин и др., 1981, с. 131, рис. 4, 19], в Кузнецкой котловине - в могильнике второй половины VIII - первой половины IX в. Сапогово [Илюшин и др., 1992, с. 24]. С.П. Нестеров приводит десятки аналогов этому типу стремян из различных регионов Южной Сибири [Нестеров, 1988, с. 180 - 182, прил. I, II] и делает интересное предположение о том, что стремяна с пластинчатой петлей на шейке, видимо, символизируют "благополучие и знатность человека" [Там же, с. 179]. При этом он анализирует значительное количество погребений Южной Сибири. Мы же, рассматривая материалы только одного погребения с подобными стремянами, можем лишь констатировать, что оно не относится к числу массовых. Это погребение ребенка с разнообразным набором инвентаря.

III тип (рис. 23, 6, 10) - стремяна с петельчатым ушком, или восьмеркообразные. Обнаружено четыре экземпляра (Каменный мыс, кург. 15; Крохалевка-15, насыпь кург. 2; Красный Яр-1, кург. 20; Чингис-2, кург. 3).

Восьмеркообразные стремяна, так же как и стремяна II типа, имеют очень широкое распростране-

ние. Их хронология для южно-сибирского региона не разработана. Можно лишь сказать, что они в целом датируются уже, чем стремена с пластинчатой петлей: ранее VII в. н.э. они не встречаются [Амброз, 1973, с. 84, рис. 2] и наиболее широко распространены в VII - начале IX в.

По мнению С.П. Нестерова, восьмеркообразные стремена в отличие от других форм были "изобретены" именно в Южной Сибири и в VII - IX вв. этот тип "завоевывает широкую популярность, особенно у рядовых членов общества" [Нестеров, 1988, с. 177, 179]. Исследователь приводит многочисленные аналоги восьмеркообразным стременам из памятников Алтая, Тувы и Минусинской котловины [Там же, с. 180 - 182, прил. I, II]. К ним можно добавить аналогичные стремена из могильников VIII - IX вв. (Чулым-II) и VIII - начала IX в. (Преображенка-3) лесостепного Обь-Иртышья [Бараба..., 1988, с. 63; Молодин и др., 1981, с. 127, рис. 2, 18; с. 132, рис. 5, 6, с. 135], а также 11 экземпляров подобных стремян из могильника Сапогово (вторая половина VIII - первая половина IX в.), расположенного в Кузнецкой котловине [Илюшин и др., 1992, с. 24]. Круг таких аналогов можно было бы значительно расширить.

Кроме рассмотренных экземпляров стремян в могильниках верхнеобской культуры обнаружено несколько обломков железных изделий, которые также можно отнести к частям стремян, однако их тип при этом установить невозможно. В могильнике Каменный Мыс (кург. 2 и 9) найдена подножка стремени с фрагментами дужек, а в могильнике Умна-3 (кург. 2 и 10) - обломки подножек стремени.

Костяные блоки для поводка. Обнаружено три экземпляра, все они в большей или меньшей степени повреждены (рис. 20, 18; 24, 12, 13). Один из этих блоков (найденный в погребении на поселении Турист-1) имеет контур усложненной формы с вырезами. Близкий ему по форме блок обнаружен на памятнике Егиз-Койтас (конец VI - VII вв.) [Степи..., 1981, рис. 20, 16]. Два других имеют грани без вырезов, одно окончание у них круглое, другое обломано.

Бронзовые украшения узды. В Новосибирском Приобье погребение по обряду труположения с конем относящемуся к верхнеобской культуре, обнаружено лишь одно (Чингис-2, кург. 3), а потому о достоверно принадлежащих к украшениям узды изделиях можно говорить только в этом случае: они находились в непосредственной близости от костей лошадей и на них. По аналогии с листовидными бляхами из Чингиса-2 к этой категории находок относится бляха из Каменного Мыса. Известные в памятниках верхнеобской культуры Новосибирского Приобья бубенчики также рассматриваются вместе с чингисскими.

Листовидные бляхи. Обнаружено три экземпляра: два с ровным контуром (Чингис-2, кург. 3,

погр. 1; Каменный Мыс, кург. 21, погр. 3; рис. 23, 2) и один с фигурным контуром (Чингис-2, кург. 3, погр. 1; рис. 23, 3).

Листовидные бляхи широко известны в Южной Сибири, Монголии (Капчалы-1, кург. 1; Сапогово, кург. 13, 16, 19; Джаргаланты, кург. 2) [Савинов, 1984, с. 136; Илюшин и др., 1992, рис. 35, 17, 42, 13, 51, 32] и других регионах. Появившиеся в VIII - IX вв. наиболее ранние формы гладкие, без какой-либо орнаментации. Позднее, с IX в., они украшаются орнаментом, а в некоторых случаях их центральная часть "делается выпуклой и оформляется в виде колокольчика" [Савинов, 1984, с. 136]. Бляхи, подобные чингисским, датируются наиболее ранним временем их распространения - VIII - IX вв. Необходимо отметить, что чаще всего они определяются как нагрудные украшения. Поскольку в рассматриваемом нами случае одна из блях была обнаружена на лобной области черепа лошади, а вторая - у черепа, мы имеем основания предположить, что подобные бляхи использовались и как налобные украшения.

Бубенчики. В памятниках верхнеобской культуры обнаружено 17 экземпляров (Чингис-2, кург. 1 - 1 экз., кург. 3 - 1 экз.; Каменный Мыс, кург. 7 - 3 экз., кург. 9, погр. 1 - 1 экз., погр. 3 - 2 экз.; Умна-3, кург. 1 - 3 экз., кург. 3 - 4 экз., кург. 9 - 1 экз.; Красный Яр-1, кург. 29 - 1 экз.). Они представлены на рис. 23, 18.

По мнению А.К. Амброза, появление бубенчиков округлой формы с щелевидной прорезью относится к VIII в. [Амброз, 1971б, с. 121]. Бронзовые бубенчики, аналогичные чингисским, обнаружены в кургане Базово-2 (погр. 1) [Бараба..., 1988, с. 82, рис. 37, 6, 7], относящемуся ко второй половине VIII - первой половине IX в., в могильнике Сапогово (кург. 14) [Илюшин и др., 1992, рис. 38, 10] и других памятниках лесостепной Евразии VIII - IX вв. [Степи..., 1981, рис. 26, 17]. Позднее традиция использования бубенчиков, прикрепленных к узде верхового коня, продолжала сохраняться и дожила до современности.

6. Пояса и ременная гарнитура

Пояса верхнеобцев как один из вариантов ременных конструкций в совокупности с различными типами пряжек и дополнительными ременными накладками (поясной гарнитурой) уже были предметом различных исследований. В специальной работе Т.Н. Троицкой анализировались единичные пояса [Троицкая, 1973б, с. 100 - 103]. Пять бронзовых пряжек из Юрт-Акбалыка-4, Красного Яра-1 и Умны-3 были учтены В.Б. Ковалевской в ее работе по типологии пряжек Евразии [Ковалевская, 1979, табл. 2, 185, 186, 512; табл. 3, 84; табл. 4, 86]. При публикации отдельных комплек-

сов также анализировались обнаруженные в них пояса и поясная гарнитура [Троицкая, 1977, с. 123; Троицкая и др., 1984а, с. 86; Бородавский, 1988, с. 43, 44; Новиков, 1988, с. 49; Троицкая, Бородавский, 1990, с. 150, 154 - 157; Троицкая, Адамов, 1991, рис. 1, 3, 11, 2, 5, 6, 3, 9]. Т.Н. Троицкой рассматривались некоторые металлические пряжки верхнеобцев в статье, посвященной одинцовскому времени в Новосибирском Приобье [Троицкая, 1981, с. 102]. В.Н. Добжанский также использовал некоторые поясные наборы I тыс. н.э. из Новосибирского Приобья при анализе этой категории материальной культуры у кочевников Азии [Добжанский, 1990, с. 27, 43, табл. XVII, 5 - 8, XXXII, 2 - 4]. Приходится, правда, с сожалением обратить внимание на некоторые неточности, допущенные в работе В.Н. Добжанского относительно поясных наборов верхнеобцев. Реконструкции поясов, изображенные в его монографии на рис. 5 - 7 (табл. XVII), неверны, поскольку бляхи с изображениями медведей относятся к нагрудным. Пояса отнесены к "гуннскому времени", хотя по сопутствующему материалу они датируются в пределах V - начала VIII в. На рис. 3, 4 (табл. XXXII) изображены пояса из могильника Юрт-Акбалык-8 (кург. 23, мог. 1, 2), а не из Каменного Мыса, как это указано в публикации. Неверно даны изображения блях на реконструкции пояса из кургана 29 могильника Красный Яр-1 (табл. XXXII, 2).

Анализ отдельных видов этой группы инвентаря мы проводим по категориям "пряжки" и "ременная гарнитура". Очевидно, что и пряжки, и ременная гарнитура не всегда использовались именно в поясном наборе. Они могли быть задействованы и в других деталях одежды (например, обувные пряжки из могильника Чингис-2), и в других ременных конструкциях (например, в узде). Однако мы посчитали более удобным объединить их для анализа.

Пряжки. По материалу изготовления пряжки верхнеобцев подразделяются на четыре отдела: железные, бронзовые, биметаллические и органические (костяные или роговые), по наличию или отсутствию щитка и по характеру его соединения с рамкой - на группы, по форме рамки приемника - на типы, по дополнительным признакам - на варианты. Однако следует оговориться, что из-за сильной коррозированности железных пряжек их типологию производить порой затруднительно.

Железные бесщитковые пряжки делятся на три типа: круглые (рис. 25, 26, 29, 32 - 35, 37 - 40), четырехугольные (рис. 25, 30, 41) и пятиугольные (рис. 25, 31). Пряжки этой группы распространены на большой территории (в Западной Сибири и за ее пределами) и в широком хронологическом диапазоне (с рубежа эр до середины II тыс. н.э.).

Железные пряжки с жестяным щитком. При всей морфологической индивидуальности рассматрива-

емых пряжек их объединяет пластинчатая техника изготовления щитков в традиции "индустрии жести" (этот термин употребляется для определения данной традиции в западно-европейской археологии) [Генинг, 1979, с. 103]. В.Ф. Генинг, выявляя основные этапы эволюции поясной гарнитуры I тыс. н.э. из могильников Прикамья, справедливо отмечал, что "с III - IV вв. Прикамье включается в широкий ареал общеевропейской и азиатской моды поясной гарнитуры" [Там же]. Поэтому его выводы о датировках предметов поясной гарнитуры Прикамья мы посчитали возможным применить и к приобским находкам.

По технике изготовления и способу соединения приемника со щитком рассматриваемые пряжки могут быть отнесены к поздней стадии первого периода (по В.Ф. Генингу), т.е. к V - первой половине VI в. Однако отметим, что в некоторых регионах (в частности, в Томском Приобье) традиция "индустрии жести" при изготовлении пряжек, видимо, не исчезла полностью в середине VI в., а продолжала сохраняться и позднее. При этом пряжки с жестяным щитком сосуществовали в пределах VI - VII вв. с цельносоставными и шарнирными, о чем свидетельствуют находки из Тимирязевского курганного могильника-II (кург. 98) [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 70, 3, 4]. Обнаружена пряжка с жестяным щитком и в Релке (конец VI - начало VII в.) [Чиндина, 1977, с. 37, рис. 33, 27], где цельносоставные пряжки также присутствуют.

Тип 1 - пряжки с В-образной рамкой-приемником (рис. 25, 2). Наибольшее распространение В-образные рамки получают в VI - VII вв., в более позднее время они встречаются существенно реже [Ковалевская, 1990, с. 39]. Однако комплекс вещей, с которыми была обнаружена данная пряжка (ярусные наконечники стрел, пластинчатое стремя), не позволяет отнести ее к VII в. Таким образом, сочетание морфологических особенностей пряжки, техники ее изготовления и датировок обнаруженных вместе с ней вещей дает нам возможность датировать рассматриваемую пряжку временем не позднее первой половины VI в.

Тип 2 - пряжки с рамкой подпрямоугольной формы, сужающейся в средней части (рис. 25, 1). Близких аналогов этой пряжки мы не обнаружили. Однако в технике изготовления проявляется ее относительный архаизм. Не позволяют конкретизировать датировку данной пряжки и атрибуты пояса, который она фиксировала. В одном из памятников, опорных для хронологии восточно-европейских древностей I тыс. н.э., - могильнике Дюрсо обнаружены две аналогичные железные рамки (погр. 191 и 353), которые А.В. Дмитриев датировал концом VI - VII в. [Дмитриев, 1982, рис. 11, 30, 12, 13, 21, с. 102]. С периодизацией Дюрсо согласен и А.К. Амброз [Амброз, 1989, с. 47 - 55]. Видимо,

отнесение этой пряжки к VI в. будет наиболее близким к истинному времени ее бытования.

Тип 3 - круглорамчатые пряжки (рис. 25, 17, 36). Пряжка из Черного Озера-1 сильно корродирована, поэтому сказать что-либо по ее поводу затруднительно. Пряжка из Крохалевки-23 относится к очень широко распространенному типу круглорамчатых, с небольшим щитком, имеющим прямоугольное или скругленное окончание. Ее язычок выступает за пределы рамки, слегка огибая ее. Пряжка имеет ряд особенностей. Ее щиток однослойный, но главное, он имеет небольшие закраины во внутреннюю сторону. Наличие закраин бортиков В.Ф. Генинг определил как один из признаков пряжек второй половины VI - первой половины VII в. [Генинг, 1979, с. 101]. Вероятно, в этих пределах и следует датировать данную пряжку, хотя нужно отметить, что пряжки с закраинами-бортиками на щитках в некоторых комплексах датируются III - IV вв. [Амброз, 1989, с. 25, 27, 87, рис. 1, 12].

Коллекция бронзовых пряжек верхнеобской культуры насчитывает 24 экземпляра. В ней выделяется две группы пряжек: бесщитковые и со щитком.

Бронзовые бесщитковые пряжки.

Тип 1 - овально-рамчатые (рис. 25, 3, 27). По данным В.Б. Ковалевской, этот тип пряжек распространен очень широко начиная с III в. с пиками частоты встречаемости в III - V вв. и VI - VII вв. [Ковалевская, 1979, с. 18]. Однако внутри этого широкого хронологического диапазона вполне возможно уточнение их датировок. Так, одна из пряжек Красного Яра-1 имеет некоторое расширение рамки спереди, а ее язычок - небольшой прогиб перед тем, как обогнуть рамку. Сочетание этих признаков позволяет говорить об относительном архаизме данной пряжки: наиболее вероятное время ее бытования - в интервале III - V вв. [Амброз, 1971а, с. 100 - 103] (аналогичная пряжка обнаружена в Буденновской слободе [Там же, рис. 2, 2]). Этой датировке пряжки не противоречит и комплекс находок из кургана 7 [Троицкая, 1978, рис. 4, 1 - 17], который, вполне вероятно, в совокупности датируется более узким периодом, чем сами пряжки - IV - V вв. [Там же, с. 112]. Поэтому, определяя хронологию пряжек из Красного Яра-1, остановимся на последней дате - IV - V вв. Пряжка из Крохалевки-23 также обнаружена с комплексом вещей, безусловно не предполагающим датировку моложе середины VI в.

Тип 2 - прямоугольно-рамчатые пряжки (рис. 25, 4, 18). По данным В.Б. Ковалевской, большинство учтенных ею прямоугольно-рамчатых бесщитковых пряжек происходят из погребений VIII - IX вв. [Ковалевская, 1872, с. 44]. Судя по приведенному в ее работе рисунку [Ковалевская, 1879, табл. XX, рис. 19 - 22], прямоугольный вне-

шний контур пряжек повторяется и на внутренней прорези. Рассматриваемые нами изделия имеют несколько иной облик: у пряжек из Крохалевки-23 и Высокого Борка внутренняя прорезь чуть сужается в середине. Не исключено, что этот признак определяет иные хронологические рамки для бытования подобных пряжек. Во всяком случае, мы не можем их датировать вслед за В.Б. Ковалевской VIII - IX вв. Пряжка из Крохалевки-23 вместе со всем комплексом находок из кургана 1 отнесена нами к V - первой половине VI в. [Новиков, 1988, с. 51].

Тип 3 имеет форму, ассоциативно обозначенную нами как "бабочковидная" (рис. 25, 5). Прямых аналогов этой пряжки нам обнаружить не удалось, и в связи с этим ее датировка затруднена. В целом могильник Крохалевка-23, где она обнаружена, относится к одинцовскому этапу, поэтому предварительно данный тип может быть отнесен к этому времени, хотя не исключено, что в дальнейшем его датировка будет уточнена.

Тип 4 - лировидные пряжки (рис. 25, 15). По данным В.Б. Ковалевской, такие пряжки были наиболее популярными у населения Евразии в VI - VII вв., реже они встречались в VIII - IX вв. [Ковалевская, 1979, с. 33; 1990, с. 39]. В Новосибирском Приобье этот тип наиболее оправданно датировать VII - VIII вв.

Бронзовые пряжки с отделенным щитком.

Тип 1 - круглорамчатые (рис. 25, 12). Единственная пряжка этого типа датирована на основании аналогий V - VI вв., хотя погребение, где она была обнаружена, отнесено к концу VI - первой половине VII вв. [Троицкая, Бородавский, 1990, с. 157, 159].

Тип 2 - овально-рамчатые пряжки. Обнаружена лишь рамка от пряжки (рис. 25, 25). Отсутствие язычка и щитка затрудняет датировку этой пряжки. Пряжка с аналогичной (фасетированной) рамкой и щитком найдена в могильнике Бурково и датируется В.Ф. Генингом концом IV - первой половиной VI в. [Генинг, 1979, рис. Ж, 3]. Подобная фасетированная рамка найдена в Боровом (Казахстан). А.К. Амброз относит ее к VI - VII вв. [Амброз, 1989, рис. 44, 2, с. 74 - 76]. Таким образом, датировать данную пряжку мы можем лишь в пределах V - VII вв.

Тип 3 - лировидные пряжки (рис. 25, 11). Судя по времени распространения лировидных рамок данная пряжка с большой долей вероятности может быть отнесена к VII - VIII вв. Однако при этом шарнирное крепление щитка, видимо, предполагает некоторое сужение датировки - в пределах второй половины VII - VIII в. [Генинг, 1979, с. 103 - 104].

Бронзовые цельносоставные пряжки. Цельносоставные пряжки распространяются в евразийской лесостепи со второй половины VI в. [Там же].

Тип 1 - круглорамчатые пряжки (рис. 25, 6). Такие пряжки, как уже говорилось, имеют достаточно широкую хронологию бытования. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в основном этот тип рамок использовался либо в бесщитковых пряжках, либо с жестяными щитками, что и определяло сравнительно ранние даты их существования (преимущественно вторая четверть - середина I тыс. н.э.). Определяющим хронологию бытования пряжки признаком является технология изготовления, не позволяющая датировать ее древнее второй половины VI в. [Там же]. По данным В.Б. Ковалевской, круглорамчатые цельносоставные пряжки встречаются реже всех остальных типов, а в сочетании с удлиненными трапециевидными щитками датируются III - VI вв. [Ковалевская, 1979, с. 16]. Однако поскольку данная пряжка была обнаружена вместе с рассмотренной выше лировидной с шарнирным креплением щитка (рис. 25, 11), мы не можем ее датировать столь ранним временем. Наиболее вероятная их датировка - вторая половина VII - VIII в.

Тип 2 - овально-рамчатые пряжки. В пределах этого типа по характеру оформления щитков выделяются подтипы.

Подтип А - пряжки, имеющие щитки с округлым окончанием (щитки типа 6А, по В.Б. Ковалевской) (рис. 25, 10, 22, 24). В.Б. Ковалевская отмечает, что это "один из наиболее выразительных подтипов сибирских пряжек" и датирует его VIII - IX вв. [Там же, с. 22]. В нашей коллекции это пряжки из Умны-3 (кург. 3 и 11), Красного Яра-1 (кург. 1), могильника Чингис-2 (кург. 3). В.Б. Ковалевская пряжку из Умны-3 (кург. 3) датирует VIII в. и относит к "типично сибирским", но, основываясь на растительном орнаменте, видит в ней "один из примеров использования в местном сибирском производстве далеких западных черт" [Там же, с. 24]. Аналогичные пряжки из различных памятников Прикамья В.Ф. Генинг относит к комплексам второй половины VII - первой половины IX в. [Генинг, 1979, рис. Р. 4, с. 31, 32, Ц. 8]. Р.Д. Голдина датирует Агафоново-1 (погр. 304) и Авериного-II (погр. 1), где обнаружены подобные пряжки, более узко - последней четвертью VII - VIII в. (возможно, без его последней четверти) [Голдина, 1979, с. 82 - 83, рис. 6, 1, 22]. Пряжку из погребения 1 Ямаши-Тауского кургана 2 Н.А. Мажитов датирует IX - X вв. [Мажитов, 1981, рис. 15, 2]. Расширение круга аналогов этому типу пряжек из лесостепной зоны Евразии лишь подтверждает наиболее вероятную его датировку в пределах VIII - IX вв. (время максимальной частоты встречаемости).

Подтип Б - пряжки с щитком геральдической формы (рис. 25, 8, 19). По данным В.Б. Ковалевской, этот тип пряжек распространен в VII - IX вв. с наибольшей частотой встречаемости в VII -

VIII вв. [Ковалевская, 1979, табл. 2, 240 - 242, 252 - 254, 289, 290, 343а, 344, 349, 351, 352], хотя отдельные экземпляры датированы VI - VII вв. [Степи..., 1981, рис. 20, 19; 60, 48]. Два близких аналога известны нам на Южном Урале с датировкой VII - VIII вв. [Мажитов, 1981, рис. 6, 9, 18, с. 16]. С рамками других форм (прямоугольными, В-образными) "геральдические" щитки также встречаются довольно часто, при этом подобные пряжки в основном датируются второй половиной VI - VII или VII в. [Амброз, 1989, рис. 25, 13; 37, 1 - 3]. В связи с этим представляется, что наиболее вероятным временем бытования этих пряжек является конец VI - VII в.

Подтип В - с фигурным оформлением боковых граней приостренного щитка (рис. 25, 7). Хотя юртакбалыкская пряжка изготовлена достаточно небрежно, видимо, в качестве ее аналогов можно рассматривать пряжки с гроздьевидными щитками: из катакомбы VIII Чми (VIII - IX вв.) [Амброз, 1971б, рис. 13, 19; Ковалевская, 1979, табл. XIII, 1], Кумбулты [Ковалевская, 1979, табл. XIII, 2], Спасского (VIII в.) [Там же, табл. XIII, 5]. Аналогичной формы щитки встречаются и с подтреугольными рамками у пряжек VIII - IX вв. (Салтово, Дмитровский) [Там же, табл. XVIII, 6 - 9]. В данном случае подобное оформление щитка, вероятно, следует рассматривать как одно из проявлений распространившейся в Южной Сибири в VIII - IX вв. моды на различные варианты фигурного оформления граней некоторых изделий (листовидных блях - украшений узды, поясных накладных бляшек и т.д. - конкретные примеры широко известны). Исходя из этих стилистических особенностей оформления щитка и аналогий мы относим данную пряжку к VIII - IX вв.

Тип 3 - треугольно-рамчатые пряжки. В этот тип нами объединены пряжки, рамки которых по внешнему контуру имеют спереди выступающий шип, в результате чего они приобретают подтреугольную форму. Несмотря на то, что подобные рамки встречаются с различно прикрепленными щитками, в нашей коллекции (3 экз.) все они цельносоставные. По характеру оформления щитков выделено три подтипа.

Подтип А - пряжки, имеющие щиток с округлым окончанием (рис. 25, 9). Аналогичные пряжки в сводке В.Б. Ковалевской датируются VIII - IX вв. [Там же, табл. XVI, 16 - 18, 20, 22]. Видимо, рассматриваемая пряжка относится к этому же времени.

Подтип Б - с фигурным оформлением боковых граней щитка (рис. 25, 20). Сказанное выше по поводу овально-рамчатых пряжек с подобными щитками (круг аналогов, датировка) следует распространить и на данный вид. Соответственно его датировка - VIII - IX вв.

Таблица 6

Металлические пряжки верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье

Отдел, группа, тип	Место обнаружения	Кол-во	Датировка	№ рис.
I. Железные				
1. Бесщитковые				
1) Круглые	Юрт-Акбылык-8, кург. 1 (2 экз.), 7, 8, 20, 22, 26, 27 (погр. 2); Черное Озеро-1, кург. 6, 11; Умна-3, кург. 3	11	-	25, 26, 29, 32 - 35, 37 - 40
2) Четырехугольные	Высокий Борок, кург. 6; Ордынское-1, кург. 8	2	-	25, 30, 41
3) Пятиугольные	Юрт-Акбалык-4, кург. 2, погр. 2	1	-	25, 31
2. Со щитком				
1) В-образные	Крохалевка-23, кург. 1	1	V - перв. пол. VI в.	25, 2
2) Сужающиеся в средней части	Крохалевка-23, кург. 2	1	VI в.	25, 1
3) Круглорамчатые	Крохалевка-23, кург. 5; Черное Озеро-1, кург. 10	2	втор. пол. VI - перв. пол. VII в.	25, 17, 36
II. Бронзовые				
1. Бесщитковые				
1) Овально-рамчатые	Крохалевка-23, кург. 1; Красный Яр-1, кург. 7 (2 экз.)	3	IV - перв. пол. VI в.	25, 3, 27
2) Прямоугольно-рамчатые	Высокий Борок, кург. 15; Крохалевка-23, кург. 1	2	V - перв. пол. VI в.	25, 4, 18
3) Бабочковидные	Крохалевка-23, кург. 14	1	V - перв. пол. VI в.	25, 5
4) Лировидные	Красный Яр-1, кург. 10	1	VII - VIII вв.	25, 15
2. С отдельным щитком				
1) Круглорамчатые	Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 2	1	V - VI вв.	25, 12
2) Овально-рамчатые	Чучка-7	1	конец IV - перв. пол. VI в.	25, 25
3) Лировидные	Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 2	1	втор. пол. VII - VIII в.	25, 11
3. Цельносоставные				
1) Круглорамчатые	Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 1	1	втор. пол. VII - VIII в.	25, 6
2) Овально-рамчатые				
а) Щитки с округлым окончанием	Умна-3, кург. 3, 11; Красный Яр-1, кург. 1; Чингис-2, кург. 3 (2 экз.)	5	VIII - IX вв.	25, 10, 22 - 24
б) Щитки геральдической формы	Умна-2, кург. 1, погр. 1 (2 экз.); Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 1 (2 экз.)	4	конец VI - VII в.	25, 8, 19
в) Щитки с фигурным оформлением граней	Юрт-Акбалык-4, кург. 2, погр. 1	1	VIII - IX вв.	25, 7
3) Треугольно-рамчатые				
а) Щитки с округлым окончанием	Каменный Мыс, кург. 9	1	VIII - IX вв.	25, 9
б) С фигурным оформлением боковых граней щитка	Каменный Мыс, кург. 9	1	VIII - IX вв.	25, 20
в) Восьмеркообразные	Умна-3, кург. 4	1	VIII - IX вв.	25, 14
III. Биметаллические				
1. С отдельным щитком				
1) Овально-рамчатая	Каменный Мыс, кург. 8	1	VIII - IX вв.	25, 21

Подтип В - восьмеркообразные пряжки (рис. 25, 14). Аналогичные пряжки с подтреугольными рамками (Дмитровский могильник, Дуба-Юрт, Бакла) датируются В.Б. Ковалевской VIII и VIII - IX вв. [Там же, табл. XVII, 11, 12, 14]. Вероятно, к этому времени можно отнести и данную пряжку.

Завершая рассмотрение бронзовых цельносоставных пряжек, отметим, что при публикации матери-

алов Красного Яра-1 Т.Н. Троицкой была неверно интерпретирована как пряжка накладная пластина с кольцом для пояса [Троицкая, 1978, рис. 6, 8, с. 113]. На анализе этой категории поясной гарнитуры мы остановимся ниже.

Биметаллические пряжки. Единственный экземпляр биметаллической пряжки верхнеобцев обнаружен в кургане 8 Каменного Мыса (рис. 25, 27).

Пряжка имеет бронзовый овально-рамчатый приемник и железный щиток, у которого, видимо, было округлое окончание (он сильно коррозирован, и поэтому установление его истинной формы и характера крепления с рамкой-приемником затруднительно).

Биметаллические пряжки - слабоизученная категория ременной гарнитуры. Во всяком случае, даже в одной из наиболее полных на сегодняшний день сводок В.Б. Ковалевской они не выделены в особую группу [Ковалевская, 1979, с. 10]. Поэтому при датировке данной пряжки мы исходили лишь из ее морфологических особенностей. Наиболее вероятная датировка овально-рамчатых пряжек с отделенным щитком типа 6А (по В.Б. Ковалевской), как уже говорилось выше, - VIII - IX вв. [Там же, с. 22].

Данные о металлических пряжках верхнеобской культуры сведены в таб. 6.

Пряжки из органического сырья (костяные и роговые). При описании органических пряжек верхнеобской культуры мы опирались на типологию этой категории находок, предложенную С.В. Неверовым [1985, с. 192 - 206]. В его же работе приведены аналоги различным типам пряжек, что избавляет нас от необходимости делать это здесь.

По характеру оформления внешнего контура пряжек они подразделяются на невыделенно-рамчатые (на бортиках пряжек отсутствуют вырезы, нет ярко выраженного перехода в щиток) и выделенно-рамчатые (на бортиках пряжек имеются вырезы различной формы, которые резко отделяют рамку от щитка).

К невыделенно-рамчатым в коллекции верхнеобских органических пряжек относятся три экземпляра.

Тип I - с двумя разделенными овальными ремennыми прорезями и игловидным носиком на дужке (1 экз., обнаруженный в грунтовом погребении 2 памятника Красный Яр-1). При публикации Т.Н. Троицкая датировала это погребение в пределах VII - X вв. на основании других находок. Отметим, что в этом случае рассматриваемая пряжка представляет собой один из наиболее поздних образцов относительно архаичных типов костяных пряжек с игловидным носиком на дужке рамки и двумя ремennыми прорезями, имевших достаточно широкое бытование у населения Южной Сибири эпохи раннего железа [Степная полоса..., 1992, табл. 94, 63; 124, 17; и др.]. Аналоги этого типа пряжек в столь поздних для них комплексах, насколько нам известно, не обнаружены.

Тип II - двухтавровые пряжки. Найдено два экземпляра: в кургане 1 Красного Яра-1 и в кургане 15 Черного Озера-1 (рис. 20, 2, 9). У этих пряжек приемные прорези соединены с концевыми сплошными прорезями. Они имеют подчетыреху-

гольную форму с закругленными углами, язычки у обеих пряжек отсутствуют.

Выделенно-рамчатых пряжек обнаружено четыре экземпляра. По характеру оформления ремennых прорезей они подразделяются на три типа.

Тип I - с двумя разделенными овальными прорезями. Обнаружено два экземпляра: в кургане 2 Юрт-Акбалыка-11 и в кургане 2 Красного Яра-1 (рис. 20, 3, 4). В пределах типа каждая из пряжек обладает отличительными признаками. Пряжка из Юрт-Акбалыка-11 имеет на дужке паз для язычка. В целом она выполнена очень изящно с явным тяготением мастера к подражанию бронзовым пряжкам. Пряжка из Красного Яра-1 имеет между прорезями небольшой желобок, куда помещался язычок.

Тип II - однотавровые пряжки (Т-образная прорезь для язычка отделена от концевой прорези перешейком). Обнаружен один экземпляр - в кургане 21 - 22 Каменного Мыса (рис. 20, 1). Эта пряжка относится к сердцевидным. Кроме того, это единственная среди материалов верхнеобской культуры пряжка с костяным язычком (у остальных он либо был железным, либо отсутствовал).

Тип III - двухтавровые пряжки. В кургане 6 Крохалевки-13 найден фрагмент одной пряжки (рис. 20, 10).

Хронология бытования пряжек из органического сырья в археологии Евразии не разработана. А.К. Амброз, имея в виду "костяные подпружные пряжки", считает, что раньше VII в. они неизвестны [Амброз, 1971а, с. 121]. Однако неясно, по каким признакам выделять из органических пряжек именно подпружные. Характер прорезей для ремня не может служить хронологическим показателем [Чиндина, 1977, с. 35; Неверов, 1985, с. 201], по крайней мере на сегодняшнем этапе изучения органических пряжек. Более связан с хронологическими изменениями характер оформления внешнего контура. По мнению С.В. Неверова, пряжки, имеющие на бортиках полукруглые вырезы, которые достаточно резко отделяют рамку от дужки, датируются концом VII - XI в. с наибольшим распространением в VIII - X вв. [Неверов, 1985, с. 202]. Что касается пряжки из Юрт-Акбалыка-11, то ее датировка, вероятно, может быть подтверждена и аналогами среди бронзовых пряжек, поскольку, как уже говорилось, она выполнена с явным подражанием последним. Аналогичная бронзовая пряжка известна в Бакле и датируется VII - VIII вв. [Ковалевская, 1979, табл. X, 5].

Таким образом, из имеющейся в нашем распоряжении коллекции верхнеобских роговых и костяных пряжек с достаточной долей уверенности можно датировать VII - VIII вв. пряжки из Юрт-Акбалыка-11 (кург. 2) и VII - X вв. - из Каменного Мыса (кург. 21 - 22). Датировка остальных типов пряжек в настоящее время затруднена.

Застежка для пояса. Исходя из определения пряжек, данного В.Б. Ковалевской [1979, с. 10], мы не можем отнести к ним бронзовое изделие, обнаруженное в Каменном Мысе (кург. 19) (рис. 25; 28, А, Б, В). Поэтому мы обозначаем его как застежку. Подобные застежки в различных ременных конструкциях употреблялись значительно реже пряжек, поэтому в качестве аналога каменномысской находке мы можем назвать лишь фрагмент крючка из Кудыргэ (кург. 9), датируемого концом VI - VII в. [Степи..., 1981, с. 129, рис. 23, 8].

Ременная гарнитура. К этой категории инвентаря верхнеобской культуры относятся разнообразные металлические изделия (бляшки различной конфигурации, пластины-накладки, колечки с пластинчатыми скобами для крепления и др.) которые, судя по контексту их обнаружения, относились к поясной гарнитуре, могли служить украшениями узды и любых других ременных конструкций. Строго говоря, некоторые изделия этой группы интерпретировать как украшения было бы неверным, - над эстетическими или знаковыми функциями, видимо, преобладали функции прагматические (например, у колечек со скобами), хотя противопоставление утилитарного и символического, тем более применительно к фактам архаичной культуры, ошибочно [Байбурин, 1989, с. 63 - 88; и др.]. В связи с этим мы применяем более точный термин "ременная гарнитура", который не содержит какого-либо функционального определения для рассматриваемой группы изделий.

По материалу изготовления ременная гарнитура верхнеобской культуры подразделяется на три отдела: железная, бронзовая и биметаллическая. Однако в отличие от анализа других категорий материальной культуры, в частности пряжек, где материал изготовления служил основным типологическим признаком, здесь мы не будем жестко придерживаться этого принципа. Безусловно, такой подход не бесспорен, но для анализа некоторых типов ременной гарнитуры он представляется нам вполне логичным и удобным.

Поясные пластины (рис. 25, 44 - 46; 26, 24, 25). Пояса, которые украшались железными или бронзовыми прямоугольными пластинами, обнаружены в непогребенном состоянии в двух погребениях могильников Красный Яр-1 (кург. 7, погр. 1) и Юрт-Акбалык-8 (кург. 17, погр. 2) (рис. 7, 3, 5). Кроме того, аналогичный пояс с железными пластинами найден М.П. Грязновым в Бл. Елбанах-XIV [Грязнов, 1956, с. 103, табл. XXXIX, мог. 2].

Обнаружение сравнительно целых поясов с железными и бронзовыми пластинами безусловно доказывает их принадлежность к ременной гарнитуре. В то же время в случае, если погребение потревожено, и железные пластины обнаружены вне их первоначального расположения, определить их функциональную принадлежность крайне затруд-

нительно, поскольку их легко спутать с пластинами от доспеха. Поэтому отдельные пластины из могильников Черное Озеро-1 и Юрт-Акбалык-8 мы относим к поясной гарнитуре с известной долей условности.

Пластинчатые пояса из Красного Яра-1 с привлечением материалов Юрт-Акбалык-8 опубликованы Т.Н. Троицкой [Троицкая, 1973б, с. 100 - 103, рис. 35, 36]. При публикации она датировала погребения и соответственно пояса II - IV в., возможно, V в. Однако сейчас нам представляется, что более точной будет дата IV - V вв., которая устанавливается на основании анализа других категорий находок (пряжек). Поясные пластины, изготовленные из листовой бронзы, имеют по две или четыре "жемчужины" (рис. 26, 24, 25). Всего подобных пластин в материалах верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье известно 12 экземпляров. Фрагменты аналогичных пластин с "жемчужинами" обнаружены в Рёлке (кург. 1, погр. 8, 9) [Чиндина, 1977, рис. 7, 12, 14]. В качестве аналогов, отражающих саму традицию использования крупных бронзовых пластин-накладок можно, видимо, рассматривать некоторые прикамские материалы IV вв. (Арелино, Суворово) [Генинг, 1979, рис. Г, 10, 12; Д, 24]. Однако вряд ли правомерно связывать ношение пластинчатых поясов только с одиновским этапом. Во всяком случае пояс с железными пластинами обнаружен и в кургане 9 могильника Бике-1 (Горный Алтай), относящегося к VIII - IX вв. [Кубарев и др., 1990, рис. 17; 19, 12, 13]. Пластинчатый пояс найден также в могильнике Кыштовка-2 [Молодин, 1979, с. 10, табл. XXXV, 1 - 12], что свидетельствует о сохранении традиции ношения подобных поясов у южных хантов в XVII - XVIII вв.

Поясные колечки с пластинами (рис. 26, 42, 61, 65 - 68). Все колечки с пластинами верхнеобцев изготовлены из железа. Они обнаружены в Крохалевке-23 (кург. 2), Чингисе-2 (кург. 7), Юрт-Акбалыке-4 (кург. 2) и Юрт-Акбалыке-8 (кург. 8, 14). Причем в Крохалевке-23 и Чингисе-2 они находились в непогребенном состоянии, и их принадлежность к ременной гарнитуре именно в качестве колечек для носки вещей не вызывает сомнений. Данное наблюдение нам представляется исключительно важным, поскольку часто при публикациях подобные колечки с пластинами авторы интерпретируют как пряжки (несмотря на то, что таких "пряжек" на одном поясе может быть обнаружено три, четыре и более). Неверная функциональная интерпретация влечет за собой натяжки в решении вопросов хронологии. Выше уже отмечалась достаточно узкая и сравнительно ранняя датировка круглоамчатых пряжек с пластинчатым щитком. Но дело в том, что находки рассматриваемой категории не являются пряжками, и в Новосибирском Приобье такие изделия существовали на протяжении всей

Характеристика накладных бляшек

Место обнаружения	Квадратные, прямоугольные		Полукруглые, овальные		Пятиугольные (бронзовые)	Пламевидные (бронзовые)
	Железные	Бронзовые	Железные	Бронзовые		
Чингис-2						
Кург. 1	-	4 экз. (рис. 26, 50, 51)	-	3 экз. (рис. 26, 58-60)	1 экз. (рис. 26, 52)	-
Кург. 3	3 экз. (рис. 26, 62, 63)	-	4 экз. (рис. 26, 56, 57)	-	-	-
Красный Яр-1						
Кург. 29	-	9 экз.	-	2 экз.	-	-
Грунт. погр. 2	-	-	-	-	-	4 экз. (рис. 26, 7, 8)
Грунт. погр. 3	-	2 экз. (рис. 26, 9, 10)	-	-	-	-
Каменный Мыс						
Кург. 1	-	1 экз.	-	-	-	-
Кург. 7	-	6 экз.	-	9 экз.	-	-
Кург. 8	-	12 экз.	-	2 экз.	-	-
Кург. 9, погр. 1	-	3 экз.	-	4 экз.	-	-
Кург. 9, погр. 2	-	1 экз.	-	-	-	-
Умна-3						
Кург. 9	1 экз.	6 экз.	-	-	-	-
Кург. 10 погр. 1	-	-	3 экз.	-	-	-
Кург. 10, погр. 2	-	6 экз.	-	6 экз.	-	-
Кург. 18	-	2 экз.	-	1 экз.	-	-
Кург. 21	-	3 экз.	-	8 экз.	-	-

второй половины I тыс. н.э., т.е. они не вносят противоречий в датировку памятников. Наиболее поздние поясные колечки (Чингис-2) практически идентичны ранним (Крохалева-23). Они использовались как мужчинами, так и женщинами.

Подобная традиция в оформлении поясов у верхнеобцев, явно отличная от тюркской и сосуществующая с ней в Новосибирском Приобье, видимо, может быть связана с угро-самодийским миром. Поиск аналогов верхнеобским поясным колечкам на пластинах имеет некоторые сложности, поскольку, как уже отмечалось, различные авторы часто определяют их как пряжки, а истинный их облик по рисункам установить затруднительно в связи с коррозированностью металла. Не исключено, что подобные атрибуты пояса имеют довольно широкое распространение. Они обнаружены и в Горном Алтае (Кок-Паш) [Елин, Васютин, 1986, рис. 3, 24, 25], где они датированы III - V вв., и в Томском Приобье - в памятниках V - VI вв. и VI - VIII вв. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 17, 3, 4; 55, 4]. Необходимо отметить, что часто пластины для крепления к поясу и колечки находят в разрозненном состоянии, что затрудняет их функциональное определение (как, например, в могильнике Юрт-Акбалык-8,

кург. 8, 17). Кроме того, "колечки" могут быть не круглой, а пятиугольной формы (Юрт-Акбалык-4, кург. 2, погр. 1) (рис. 26, 68).

Накладные бляшки. В количественном отношении в материалах верхнеобской культуры абсолютно преобладают накладные бляшки с прорезями простых геометрических форм (прямоугольные, квадратные, полукруглые, значительно реже - пятиугольные и пламевидные). Они изготавливались из бронзы и из железа. Железные бляшки сильно коррозированы, и их истинный облик устанавливается с определенной долей условности. Бронзовые накладные бляшки изготавливались либо штамповкой с приданием им некоего объема, либо в виде пластин. Контур прорези на бляшках чаще всего прямоугольный или овальный, реже - квадратный или фигурный (впрочем, часто его установить затруднительно из-за коррозированности металла). Данные о месте обнаружения и количестве накладных ремненных бляшек простых геометрических форм с прорезями сведены в таб. 7.

Как видно из таблицы, количественно преобладают бронзовые бляшки, что, видимо, связано с их лучшей сохранностью. Подобные бляшки широко распространяются в евразийской лесостепи с кон-

ца VII в. с пиком встречаемости в памятниках VIII - IX вв. и существуют, видимо, без особых морфологических изменений до рубежа I и II тыс. н.э. Они широко известны в датированных VIII - IX вв. памятниках Башкирии, Поволжья, Прикамья, но максимальное их количество обнаружено в Сибири [Ковалевская, 1972, с. 112].

Довольно значительна серия накладных бляшек, форму которых принято обозначать как "сердцевидная" (рис. 26, 2, 21, 41, 47 - 49, 55, 64). Такие бляшки могут иметь несколько вариантов оформления: с резкими гранями и резко выраженной формой; с резкими гранями, но слабо выраженной формой; с отсутствием резких граней и ярко выраженной формой. Бронзовые сердцевидные бляшки обнаружены в следующих памятниках: Красный Яр-1, кург. 29 (2 экз.); Умна-3, кург. 10 (2 экз.), кург. 21 (3 экз.); Чингис-2, кург. 3 (4 экз.); Каменный Мыс кург. 7 (8 экз. различного размера), кург. 9 (5 экз.), кург. 26 (1 экз.). Кроме того, в кургане 3 могильника Чингис-2 найдены две железные сердцевидные бляшки.

Сердцевидные бляшки также имеют пик встречаемости в памятниках Евразии VIII - IX вв., при этом наибольшее их количество происходит из южно-сибирского региона [Там же].

Круглые штампованные бронзовые бляшки (рис. 17, 30) обнаружены в могильниках Каменный Мыс (кург. 1 - 6 экз.), Умна-3 (кург. 3 - 7 экз.), Юрт-Акбалык-8 (кург. 23 - 1 экз.), Красный Яр-1 (кург. 20, насыпь - всего 16 экз. различного диаметра). Бляшки этого типа распространены даже шире, чем упомянутые выше, они имеют более широкий хронологический диапазон бытования - VI - IX вв. При этом наибольшее количество подобных бляшек обнаружено в Сибири, где пик частоты их встречаемости приходится на VIII - IX вв. [Там же].

На этом исчерпываются наиболее массовые типы накладных бляшек ременной гарнитуры верхнеобцев. Типы бляшек, на которых мы остановимся далее, представлены единичными экземплярами либо небольшими сериями.

Обнаружено значительное количество мелких бляшек-накладок в памятнике Красный Яр-1 - в кургане 29 (23 экз.; рис. 26, 4) и в погребении 1 кургана 10 (рис. 26, 5), а также в кургане 26. Подобные накладки известны в памятниках VII в. (Галайты) [Амброз, 1989, рис. 38, 10 - 12], однако их появление в Сибири, видимо, не следует связывать со временем ранее VIII в. Бляшки этого типа, обнаруженные в Катанде-II (кург. 2), относятся к сросткинской культуре [Гаврилова, 1965, рис. 9, 7] с датировкой VIII - IX вв. В.А. Могильников относит курган 2 Катанды-II к концу VIII - X в., соответственно несколько более поздней оказывается и датировка бляшек [Могильников, 1981, рис. 24, 21].

В качестве аналогов биметаллической (бронза, железо) накладки с рельефным штампом на пластине из Ордынского-1 (кург. 1) (рис. 26, 38), видимо, можно рассматривать бронзовую штампованную накладку с ромбическим рельефным штампом, обнаруженную в могильнике Капчалы-1 [Степи..., 1981, рис. 28, 47] и датированную VIII - первой половиной IX в., а также пластину из Могильницкого могильника (кург. 3, погр. 3) VIII - начала IX в. [Финно-угры..., 1987, табл. XCIX, 20].

Псевдопряжки обнаружены в могильниках Юрт-Акбалык-8 (кург. 11, кург. 23, погр. 2 - 15 экз.), Юрт-Акбалык-4 (кург. 2, погр. 1 - 4 экз.), Умна-3 (кург. 24) (рис. 26, 27, 33, 56, 62). Появившись в конце VI в., "стиль псевдопряжек" характерен для VII в. [Амброз, 1971б, с. 120]. Эта датировка псевдопряжек не противоречит датировке комплексов, в которых они обнаружены.

Накладные бляшки типа найденных в Умне-3 (кург. 20, погр. 1; рис. 26, 14) и Юрт-Акбалыке-8 (кург. 23, погр. 1; рис. 26, 26) также встречаются достаточно часто. Они известны прежде всего VII в. В качестве аналогов им можно назвать бляшки из катакомб 11 и 7 в Саурсоме и Кучульском западном склепе-3 [Амброз, 1989, с. 108 - 109, рис. 22, 9 - 11, 35; 23, 34]. Широко представлены они в могильниках Прикамья первой половины VII в. [Генинг, 1979, рис. Л, 11, 12; М, 8; Н, 7; П, 5]. Видимо, и в лесостепном Приобье подобные бляшки могут быть локализованы в пределах VII в., хотя в некоторых памятниках (Мокрая Балка) они обнаружены в комплексах, датированных второй половиной VI - первой четвертью VII в. [Афанасьев, 1979, рис. 2, 28, с. 47] или VI - VII вв. (Бережновка, кург. 1, погр. 7) [Амброз, 1981, рис. 6, 37].

Более широко, чем предыдущий тип, известны фигурные накладные бляшки типа найденных в Юрт-Акбалыке-4 (кург. 2, погр. 1; рис. 26, 36, 37). По данным В.Б. Ковалевской, такие накладные бляшки относятся к VI - VII вв., а регион их распространения связан прежде всего с Северным Кавказом, Крымом и Башкирией [Ковалевская, 1972, рис. 3, 39 - 41, с. 114]. Однако подобные формы известны и в Сибири (Кудыргэ), а также на Тянь-Шане (Таш-Тюбе), где они датируются концом VI - VII в. [Могильников, 1981, рис. 19, 35; 23, 5].

Близки по своему облику три подквадратные накладные бляшки, представляющие собой четыре смыкающиеся друг с другом полусферы (рис. 26, 18, 23, 31). Они найдены в погребении 1 кургана 23 Юрт-Акбалыка-8 и в насыпи кургана 20 Красного Яра-1. Подобные накладки также не редкость в памятниках VI - VII вв. Они обнаружены, в частности, в Мокрой Балке [Амброз, 1989, рис. 26, 23], Кудыргэ [Могильников, 1981, рис. 19, 13, 42; 23, 6], хотя встречаются и в более поздних комплексах.

Наиболее близкий аналог бляшке из Умны-2 (кург. 1, погр. N 1; рис. 26, 13) известен на Тянь-Шане (Таш-Тюбе), где такая бляшка датируется концом VI - VII в. [Там же, рис. 23, 56].

Не вступают в противоречие с модой поясной гарнитуры VI - VII вв. бляшки из Юрт-Акбалык-8 (кург. 23, погр. 2; рис. 26, 35). Аналогичный ему наконечник с прорезями обнаружен в Кудыргэ [Степи..., 1981, рис. 23, 6]. Наконечники с фигурными прорезями найдены и в памятниках Прикамья, относящихся ко второй половине VII в. (Неволино) [Генинг, 1979, рис. С, 27, 50].

Остальные ременные наконечники щитовидной формы с округлым окончанием и ровными гранями (рис. 26, 2, 12, 29) из Каменного Мыса-1 (кург. 9) и Красного Яра-1 (кург. 29) имеют широкий круг аналогов в евразийской лесостепи и характерны для VIII - IX вв. [Савинов, 1984, с. 127, табл. III, е].

Трем фигурным бляшкам-накладкам из Красного Яра-1 (кург. 29; рис. 26, 11), так же как и найденной там же накладке с прорезью (рис. 26, 22), близких аналогов обнаружить не удалось. Однако в целом их облик вполне соответствует моде ременной гарнитуры VIII - IX вв. Также характерна для этого времени накладка из Красного Яра-1 (кург. 1; рис. 26, 6).

Точных аналогов двум "круглым" тройникам-распределителям ремней из могильника Чингис-2 (кург. 3; рис. 26, 39, 40) обнаружить тоже не удалось, однако подобные изделия очень широко представлены в древностях лесостепной Евразии. Появившись еще в таштыкской культуре, они встречаются в памятниках енисейских кыргызов и сросткинских погребениях Восточного Казахстана IX - X вв. [Там же, с. 136]. Широкий круг аналогов позволяет датировать тройники-распределители из Чингиса-2 в пределах VIII - X вв.

Таким образом, завершая анализ поясной гарнитуры верхнеобцов, можно сказать, что в ней намечаются две линии (традиции) развития. Особенно ярко, на наш взгляд, это можно проследить в материалах VIII - IX вв. Одна традиция связана с пришлым, тюркоязычным населением (прорезные накладки простых геометрических форм и фигурные, сердцевидные бляшки, псевдопряжки, "круглые" тройники), а вторая является местной (пластинчатые пояса, поясные колечки на пластинах, некоторые типы ременных накладок). Дальнейшее изучение ременной атрибутики Приобья позволит получить более определенные суждения по этому поводу.

7. Датировка памятников

Прежде чем перейти к анализу керамических комплексов, мы считаем необходимым привести датировку памятников, обоснованную аналогами их

инвентарю. В табл. 8 представлены курганы с датированным материалом (железными наконечниками стрел, удилами с псалиями и рядом бронзовых украшений) и указаны содержащиеся в них сосуды.

Анализируя данные таблицы, можно прийти к следующим выводам о датировке могильников.

Крохалевка-23. Судя по приведенным в таблице сведениям, памятник можно датировать в пределах V - VI вв. Следовательно, к этому времени могут быть отнесены и все сосуды из этого могильника.

Черное Озеро-1. Курганы 1, 10, 11 содержат инвентарь V - VI вв., а курганы 14 и 15 - VII и VII - VIII вв. Все это заставляет нас считать, что памятник возник в конце одинцовского этапа и существовал на следующем, тимирязевском этапе. Курганы 3, 4, 6, 12 датируются в пределах двух периодов. Курган 13 судя по керамике (см. 8 раздел данной главы) относится к VII - VIII вв.

Юрт-Акбалык-8 также имеет могилы, относящиеся к двум этапам. Четкий материал V в. в нем отсутствует. Инвентарь VI в. содержали курганы 8 и 20. Видимо, к этому же времени относятся курганы 13 и 17 (2 могилы), поскольку обнаруженные в них бляхи датируются в пределах VI - VII вв., а керамика (см. 8 раздел данной главы) явно одинцовского типа. В VII и, возможно, начале VIII в. сооружены насыпи курганов 6, 23 (две могилы) и 24. В пределах VI - начала VIII в. датируются курганы 1, 2, 10, 14, 19, 22. Остальные курганы будут датированы нами в следующем параграфе на основе керамики. В целом, могильник был действующим на протяжении VI, VII и, возможно, начала VIII вв.

Могильники **Юрт-Акбалык-4**, **Умна-2** и **Высокий Борок** могут быть отнесены к VII и, возможно, к самому началу VIII в.

Памятник **Ордынское-1** подвергся сплошному разграблению. Из семи курганов только два (1 и 21) содержат датирующий материал: пронизку-"медведя", имеющего аналоги в памятниках VII в., и бронзовую поясную накладку VIII - IX вв. Однотипность керамического материала позволяет говорить о синхронности погребений и их датировке в пределах VII - начала VIII в.

Могильник **Юрт-Акбалык-11** содержит только один датирующий предмет - костяную подпружную пряжку. Как указано в разделе о пряжках, аналоги ей известны в памятниках VII - VIII вв.

Курганы **Крохалевки-13** появились не ранее второй половины VIII в. и, возможно, охватили начало IX в.

В могильнике **Умна-3** два датированных погребения с ингумацией (кург. 8 и 20) могут быть четко отнесены ко второму этапу верхнеобской культуры. Основная часть курганов с сожжениями хорошо датируется VIII - IX вв.

В **Красном Яре-1** в пределах VII - начала VIII в. датируются курганы 5, 7, 20 и могила 1 в

Таблица 8

Датировка инвентаря погребений

Памятник	№ кургана	Инвентарь	Аналоги	Время бытования	Керамика (№ рис.)
1	2	3	4	5	6
Крохалевка-23	1	Железные наконечники стрел (рис. 21, 10 - 17) Пряжка (рис. 25, 2) Пряжка (рис. 25, 3) Стремя (рис. 25, 13)	[Худяков, 1986б, с. 143; Савинов, 1984, с. 130; Елин, Васютин, 1986, с. 149 - 150] [Ковалевская, 1990, с. 39] [Там же, с. 18] [Грач, 1982, с. 160; Измайлов, 1990, с. 62]	V - перв. пол. VI в. VI - VII вв. III - VIII вв. V - перв. пол. VI в.	Рис. 29, 1
	2	Пряжка с жестяным щитком (рис. 25, 1)	[Генинг, 1979, с. 103, 104]	V - перв. пол. VI в.	Типа представленной на рис. 27, 15
	5	Серьги (рис. 16, 9, 10)	[Грязнов, 1956, табл. XLI, 17, 18]	Одинцовский этап	Типа представленной на рис. 31, 1
	6	Бляха с сердоликовой вставкой (рис. 17, 55)	[Засецкая, 1975, с. 46, рис. 19; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 12, 5]	IV - V вв. V - VI вв.	Рис. 29, 11, 12
	8	Стремя (рис. 23, 14)	[Грач, 1982, с. 160; Измайлов, 1990, с. 62]	V - перв. пол. VI в.	Рис. 29, 5, 6, 10
	12	Звено цепочки (рис. 14, 19)	[Грязнов, 1956, табл. 41, 10]	Одинцовский этап	
Черное Озеро-1	1	Наконечники стрел (рис. 21, 18)	[Елин, Васютин, 1986, с. 149 - 151]	V - VI вв.	Рис. 30, 9
	10	Серьга (рис. 16, 11)	[Грязнов, 1956, табл. XLI, 17, 18]	Одинцовский этап	Рис. 30, 10
	11	Наконечник стрелы (рис. 21, 19)	[Елин, Васютин, 1986, с. 149 - 151]	V - VI вв.	Рис. 39, 10, 18
	14	Прямоугольная ажурная бляха (рис. 17, 54)	[Троицкая, Бородовский, 1990, с. 155, рис. 5, 13]	VII в.	
Юрт-Акбалык-8	6	Китайская монета (рис. 17, 46)	[Лубо-Лесниченко, 1975, с. 157, 165, табл. 1, 2]	118 г. до н.э. - 621 г. н.э.	
	8	Наконечники стрел (рис. 21, 1 - 6)	[Худяков, 1986б, с. 97, рис. 38, 1, 2; [Сорокин, 1965, с. 12, рис. 2; Грязнов, 1956, табл. XXXVIII]	I - V вв. II - VI вв., одинцовский этап	
	11	Бронзовая псевдопряжка (рис. 26, 56)	[Амброз, 1971а, с. 117, рис. 6, 10]	втор. пол. VII в.	Рис. 32, 9, 12, 13
	13	Бляха с головами медведей (рис. 12, 20)	[Оборин, 1976, табл. 29, 9]	VI - VII вв.	Рис. 31, 2
	17	Три бляхи с головами медведя (рис. 18, 17 - 19)	[Там же]	VI - VII вв.	Рис. 31, 1, 3, 8
	20	Пряжка (рис. 25, 34)	[Амброз, 1971б, с. 118, рис. 12, 14; [Ковалевская, 1972, с. 104, рис. 8]	V - VI; VII вв. IV - нач. V в.	Рис. 31, 5 - 7, 10
	23, мог. 1	Бронзовая бляшка (рис. 26, 26) Бронзовая бляшка (12 экз.) (рис. 26, 6) Китайские монеты (2 экз.) (рис. 17, 45) Бляшка (рис. 26, 18) Бляшка (рис. 26, 23)	[Амброз, 1989, с. 108 - 109] [Степи..., 1981, с. 125, рис. 20, 19] [Быков, 1969, табл. X, 66] [Степи..., 1981, с. 123, рис. 19, 42] [Там же, с. 122, рис. 19, 13]	VII в. VI - VII вв. 580 г. VI - VII вв. VI - VII вв.	

1	2	3	4	5	6
	23, мог. 2	Вотивный бронзовый нож (рис. 12, 17) Псевдопряжка (рис. 26, 27) Пряжка (рис. 25, 17) Китайская монета (рис. 17, 45)	[Чиндина, 1977, рис. 6, 12] [Амброз, 1971а, с. 118 - 120] [Генинг, 1979, с. 103 - 104; Амброз, 1989, с. 74 - 76] [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 157, 165, Табл. 1, 2]	VI - VIII вв. VII в. IV - VI вв. VI - VII вв. 118 г. до н.э. - 621 г. н.э.	Рис. 32, 6, 7
	25	Поясная бляшка (рис. 26, 14)	[Амброз, 1989, с. 108 - 109, рис. 22, 9 - 11, 35]	VII в.	
Юрт-Акбалык-8	2, мог. 1	Пряжка (рис. 25, 7) Бляхи (рис. 26, 36, 37)	[Там же, рис. 22, 2] [Степи..., 1981, с. 128, рис. 20, 25]	VII в. VI - VII вв.	
	2, мог. 2	Ажурная прямоугольная бляха (рис. 17, 53)	[Троицкая, Бородовский, 1990, с. 155, рис. 5, 13]	VII в.	
Умна-2	1	Стремя (рис. 23, 11)	[Нестеров, 1988, с. 180 - 182]	VII в.	
		Петля от ножен (рис. 18, 1)	[Чиндина, 1991, рис. 27, 5; Распопова, 1980, с. 67, рис. 43, с. 95, рис. 67, 7]	VI - VIII вв. Раннее средневековье	
		Пряжка (рис. 25, 19)	[Амброз, 1989, рис. 25, 13, 37, 1 - 3]	VII в.	
		Бляшка поясная (рис. 26, 13) Сасанидская монета Хосрова I	[Степи..., 1981, с. 128, рис. 23, 56] Определение А.А. Быкова и В.Г. Луконина	VI - VII вв. 534 г.	
Ордынское-1	1	Бронзовая поясная наклад-ка (рис. 26, 38)	[Степи..., 1981, с. 136, рис. 28, 47]	VIII - IX вв.	Рис. 33, 14
	21	Пронизка в виде медведя (?) (рис. 19, 2)	[Оборин, 1976, рис. 21, а; Финно-угры..., 1987, рис. XXVIII, 52]	VI - VII вв.	Рис. 33, 13
Высокий Борок	13	Ножны с головой лося и птиц (рис. 19, 7)	[Голдина, Водолаго, 1984, с. 13, 15, табл. 2, 35, 3, 39]	VII в.	Рис. 33, 4
Умна-3	8	Китайские монеты (4 экз.) (рис. 17, 50)	[Быков, 1969, табл. X, 65]	553 г.	Рис. 32, 18
	20	Поясная бляшка (рис. 26, 14)	[Степи..., 1981, с. 125, рис. 20, 25] [Амброз, 1971а, с. 115, рис. 5, 22, 31]	VI - VII вв. Втор. пол. VI - VII в.	Рис. 32, 16, 17
	1	Бубенчик (рис. 23, 18)	[Степи..., 1981, с. 136, рис. 28, 18, с. 14, рис. 30, 98]	VIII - IX вв.	
	3, 4, 11, 21	Серьги с каплевидной подвеской (рис. 16, 14 - 16, 19 - 25, 27)	[Распопова, 1980, с. 112, рис. 75] [Амброз, 1971а, с. 122, рис. 8, 18 - 32]	Не ранее середины VIII в. VIII - IX вв.	Рис. 37, 16
	9, 10, 18, 21	Поясные бляхи с прорезью (типа представленных на рис. 26, 9, 10, 43 - 45 и др.)	[Степи, 1981, с. 128 - 129, рис. 23]	VII - VIII вв. и VIII - IX вв.	Рис. 37, 12 - 15, 18, 20
	3	Пряжка (рис. 25, 24)	[Ковалевская, 1979, с. 22, 24, табл. VIII, 14]	VIII в.	
	4	Пряжка (рис. 25, 14)	Там же, табл. XVII, 11, 12, 14]	VIII или VIII - IX вв.	
	24	Псевдопряжка (рис. 26, 62)	[Амброз, 1971а, с. 117, рис. 6, 16]	VII - VIII вв.	
Юрт-Акбалык-11	2	Костяная пряжка (рис. 20, 3)	Аналог из бронзы [Ковалевская, 1979, табл. X, 5]	VII - VIII вв.	Рис. 33, 7, 8
Крохалевка-13	2	Стремя (рис. 23, 6)	[Нестеров, 1988, с. 177; Амброз, 1973, с. 84, рис. 2]	VII - нач. IX в.	
	6, 7	Серьги с каплевидной подвеской (рис. 16, 12, 13)	[Распопова, 1980, с. 112, рис. 75] [Амброз, 1971а, с. 122, рис. 8, 18 - 32]	Со втор. пол. VIII в. VIII - IX вв.	Рис. 36, 3

1	2	3	4	5	6
Красный Яр-1	1	Серьга с каплевидной подвеской (рис. 16, 23) Фигурная поясная бляшка с прорезью (рис. 26, 6) Китайская монета династии Тан (рис. 17, 51)	[Там же] [Савинов, 1984, с. 127, табл. V, 8] [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 157, 165, табл. I]	VIII - IX вв. VIII - IX вв С VII в. и далее	Рис. 37, 1, 6, 10
	2	Китайская монета династии Тан (рис. 17, 51)	[Там же]	С VII в. и далее	Типа представленных на рис. 37, 8
	5	Наконечник стрелы (рис. 22, 48)	[Соловьев, 1987, с. 35, табл. II, 1 - 6]	Втор. пол. I тыс. н.э.	Рис. 32, 14
	7	Перстень с щитком (рис. 15, 6) Бляхи с медведями (рис. 18, 22, 23) Пряжка (рис. 25, 27)	[Чиндина, 1977, рис. 16, 31; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 42, 6; Илюшин и др., 1992, с. 89, рис. 23, 5] [Чиндина, 1977, рис. 23, 9, 24, 13; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 73, 1] [Степи..., 1981, с. 76, рис. 60, 28; Амброз, 1971а, с. 100 - 103, рис. 2, 2]	VI - VIII вв. VII - VIII вв. VIII в. VI - VIII вв. VIII в. VI - VII вв. IV - V вв.	
	10	Удила (рис. 24, 8) Пряжка (рис. 25, 15) Поясные бляшки (рис. 26, 5)	[Савинов, 1984, с. 135; Кирпичников, 1973, с. 111] [Степи..., 1981, с. 130, рис. 24, 21]	VII - IX вв. VII - VIII вв. VIII - X вв.	
	17 - 18	Пронизка в виде белочки (рис. 19, 8)	[Голдина и др., 1980, табл. I, 7, 12; IV, 29 и др.]	VII - VII вв.	
	20	Бляшка (рис. 26, 31)	[Степи..., 1981, с. 122, рис. 19, 13; с. 129, рис. 23, 6; Амброз, 1989, рис. 26, 23]	VI - VII вв.	
	29	Бляшка с прорезями (типа представленных на рис. 26, 43, 44) Мелкие поясные бляхи (рис. 26, 4)	[Степи..., 1981, с. 128 - 129, рис. 23] [Там же, с. 130, рис. 24, 21]	Конец VII - IX в. VIII - X вв.	
	Грунт. мог. 1 - 3	Серьга с каплевидной подвеской (рис. 16, 16)	[Расопова, 1980, с. 112, рис. 75; Амброз, 1971а, с. 122, рис. 8, 18 - 32]	VIII - IX вв.	
Чингис-2	1	Удила с псалиями (рис. 24, 11)	[Савинов, 1984, с. 134] [Степи..., 1981, с. 128, 129, рис. 23]	VIII - X вв. VII - IX вв.	Рис. 36, 12
	3	Поясные бляхи с прорезями (рис. 26, 50 - 52, 58 - 60) Палаш (рис. 20, 24) Стремя (рис. 23, 10)	[Худяков, 1986б, с. 120, 192] [Нестеров, 1988, с. 180, 182] [Савинов, 1984, с. 136]	Втор. пол. I тыс. н.э. VII - IX вв. VIII - IX вв.	Рис. 36, 9
	7	Налобные конские бляхи (рис. 23, 2, 3) Тюргешская монета (рис. 17, 49) Серьга с подвеской (рис. 16, 28)	[Смирнова, 1963, с. 126, рис. 31] [Расопова, 1980, с. 112, рис. 75; Амброз, 1971а, с. 122, рис. 8, 18-32]	VIII в. VIII - IX вв.	Рис. 36, 10, 11, 13

1	2	3	4	5	6
Каменный Мыс	1	Хорезмийская монета (рис. 17, 48)	[Толстов, 1938, с. 130, табл. II]	VI - VII вв.	
	19	Сердоликовая бусина с росписью (рис. 15, 61)	[Голдина, королева, 1983, с. 56]	VII - IX в.	
		Нефритовая подвеска (рис. 15, 97)	[Деревянко, 1977, с. 179, табл. XV, 5 и др.]	VII - IX вв.	
	7; 8; 9, мог. 1; 9, мог. 2	Поясная бляшка с прорезью (рис. 26, 1, 43, 45)	[Стели, 1981, с. 128, 129, рис. 23]	Конец VII - IX в.	
	7; 8; 9, мог. 1; 9, мог. 2	Серьги с каплевидными подвесками (рис. 16, 17, 29, 31) и типа представленных на рис. 16, 25	[Распопова, 1980, с. 112, рис. 75; Амброз, 1971а, с. 122, рис. 8, 18-32]	VIII - IX вв.	
	8	Пряжка (рис. 25, 21) Китайские монеты династии Тан (рис. 17, 51)	[Ковалевская, 1979, с. 22] [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 157, 165, табл. I]	VIII - IX вв. VII - X вв.	
	9, мог. 1	Тюргешская монета (рис. 17, 49)	[Смирнова, 1963, с. 126, рис. 31]	VIII в.	
	9, мог. 2	Удила с псалями (рис. 24, 9) Пряжка (рис. 25, 20)	[Савинов, 1984, с. 135; Кирпичников, 1973, с. 13, рис. 13] [Ковалевская, 1979, табл. XVI, 16-18, 20, 22]	VII - IX вв. VIII - IX вв.	
	15	Удила (рис. 24, 1)	[Савинов, 1984, с. 134]	VIII - X вв.	
	21-22, мог. 3	Конская налобная бляха типа представленной на рис. 23, 2	[Там же, с. 136]	VIII - IX вв.	Рис. 36, 7, 8
Городище Чучка-7	26	Наконечники стрел (рис. 21, 21, 22, 42)	[Худяков, 1986б, с. 146; Иванов, 1987, с. 175, рис. 1, 7]	IX - X вв.	
		Пряжка (рис. 25, 25)	[Амброз, 1989, рис. 44, 2]	VII в.	Рис. 34, 2-5

кургане 17 - 18. Остальные насыпи с сожжениями и три грунтовые могилы можно уверенно отнести к VIII - IX вв.

В могильнике **Каменный Мыс** ко второму этапу относятся курганы 1 и 19. Все остальные, как и курганы могильника **Чингис-2**, принадлежат к числу погребений третьего этапа (VIII - IX вв.).

8. Эволюция керамики

В нашем распоряжении находится не менее 672 сосудов - целых и в обломках. Это 214 экземпляров из 13 могильников и 458 - из 34 поселений и городищ. Учет сосудов велся по венчикам.

За период с V по конец IX в. керамика претерпевает ряд изменений. Выявление ее хронологических особенностей имеет важное значение, так как в большинстве комплексов, особенно в поселенческих, обломки сосудов являются доминирующим материалом и подчас единственным указателем на датировку памятника. Проводя анализ керамики, мы ставим перед собой задачу сделать ее датирующим материалом. Исходным пунктом для нас является составление схемы ее развития по материалам погребений, имеющим четкую датировку, и

перенесение этой схемы на керамические комплексы поселений.

Керамика V - VI вв. (рис. 27 - 31). Характеристика керамики первого, одинцовского, этапа верхнеобской культуры давалась уже неоднократно [Троицкая, 1981, с. 105 - 106, 113; 1992б, с. 22 - 28; Новиков, Троицкая, 1989, с. 41 - 43]. Ее анализ проведен на основе изучения керамики могильников Ближние Елбаны XII, XIV и ряда курганов Юрт-Акбалык-8, которые хорошо датируются в пределах V - VI вв., а также городищ Черный Мыс-1 и -2 и других памятников.

К одинцовскому этапу в Новосибирском Приобье относится не менее 80 сосудов из могильников Крохалевка-23 (все курганы), Юрт-Акбалык-8 (пять курганов), Дубровинский Борок-5, Ирмень-IV, Черное Озеро-1 (три кургана). Из поселений происходит не менее 243 сосудов. Основная часть их найдена в слоях городищ Черный Мыс-1 и -2. Остальные поселения дали единичные находки. Керамика поселений (рис. 27, 28) и могильников (рис. 27 - 31) практически идентична. Отличие заключается лишь в том, что на поселениях чаще встречаются сосуды большого диаметра, в могильниках же они найдены лишь в насыпях как следы тризн.

Таблица 9

Способы нанесения орнамента на керамику в V - VI вв.

Способ нанесения	Черный Мыс-2 (106 экз.)		Курганы (80 экз.)		№ рис.
	Число сосудов	%	Число сосудов	%	
Оттиск гребенчатого штампа	59	56	30	38	28, 15
Оттиск угла палочки или гребенки («тычок»)	59	56	28	35	28, 1
Оттиск гладкой палочки	6	5,7	7	8,5	30, 4
Ямки	100	94,3	65	81	28, 1
Ямки, затертые изнутри	26	24,6	2	2,5	28, 3
Насечки на внутренней поверхности горла	5	4,7	3	4	28, 2
Горизонтальный валик	-	-	1	0,8	27, 4
Без орнамента	-	-	3	4	31, 19

Таблица 10

Орнаментальные мотивы в керамике V - VI вв.

Мотив	Черный Мыс-2 (106 экз.)		Курганы (80 экз.)		№ рис.
	Число сосудов	%	Число сосудов	%	
Ряды наклонных или вертикальных линий	62	59	32	40	28, 6
Ряды треугольников или полуovalов	59	56	34	42	28, 1, 3
Ямки как разделители зон	86	88	47	59	28, 15
Ямки поверх орнамента	18	18	14	17	27, 3
Ямки как узор	13	12	26	7	29, 2
Елочка	11	11	12	15	27, 14
Зигзаг (одинарный или двойной)	2	2	6	7	29, 14
Горизонтальные линии	12	21	10	11	28, 4
Группы коротких линий	2	2	1	1	28, 13
Провисающие линии	-	-	2	3	29, 6
Валик	-	-	1	1	27, 4

Все сосуды одиновского этапа круглодонные, широкогорлые. Четко профилированная шейка плавно переходит в округлое тулово. Горло слегка отогнутое, реже прямое, низкое, плечики слегка выпуклые. Венчики почти всегда скошены внутрь, срез орнаментирован. Они часто бывают утолщенными за счет внешнего налета. В единичных случаях встречаются сосуды с внутренними или внешними карнизиками, тулово с ребром и заостренным дном.

По своей форме сосуды делятся на четыре типа. Поскольку целые сосуды встречаются в основном в могильниках, статистические данные, приводимые ниже, получены по материалам курганов (80 сосудов).

Первую группу составляет основная масса сосудов - 88,7% (71 экз.; рис. 27, 2 - 5, 7, 10; 28, 1 - 3, 6 - 20). Горло у них низкое и широкое. По терминологии, предложенной В.Ф. Генингом [Генинг, 1973, с. 114 - 136], они относятся к очень низкогорлым сосудам, у которых шейка четко профилирована, диаметр тулова чуть больше диаметра

венчика и превышает высоту сосуда (рис. 28, 1, 3; 29, 3, 5, 9 и др.).

Вторая группа охватывает лишь 7,5% керамики (6 экз.). По своей форме сосуды этой группы приближаются к кувшинчикам (рис. 29, 10; 31, 21). Их высота превышает диаметр тулова или равна ему, а диаметр горла значительно меньше его. Шейка удлиненная, вытянутая, прямая или чуть оттянутая. У двух сосудов из Крохалева-23 по середине тулова проходит горизонтальное ребро (рис. 29, 11, 12).

Третья группа - открытые мисочки (2 экз. - 2,5%). Они низкие, плечики отсутствуют (рис. 29, 2; 31, 5). Диаметр горла значительно превышает высоту.

Четвертая группа (1,3%) - сосуды без шейки, их высота приближается к диаметру горла (рис. 31, 17).

Орнаментация у сосудов всех групп одинакова. Средний индекс орнаментации (число строк орнамента на одном сосуде) - 4 - 5. Орнамент наносился на верхнюю треть сосуда. Как правило, орнаментировался и отогнутый внутрь венчик. Изредка

орнамент наносился на внутреннюю поверхность горла (рис. 28, 2).

Орнамент состоял из двух зон, часто одинаковых, отделенных друг от друга рядом ямок, нанесенных чаще всего по линии шейки. Верхняя зона обычно состояла из одной строки. Нижняя строка орнамента наносилась на плечики. На одном сосуде может быть встречено два-три типа орнамента и способа его нанесения.

В таблице 9 указаны способы нанесения орнамента на примере наиболее многочисленного керамического комплекса городища Черный Мыс-2 и всей керамики из могильников.

На керамике других памятников узор нанесен идентичными способами, но имеются также и некоторые особенности. На городище Черный Мыс-1 встречен сосуд с ногтевым орнаментом (рис. 27, 2) и обломок сосуда с горизонтальным валиком (рис. 27, 4).

В основном орнамент наносился гребенкой, значительно реже - гладкой палочкой, часто с нажимом на верхнюю часть штампа. При нанесении узора углом гребенки или палочки оставался оттиск в виде треугольника или полуовала (рис. 27, 1). Подобный способ орнаментации - характерная особенность керамики V - VI вв. Изредка оттиск гребенки наносился зубцами с нажимом на одну из продольных сторон. "Жемчужины" на этом этапе отсутствуют. На большинстве сосудов встречены ямки, выпуклости от них на внутренней поверхности часто затирались (рис. 27, 11). В редких случаях орнамент наносился на верхнюю внутреннюю часть горла (рис. 25, 2).

Основной мотив - насечки, нанесенные углом гребенчатого или гладкого штампа в виде треугольников или полуovalов. Они располагались рядами, в единичных случаях - беспорядочно. Столь же часто встречаются ряды наклонных или вертикальных линий, значительно реже - ряды елочек, горизонтальных линий и зигзагов. На нескольких сосудах встречены провисающие линии и группы коротких прямых (табл. 10).

На одном сосуде могло быть несколько орнаментальных мотивов. Сочетание их (до трех и более на одном сосуде) было разнообразным. Верхний ряд чаще всего представлен одним рядом наклонных линий, треугольников или полуovalов.

Керамика VII - начала VIII в. (рис. 32 - 35). Коллекция керамики этого периода представлена 64 сосуда из курганов (Красный Яр-1, Умна-3, Высокий Борок, Юрт-Акбалык-8, Черное Озеро-1) и обломками не менее чем 106 сосудов из городищ и поселений (Соколово-Колывань-3, Крохалевка-Соколово-5, -6, Ирмень-1, -2, -5, Завьялово-2, Юрт-Акбалык-9, Чучка-7, -11, Крутоборка-1, Вьюны-18, X Кордон-2 и III Кордон-2).

Обоснования для датировки четырех курганов Красного Яра-1, могил Высокого Борка, Ордынского и серии погребений Черного Озера-1, Умны-3

и Красного Яра-1 приведены в предшествующем разделе.

Особняком стоит керамика из Юрт-Акбалыка-11 (рис. 33, 5 - 8). Мы относим ее условно к VII - VIII вв., но не исключаем возможности ее принадлежности к более позднему времени.

Поселенческие комплексы четкого датирующего материала не содержат, мы их датируем VII - VIII вв. на основании идентичности с курганными керамическими комплексами (рис. 32, 33). Основная часть поселений лишь разведана, поэтому число обломков сосудов на них колеблется от одного до 12. Раскопки велись лишь на городище Соколово-Колывань-3, где были найдены обломки не менее чем 14 сосудов (рис. 34, 6 - 9), и на поселении Крохалевка-Соколово-5, где обнаружено 27 сосудов (рис. 35, 6 - 14). Столь малое количество находок объясняется исключительно слабой насыщенностью культурного слоя и незначительностью вскрытых площадей. Это не дает нам возможности провести статистический анализ какого-либо поселенческого комплекса. Поэтому ниже остановимся на суммарной характеристике керамического комплекса погребений, поскольку, как указывалось выше, последние в отличие от поселений имеют конкретную датировку.

Необходимо отметить, что резкого различия между керамикой двух периодов нет, поэтому отнесение керамики отдельных поселений к конкретному периоду является условным. Так, сосуды с городищ Ирмень-1 и -5 (рис. 34, 1; 35, 1 - 5), скорее всего, могут быть датированы в пределах первого-второго этапов верхнеобской культуры, а керамика городища Вьюны-18 - в пределах второго-третьего этапов (рис. 35, 17 - 20).

Для определения формы сосудов мы используем не все 64 экземпляра, а лишь 54, так как остальные представлены лишь верхней третью или половиной. Все сосуды широкогорлые, круглодонные, срез венчика направлен внутрь и часто орнаментирован. Форма сосудов несколько изменилась по сравнению с сосудами первого этапа: часть их более приземистые, преобладает прямое горло.

По своей форме керамика делится на четыре группы. Кувшинчики исчезли. Группа широкогорлых сосудов с четкой профилировкой шейки распалась на две группы: со слабоотогнутым и с прямым горлом. Увеличилось число сосудов без шейки.

Первая группа (17 экз. - 31,5%) - сосуды с широким и низким горлом, диаметр тулова превышает диаметр венчика и высоту сосуда. Шейка слабо профилирована, плечики покатые. Горло лишь слегка отогнутое. Тулово округлое, в ряде случаев более приземистое, чем у сосудов первого этапа (рис. 32, 1 - 4; 33, 10 - 14 и др.).

Вторая группа (27 экз. - 50%) - такие же сосуды, но с прямым горлом, плечики слабо выражены.

Таблица 11

Способы нанесения орнамента на керамику в VII - первой половине VIII в.

Способ нанесения	Число сосудов (60 экз.)	%	№ рис.
Оттиск гребенчатого штампа	48	80	32, 2
Оттиск гладкой палочки или прочерчивание	7	12	33, 1
Оттиск угла гребенки или палочки («тычок»)	16	26	32, 9
Ямки	44	73	32, 5
«Жемчужины»	7	12	32, 16
Проташенная гребенка	5	8	33, 16
Фигурный штамп	2	4	33, 15

Таблица 12

Орнаментальные мотивы в керамике погребальных комплексов VII - первой половины VIII в.

Мотив	Число сосудов	%	№ рис.
Ряды наклонных или вертикальных линий	37	61	32, 2
Ряды треугольников или полуovalов	16	26	32, 9
Ямки как разделители зон	29	48	32, 5
Ямки поверх орнамента	18	30	32, 13
Ямки как узор	5	8	34, 13
«Жемчужины»	7	12	32, 17
Елочки	14	23	32, 13
Горизонтальные прямые	37	61	32, 3
Зигзаги (одинарные и двойные)	11	20	32, 1
Ромбы	7	12	33, 9
Группы коротких прямых	2	3	35, 6
Крест (или сетка)	2	3	33, 12
Полукруглый штамп	2	3	33, 15

Таблица 13

Способы нанесения орнамента на керамику во второй половине VIII - IX в.

Способ нанесения	%		Курганы (64 экз.)		№ рис.
	Число сосудов	%	Число сосудов	%	
Оттиск гребенчатого штампа	43	92	51	80	36, 1
Оттиск гладкой палочки или прочерчивание	7	12	4	6	36, 2
Оттиск угла гребенки или палочки	3	6	4	6	38, 5
Рубчатый или фигурный штампы	2	4	2	3	37, 14
Ямки	19	40	29	45	36, 10
«Жемчужины»	25	53	18	28	36, 3
Без орнамента	1	2	3	5	36, 7
Проташенная гребенка	-	-	-	1,5	36, 2

Орнаментальные мотивы в керамике второй половины VIII - IX в.

Мотив	Юрт-Акбалык-1 (47 экз.)		Курганы (64 экз.)		№ рис.
	Число сосудов	%	Число сосудов	%	
Горизонтальные линии	38	80	32	50	37, 2
Ряды наклонных или вертикальных линий	23	40	35	55	36, 1
«Жемчужины»	25	53	18	28	36, 3
Ямки как разделители зон	8	17	17	27	36, 1
Ямки поверх узора	8	17	10	16	36, 13
Ямки как самостоятельный узор	-	-	1	1,5	38, 3
Зигзаги (одинарные, двойные и тройные)	16	34	17	27	36, 3
Ромбы	3	6	10	16	37, 13
Ряды треугольников или полуovalов	3	6	7	11	38, 5
Елочки	2	4	5	8	36, 4
Арки	1	2	-	-	38, 9
Без орнамента	-	-	3	4	36, 7

Представлены на рис. 32, 5, 12; 33, 3, 4 и др. Один из этих сосудов имеет резное горизонтальное ребро (рис. 32, 11).

Третья группа (9 экз. - 16,5%) - сосуды без шейки, диаметр горла меньше наибольшего диаметра тулова. Горло чуть загнуто внутрь (рис. 32, 16, 33, 2). Имеются сосуды, промежуточные между третьей и второй формами.

Четвертая группа (1 экз. - 2%) - невысокие миски. Диаметр горла значительно превышает высоту сосуда (рис. 32, 6).

Орнаментация сосудов всех групп одинакова. Статистические данные приведены на основе анализа 60 сосудов из могильников (табл. 11).

В основном способ нанесения орнамента такой же, как на первом этапе, но появляется и новый способ: протасенная гребенка, главным образом, на керамике из Ордынского-1. Несколько сосудов имеют "жемчужины", которых на сосудах первого этапа не было. Сокращается число сосудов, орнаментированных углом гребенки или палочки (с 35% до 26%). Причем эти оттиски делаются мелкими, они чаще всего уже не основной мотив орнаментации сосуда, а ими как бы завершается весь узор, и располагаются они внизу под остальными строками (рис. 32, 4; 33, 9, 12 и др.).

Переходим к характеристике орнаментальных мотивов (табл. 12). Средний индекс орнаментированности - 6 (366 строк на 60 сосудах). Орнаментальные мотивы в основном остаются прежними. Как и ранее, преобладают узоры из наклонных и вертикальных линий, но уже в равном количестве встречены сосуды с горизонтальными линиями. По числу строк этот мотив становится преобладающим: на один сосуд в среднем приходится четыре-пять линий. Увеличилось число сосудов, орнаментированных зигзагами, иногда образующими ромбы (с 7% до 20%). В единичных случаях представ-

лен штамп в виде двух полукругов, производящих впечатление уточки (рис. 33, 15). Новый мотив - "жемчужины" - выполняет, как и ямки, в основном роль разделителя зон. Часть ямок нанесена поверх строк орнамента. Композиции, составленные из этих мотивов, по сравнению с орнаментами на сосудах первого этапа более разнообразные и пышные.

Керамика второй половины VIII - IX вв. (рис. 36 - 38). Эти сосуды представляют собой дальнейшее развитие керамики второго этапа, резкой границы между ними нет. К данному периоду относится не менее 70 сосудов из курганов, найденных чаще всего в обломках. Они являются следами тризн на могильниках Красный Яр-1, Каменный Мыс и Крохалевка-13. На Умне-3 сосуды найдены в насыпях и в могилах. Целых или реконструируемых сосудов только 17, статистической обработке подверглось 64 сосуда. Большинство керамики из этих могильников хорошо датируется VIII - IX вв. бронзовыми серьгами с каплевидными подвесками, поясными наборами и наконечниками стрел. По своей форме и орнаментации эти сосуды, особенно из насыпей, полностью совпадают с керамикой поселений, что говорит об их одновременности.

С поселенческими комплексами связано не менее 99 обломков сосудов (счет велся по венчикам), собранных в основном во время разведок. Раскопкам подвергалось городище Юрт-Акбалык-1, где были найдены обломки 47 сосудов. Статистическую обработку данных, касающихся этих сосудов, мы будем проводить далее наряду с данными по 64 сосудах из курганов.

К третьему этапу относится керамика поселений Чучка-14, Умна-1, Красный Яр-3, Крохалевка-11а и городищ Юрт-Акбалык-1, -4, Марахта-2. Малое количество целых сосудов не дает нам возможности разделить их на определенные группы, как это делалось для керамики двух первых этапов.

Видимо, сохранялись те же группы, что и на втором этапе, но с увеличением числа сосудов без шейки с загнутым внутрь венчиком (рис. 38, 6). Характерной особенностью керамики третьего периода верхнеобской культуры является значительное число сосудов (более 5%) с резко утолщенным венчиком за счет налёпа с внешней стороны. Иногда венчик бывает в четыре-пять раз толще стенки (рис. 38, 4), но чаще в два-три раза. Сосуды по-прежнему круглодонные и широкогорлые. Шейки у них в отличие от сосудов предшествующих этапов редко бывают отогнутыми. Преобладают сосуды с прямым горлом и загнутым внутрь краем (рис. 36, 5, 11; 37, 6 и др.). Срез венчика направлен внутрь, реже он прямой. Появляются низкие чаши диаметром до 20 см (рис. 38, 3).

В таблице 13 представлены способы нанесения орнамента, выявленные на данных 47 сосудов из городища Юрт-Акбалык-1 и всех сосудов из курганных могильников (64 экз.).

Оттиск гребенчатого штампа, нанесенный прямо, становится преобладающим. Большая часть гребенок была мелкой. Число сосудов, орнаментированных углом гребенчатого штампа, резко сокращается. Более половины сосудов имеют "жемчужины". Число их возрастает по сравнению со вторым этапом с 12% до 53% на городище и до 28% в курганах. "Жемчужины" наносились изнутри узкой палочкой, а поскольку венчик зачастую был сильно утолщенным, выпуклости на поверхности слабо различимы. Ямки наносились такой же палочкой и часто попадали на строку узора. Ряды ямок и "жемчужин" теперь реже играли роль разделителей зон.

Средний индекс орнаментированности керамики городища - 6 (267 строк на 47 сосудах), сосудов из погребальных комплексов - 3 - 4 (223 строки на 64 сосудах). Керамика поселений была орнаментирована более пышно (табл. 14).

Характеристики остального материала, полученного в результате разведок и сборов на поселениях, совпадают с приведенными выше данными, отражающими дальнейшее развитие верхнеобской керамики. Однако появляются и некоторые новые черты, связанные как с северным, так и с южным влиянием. О северном влиянии говорят и обломки двух сосудов из насыпи кургана 9 Умны-3 и из городища Юрт-Акбалык-4 с оттиском штампа в виде "уточки", который сочетается с типичным для этого этапа узором в виде зигзага (рис. 37, 14) и утолщенным венчиком.

С южными тюркскими традициями связаны три сосуда. Два из них найдены над могилой с сожжением курганов 21 - 22 Каменного Мыса. Это круглодонные толстостенные сосуды без орнамента, выполненные из рыхлого теста с примесью шамота (рис. 36, 7, 8). Один из них с ручкой, он более всего напоминает кубки, изображенные в руках камен-

ных изваяний [Степи..., 1981, с. 127, рис. 22, 9]. Третий сосуд, тоже с ручкой, происходит из насыпи кургана 1 могильника Чингис-2 (рис. 36, 12). Сосуд орнаментирован оттисками гребенки, которые покрывают и ручку. Сосуд с ручкой нетипичен для верхнеобской керамики, как и защитной валик, отделяющий ряды наклонных линий от елочек. В некоторой степени аналогом ему может служить кубок X в. с ручками в виде изогнутых бараньих рогов [Там же, с. 48 - 49, вкладка]. Тогда ручка нашей чашки, покрытая таким же орнаментом, как и печенежский кубок, может считаться стилизованным изображением бараньего рога.

Сосуды с орнаментом в виде прочерченной линии или нанесенным гладкой палочкой близки к сосудам из Сапоговского могильника на Ине в Кемеровской области [Илюшин и др., 1992, рис. 23, 24; 24, 3; 25, 11, 12 и др.].

Происхождение верхнеобской керамики. Генетически верхнеобская керамика восходит к позднекулайскому этапу лесостепного варианта кулайской культуры [Троицкая, 1979а, с. 36 - 44]. Это хорошо прослеживается при сравнении орнаментации сосудов одинцовского этапа с позднекулайскими. Их общие черты - преобладание рядов наклонных линий, широкое употребление гребенчатого штампа, нанесение на некоторых сосудах ямок поверх строк другого орнамента, отсутствие "жемчужин", редко встречающаяся орнаментация зигзагами, елочкой или прямыми линиями, частое сглаживание изнутри выпуклостей от нанесенных на поверхность ямок, наличие в единичных случаях наклонных линий на внутренней поверхности горла. Кулайская керамика отличается от одинцовской присутствием фигурного штампа.

Подводя общие итоги изучению развития керамики верхнеобской культуры, надо отметить следующее.

1. Сосуды верхнеобской культуры широкогорлые, круглодонные, с низким горлом. Преобладает керамика с округлым, почти шарообразным туловом. На первом этапе шейка у сосудов обычно четко профилированная, слегка отогнутая, реже прямая, венчик чуть утолщен. Встречаются сосуды типа кувшинчиков. На втором этапе появляются более приземистые сосуды, преобладает прямое горло, кувшинчики исчезают. На третьем этапе более половины сосудов имеет прямое горло, около четверти - закрытые, без шейки, с загнутым внутрь венчиком. Венчики часто бывают резко утолщенными. Комплексы с поселений и из погребений аналогичны.

2. В орнаментации резко преобладает оттиск гребенчатого штампа. На срез венчика, направленный внутрь сосуда, почти всегда наносится орна-

мент. На первом этапе отсутствуют "жемчужины", они появляются на втором этапе, в VII - VIII вв., а на третьем, в IX - X вв., они преобладают, причем становятся мелкими и слабо заметными на поверхности. Ведущим мотивом в керамике двух первых этапов верхнеобской культуры являются ряды наклонных линий, третьего - ряды горизонтальных прямых. На первом этапе сосуды часто покрыты рядами полуovalов или треугольников, нанесенных углом гребенки. Этот мотив на втором этапе перестает быть самостоятельным, а встречается в сочетании с другими мотивами, на последнем же этапе он встречается редко. От этапа к этапу растет чис-

ло сосудов, орнаментированных зигзагами. Орнаментальная композиция в среднем состояла из трех-пяти мотивов на одном сосуде. Средний индекс орнаментированности - 4 - 6.

3. На третьем этапе отмечено единичное число сосудов с орнаментацией северного лесного типа. Одновременно появляются и отдельные сосуды, выполненные в тюркской традиции.

4. Генетически керамика верхнеобской культуры восходит к сосудам позднего этапа лесостепного варианта кулайской культуры, что особенно хорошо прослеживается на керамических комплексах одинцовского этапа.

ГЛАВА IV ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

В этой главе мы остановимся на вопросах хозяйства, социальной структуры общества и духовной жизни населения верхнеобской культуры. В тех случаях, когда материала Новосибирского Приобья будет недостаточно, мы будем обращаться к данным верхнеобской культуры степного Алтая и Томского Приобья.

1. Производство и добыча продуктов питания

Рассматривая производство и добычу питания у верхнеобцев, мы опираемся на сведения о природных особенностях региона, изложенные в первой главе. Мы учитываем засушливость климата во второй половине I тыс. н.э. и тот факт, что пойма Верхнего Приобья, исключительно богатая растительным и животным миром, имела огромное значение в развитии земледелия, скотоводства, охоты и рыбной ловли.

Скотоводство. Ведущую роль в хозяйстве играло скотоводство, которое в лесостепи в условиях засушливого климата могло быть только отгонным. К сожалению, мы не можем дать характеристику состава стада, так как на поселениях кости встречаются крайне редко - это единичные находки в комплексах раскопанных городищ Черный Мыс-1 и -2. Данное обстоятельство нельзя объяснить тем, что в песчаном грунте кости плохо сохраняются: в расположенном в местности с таким же природными условиями кулайском городище рубежа I и II тысячелетий Дубровинский Борок-3 на 1 кв. м культурного слоя приходится около восьми костных обломков [Троицкая, 1979а, с. 25]. Кости также редки в верхнеобских поселениях Томского Приобья V - VIII вв. [Беликова, Плетнева, 1983, с. 41 - 48] и поселениях релкинской культуры [Чиндина, 1991, с. 82]. Отсутствуют кости и в позднекулайских городищах Ивановка-4 и Завьялово-19 [Троицкая, 1979а, с. 38]. Остается предполагать, что у населения этого периода существовал обычай выносить костные остатки за пределы поселения. Это является характерной чертой верхнеобской культуры. Можно думать, что в VIII - IX вв. данная особенность соблюдалась не столь строго: в городище Юрт-Акбалык-1 найдено несколько конских костей и одна баранья.

Значительное место в жизни населения занимало коневодство. Об этом свидетельствуют единичные находки конских костей на поселениях и более частые - в курганах (следы тризн, жертвенная яма с остатками частично обожженных костей в кургане 17 Юрт-Акбалык-8, кучка конских бабок из кургане 6 Юрт-Акбалык-8, а также частые находки железных удил). Кости лошади отмечены и в насыпях Тимирязевских могильников [Беликова, Плетнева, 1983, с. 101]. О разведении крупного рогатого скота свидетельствуют остеологические находки в верхнеобских памятниках Томского Приобья [Там же, с. 106], а о существовании мелкого рогатого скота - находки из Юрт-Акбалык-1 и скопление из 143 бараньих косточек в Бл. Елбанах XIV [Грязнов, 1956, табл. XVII, 20 - 31].

Судя по слабой окрашенности культурного слоя, который подчас плохо отличается от материка, скот не содержали ни в городищах, на длительное бытование которых указывают переделки в планировке жилищ и оборонительной системы (Черный Мыс-1 и -2), ни в кратковременных поселениях в лесу (Крохалевка-Соколово-5 и -6). Анализ почвы на наличие азота показал его отсутствие. Азот же - конкретный признак содержания скота, унавоженности почвы. Таким образом, даже зимой скот держали вне помещений и за пределами поселений. Подобные явления, по этнографическим данным, известны у ряда народов Сибири. Так Л.П. Потапов [1953] пишет об алтайцах: "В большинстве случаев скот продолжали держать на открытом воздухе круглые сутки в любое время года... Для ягнят устраивали ямы, где животные согревали друг друга собственной теплотой" (с. 206, 207).

Летом животных пасли в богатых травами поймах, подальше от поселений, обезопасив себя от кровососущих насекомых, которых привлекал скот. Перегоны могли быть длинными. Использовались и суходольные луга. Зимой значительную часть скота прирезали, оставив только необходимое количество для дальнейшего размножения. Сенокосение вряд ли было развитым. Специальные орудия отсутствовали, траву могли срезать крупными ножами. Больших ее запасов на зиму не делали.

Земледелие. Вопрос о характере земледелия долгое время был дискуссионным. Л.М. Плетнева считала, что оно было плужным, и найденные железные орудия относил к сошникам. Т.Н. Троиц-

кая и Л.А. Чиндина полагали, что эти орудия являлись мотыгами, и земледелие соответственно было мотыжным [Троицкая, 1981, с. 117; Чиндина, 1991, с. 86]. Однако находки жерновов в Черном Озере-1 [Троицкая, 1993в, с. 204] заставляют пересмотреть последнюю точку зрения и позволяют считать земледелие верхнеобской культуры плужным. Как указывалось выше, аналогичные жернова найдены на территории Южной Сибири в комплексах второй половины I тыс. н.э., что свидетельствует о развитии земледелия у верхнеобского населения в общем русле с народами юга Сибири. Все семь найденных сошников относятся по своей форме, а возможно, и по функциональному назначению к четырем группам, о которых шла речь в третьей главе.

Конкретных свидетельств о возделывании определенных земледельческих культур нет. Но по аналогии с Южной Сибирью можно считать, что сеяли просо, ячмень, пшеницу [Степи..., 1981, с. 32]. Муку мололи на ручных жерновах.

Охота и рыбная ловля. Отсутствие остеологического материала на поселениях мешает раскрытию характера этих отраслей. О наличии охоты можно судить по погребениям собак в могильниках Юрт-Акбалык-8 и Крохалевка-23. Видимо, орудиями охоты являлись костяные наконечники стрел. Наиболее мелкие из них, с шиловидным окончанием, могли служить для охоты на небольшого пушного зверя - они не портили его шкурки. Очень крупные, массивные наконечники скорее всего относились к самострелам [Сидоров, 1989, с. 25]. Об охоте на птиц дает информацию курган Умны-3, где в могиле с сожжением найдены кости крупной птицы. Почитание медведя и совы или филина также свидетельствует о связи населения с охотой. Охота на птиц велась прежде всего в пойме. Как указывалось в главе I, 91,6% охотничье-промысловых видов птиц связано с этой территорией.

Для характеристики рыбной ловли также осталось мало материала. В могилах одинцовского этапа Крохалевки-23 встречены железные гарпуны. В более поздних памятниках они не найдены. Каменное грузило обнаружено только одно - на городище Черный Мыс-1. Это обломок плоского камня с двусторонними выемками для перехвата бечевкой. Остается предполагать, что при ловле сетями перешли к более простым грузилам: камень заворачивали в бересту. При ловле широко использовались мордушки, мелкие реки могли перекрывать сплошной плетеной загородкой. Ясно одно: расположение поселений на берегах малых рек, стариц и озер неизбежно должно было придать довольно большое значение рыбной ловле. Ведущую роль в рыболовстве играли пойменные водоемы, так как они содержали 99% всех организмов, которыми питается рыба, а на Обь приходится лишь 1%.

Важное место в хозяйстве занимало и собирательство, хотя его материальные остатки не обна-

ружены. Жизнь на боровой террасе обеспечивала жителей ягодой, кедровыми орехами, кореньями и др.

Все это говорит о том, что совокупность природно-климатических факторов Верхнего Приобья создавала благоприятные возможности для ведения комплексного хозяйства. Основной базой для производства и получения продуктов питания была пойма.

2. Ремесла

Керамическое производство. Для любых видов производства керамики исследователи выделяют три последовательные стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную, а внутри них - отдельные ступени [Бобринский, 1978, с. 14]. Применительно к верхнеобской культуре далеко не по всем из них имеются источники в достаточной для обоснованной реконструкции степени (менее всего - по закрепительной стадии). С определенной долей уверенности можно охарактеризовать лишь различные ступени подготовительной стадии, которая включает в себя отбор и добычу исходного сырья и подготовку формовочной массы.

Особенности сырьевой базы керамического производства в Новосибирском Приобье кратко охарактеризованы нами в специальной работе [Новиков, 1993, с. 87, 88], поэтому здесь мы останавливаться на этом вопросе не будем. Вероятно, верхнеобцы использовали прежде всего сравнительно легко доступные выходы ожелезненных глин в обнажениях правобережной террасы р. Оби. Присутствие там этих глин обусловлено геологическими особенностями региона. В то же время поиск и добыча глинистого сырья на левобережье чрезвычайно затруднены. Поскольку основные места проживания верхнеобцев, как говорилось выше, связаны именно с левобережьем, видимо, перед ними стояла проблема транспортировки отобранного глинистого сырья через Обь. Легче это было делать зимой, по льду. Во всяком случае, русские гончары левобережной Колывани в начале XX в. осуществляли оптовую заготовку глинистого сырья именно зимой. К тому же "зимнюю" глину по ряду причин предпочитали "летней".

Подготовка формовочной массы заключалась, в частности, в смешении глинистого сырья с различными добавками. Для верхнеобской культуры характерны прежде всего непластичные, так называемые "отощающие" добавки. Добавляли главным образом дресву, гораздо реже - шамот и песок. Пластичные добавки, фиксируемые в сломках керамики по отпечаткам выгоревших травянистых растений, встречаются реже.

Для выяснения наиболее общих технологических особенностей изготовления формовочных масс нами применен компонентный анализ, который

позволяет определить степень распространенности того или иного компонента формовочной массы независимо от того, присутствует ли он как единственная примесь или в составе сложного рецепта. Анализ показал, что дресва является культурно-диагностирующим признаком формовочных масс керамики верхнеобской культуры. Незначительный разброс в степени встречаемости дресвы отражают, по-видимому, локальные территориальные особенности в рамках единой традиции. Так, если в материалах северной группы памятников (приблизительно севернее широты г. Новосибирска) встречаемость дресвы составляет от 90 до 100% (причем в подавляющем большинстве случаев это единственная искусственная добавка к глине), то более южные памятники дают материалы с несколько меньшей ее встречаемостью (70 - 80%). Данные о распространенности отдельных компонентов формовочных масс сведены в таблице 15.

Рецептуры формовочных масс керамики верхнеобской культуры чаще всего (75 - 90% коллекций отдельных памятников) представляют собой следующие сочетания: глина + дресва + органика; глина + дресва + шамот. Факты отсутствия дресвы в рецепте единичны (глина + шамот + органика - один экземпляр из поселения Черный Мыс-1).

Дресва в керамике верхнеобской культуры представляет собой обломки гранитно-гнейсовых пород и, безусловно, связана с местными выходами. Размеры зерен различны, однако практически во всех образцах их диаметр не превышает 2,5 мм, что, видимо, связано с преднамеренным вычленением более крупных зерен. В количественном отношении добавки дресвы значительны и неизменны на всем протяжении культуры. Наиболее часто дресва составляла 25 - 35% площади шлифов образцов, что соотносится с ее объемом в формовочной массе. В отдельных образцах дресва занимает более 50% площади шлифа (материалы городищ Черный Мыс-1, -2).

Кроме дресвы в материалах некоторых памятников верхнеобской культуры зафиксированы и другие виды искусственных добавок. Так, в 20% экземпляров исследованной керамики Черного Мыса-1 и в 12% экземпляров керамики Черного Мыса-2 обнаружены следы органических добавок. Органика встречена и в материалах Черного Озера-1. В отдельных образцах из Черного Мыса-1 и Крохалевки-23 обнаружены добавки шамота. Все это говорит о существовании в рамках единой технологической традиции верхнеобской культуры, связанной с добавками дресвы, отголосков других традиций.

Изучение рецептов формовочных масс верхнеобской керамики позволяет увидеть весьма жесткое сохранение отдельных технологических традиций на всем протяжении второй половины I тыс. н.э. Это было возможным лишь при отсутствии сколь-

Таблица 15

Компоненты формовочных масс керамики некоторых памятников верхнеобской культуры, %

Памятники	Дресва	Шамот	Песок	Органика
Черный Мыс-1	90	10	-	20
Черный Мыс-2	100	-	-	12,5
Крохалевка-23	100	100	-	-
Черное Озеро-1	100	-	-	20
Ордынское-1	77,8	44,4	22,2	-

ко-нибудь обширных проникновений в среду верхнеобцев носителей иных технологических традиций. Таким образом, анализ формовочных масс керамики верхнеобской культуры подтверждает непрерывность линии ее развития, завершающегося к рубежу I и II тысячелетий в связи со значительным в количественном отношении проникновением в Верхнее Приобье носителей иных технологических традиций, вероятно соотносимых с тюркоязычным миром.

Реконструкции других ступеней производства керамики у верхнеобцев сейчас преждевременны. Можно лишь с уверенностью сказать, что формование посуды осуществлялось методом ручной лепки. Ни один из образцов керамики не подвергался воздействию температуры более 700 - 800° С, однако этот признак ничего не говорит о характере обжига. Мы все же склонны предположить, что он был костровым, поскольку при всей изученности верхнеобской культуры (а также других синхронных культур региона) ни разу не были обнаружены какие-либо специальные конструкции, которые можно было бы интерпретировать как предназначенные для обжига керамики. Судя по цветовой гамме сломов керамики, она могла пребывать как в окислительной, так и в восстановительной и смешанной средах, однако очевидно, что этот признак мог быть сформирован в процессе использования посуды.

В целом можно предполагать, что керамическое производство верхнеобцев имело степень развития на уровне домашних производств.

Металлургическое производство. Оно занимает особое место в ремесле и дает довольно четкое представление об уровне развития производительных сил.

Остатки бронзолитейного производства не сохранились, их следы на поселениях не выявлены, но сами бронзовые изделия говорят о наличии этой отрасли.

Часть бронзовых изделий является привозной. Это монеты, отдельные бляшки и подвески. Многие же украшения явно имеют местное, западно-сибирское, происхождение, хотя и могли быть отлитыми по привозным образцам. Это отдельные поясные бляхи, серги и подвески, бляхи с зооморф-

ными и антропоморфными изображениями и др. Местное происхождение имеют украшения, которые четко относятся к кругу самодийских украшений: подвески в виде полого конуса, подвески бобовидные или сердцевидные, бронзовые пронизки, бронзовые перстни с овальными щитками, различные подвески, связанные с солярным знаком, подвески, повторяющие форму серег с каплевидными подвесками, и др.

В.А. Галибиным в спектральной лаборатории ЛОИА АН СССР произведен анализ 64 предметов из памятников верхнеобской культуры Новосибирского Приобья. Предварительный материал опубликован [Галибин, Троицкая, 1983, с. 31 - 33]. В приложении 2 мы приводим окончательные результаты этих анализов. Существенного различия в составе изделий местного и привозного происхождения нет, - видимо, бронза неоднократно шла в переплавку.

В качестве лигирующих компонентов употреблялись олово, свинец и цинк. Олово присутствует во всех предметах, кроме двух, в которых процент его содержания равен 0,02. Содержание олова в сплавах колеблется от 0,5% до 24%, при этом наибольшее число предметов имеет в своем составе от 6 до 13% олова. Добавка свинца снижала температуру плавления сплава. Ничтожное его содержание (от 0,02 до 0,5%) можно считать примесью в медной руде. Незначительную примесь свинца в сплаве (0,6 - 2%) имеют 33% изделий, а от 2 до 18% свинца отмечено в основной части находок (51%). Цинк как лигирующий элемент стал употребляться лишь с рубежа эр. Так, в анализах изделий из Новосибирского Приобья, относящихся к I тыс. до н.э., он обнаружен крайне редко [Троицкая, Галибин, 1983, с. 37]. В анализируемых здесь материалах I тыс. н.э. цинк отсутствовал в 30% изделий, в 40% предметов его содержание было крайне низким (0,03 - 0,45%), и лишь в 30% находок он содержался в значительном количестве (от 1 - 2 до 15,0%).

Данные спектрального анализа бронзовых изделий, в частности поясных бляшек, позволяют решить вопрос об их одновременном или разновременном изготовлении. Причем именно состав, а не форма бляшки, играет в этом решающую роль, так как отмечены случаи, когда бляшки различной формы имели одинаковый состав и наоборот. Бронзовые украшения изготавливались чаще всего литьем, реже - тиснением. Так, среди бронзовых поясных бляшек кургане 8 Каменного Мыса встречены литые и тисненные бляхи.

К середине I тыс. н.э. население уже полностью овладело железом и имело достаточно крепкие навыки в изготовлении из него орудий и предметов вооружения. Как указывает Н.М. Зиняков, к этому времени уже произошло отделение кузнецов от металлургов [Зиняков, 1987, с. 35 - 38]. Безусловно, это имело место и у населения верхнеобской культу-

ры. Так, в материалах Томского Приобья встречаются специальные инструменты, например, клещи [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 75, 2], которые вполне могли быть кузнечными. Н.М. Зиняков произвел исследование железных орудий верхнеобской культуры в Томском Приобье [Зиняков, 1982, с. 22 - 35]. Он установил, что ножи и кельты изготавливались из низкоуглеродистой стали или из чистого железа. При этом использовалась сварка. Анализ синхронных изделий из Бл. Елбан подтверждает, что кузнецы Верхнего Приобья использовали, как правило, металл низкого и среднего качества с большим количеством шлаковых примесей. Для улучшения качества изделий их часто цементировали. Закалка, даже мягкая, зафиксирована лишь однажды [Зиняков, Любченко, 1980, с. 10 - 15]. Таким образом, результаты анализов железных изделий Томского и Барнаульского Приобья совпадают, и, следовательно, они вполне могут быть отнесены к Новосибирскому Приобью, лежащему между этими территориями.

Обработка кожи. Сам процесс обработки кожи и мехов и изготовления из них изделий занимал значительное место в хозяйстве в рамках домашнего ремесла. Из кожи делали ремни для поясов и конской упряжи, из кожи и меха шили одежду и обувь. До нас дошли остатки некоторых кожаных изделий. Это ременная плетель шириной около 0,8 см из Юрт-Акбалыка-8, узенькие ремешки, на которые нанизывались бронзовые бусы, имеющие широкие отверстия (Черное Озеро-1, Красный Яр-1). Обрывки кожаных поясных ремешков шириной до 2 - 3 см сохранились в Каменном Мысе. На одном из них видно, что кожа была гофрированной (рис. 26, 1). Из кожи была изготовлена лента-диадема из Юрт-Акбалыка-4 (рис. 17, 33). Длина ленты достигала 28 см, ширина - 2,3 см. Почти вся она была сшита из двух полос шириной 1,0 и 1,3 см мелкими стежками сученой ниткой, а местами - из широких поперечных кусков. На ленту нитками были нашиты бронзовые выпуклые бляшки.

Из кожи или меха шилась мягкая обувь, которая стягивалась на щиколотке ремешком. Так, в кургане 3 могильника Чингис-2 на каждой стопе скелета найдены бронзовая пряжка, лежавшая на своде стопы, и бронзовый наконечник для продергивания ремня - возле пятки (рис. 25, 10; 26, 46). Сами сапожки не сохранились, аналогом им можно считать обувь, изображенную на некоторых каменных бабах [Степи..., 1981, рис. 88, 1, 5, 7, 8]. В небольшом меховом мешочке в кургане 20 Умны-3 лежали четыре китайские монеты. В кургане 2 Юрт-Акбалык-4 обнаружен окрашенный окисленной бронзой обрывок меховой одежды (6 x 6,5 см), на нем лежали лицевой стороной вниз три поясные бляхи (рис. 26, 37). Две другие, также окрашенные окисленной бронзой полоски меха (10 x 4,5 см и 12 x 4,5 см) были укреплены слоем бересты. На них ли-

цевой стороной вниз лежали бронзовые псевдопряжки (рис. 26, 34).

Обработка шкур производилась при помощи каменных скребел, имевших природную форму. Кожу и мех сшивали толстыми нитками, могли использовать и сухожильные волокна, которыми шили еще в эпоху раннего железа и которые дошли до нас в пазырыкских курганах.

Обработка кости и дерева. Работа с костью базировалась на остаточных продуктах скотоводства и охоты. Из кости изготавливали наконечники стрел, различные проколки, чумбуры, ложки, подпружные пряжки и другие предметы быта. Обработка кости резанием и скоблением могла производиться при помощи железных ножей и кельтов, имеющих прямой рабочий край. На пряжке из Юрт-Акбалык-8 нанесен узор орудием типа циркуля, от которого остались точки внутри кружочка (рис. 14, 3). Сохранились две костяные заготовки для изготовления крупных наконечников стрел, вероятно для самострела (рис. 14, 21).

К сожалению, об обработке дерева можно сказать еще меньше, чем об обработке кости. В неглубоких могилах и на поселениях дерево не сохранилось. Деревянные изделия дошли до нас только в обожженном виде в курганах 21 - 22 Каменного Мыса. Здесь были найдены один деревянный сосуд типа пиалы, плоское дно второго сосуда и деревянная ложка точно такой же формы, как и у костяных ложек (рис. 13, 15; 33, 6). Видимо, деревянные сосуды были обязательной принадлежностью почти каждого погребения, так как с конца второй половины VIII в. постепенно исчезает обычай ставить умершему еду в глиняных сосудах, - ее скорее всего оставляли в деревянных.

В сожженных могилах сохранились остатки деревянных перекрытий из небольших бревен, горбылей и плах. Последние, вероятно, изготавливались при помощи деревянных или костяных клиньев, которыми расщепляли бревно. Такие клинья известны у ряда современных народов Сибири.

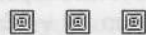
Обработка дерева производилась при помощи железных кельтов: крупные с дугообразным рабочим краем служили топорами для рубки бревен, с ровным рабочим краем являлись долотами, миниатюрные кельты служили для тонких работ. В последнем случае могли употребляться и миниатюрные ножи, которые многие исследователи относят к числу votивных.

Прядение и ткачество. Встречено лишь два пряслица в могилах одинцовского этапа могильника Юрт-Акбалык-8 (рис. 14, 1, 2), в других курганах их не было. Пряслиц нет и среди верхнеобского материала Томского Приобья [Беликова, Плетнева, 1983]. Отпечатки ткани зафиксированы на обратной стороне отдельных поясных пряжек. Можно предполагать, что у племен верхнеобской культуры вместо пряслиц имелись иные приспособления к вер-

тени. Так, Б.А. Литвинский указывает, что в Средней Азии иногда вместо пряслиц употреблялись деревянные крестовины [Литвинский, 1978, с. 53]. Некоторые исследователи полагают, что резкое увеличение числа пряслиц к раннему железному веку было связано с изготовлением нитей из растительного волокна [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 59]. В таком случае сокращение числа пряслиц, а затем и их исчезновение могло быть свидетельством резкого увеличения в хозяйстве удельного веса шерстяной пряжи. В связи с тем, что в релкинском материале пряслица продолжают встречаться [Чиндина, 1991, рис. 23, 1 - 3], отсутствие пряслиц может считаться характерной особенностью верхнеобской культуры.

Обмен. Интенсивность его менялась на протяжении существования верхнеобской культуры. В V - VI вв. обмен с соседними южными племенами был слабым, привозные изделия встречались редко: это бляха гуннского типа с сердоликом из Крохалева-23 и, возможно, железные стремена из того же могильника. Стекланных бус почти не было. С формированием и упрочением государств в Южной Сибири положение меняется. Стабилизируются связи с южными народами - появляются стеклянные бусы, бляхи тюркского типа, проникают китайские, хорезмийские и сасанидские монеты. Видимо, среднеазиатское происхождение имеют бляхи с изображением Картимукхи из Умны-2 (рис. 18, 2 - 12).

Обмен стал особенно интенсивным в VIII - IX вв. Именно в это время в Новосибирское Приобье проникают китайские монеты династии Тан и тюркешские монеты, серьги с каплевидными подвесками и другие украшения, резко увеличивается ассортимент стеклянных бус. Взамен привозных изделий из Приобья могла идти пушнина. Обмен велся в основном с населением более высокого уровня развития, жившим на Алтае на территории современного Казахстана.

Итак, можно сделать следующие выводы:

- 1) хозяйство населения верхнеобской культуры было комплексным, многоотраслевым. Ведущее место в нем принадлежало отгонному скотоводству;
- 2) земледелие было плужным;
- 3) ремесло носило домашний характер, а в металлургическом производстве наблюдалась специализация;
- 4) обмен, вначале ограниченный, стал интенсивным в VIII - IX вв.

3. Общество

В этом разделе мы рассмотрим вопросы демографии и дифференциации общества.

Демография. Для изучения отдельных аспектов демографии верхнеобцев мы располагаем лишь ма-

териалом городищ, из которых три были полностью раскопаны. К сожалению, нет полностью исследованных могильников, которые помогли бы выявить число членов родовой или общинной организации, хоронившей умерших на данном кладбище. Для выяснения особенностей расселения населения необходимо использовать анализ кустов поселений, что для Новосибирского Приобья впервые было сделано Т.Н. Троицкой [1992а, с. 57 - 60]. В расположении перечисленных в главе II городищ и поселений четко выделяются кусты синхронных памятников.

Для одинцовского этапа известно два куста на берегах р. Уень. Первый состоит из городищ Вьюны-9, -10, -11. Каждое содержит от девяти до 13 западин разных размеров. Второй куст состоит из городищ Черный Мыс-1, -2, -3, -6, из них два первых полностью раскопаны. Каждое содержало четыре крупных жилища и четыре-пять малых или подсобных помещений. Размеры жилищ - 20 - 70 кв. м, общая жилая площадь 240 - 250 кв. м на каждом городище. Если допустить, что на одного человека приходилось 3 - 4 кв. м жилой площади, то в одном городище могло проживать 50 - 70 человек. Одиночно расположенное городище Юрт-Акбалык-5 содержало восемь крупных и 11 малых западин, число жителей тут могло достигать 100 и более человек. Культурный слой городищ слабо насыщен находками - на 1 кв. м их приходится две-три. Однако о длительности жизни каждого городища говорят следы перестройки оборонительной системы. Это можно объяснить тем, что жизнь в поселениях не была постоянной, сами они были сезонными.

Имеются кусты, относящиеся к тимиразевскому этапу (VII - начало VIII в.). Это поселение Крохалевка-Соколово-5, -6, III Кordon-2, Крохалевка-11а и, вероятно, городища Крохалевка-18 и -23 и др. Городища имели по 10 - 12 западин, неукрепленные поселения - до нескольких десятков, но жизнь в таких поселениях была кратковременной и скорее всего длилась лишь один сезон, плотность находок в них очень низкая: одна-две находки на 1 кв. м. Одиночное городище Соколово-Колывань-3 имеет 19 западин, площадь двух раскопанных - 30 и 36 кв. м. Тут могло проживать вдвое больше людей, чем в каждом из перечисленных городищ. На Уени прослежен куст городищ Вьюны-18, Чучка-7 и -11. Раскопки на них не производились. Характер расселения на этом этапе, видимо, был таким же, как и на первом.

Иной характер имеет расселение на поздних кустах (второй половины VIII - IX в.). На р. Уени куст состоит из городищ Юрт-Акбалык-1, -3, -4. Первое резко доминирует над остальными и укреплено сложной и мощной оборонительной системой. Оно содержит 22 западины, площадь двух раскопанных жилищ - 36 и 56 кв. м. Насыщенность на-

ходками - четыре-пять на 1 кв. м. Здесь жило не менее 250 человек. Мощное укрепление имеет и одиночное городище Марахта-2.

На основании имеющегося материала можно сделать следующее заключение. Население верхнеобской культуры, занятое отгонным скотоводством, которое не требовало крупного коллектива, имело распыленную родовую организацию. На одинцовском и тимиразевском этапах в одном крупном или нескольких малых расположенных рядом поселениях жили люди, связанные принадлежностью к одному роду (100 - 150 человек) или к более мелкой социально-экономической единице, в состав которой входило несколько больших патриархальных семей, живших в одном-двух жилищах. Значительной военной опасности не было, поэтому городища не имели мощной оборонительной системы, которая появилась лишь в VIII - IX вв., когда произошли некоторые изменения в социальной жизни, нашедшие свое отражение в появлении крупных центров-городищ, вокруг которых группировались более мелкие поселения (Юрт-Акбалык-1). Военная опасность могла исходить с юга и юго-востока от тюркоязычных народов - тюрков, кимаков, кыргызов, постепенно проникавших на территорию лесостепного Приобья, о чем свидетельствуют изменения в погребальном обряде. Определенная опасность могла исходить и от северных лесных племен, отдельные представители которых, видимо, в небольшом числе проникали в лесостепь. Не случайно в материалах отдельных памятников появляются обломки керамики с орнаментом северного типа.

Имущественная и социальная дифференциация. Все исследованные могильники относятся к числу рядовых. Такие богатые погребения, как у Степного Чумыша на Алтае [Уманский, 1974, с. 136 - 141], в Новосибирском Приобье пока не встречаются. Об определенной имущественной дифференциации говорит различие в инвентаре, сопровождавшем погребенных в одном и том же могильнике. Так, в Крохалевке-23 (V - VI вв.) встречены курганы с набором разнообразных железных наконечников стрел, удилами, стремянами, пряжками, чешуйчатым панцирем и могилы лишь с одним сосудом. Есть и курганы совсем без инвентаря (Умна-3, кург. 27). Особенно же богатыми оказались несколько детских захоронений, о которых речь пойдет ниже.

О социально-экономической дифференциации может свидетельствовать распространение поясов с наборными бляхами. Как известно, наборные бляхи выполняли социальную опознавательную функцию - позволяли определять занимаемое воином место в обществе [Плетнева, 1967, с. 161 - 166]. Они широко встречаются в погребениях верхнеобской культуры VII в. и особенно VIII - IX вв. Видимо, к этому времени в среде верхнеобского населения

назрела необходимость внешне выразить социальную и имущественную дифференциацию. Знаковая система, которая отражала эти явления, уже была оформлена у южных соседей, и, когда в ней появилась потребность, местное население воспользовалось ею, и наборные пояса получили широкое распространение.

Безусловно, какую-то дифференциацию общества отражал изредка фиксируемый обычай деформации черепов [Дремов, 1977, с. 99]. Однако выяснить причины появления этого обычая пока нельзя. Среди тех, кто подвергся такому обряду, были мужчины и женщины, бедные (курган 14 Умны-3) и более богатые (кург. 1 Чингиса-2). Деформированные встречаются и в более ранних захоронениях (V - VI вв., Юрт-Акбалык-8) и в более поздних (VIII - IX вв. Чингис-2, кург. 1).

Половозрастная дифференциация имеет большое значение в обществах, в которых еще не сложилось государство, а имущественная дифференциация не была четко выраженной. Статус отдельных половозрастных групп, отраженный в погребальном обряде, хорошо прослежен Г.Н. Грачевой на примере нганасан [Грачева, 1976, с. 241 - 249], у которых этот обряд был упрощенным для детей и сложным для разных групп взрослых.

Фрагментарность антропологического материала, особенно при вторичных захоронениях, разграбленность могил и то обстоятельство, что в VIII - IX вв. перешли к обряду сожжения, не дают нам возможности четко выявить половозрастные группы верхнеобского населения. В могильниках Новосибирского Приобья в V - начале VIII в. при обряде трупоположения зафиксированы погребения 35 мужчин, 22 женщин, 23 детей и 48 взрослых, пол которых не ясен. Определения проводились В.А. Дремовым и А.Р. Кимом. В отдельных случаях при отсутствии удовлетворительного антропологического материала мы относили захоронения к мужским на основании сочетания в их инвентаре предметов вооружения и конского набора.

Анализ инвентаря в неразграбленных могилах позволяет выделить две группы мужчин. Это воины, с которыми было найдено хотя бы по одному наконечнику стрел, и мужчины без предметов вооружения, причем воинов больше. Ведущее положение в семье занимали мужчины, и почти всегда они были воинами. Женские погребения в целом содержали меньше инвентаря, чем мужские. Однако отмечены и исключения. В кургане 25 Красного Яра-1 был погребен мужчина без инвентаря, а в кургане 2 Юрт-Акбалык-8 на женщине были надеты диадема - повязка с истлевшими бронзовыми бляшками и железные поясные пластины, рядом были найдены кельт и остатки ременной плети. В двух случаях в женских могилах обнаружено по одному наконечнику стрел (кург. 5 Юрт-Акбалык-11 и кург. 12 Черного Озера-1).

Перейдем к характеристике детских погребений. Материал о них частично опубликован [Троицкая, 1989а, с. 65 - 67; Троицкая, Бородовский, 1990, с. 149 - 162]. Доля детских захоронений составляла около 18% от общего числа могил со скелетами, и это намного меньше числа умерших детей, поскольку детская смертность всегда была очень большой. Видимо, существовали отдельные детские кладбища, на которых хоронили большинство умерших детей, и лишь некоторых из них хоронили на общем кладбище. Те из них, которые погребены вместе со взрослыми, обычно не имели инвентаря. Зато в могилах детей, погребенных самостоятельно, инвентаря было много.

В могильнике Юрт-Акбалык-8 в кургане 14 (V - VI вв.) вместе с ребенком 7-8 лет найдена крупная полая бронзовая подвеска и железные поясные пластины. В синхронном кургане 17 того же могильника с ребенком не старше 2 - 3 лет лежали три бронзовые бляхи с изображением трех голов медведей. Но особенно богатыми были погребения младенцев VII в. В кургане 23 Юрт-Акбалык-8 выявлено две могилы: в одной из них лежали три ребенка в возрасте от 1 до 3 лет, перепоясанные одним наборным поясом, во второй - один ребенок того же возраста. Всех их сопровождали многочисленные украшения, бусинки и китайские монеты. Даже в самом бедном самостоятельном детском погребении кургана того же могильника сохранилась бронзовая полоска, перевивавшая тоненький кожаный пояс.

В могильниках Умна-2 и Умна-3 найдено по одному детскому погребению - это самые богатые захоронения в могильниках. В них обнаружены предметы вооружения и конского снаряжения, разнообразные бронзовые украшения, китайские монеты и одна сасанидская. Материал опубликован [Троицкая, Бородовский, 1990, с. 150, рис. 1 - 3]. Аналогичную картину дают тимирязевские могильники Томского Приобья. Там было обнаружено только три захоронения детей. Двое из этих детей были погребены вместе со взрослыми и не имели инвентаря, а в кургане 1 в детской могиле и в насыпи встречен довольно разнообразный инвентарь [Беликова, Плетнева, 1983, с. 137, 138, рис. 1, 2].

Объяснение факту сопровождения погребенных младенцев большим количеством украшений можно найти в этнографической литературе. Г.П. Васильева указывает на сохранившийся у туркмен обычай надевать на тело, руки и ноги ребенка, на его головной убор и одежду множество разнообразных металлических и деревянных украшений, а также бусы [Васильева, 1986, с. 182 - 193]. Это было связано с религиозно-магическими представлениями о злых силах и борьбе с ними при помощи другой силы, исходящей от специальных амулетов и оберегов. Их количество зависело от состояния здоровья ребенка и от степени зажиточности родителей.

лей. Возможно, что и у народов верхнеобской культуры в рассмотренных нами детских погребениях украшения играли сакральное, мистическое назначение. Но столь богатыми независимо от возраста умершего было лишь несколько могил. В целом статус детей был очень низок, большинство их даже не хоронили на общем кладбище, а погребенные вместе с родителями обычно не сопровождалось инвентарем. Поэтому единичные могилы детей с украшениями говорят об особом социальном положении их самих и их родителей. Скорее всего, именно имущественная дифференциация позволяла отдельным более богатым родителям так хоронить своих детей.

К сожалению, применительно к VIII - IX вв., когда появляется обряд трупосожжения, нельзя говорить о половозрастной дифференциации. Мы можем судить только о наличии определенной имущественной дифференциации и опять-таки о низком статусе детей: в Каменном Мысе в детских захоронениях кости сжигались не столь тщательно, как во взрослых.

Других сведений относительно социальной жизни населения верхнеобской культуры в настоящее время нет.

4. Духовная жизнь

Материал, изложенный выше, дает нам возможность ознакомиться с отдельными сторонами духовной жизни верхнеобских племен. Речь пойдет о тех религиозных воззрениях, которые отразились в археологических памятниках и дошедших до нас предметах изобразительного искусства. Религия по своей сущности консервативна и с определенным запозданием отражает реальную жизнь. Это нашло свое выражение в том, что, судя по предметам искусства и отдельным деталям погребального обряда, идеология верхнеобцев была идеологией охотников, в то время как экономическое значение скотоводства у них было очень высоким. Это полностью совпадает с тем, что уже отмечалось для кулайской культуры [Троицкая, 1979а, с. 58].

Культ медведя. Медведь - самое распространенное зооморфное изображение у верхнеобских племен в V - VII вв. Встречаются прямоугольные бляшки с тремя головами медведей, расположенных горизонтальным и вертикальным рядом. Медведи на них изображены в "жертвенной позе": голова лежит на передних лапах. Эта поза находит свое объяснение в этнографических материалах. По свидетельству И.Л. Гондатти, еще в конце XIX в. на севере Западной Сибири совершались обряды, связанные с охотой на медведя. С убитого зверя снимали шкуру вместе с головой и лапами, приносили в дом, клали на стол так, что морда покоилась между лап, и исполняли перед ним песни и пляски

[Гондатти, 1888, с. 63 - 69]. Н.М. Ядрищев сообщает, что вогулы обычно приносили в жертву трех медведей и в кумирне клали на стол в один ряд их шкуры с головами и лапами [Ядрищев, 1890, с. 108].

Эти обрядовые действия нашли отражение в археологическом материале - в бляшках с горизонтальным и вертикальным расположением голов медведей. Их подробное описание с упоминанием аналогов дано в главе III. Полностью повторяющиеся бляхи известны на широкой территории от Прикамья до Красноярского края (Айдашинская пещера). Это свидетельствует о наличии развитого культа медведя с явно канонизированным его изображением в "жертвенной позе". Родиной и центром данного культа было Прикамье с ярким и специфическим звериным стилем. Здесь прослеживается эволюция образа от подковообразных пластин с одной головой медведя из Гляденевского костыща [Оборин, 1976, рис. 32] через прямоугольные бляхи с одной головой до трехкратного повторения на нижней части пластины (горизонтальное расположение голов) и в центральной полосе при их вертикальном расположении. В главе III приведен перечень блях с изображением трех голов медведей. Полностью аналогичные бляхи известны в Прикамье, в Прииртышье, на Средней Оби, в Айдашинской пещере. Распространение на столь широкой территории единого канонизированного изображения хищника говорит об общности культа медведя с едиными обрядовыми действиями и, вероятно, одинаковыми сказаниями о хозяине леса.

Другие изображения не столь четко канонизированы как в Новосибирском, так и в Томском Приобье. Это, в частности, фигуры шагающих медведей, которые могут иметь голову, повернутую в профиль (рис. 18, 16) и анфас [Чиндина, 1991, рис. 21, 10]. Такой образ в различных вариантах также был распространен на широкой территории. Безусловно, идеологическую смысловую нагрузку имеет изображение медведя, на туловище которого изображены четыре головы хищной птицы (орла?) и не менее 14 голов волка (рис. 18, 16). Аналогом ему является фигура медведя из Релки [Там же, рис. 21, 13], покрытого головами непонятого животного. Приходится признать, что смысловое назначение подобного изображения нам не ясно.

Культ птиц четко выражен в изображениях птиц в полете - с распростертыми крыльями и личиной на груди. Выше при описании таких блях указывались их многочисленные аналоги. Подобные бляхи встречаются на широкой территории от Прикамья до Приобья. Хотя большая часть блях в виде птицы имеет изображения личин на груди, все же такая строгая канонизация, как в бляхах с головами медведей, отсутствует, отдельные изображения очень схематичны (рис. 19, 10 - 12). В тех случаях, когда можно распознать внешний вид птицы,

допустимо по наличию ушей говорить о филине. Это не случайно: тот факт, что филин может видеть ночью, придавал этой птице особое значение. Ханты приписывали филину способность создавать эхо [Кулемзин, 1984, с. 161]. Как известно, филин был тотемной птицей обских угров.

Родиной изображений птиц с личиной на груди опять-таки было Прикамье, где такие изображения птиц в полете встречены еще в памятниках ананьинской эпохи [Шмидт, 1926, с. 125 - 164]. Единого толкования этого сюжета нет. По мнению ряда исследователей, он связан с представлениями о священной птице, уносящей душу человека в верхний мир [Оборин, Чагин, 1988, с. 38]. В.И. Молодин приводит два других толкования данного сюжета. Первое из них таково: согласно мифологии, в филина перевоплощались дочери князей и богатырей с целью незаметно отправиться к своему возлюбленному. Согласно второму толкованию, в бляхах был зафиксирован полет шамана к верховному божеству.

Чуть менее распространен другой сюжет - птица, клюющая голову животного. Аналоги таким изображениям также известны, как указывалось в главе III, от Прикамья до Приобья. К числу изображений птиц надо отнести и описанные выше головы орлов на туловище шагающего медведя.

Основная часть предметов изобразительного искусства V - VII вв. относится к северному лесному и лесостепному ареалам и является одним из источников изучения идеологии населения этих регионов [Чижова, 1983]. С южным влиянием связаны лишь бляшки с изображением Картимукхи (рис. 18, 1 - 12), но они не местные, а привозные из Средней Азии. Сам факт наличия их в погребениях свидетельствует об их соответствии каким-либо местным представлениям, вероятнее всего о роли этих блях как оберегов.

Вхождение в круг северной лесной идеологии характерно для Новосибирского Приобья V - начала VIII в. Со второй половины VIII в. это положение резко меняется, северные традиции в Верхнем Приобье исчезают, а в других северных районах они сохраняются и развиваются дальше.

Эти традиции широко распространяются в Прикамье, приобретая в родановской культуре особое своеобразие [Финно-угры..., 1987, табл. XI, 20]. Птицы с изображением личины на груди известны в Прикамье и в XII - XIII вв. [Оборин, Чагин, 1988, рис. 1]. В Зауралье продолжают существовать пусть измененные, но все же изображения медведей в "жертвенной позе" [Финно-угры..., 1987, табл. XXI, 24, 41]. Сохраняется лесной звериный стиль в ишимской культуре Среднего Прииртышья [Там же, табл. XXXII]. К сожалению, нам не известны погребения VIII - IX вв. релкинской культуры, и мы ничего не знаем о сохранении в ней традиций искусства урало-сибирского круга,

но скорее всего они должны здесь развиваться дальше, - об этом говорит найденный браслет с изображением головы медведя в "жертвенной позе", относящийся к X - XIII вв. [Яковлев, 1993, с. 148 - 151]. Население же Новосибирского Приобья в VIII - IX вв. ориентируется на южные культурные связи. В материальных остатках духовной культуры исчезает разрыв между идеологией, отражающей присваивающее хозяйство (охота), и экономикой производящего типа.

Культ мертвых. Он нашел свое отражение в погребальном обряде, в том его аспекте, который прослеживается в археологическом материале. Об этом подробно было сказано в параграфе, посвященном погребальному обряду. Здесь же коротко отметим, что для него характерна биритуальность: сочетания обряда ингумации с обрядом сожжения, причем в погребениях V - начала VIII в. сожжения встречаются спорадически (сначала это сожжения в могиле, позже - на стороне). С середины VIII в. положение меняется: ингумация встречается крайне редко, массовым становится обряд сожжения. В настоящее время остается неясным, почему одних умерших сжигали, а других - нет. Изменяется не только способ захоронения умершего, - в курганах с сожжениями исчезает скопление вещей в насыпях, обычное для V - VI вв.

С культом мертвых связаны найденные в курганах захоронения собак и коней. Кости домашних собак обнаружены в курганах 13 и 27 Юрт-Акбалыка-8 и кургане 5 Крохалевки-23. Насыпь первого из них значительно повреждена, и кости собаки оказались разрозненными. Поэтому мы остановимся на анализе материала двух последних курганов. Эти находки могут быть определены как полные скелеты домашних собак (кости лежали в анатомическом порядке), расположенные в непосредственной близости от погребения человека выше уровня материка. У нас есть все основания предполагать, что в данном случае на дневной поверхности в результате обрядовых действий оказались целые тела собак, скелеты которых и были обнаружены. Какие-либо варианты их вторичного захоронения исключены.

Культурно-исторические традиции носителей верхнеобской культуры находят свою преемственность в среде западно-сибирских угросамодийцев. В связи с этим поиск этнографических параллелей археологическим фактам, относящимся к ритуально-обрядовой деятельности верхнеобцев, наиболее оправданно проводить именно в указанном круге культур.

В погребальной обрядности западно-сибирских угросамодийцев собака присутствует довольно часто [Чернецов, 1957, с. 146; Кулемзин, 1984, с. 142; Пелих, 1972, с. 87]. Причем следует подчеркнуть, что у некоторых групп (васюганских и казымских хантов, нарымских селькупов) собак при погребении

нии не закапывали в землю, а оставляли над могилой погребенного человека, что является также характерным для погребений собак верхнеобской культуры.

При интерпретации фактов погребения собак вместе с людьми исследователи часто ограничиваются рассуждениями о том, что собаки будут помощниками умершему, когда тот будет охотиться в загробной жизни. Однако вполне возможно, что связь собак с погребальной обрядностью у верхнеобцев могла быть сложнее. Это тем более вероятно, поскольку этнографами зафиксированы различные и порой очень сложные формы проявления связи "собака - смерть" у западно-сибирских угросамодийцев [Пелих, 1972, с. 119; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 25, 26]. Не исключено, что верхнеобцы могли быть носителями подобных представлений о собаках. Вопросы интерпретации участия собак в погребальной обрядности носителей верхнеобской культуры рассмотрены нами в специальной работе [Новиков, 1995, с. 130 - 134]. Различные формы почитания собак, зафиксированные в XIX - XX вв. у западно-сибирских угросамодийцев [Мошинская, Лукина, 1982, с. 46 - 60; Лукина, 1983, с. 226 - 233; Косарев, 1988, с. 98 - 102], позволяют предполагать, что и у их предков в древности собака была широко представлена в обрядовой практике и занимала особое место в системе мировоззрения.

В культе мертвых определенное место занимал конь, о чем мы можем судить на основании следующих материальных остатков. Это взнузданные и невзнузданные кони, кости лошади в насыпях курганов и конское снаряжение, сохранившееся в могилах и над ними.

Появление курганов, где в могилах вместе с умершим положены взнузданные лошади, было связано с идеологией тюрков. Как убедительно показано С.П. Нестеровым, у тюркоязычных народов в погребальном обряде лошадь использовалась как транспортное средство на похоронах, затем ее убивали, тем самым отрезая умершему путь назад [Нестеров, 1990, с. 87]. В дальнейшем покойнику надо было на этом же коне отправиться в дорогу на тот свет. Именно такое назначение имели две взнузданные лошади в могильнике Чингис-2. Позы, в которых лежали всадник и его конь (головами в разные стороны), были удобными для того, чтобы встать и сразу же сесть верхом и направиться в загробный мир.

С.П. Нестеров указывает на три варианта тюркских конских погребений: человек с конем, человек и шкура или сбруя коня и отдельно погребенный взнузданный конь [Там же, с. 51 - 84]. Судя по этим данным, в тюркоязычном мире не известны самостоятельные погребения невзнузданной лошади. В кургане 3 могильника Чингис-2 в отдельной могиле был погребен жеребенок с бронзовым бубенчиком, а второй крупный жеребенок с одной налоб-

ной бляхой был положен в том же кургане вместе с взнузданной лошастью и воином. В двух последних случаях нельзя рассматривать жеребят как транспортное средство. Остается полагать, что они были принесены в жертву. Для объяснения этого явления необходимо обратиться к этнографии северных лесных народов - угров и самодийцев. На кровавых жертвах (коня или оленя) Мир-сусне-хуму подробно останавливается И.Н. Гемуев [Гемуев, 1990, с. 186, 187]. Среди них есть и жертва, приносимая через некоторое время после похорон. Жертвоприношения коня известны и у селькупов [Пелих, 1972, с. 147, 148]. Видимо, так надо рассматривать и описанные захоронения жеребят. В таком случае в могильнике Чингис-2 мы встречаемся с сочетанием в погребальном обряде тюркских черт (захоронение взнузданного коня) с местными (жертвоприношение лошади).

В ряде курганов в насыпях встречены отдельные кости коней, иногда - челюсти. В насыпи кургана 3 Чингиса-2 между могилами жеребенка и всадника с конями найдены кости двух лошадей, большей частью раздробленные. Эти пищевые остатки - следы тризны. Можно произвести примерный подсчет людей, принимавших участие в тризне. Средний выход мяса с одной лошади составляет 150 кг, один человек может потребить до 5 кг [Матвеева, 1993, с. 148]. Таким образом, в прощальной трапезе принимало участие около 60 человек. Примерно такую цифру членов производственного коллектива, живших в одном городище, мы указывали выше.

Иное толкование можно дать скоплениям конских костей, помещенным в ямах. В кургане 17 Юрт-Акбалыка-8 обнаружена такая яма с полуобожженными разбитыми костями, в кургане 15 Красного Яра-1 - кучка раздробленных костей ног и челюстей. Аналоги им известны в Тимирязевских курганах, где в яме найдено скопление костей челюсти и черепа [Беликова, Плетнева, 1983, с. 103]. Л.А. Чиндина указывает на подобные же находки в Релке, где встречаются кости ног коня (она полагает, что это остатки шкуры) и отдельно от них - черепа. По мнению Л.М. Чиндиной, это были остатки жертвоприношений [Чиндина, 1977, с. 99; 1991, с. 108]. О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева видят в таких скоплениях костей остатки ездовых животных. С последним трудно согласиться, так как черепа не сопровождалась уздечными наборами. На наш взгляд, существовал обряд, связанный с жертвоприношением божествам для обеспечения перехода погребенного в мир мертвых. Это традиции местного населения, идущие от кулайской культуры. Так, в кургане 3 кулайского могильника Каменного Мыса встречены конские черепа в каменных ящиках [Троицкая, 1979а, с. 59].

И наконец, последние находки, связанные с конем, - это уздечные наборы, обнаруженные в моги-

лах или над ними. С.П. Нестеров считает их назначение аналогичным значению взнузданного коня [Нестеров, 1990, с. 59]. Таким образом, наличие в курганах конских костей и уздечных наборов может выполнять различные функции.

Подводя итог разделу о духовной жизни племен верхнеобской культуры, надо отметить следующее.

1. В идеологии населения V - VI вв. характерно присутствие черт мировоззрения северных племен с присваивающим хозяйством. Они нашли свое отражение в культе медведя и птиц (филинов). В материалах VIII - IX вв. эти черты не прослежены.

2. В VIII - IX вв. отмечаются переход от обряда ингумации к сожжению и исчезновение или сокращение числа скоплений вещей в насыпи (поминальных комплексов).

3. В VIII - IX вв. появляются отдельные погребения воинов с конями как с транспортным средством. Они свидетельствуют о начале пока еще слабой тюркизации населения. Наряду с этим сохраняются жертвоприношения божествам как части, так и целого коня, что было связано с северным угросамодийским культурным кругом.

4. В целом, в V - VII вв. идеология населения, в частности изобразительное искусство, входит в круг урало-сибирских культур. Позже, в VIII - IX вв., северная ориентация ослабевает за счет роста влияния южного, тюркского, населения.

ГЛАВА V ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Впервые вопрос о верхнеобской культуре был поставлен М.П. Грязновым. Он полагал, что эта культура была распространена по берегам Оби на протяжении 500 км от Бийска до Новосибирска [Грязнов, 1956, с. 134]. В отношении Архиерейской Заимки и отдельных погребений Томского могильника исследователь считал, что пока трудно решить, связаны ли эти памятники с той же этнической группой племен, что и памятники населения верхнеобской культуры или родственными ему. Т.Н. Троицкая, так же как и О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева, полагает, что памятники Барнаульского, Новосибирского и Томского Приобья относятся к верхнеобской культуре. Об отличии релкинской культуры от верхнеобской пишет и А.Д. Гаман [1992, с. 7]. Л.А. Чиндина относит к верхнеобской (одинцовской) культуре только могильники Бл. Елбаны XII и XIV, а памятники Новосибирского и Томского Приобья она считает релкинскими. В.А. Могильников отметил большое влияние, оказанное носителями одинцовской культуры на население, оставившее памятники на р. Уень (Красный Яр-1, Каменный Мыс, Юрт-Акбалык-8 и др.), "отдельные погребения которых могут быть отнесены к релкинской культуре Верхней Оби" [Могильников, 1981, с. 218].

А.М. Илюшин предполагает существование верхнеобской культурной общности, которая охватывает всю территорию Верхнего Приобья, и центр которой находился в Кузнецкой котловине, где сложилась в погребальном обряде традиция трупосожжения на стороне. Население Кузнецкой котловины он связывает с самодийским народом "бома", о котором сообщают китайские хроники династии Тан [Илюшин, 1992б, с. 52 - 56; 1993а, с. 74 - 77; 1993а, с. 45 - 49].

С.В. Неверов относит памятники Новосибирского Приобья Чингис-2, Красный Яр-1, Ордынское, Каменный Мыс и Умну-3 к сrostкинской культуре [Неверов, 1990, с. 170 - 172; 1991, с. 180 - 182].

Для того чтобы разобраться в столь дискуссионном вопросе, необходимо четко сформулировать основные признаки верхнеобской культуры Новосибирского Приобья, а затем сравнить их с особенностями памятников соседних территорий и тем самым выявить ареал распространения этой культуры. Основные особенности верхнеобской куль-

туры в Новосибирском Приобье четко вырисовываются на основе анализа всего материала. Их можно свести к следующему.

1. Для погребального обряда характерно наличие курганов, насыпанных из материкового грунта, который могли брать из ям вокруг кургана или из других близких мест. В V - начале VIII в. резко преобладает обряд ингумации, но известны отдельные случаи сожжения погребенного в могиле и на стороне. В насыпях встречаются специальные поминальные комплексы, состоящие из сосудов, предметов вооружения и удил и кельтов. Зафиксированы отдельные конские кости и черепа. Погребенные лежат на спине в вытянутом, изредка в скорченном положении. Под насыпью находится одна могила, реже две или три. Преобладает ориентация на северо-восток с отклонениями. С VIII - IX вв. резко преобладают сожжения, совершенные на стороне, имеются отдельные случаи ингумации, поминальные комплексы в насыпях этого времени пока не встречены.

2. Городища имеют слабо выраженную оборонительную систему с внешним валом и внутренним рвом, лишь в VIII - IX вв. появляются мощные укрепления. Культурный слой городищ и поселений слабо насыщен находками, остатки костей почти полностью отсутствуют. Преобладают срубные жилища и очаги открытого типа.

3. Керамика круглодонная. Встречаются в основном приземистые сосуды с высокими плечиками, реже - без них. Венчик скошен внутрь и орнаментирован, шейка слегка отогнута. Резко преобладает нанесение орнамента гребенчатым штампом. Оттиск фигурных штампов, как правило, отсутствует. Основные орнаментальные мотивы: ряд наклонных и вертикальных линий или полуovalов и треугольников - насечек, нанесенных углом штампа, а также зигзаги, ромбы, прямые линии, круглые ямки и "жемчужины".

4. Хозяйство комплексное с отгонным скотоводством, в котором большое место занимает коневодство. Наличие плужного земледелия подтверждается находками (наральники и жернова).

5. В V - начале VIII в. верхнеобское население входит в круг культур урало-сибирского региона. Известны изделия в зверином стиле, характерные для этих культур. С VIII в. они исчезают, либо резко сокращается их количество.

6. Наблюдается тесная связь с поздним этапом кулайской культуры, поглотившей к этому времени большереченскую.

Происхождение верхнеобской культуры. На территории Верхнего Приобья хорошо прослеживается связь верхнеобской культуры с поздней кулайской, когда последняя уже слилась с большереченской культурой, ассимилировав ее характерные черты. Об этом уже неоднократно писалось в литературе, и данное положение не вызывает сомнений [Троицкая, 1981, с. 101, 102; Казаков, Неверов, 1991, с. 168, 169; и др.]. Эта связь особенно четко видна на материале памятников, которые относятся к переходному периоду от кулайской культуры к верхнеобской и датируются концом III - IV в. включительно [Троицкая, 1981, с. 102]. В Новосибирском Приобье к нему относится немногочисленный керамический материал городища Ивановка-5. Более ярко данный материал представлен в степном Алтае. Это могильник Бл. Елбаны III [Грязнов, 1956, с. 117 - 119, табл. XIV, XVI] и парное погребение из Татарских могилок, опубликованное А.П. Уманским [Уманский, 1974, с. 143, 144, рис. 4, 5]. Как и у кулайских сосудов, шейка отсутствует или слабо выражена, но форма сосудов яйцевидная, край венчика орнаментирован. Как и у верхнеобской керамики, тулово покрыто рядами, нанесенными углом гребенчатого штампа или палочки.

Керамика является одним из наиболее ярких свидетельств принадлежности памятника к какой-либо конкретной культуре. Сосуды первого, единцовского, этапа верхнеобской культуры имеют следующие черты сходства с кулайскими. Они круглодонные, край венчика орнаментирован, узоры часто наносились оттисками угла гребенки или палочки, отсутствуют "жемчужины", изредка встречается орнамент на внутренней поверхности горла.

В погребальном обряде обеих культур отмечено наличие черепов коня в насыпях курганов. Среди материалов верхнеобских и поздних кулайских городищ почти нет костей. И в тех и в других основой хозяйства было отгонное скотоводство. Все это указывает на генетическую преемственность между верхнеобской культурой и поздней кулайской, поглотившей население большереченской культуры.

Верхнеобская и релкинская культуры. Как уже говорилось выше, Л.А. Чиндина относит памятники второй половины I тыс. н.э. Новосибирского Приобья к релкинской культуре. К единцовской (верхнеобской) культуре она считает возможным отнести лишь исследованные М.П. Грязновым памятники Бл. Елбан. Как нам кажется, основной ошибкой Л.А. Чиндиной является ее неправильное представление о границе между Верхним и Средним Приобьем. По ее мнению, эта граница проходит по широте Новосибирска [Чиндина, 1991, с. 72]. Между тем согласно принятому географическому

разделению, Верхнее Приобье охватывает всю лесостепную территорию, вплоть до устья Томи, - это подробно рассмотрено в главе I данного исследования. Л.А. Чиндина же всю северную половину Новосибирского Приобья относит к Среднему Приобью с его релкинской культурой, в числе памятников которой она перечисляет могильники Юрт-Акбалык-8, Красный Яр-1, Умна-3, Каменный Мыс. Л.А. Чиндина полагает "неоправданным" противопоставление их релкинским и объединение их с верхнеобскими, по М.П. Грязнову, или барнаульскими, по Т.Н. Троицкой" [Там же, с. 73].

На самом деле материалы памятников V - VI вв. Новосибирского Приобья полностью аналогичны материалам из Бл. Елбан XII и XIV вв. М.П. Грязнов относил к единцовскому этапу верхнеобской культуры расположенные недалеко от Новосибирска поселение Ирмень-3 и могильник Ирмень-4 [Грязнов, 1956, с. 11]. Могильники Крохалевка-23 под Новосибирском, Черное Озеро-1 к северу от него и единцовские погребения Юрт-Акбалыка-8 на границе с Томской областью совершенно не отличимы от памятников Бл. Елбан. Их объединяет характер могил, положение и ориентация погребенных, наличие некоторого количества деформированных черепов, специфика отдельных предметов инвентаря (поясные прямоугольные пластины) и др. Коэффициент сходства погребений V - VI вв. Юрт-Акбалыка-8 и могил Бл. Елбан (сравнение проводилось по чертам погребального обряда) достаточно велико - 0,88 [Троицкая, 1988, с. 97]. Расхождение вызвано наличием в Бл. Елбанах двух могил с лошадьми, что было связано с влиянием населения Горного и Предгорного Алтая, и тем, что в Юрт-Акбалыке-8 встречены две могилы с изделиями в художественном зооморфном северном лесном стиле. Керамика этих двух регионов совсем не отличается друг от друга. Характеристика керамики, которая дана нами для Новосибирского Приобья, полностью подходит и для сосудов из Бл. Елбан.

Материалы памятников VII - начала VIII в. в Новосибирском Приобье являются логическим развитием материалов V - VI вв. В могильниках Юрт-Акбалык-8 и Черное Озеро-1, где встречены погребения двух этапов, подчас трудно провести хронологическую грань между ними, и иногда приходится давать широкую датировку погребений: V - начало VIII в. Этим временем датируются и погребения могильника Релка, а потому сравнение их является вполне корректным.

Между памятниками верхнеобской культуры VII - начала VIII в. Новосибирского Приобья и материалом релкинской культуры имеется много общего. Это было связано с их генетической близостью, вызванной большой ролью в их формировании кулайской культуры. Различие же между ними скорее всего было вызвано тем, что релкинская культура явилась прямым продуктом развития кулай-

кой, а верхнеобская сложилась на базе ее южного варианта, который характерен слиянием и поглощением кулайским населением племен большеберченской культуры.

Сравнения надо проводить между однотипными памятниками (могильники, поселения), относящимися к одному и тому же времени. Общие черты материалов памятников Среднего и Новосибирского Приобья, особенно керамики, очень убедительно показаны Л.А. Чиндиной [Чиндина, 1991, с. 38 - 53, 74].

Остановимся на сравнении погребального обряда. К сожалению, в Среднем Приобье не известны курганы VIII - IX вв., следовательно, наши сопоставления не могут быть полными. Для Релки характерно подзахоронение умерших и подсыпка насыпей. Поэтому курганы становились длинными и содержали по несколько могил. В Новосибирском Приобье под насыпью обычно находилась одна могила, реже - две. Лишь в Крохалевке-23 (V - VI вв.) встречен один длинный курган. В Релке постоянно встречаются черепа или ноги лошадей [Там же, с. 83]. В Новосибирском Приобье нераздробленные кости ног не найдены, обнаружены лишь одни черепа, причем за пределами могил - в насыпи. В Релке очень часто встречается художественное литье в лесном урало-сибирском стиле. В Новосибирском Приобье из 102 могил V - начала VIII в. только семь содержали подобные изделия. В Новосибирском Приобье известно несколько случаев искусственной деформации черепа, в Релке этот обычай не отмечен.

Помимо перечисленных различий в погребальном обряде можно отметить и еще одну черту сходства, не указанную Л.А. Чиндиной, - это наличие среди инвентаря бронзовых украшений, характерных только для релкинской и верхнеобской культур и названных нами украшениями самодийского типа [Троицкая, 1993б, с. 53 - 56]. В их число входят перстни с крупным овальным щитком и серия подвесок (бобовидные, в виде ворворки с лепестками и др.).

К сожалению, сравнение погребений VIII - IX вв. невозможно, так как в Среднем Приобье они пока не исследованы.

При сопоставлении поселений выявляется следующее различие. В Новосибирском Приобье широко распространены городища: среди открытых объектов значится 26 городищ и 13 неукрепленных поселений. В Среднем Приобье памятники представлены в основном поселениями: на 52 поселения приходится лишь восемь городищ [Чиндина, 1991, с. 14]. Общими чертами поселений является слабая насыщенность культурного слоя и почти полное отсутствие костных остатков. Много общего прослеживается и в конструкции жилищ.

Но особенно важно сопоставление керамических комплексов, которые являются наиболее яркими

индикаторами культурной принадлежности памятников. Общие черты верхнеобских и релкинских комплексов хорошо сформулированы Л.А. Чиндиной [Там же, с. 38 - 53, 74], поэтому здесь мы остановимся на их различиях. Сравнивая керамику Новосибирского Приобья V - начала VIII в. с керамикой могильника Релки и синхронных ему поселений, можно убедиться, что в первых комплексах отсутствуют сосуды весьма специфичной формы - ладьевидные. Различается и орнаментация керамики. В Новосибирском Приобье нет сосудов с отмеченными в Среднем Приобье желобками, паркетными мотивами, меандрами, вафельным орнаментом, волнообразными линиями. Редок узор, выполненный пильчатой гребенкой. Не встречены сосуды, орнаментированные фигурным штампом, который хорошо и разнообразно представлен в Среднем Приобье.

Такая же картина вырисовывается при сравнении керамики поселений VIII - IX в. Малгет-8 и Юрт-Акбалык-1. Из всех поселений этого времени в Новосибирском Приобье лишь в Юрт-Акбалыке-4 встречен обломок сосуда с фигурным штампом, и в насыпи кургана Умна-3 найден обломок со штампом в виде уточки.

Видимо, различной для релкинской и верхнеобской культур была верхняя хронологическая граница распространения изделий в урало-сибирском стиле. В Новосибирском Приобье они исчезают к концу VIII - IX вв. Хотя курганы этого времени в Среднем Приобье пока не известны, о длительном бытовании указанных изделий свидетельствует найденный там браслет с изображением медведя в "жертвенной позе". Подобные изделия известны в X - XIII вв. [Яковлев, 1993, с. 148 - 151].

Определенные различия прослеживаются и в экономической стороне жизни населения. Тайга, в которой жили релкинцы, очень богата пушниной, и это наложило определенный отпечаток на их занятия: "рост широкого товарообмена, активное включение в него релкинского общества приводили к отходу от занятий многоотраслевым скотоводством к более выгодному промыслу, дававшему дорогую пушнину" [Чиндина, 1991, с. 85]. Не случайно именно в Среднем Приобье встречаются изображения соболя [Чиндина, 1981, с. 144 - 148]. Новосибирское Приобье, являющееся в основном лесостепным районом с лентой боров по берегам рек, не располагало такими же условиями для промысла пушнины, как южно-таежная зона Среднего Приобья. Различен и удельный вес земледелия в каждом из этих регионов. Л.А. Чиндина справедливо отмечает занятия релкинцев мотыжным земледелием. И действительно, в Релке не обнаружены сошники, которые имеются в Томском и Новосибирском Приобье. Можно совершенно определенно говорить о достаточно развитом земледелии населения верхнеобской культуры в отличие

от релкинцев. Основной базой развития хозяйства у верхнеобцев была пойма, а у релкинцев не только пойма, но и тайга.

Все перечисленное заставляет нас считать, что, несмотря на определенные общие черты, памятники Верхнего и Среднего Приобья не могут относиться к одной культуре, хотя, безусловно, их можно отнести к одной культурной общности, восходящей своими корнями к кулайской культуре. Эта культурная общность может быть названа релкинской, поскольку связь релкинской культуры с кулайской была прямой. Можно называть ее и верхнеобской, как это предлагает А.М. Илюшин [Илюшин, 1993б, с. 74 - 77]. Но нам кажется, что лучше называть ее релкинской общностью, поскольку, повторим, релкинская культура непосредственно происходит от кулайской. Тогда в ее состав можно включить и потчевашскую культуру, также происходящую от кулайской, очень близкую к релкинской культуре и в значительной степени отличающуюся от верхнеобской.

Территория распространения верхнеобской культуры. Для выявления границ этой культуры мы вначале рассмотрим границы ее новосибирского варианта, сравним соседние с ним памятники и уточним, входят ли они или нет в состав верхнеобской культуры.

Новосибирские и барнаульские памятники. К югу от Новосибирского Приобья расположено Барнаульское Приобье, или степной Алтай. Там, вне сомнения, М.П. Грязнов впервые обнаружил памятники верхнеобской культуры. В степном Алтае известны памятники переходного периода от кулайской культуры к верхнеобской (указанные выше парное погребение в Татарских могилах и ряд захоронений в Бл. Елбанах III).

К V - VI вв. относятся могильники Бл. Елбаны XII и XIV, материалы которых совершенно аналогичны материалам новосибирских памятников. Но эти могильники имеют и свои отличительные черты. В них встречены два погребения, сопровождающиеся захоронением коня в одной могиле с умершим. В.А. Могильников связывает это с самым началом тюркизации местного населения [Могильников, 1992, с. 76]. Отсутствуют в степном Алтае художественные изделия, выполненные в северном лесном стиле. Если среди находок Новосибирского и Томского Приобья V - VI вв. пряслица встречаются очень редко, то в Бл. Елбанах они найдены во многих могилах [Грязнов, 1956, табл. XLI, 7, 8; XLII, 2]. Все эти отличительные особенности дают возможность говорить о барнаульском варианте верхнеобской культуры.

Памятники VII - начала VIII в. нам не известны. А.А. Казаков и Г.В. Неверов указывают, что в степном Алтае имеется ряд погребений этого времени, но не дают даже их названий. Так что судить о них трудно. Во второй половине VIII в. здесь уже

определенно исчезают памятники верхнеобской культуры, их сменяют сросткинские, свидетельствующие о широкой тюркизации местного населения. Таков могильник Иня, исследованный А.П. Уманским [1970, с. 45 - 74]. Среди его погребений есть типичные тюркские захоронения с конем, встречено одно сожжение. Керамика в этом могильнике уже не имеет верхнеобских черт - она тюркская.

Южной границей барнаульского варианта, как и всей верхнеобской культуры, являются предгорья Алтая.

Новосибирские и кузнецкие памятники. С востока новосибирские верхнеобские племена граничат с культурой, оставившей свои памятники в Кузнецкой котловине - в бассейне р. Иня, правого притока Оби. Опубликован материал лишь могильника Сапогово, относящийся к VIII - IX вв. [Илюшин и др., 1992]. По своему географическому положению этот памятник также относится к Верхнему Приобью.

Для погребального обряда могильника Сапогово характерен только обряд сожжения на стороне, ингумация отсутствует. В Новосибирском Приобье в отдельных могильниках также отсутствует ингумация (Каменный Мыс), а в Красном Яре-1 при резком преобладании сожжений встречены лишь три случая труположения с инвентарем VIII - IX вв. В Сапогово рядом с могилами в ряде курганов сохранились остатки столбов. Такие столбы отмечены и в Новосибирском Приобье над одной могилой Каменного Мыса и вокруг одной из могил Крохалева-13 (рис. 10, 4, 5). Ямы под насыпями, из которых, видимо, брали землю на сооружение курганов, характерны для обоих регионов. В насыпях курганов Сапогово встречены отдельные вещи, но, к сожалению, не указано, являются ли такие находки результатом ограбления могил, или же они относятся к специальным скоплениям. Последние в VIII - IX вв. в Новосибирском Приобье пока не отмечены.

Инвентарь в Кузнецкой котловине и в Новосибирском Приобье совершенно аналогичен. В одинаковой степени встречаются южные изделия тюркского круга, имеются украшения самодийского типа. В Сапогово отмечено одно захоронение с конем, в Новосибирском Приобье пока не известны сожжения, сочетающиеся с погребением коня. Прослеживаются определенные различия в керамическом комплексе. В Сапогово целых сосудов нет. Орнаментация сохранившихся обломков однотипна - это прочерченные линии или оттиски гладкого штампа [Там же, рис. 23, 24; 24, 3; 25, 11, 12 и др.]. Орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, преобладающий в Новосибирском Приобье, здесь не встречен. Нет и типичного оттиска угла гребенки или палочки.

К сожалению, наше сопоставление оказывается неполным, так как в Кузнецкой котловине пока не

открыты поселения. Не опубликованы материалы памятников V - начала VIII в. А.М. Илюшин сообщает о том, что в Кузнецкой котловине рядом с могильником Ур-Бедари находится могильник Саратовка, малые курганы которого содержат погребения с сожжениями и хорошо датируются инвентарем VI - первой половины VIII в. [Илюшин, 1992а, с. 39 - 41]. Если датировка памятника автором произведена правильно, то тогда отличительной особенностью Кузнецкой котловины в сравнении с Новосибирским Приобьем является обряд кремации на ранних этапах развития культуры.

Все перечисленное выше заставляет нас полностью согласиться с А.М. Илюшиным в том, что памятники Кузнецкой котловины и Новосибирского Приобья относятся к одному культурному кругу - верхнеобской культуре. Таким образом, восточной границей этой культуры является граница Кузнецкой котловины. Дальнейшее изучение материала позволит уточнить, относятся ли кузнецкие памятники к варианту верхнеобской культуры или представляют собой отдельную культуру, входящую вместе с памятниками лесостепного Приобья в единый культурный круг.

Новосибирские памятники и потчевашская культура

С запада к Новосибирскому Приобью примыкает Барабинская лесостепь, где была распространена потчевашская культура. Ее первый этап, сперановский, В.С. Елагин и В.И. Молодин датируют периодом с II - I вв. до н.э. по V - VI вв. н.э. [Елагин, Молодин, 1991], что дает возможность сравнивать поздние памятники этой культуры с ранним верхнеобским материалом. Второй этап потчевашской культуры, горностаевский, в Барабе слабо исследован, но он хорошо представлен в материалах Прииртышья [Коников, 1982].

Потчевашская культура происходит от кулайской и сохраняет характерное для ее позднего этапа сочетание в погребальном обряде кремации и ингумации. Керамика потчевашской культуры отличается от верхнеобской широким распространением орнаментации, выполненной фигурным штампом [Елагин, Молодин, 1991, с. 76, рис. 33; Могильников, 1987а, табл. XXIX]. В этом отношении она стоит ближе к релкинской.

Все это свидетельствует о том, что потчевашская культура отличается от верхнеобской, но входит вместе с ней в состав единой культурной общности. Таким образом, западной границей распространения верхнеобской культуры является граница Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи. В VIII - IX вв., как показывают материалы могильника Чулым-2, в Барабу начинают широко проникать тюркские племена, которые постепенно поглощают абори-
ригенов. Складывается сrostкинская культура [Бараба..., 1988, с. 67].

ригенов. Складывается сrostкинская культура [Бараба..., 1988, с. 67].

Новосибирские и томские памятники. Самой спорной является северная граница верхнеобской культуры. К северу от Новосибирского Приобья располагались памятники Томского Приобья: целая серия поселений и городищ, два Тимирязевских могильника, Архиерейская Заимка [Беликова, Плетнева, 1983], Томский могильник [Комарова, 1952, с. 47 - 49] и Могильницкий могильник [Плетнева, 1973, с. 47 - 49].

Все эти памятники Л.А. Чиндина наряду с новосибирскими относит к релкинской культуре. Они датируются временем с V по IX в.

Новосибирское и Томское Приобье находятся в одной географической зоне - в Верхнем, или лесостепном, Приобье. Лишь к северу от устья Томи располагается южная кромка тайги, с которой и начинается Среднее Приобье. Проживание в одинаковых условиях лесостепи с ленточными борами по кромкам рек неизбежно приводило к тому, что у томских и новосибирских племен были одинаковые занятия и одинаковый культурно-хозяйственный тип. Как указывалось выше, несколько иными оказались занятия населения в таежной зоне, где, по словам Л.А. Чиндиной, превалировало значение пушной охоты [Чиндина, 1991, с. 85].

Все параметры, которые приведены выше для характеристики новосибирских памятников, подходят и для характеристики культуры Томского Приобья второй половины I тыс. Некоторые отличия обусловлены тем, что население Томского региона жило в непосредственной близости к релкинцам и восприняло ряд черт их культуры. Отличие в погребальном обряде заключается в том, что в VIII - IX вв. в Томском Приобье не наблюдается такого резкого перехода к сожжению, зачастую продолжает сохраняться ингумация. Это отмечено для Тимирязевских могильников, а раскопанные курганы Могильницкого могильника сожжений вообще не содержат. Что же касается инвентаря, то в Томском Приобье найдено больше изделий, выполненных в урало-сибирском стиле.

Отличается Томское Приобье и некоторыми особенностями орнаментации керамики. Здесь чаще встречаются оттиски фигурного штампа, но все-таки реже, чем в Среднем Приобье, а штамп в виде уточки не отмечен. К сожалению, доля керамики, орнаментированной штампом, установлена только для Томского Приобья - 4,1% [Беликова, Плетнева, 1983, с. 70]. Л.М. Чиндина отмечает лишь то, что в Томском Приобье процент содержания подобной керамики невысок по сравнению с Нарымским Приобьем [Чиндина, 1991, с. 52], а на таблице, приведенной ею для релкинской культуры, представлено более 40 видов фигурного штампа [Там же, табл. 13].

Второй отличительной особенностью томской керамики по сравнению с новосибирской является

украшение сосудов валиками. В Томском Приобье доля таких сосудов составляет 12,4% от всей керамики, особенно много их среди материалов VI - VIII вв. В Новосибирском Приобье сосуды, украшенные валиками, встречаются в единичных случаях - V - VI вв., и в целом их доля составляет 0,8%. В Нарымском Приобье таких сосудов 11,1% [Чиндина, 1977, с. 62]. Л.А. Чиндина, О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева единодушны в объяснении происхождения этого вида орнаментации: они связывают ее с проникновением какой-то группы населения из Восточной Сибири [Беликова, Плетнева, 1983, с. 123; Чиндина, 1991, с. 130; 1992, с. 21 - 23]. Видимо, восточное население продвигалось по рекам Томь, Чулым и Кеть и не шло по р. Иня. Поэтому Новосибирское Приобье оказалось обойденным ими. Подводя итог сравнению новосибирских и томских материалов второй половины I тыс. н.э., надо отметить, что население соответствующих регионов было крайне близким друг к другу и относилось к одной и той же верхнеобской культуре, как и население упомянутых выше районов Кузнецкой котловины и Барнаульского Приобья. Это позволяет нам выделить четыре варианта верхнеобской культуры: барнаульский, новосибирский, томский и кузнецкий, каждый из которых имеет свои особенности, отмеченные при сопоставлении их материалов. Сама же верхнеобская культура входит в состав единой культурной общности вместе с релкинской и потчевашской культурами.

Этапы развития верхнеобской культуры. Анализ самих памятников и их инвентаря позволяет выделить три этапа в развитии верхнеобской культуры. Ранее мы выделяли лишь два ее этапа: одинцовский и тимирязевский; верхняя граница самой культуры определялась серединой VIII в. Более поздние памятники на основании особенностей погребального обряда были отнесены к тютятскому типу [Троицкая, 1988, с. 95 - 101]. Позже, опираясь на керамический материал, в котором прослеживается единая линия развития с V по IX в., мы сочли возможным говорить о трех этапах развития культуры, отнеся к ней также могильники с трупосожжениями и городище Юрт-Акбалык-1 [Троицкая, Адамов, 1987, с. 177 - 178; Троицкая, 1992б, с. 22 - 35]. Включение этих поздних памятников в состав верхнеобской культуры было правомерным, тем более что вопрос о едином пути развития керамики ставился еще раньше [Троицкая, 1976, с. 124 - 130].

Первый этап - одинцовский (V - VI вв.). Культура этого этапа была распространена на территории Новосибирского, Барнаульского и Томского Приобья. В Кузнецкой котловине памятники этого времени пока не известны. Прослеживается прямой путь развития керамических комплексов от переходного периода. Исследованные памятники Новосибирского Приобья, относящиеся к одинцовско-

му этапу, - городища Черный Мыс-1 и -2, Юрт-Акбалык-5, могильник Крохалевка-23, значительная часть курганов Юрт-Акбалык-8 и Черное Озеро-1 и другие памятники, перечисленные в разделе о керамике V - VI вв.

Для городищ характерны слабовыраженные рвы и валы, для погребений - резкое преобладание ингумации, отдельные случаи сожжения, ориентация погребения на северо-восток с отклонениями и наличие небольшого числа погребенных с искусственной деформацией черепа. Встречаются скелеты в скорченном положении. В насыпях часты скопления вещей - поминальные комплексы. Известны изделия урало-сибирского звериного стиля.

Для керамики характерна четкая профилированная шейка, переходящая в округлое тулово, она слегка отогнутая, реже прямая. Венчики часто утолщенные. Орнамент наносился гребенкой, реже гладким штампом, чаще всего с нажимом на его верхнюю часть. Постоянны ямки, выпуклости от которых на внутренней поверхности сосуда могли быть заглажены. Основным орнаментальным мотивом являются ряды наклонных и вертикальных линий и полуovalов (треугольников) - насечек, нанесенных углом штампа. Реже встречаются ряды ломаных линий и елочек.

Второй этап - тимирязевский (VII - начало VIII вв.). Название дано по наиболее ярким памятникам - двум Тимирязевским могильникам в Томском Приобье. Памятники этого этапа в Новосибирском Приобье - часть могил Юрт-Акбалыка-8, Черного Озера-1, Высокого Борка, Юрт-Акбалыка-4 и Умны-2, городище Соколово-Колывань-3, поселение Крохалевка-Соколово-5 и другие памятники, перечисленные в разделе о керамике этого времени. В Кузнецкой котловине известен один могильник второго этапа - Саратовка [Илюшин, 1992а, с. 39 - 41], материал которого, к сожалению, не опубликован. А.А. Казаков и С.В. Неверов указывают, что в степном Алтае также известны памятники тимирязевского времени.

Четкой границы между первым и вторым этапами нет. Продолжают сохраняться городища со слабовыраженными рвами и валами. В погребальном обряде по-прежнему резко преобладают ингумация и северо-восточная ориентация умерших, отмечены отдельные случаи погребений с искусственной деформацией черепа.

Инвентарь свидетельствует об активном включении населения в связи с тюркским миром: часто встречаются бляшки, поясные наборы и другие украшения тюркского типа, найдены хорезмийские, сасанидские и китайские монеты. Оживляется связь не только с южными соседями, но и с северными: основная часть изделий в урало-сибирском лесном стиле относится именно к этому времени.

Определенные изменения прослеживаются и в керамике. Часть сосудов имеет более приземистую,

чем ранее, форму, горло обычно прямое, чаще встречаются сосуды без шейки. Отмечен новый способ нанесения узора - протасненная гребенка. Сокращается число сосудов, орнаментированных углом штампа, причем их оттиски делаются мелкими и располагаются внизу под всеми строчками орнамента. Растет число сосудов, украшенных прямыми прочерченными линиями и зигзагами, образующими иногда ромбы, утолщаются налеты на венчиках. Возрождается орнаментация "жемчужинами", которые не прослеживались в предшествующие пять веков.

Третий этап - юрт-акбалыкский (середина VIII - IX вв.). Название дано по наиболее яркому памятнику - городищу Юрт-Акбалык-1. Памятники этого типа в Новосибирском Приобье - это городища Юрт-Акбалык-1 и -3, большинство могил в курганах Умны-3, Красного Яра-1, Каменного Мыса и другие памятники, перечисленные в разделе о керамике. В Барнаульском Приобье памятников юрт-акбалыкского этапа нет, на смену верхнеобской культуре здесь приходит культура тюрков (могильник Иня и др.). В Томском Приобье этим временем датируются отдельные могилы Архиерейской Заимки, Тимирязевских могильников и Могильницкие курганы. В Кузнецкой котловине к юрт-акбалыкским памятникам относится могильник Сапогово.

В Новосибирском Приобье наряду с городищами со слабовыраженными валами и рвами (Юрт-Акбалык-4) появляются отдельные городища с мощными оборонительными сооружениями (Юрт-Акбалык-1). В погребальном обряде прослеживается значительное изменение: наблюдается широкий переход к обряду сожжения. Наряду с могильниками, в которых единственным способом захоронения было сожжение на стороне, встречаются и такие, где при резком преобладании кремации имеются отдельные погребения с ингумацией (Красный Яр-1). А в курганах могильника Чингис-2 отмечены погребения, совершенные только по обряду ингумации, среди них и погребения воинов с конями, что явно свидетельствует о начале проникновения тюрков. В Томском Приобье продолжает преобладать обряд труположения, а для курганов Сапогово характерно наличие только обряда кремации. В инвентаре памятников хорошо видно южное влияние. Изделия в урало-сибирском северном стиле почти не прослежены.

Характерной особенностью керамики является большое число сосудов с резко утолщенными венчиками. Преобладают сосуды с прямым горлом и загнутым внутрь краем, многие из них не имеют шейки, появляются крупные низкие чаши. Число сосудов, орнаментированных уголком штампа, резко сокращается. "Жемчужины" встречены более чем на половине сосудов, часто они почти не различимы на их поверхностях. Самый распространенный

орнаментальный мотив - ряды горизонтальных линий и зигзагов, а также ряды наклонных линий. Найдено несколько сосудов с фигурным штампом.

Этнокультурная история. Вопрос о происхождении верхнеобской культуры от кулайской является достаточно разработанным, сейчас он не вызывает споров у исследователей, и повторять сказанное в начале этой главы не имеет смысла. Ниже мы остановимся на двух сторонах этнокультурной истории населения новосибирского варианта верхнеобской культуры: на причинах и сущности перехода к обряду сожжения и на процессе тюркизации.

Переход к обряду сожжения. Резкое изменение в погребальном обряде - переход в середине VIII в. к сожжениям - является характерным лишь для Новосибирского Приобья. Такое коренное изменение в это время в других регионах не прослежено. В Томском Приобье продолжает сохраняться сочетание кремации с ингумацией при значительном преобладании последней, тогда как в Кузнецкой котловине сожжения, судя по сообщениям А.М. Илюшина, были и в VIII в. единственным способом погребения. Откуда же появился этот обряд в Новосибирском Приобье?

Сожжения во второй половине I тыс. н.э. были известны на широкой полосе урало-сибирского региона. В Прикамье, как показали исследования Р.П. Голдиной, в ломоватовской культуре наблюдается сочетание обоих обрядов [Голдина, 1987, с. 30]. В потчевашской культуре господствовал обряд труположения, сожжения встречались редко, оба способа сосуществовали территориально и хронологически [Конилов, 1982, с. 8]. В могильнике Релка на 54 случая ингумации приходится лишь четыре случая сожжения; при кремации сжигался и инвентарь [Чиндина, 1977, с. 83]. Все это свидетельствует о том, что у северных и западных соседей новосибирского населения сочетались два способа захоронения при явном преобладании ингумации. Следовательно, ни с севера, ни с запада в Новосибирское Приобье не могло проникнуть почти повсеместное применение сожжения. Все это и заставило одного из авторов данной книги выдвинуть предположение о том, что обычай пришел с юго-запада и явился результатом влияния или проникновения самих кыргызов либо связанных с ними племен [Троицкая, 1973а, с. 183 - 185]. Подобный толчок мог произойти после победы кыргызов в 840 г., с началом их экспансии на соседние территории [Кызласов Л.Р., 1981, с. 54]. Именно признание этого факта в значительной степени повлияло на первоначальное отнесение могильников Новосибирского Приобья к IX - X вв., а не к VIII - IX вв., хотя последняя дата явно подтверждается анализом вещевого комплекса. Ю.С. Худяков и О.В. Крачко также связывали погребения с кремацией с продвижением кыргызов, но полагали, что это продви-

жение было результатом долгого предварительного контакта [Худяков, Крачко, 1987, с. 41 - 43].

Однако вряд ли можно связывать изменения в культуре новосибирских племен с кыргызским влиянием. Датировка последнего этапа верхнеобской культуры соответствует копенскому этапу культуры чаатас по Л.Р. Кызласову [Кызласов Л.Р., 1981, с. 49]. Для погребального обряда этого этапа характерно наличие в курганах ямок-тайников, которые не отмечены в Новосибирском Приобье. Если бы сожжения, появившиеся здесь, были связаны с кыргызами, то и сосуды, не относящиеся к верхнеобской культуре, должны были быть кыргызскими. Таких сосудов всего лишь несколько, при этом они, как отмечалось в разделе о керамике, явно тюркского происхождения. Да и письменные источники не указывают на активность кыргызских племен, на их экспансию в это время. Таким образом, предположение о связи обряда сожжения с кыргызами оказалось несостоятельным.

В Новосибирском Приобье еще для единцовского этапа были отмечены четыре могилы с сожжением на месте (Крохалевка-23), одно погребение с кремацией на стороне датируется VII - VIII вв. (Каменный Мыс, кург. 1). Из этого следует, что обряд трупосожжения не был совершенно новым для верхнеобского населения, но вначале он был характерен лишь для какой-то группы населения. Корни его уходят в кулайскую культуру, на последнем этапе которой также было известно сочетание сожжения на стороне с ингумацией [Троицкая, 1979а, с. 49 - 50]. На этой базе даже небольшой толчок извне мог привести к широкому распространению данного обряда уже не у небольшой группы населения, а среди всех или большинства членов общества.

Новые археологические материалы Кузнецкой котловины позволяют поддержать предположение А.М. Илюшина о связи появления погребений с сожжениями в Новосибирском Приобье с населением Кузнецкой котловины [Илюшин, 1992б, с. 55]. Здесь еще в VII - VIII вв. существовал единственный погребальный обряд - сожжение. Это следует из материалов могильника Саратовка [Илюшин, 1992а, с. 39 - 41]. А.М. Илюшин связывает кузнецкое население с самодийским народом "бома", о котором говорят китайские источники. Самодийскую принадлежность погребений с сожжением в Кузнецкой котловине подтверждает и Ю.С. Худяков [Худяков, 1993, с. 3 - 6]. Активизация тюркских племен в связи с их объединением вокруг кыргызов для борьбы с уйгурами привела к перекочевке части "бома" в различных направлениях, в том числе и в Новосибирском Приобье. Путь продвижения "бома" лежал по р. Иня, в верховьях которой жило кузнецкое население, этнически очень близкое к новосибирскому, что облегчило их слияние и не привело к утрате черт верхнеобской культуры. Более северный район распространения этой

культуры, томский, оказался не затронутым передвижением населения, и там в культурных чертах не произошло никаких изменений. К сожалению, незначительное число публикаций материалов Кузнецкой котловины не дает возможности признать достоверным высказанное предположение.

Тюркизация населения верхнеобской культуры.

Процесс тюркизации местного обского населения вызывает большой интерес у многих исследователей. Он освещен в целом ряде работ, в которых в целом отсутствуют серьезные разночтения материала [Могильников, 1973, с. 82-84; 1987б, с. 109 - 111; 1992, с. 75 - 81; Неверов, 1990, с. 170 - 171; 1991, с. 75 - 81; Савинов, 1984; Троицкая, 1973а, с. 183 - 185; 1976, с. 126 - 130; 1979б, с. 74 - 76; 1993а, с. 115 - 116; и др.].

Взаимоотношения с южными тюркскими племенами на протяжении V - IX вв. претерпели ряд изменений. Время, когда погибло государство хуннов, и еще не сложились тюркские государства - V - VI вв. - было беспокойным для всех народов Южной и Юго-Западной Сибири. Власть монгольских племен жуань-жуаней не обеспечивала стабильности. Регулярная связь лесостепного населения с южными, горными, племенами отсутствовала. Поэтому в материалах единцовского этапа верхнеобской культуры вещи южного происхождения редки, в основном это предметы вооружения и конского набора. И только на самом юге распространения верхнеобской культуры наблюдается незначительное проникновение самих тюрков, о чем свидетельствуют два погребения с конями в Бл. Елбанах, но в целом весь материал этих могильников местный, верхнеобский.

С утверждением первого, а затем и второго тюркского каганатов устанавливаются более прочные связи лесостепи с югом, с тюрками Алтая. Оттуда широко проникают украшения, наборные пояса, монеты, предметы вооружения. Это время тюркского культурогенеза, когда в основном имеет место культурное влияние, а не экспансия самих тюрков. Оно приходится на второй этап развития верхнеобской культуры.

Третий, юрт-акбалыкский, этап совпадает с временем утверждения уйгурского государства и консолидации тюркских племен и кыргызов в борьбе против него. Происходит передвижение тюрков, ими осваивается Барабинская лесостепь. На территории степного Алтая верхнеобская культура сменилась тюркской. На территории же Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья сохраняется местное население.

А.М. Илюшин объясняет это прочностью объединения "бома" в верховьях Иня - Кузнецкой котловины. Для Томского и Новосибирского Приобья нам кажется более приемлемым объяснение В.А. Могильникова, который полагает, что тюркизация Новосибирского Приобья растянулась на столетия из-за

наличия широкой боровой ленты на берегах Оби, непригодной для кочевого хозяйства. Здесь, по его мнению, сосуществовали носители разных культурно-хозяйственных типов, что вынуждало проникших сюда кочевников постепенно переходить к комплексному хозяйству аборигенов и вело к смешению двух этносов [Могильников, 1992, с. 79 - 80]. Это хорошо подтверждается материалами могильника Чингис-2, где тюркское погребение с конем сопровождается верхнеобской керамикой.

О некотором проникновении тюрков свидетельствуют отдельные сосуды, найденные в курганах с сожжениями. В Каменном Мысе найдено два таких сосуда, они круглодонные, толстостенные, глина их рыхлая. В новых раскопках могильника Крохалевка-13, где в VIII - IX вв. сосуществовали ингумация и кремация (последняя доминировала), встречены наряду с резко преобладающей верхнеобской керамикой два типичных тюркских сосуда.

Таким образом, в Новосибирском Приобье во второй половине VIII - IX вв. начинается постепенное, эпизодическое проникновение тюрков. Массовое же их проникновение здесь наблюдается с X - XI вв.

Этническая интерпретация верхнеобской культуры. Этническая привязка конкретных археоло-

гических культур очень сложна. Лишь в отдельных случаях, когда прослеживается прямая преемственность от древней археологической культуры до этнографического населения, можно говорить об ее этнической принадлежности. Так обстоит дело с релкинской культурой, которая дает прямую цепь от кулайской культуры через релкинскую вплоть до современных селькупов. В таком случае правомерно говорить о принадлежности этих культур к самодийцам. Сложнее обстоит дело с верхнеобской культурой. Происхождение этой культуры от кулайской еще не дает нам права связывать ее с самодийцами, так как в ее формировании определенную роль сыграла большереченская культура. М.П. Грязнов относил верхнеобскую культуру к уграм, А.М. Илюшин считает ее самодийской. Полагаем, что в связи с двухкомпонентностью верхнеобской культуры правильнее будет отнести ее к угро-самодийской, поскольку нам не представляется возможным решить, на каком языке говорили верхнеобцы, а языковая принадлежность является основным признаком в определении этнической принадлежности населения. В конце же периода отмечается некоторая тюркизация местного населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Новосибирском Приобье во второй половине I тыс. н.э. была распространена верхнеобская культура, памятники которой прослеживаются на всей территории лесостепного Приобья. Происхождение ее связано со слиянием кулайской и большереченской культур эпохи раннего железа. Верхнеобская культура имела несколько локальных вариантов: новосибирский, барнаульский, томский и кузнецкий - и входила в состав релкинской культурной общности. Хозяйство населения было комплексным, многоотраслевым. Ведущее место в нем занимало отгонное скотоводство, земледелие было плужным. Экономической базой производства и добычи продуктов питания была обская пойма с ее лугами и водоемами. В V - VII вв., как это видно из анализа идеологии населения, верхнеобская культура входила в круг лесных и лесостепных урало-сибирских культур. В VIII - IX вв. в Новосибирском Приобье начинается процесс тюркизации населения, и

верхнеобская культура к концу этого периода прекращает свое существование.

Мы постарались охватить весь имеющийся в Новосибирском Приобье материал верхнеобской культуры и сделать на основании его анализа необходимые выводы. Но многое еще остается неясным: отсутствует всесторонний анализ антропологических данных; не уточнены границы распространения локальных вариантов верхнеобской культуры; нет достаточных оснований для этнической привязки населения; непонятны конкретные причины, вызвавшие переход в погребальном обряде населения Новосибирского Приобья от ингумации к кремации; остается открытым вопрос о взаимоотношении релкинской и верхнеобской культур и т.д. Надо надеяться, что дальнейшие исследования позволят решить многие из этих вопросов и внесут необходимые уточнения в приведенные здесь рассуждения.

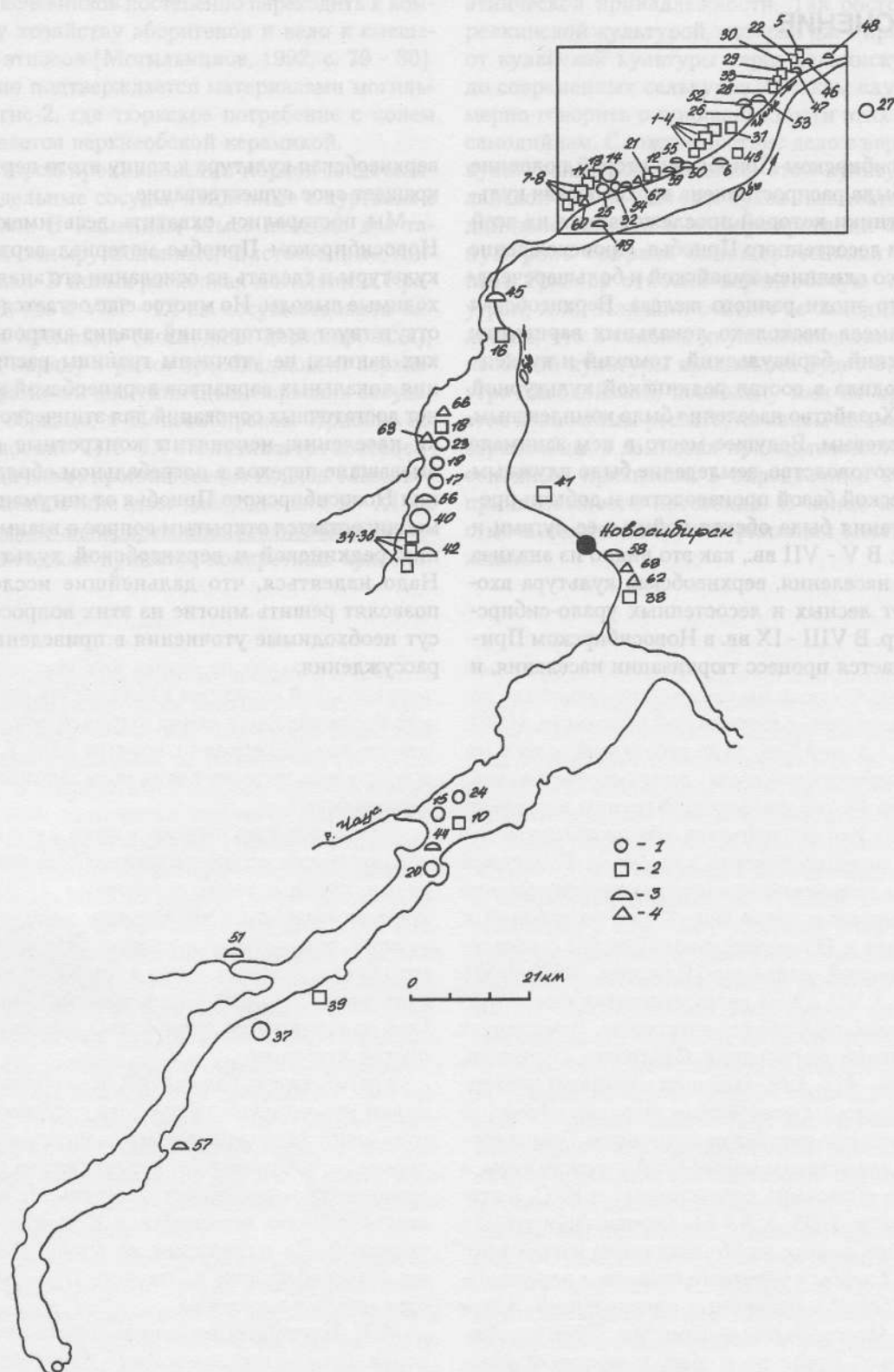

Рис. 1. Схема расположения памятников верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье (номер памятника на карте соответствует его номеру в тексте).
1 - поселение; 2 - городище; 3 - курганы; 4 - случайная находка.

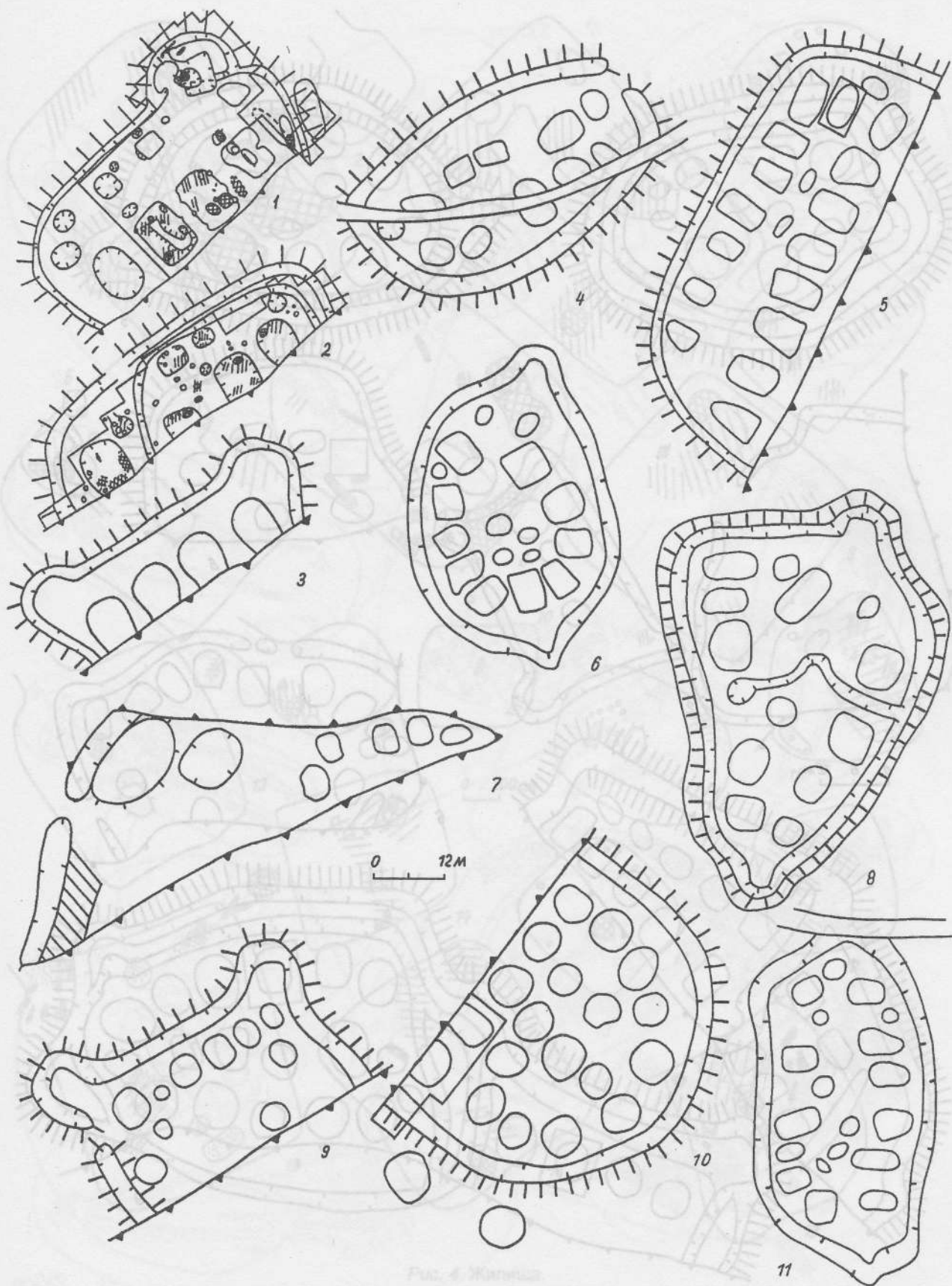

Рис. 2. Городище.

- 1 - Черный Мыс-1; 2 - Черный Мыс-2; 3 - Черный Мыс-3; 4 - Вьюны-9; 5 - Юрт-Акбалык-5; 6 - Вьюны-10;
7 - Чучка-7; 8 - Вьюны-18; 9 - Крутоборка-4; 10 - Соколово-Колывань-3; 11 - Вьюны-11.

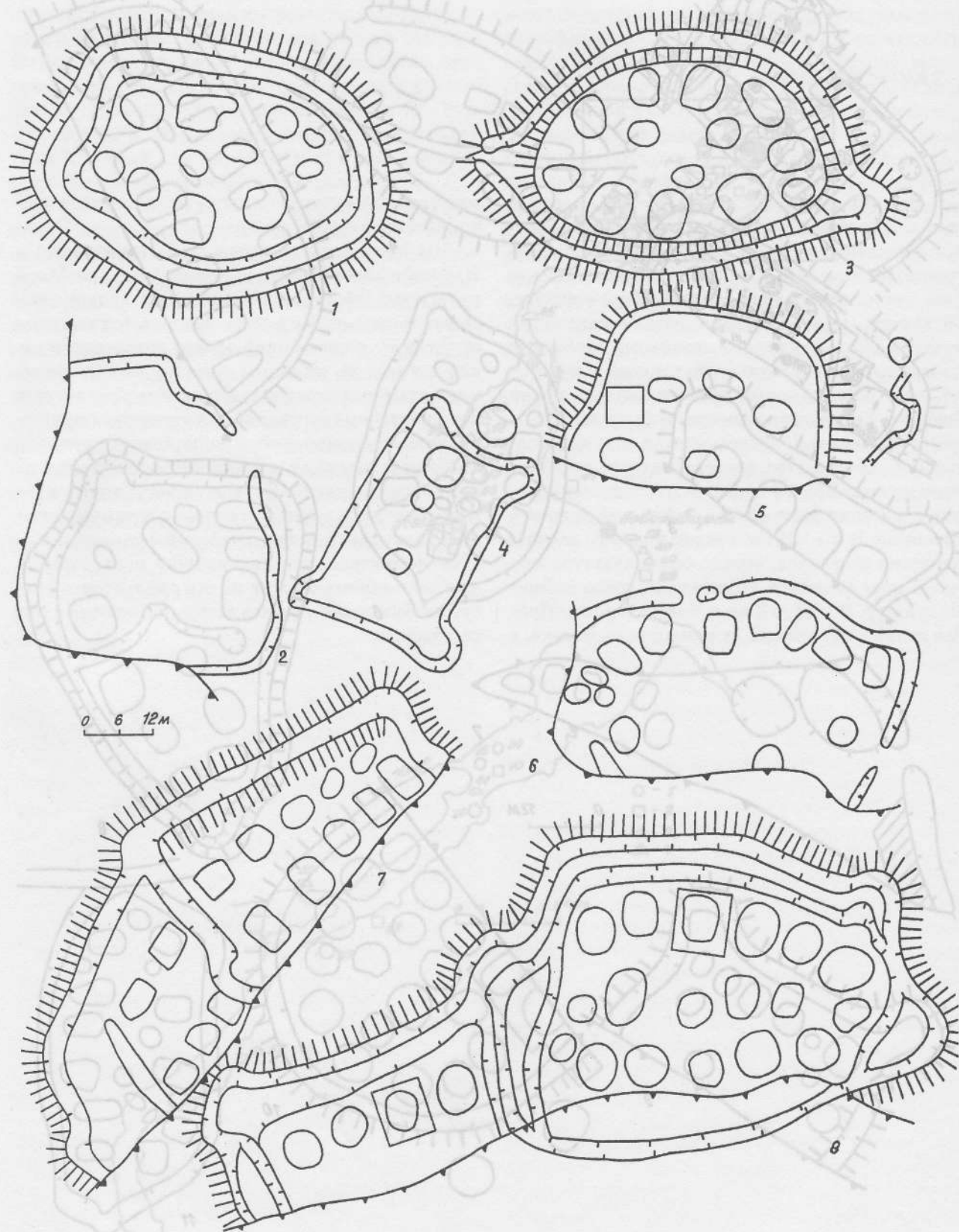

Рис. 3. Городища.

1 - Крохалевка-21; 2 - Крутоборка-1; 3 - Крохалевка-18; 4 - Крохалевка-32; 5 - Юрт-Акбалык-9;
6 - Золотой Ключик; 7 - Марахта-2; 8 - Юрт-Акбалык-1.

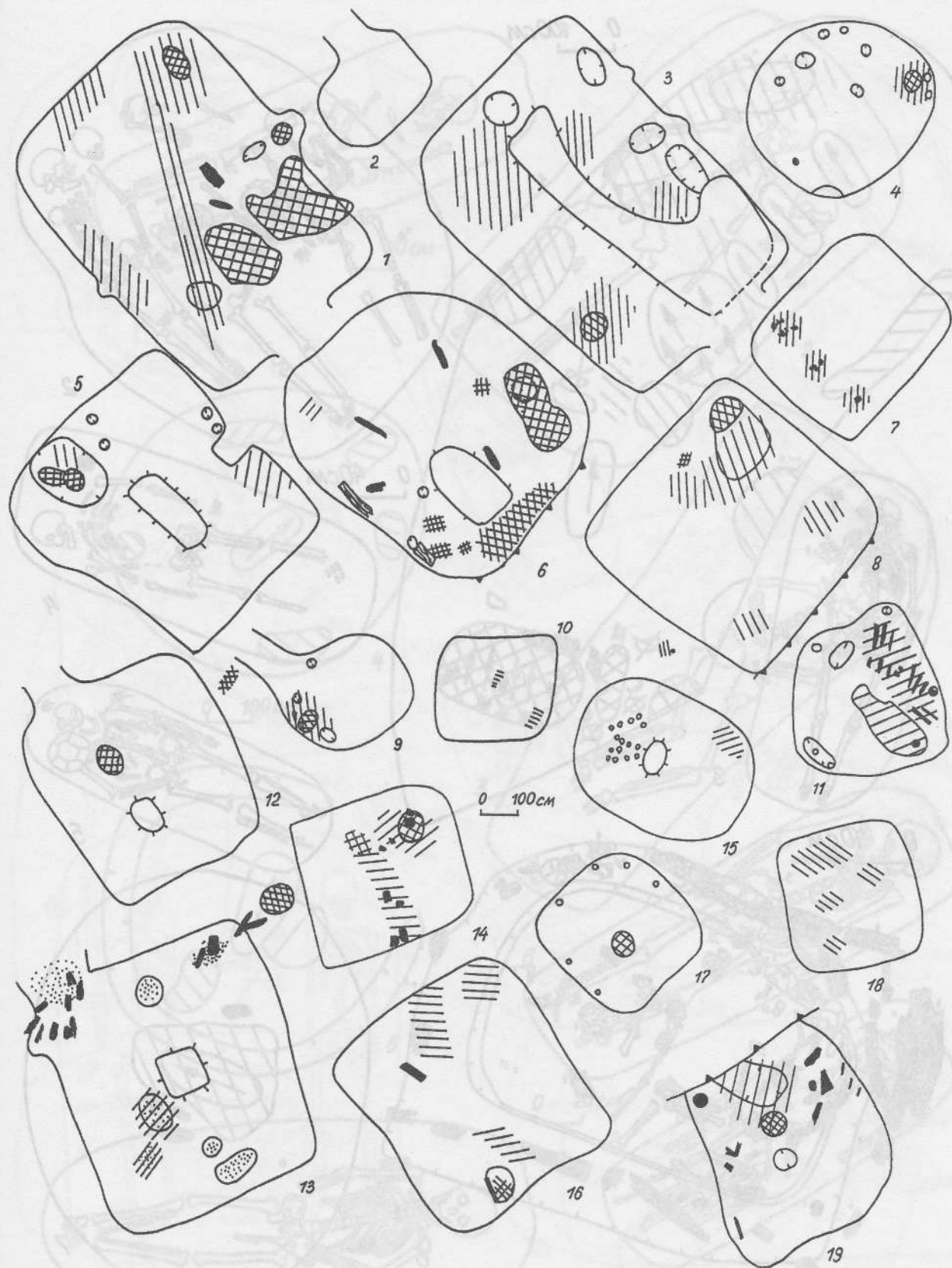

Рис. 4. Жилища.

- 1 - Черный Мыс-1, жил. 4; 2 - Черный Мыс-2, жил. 8; 3 - Черный Мыс-1, жил. 6; 4 - Черный Мыс-2, жил. 4;
 5 - Черный Мыс-1, жил. 1; 6 - Черный Мыс-2, жил. 2; 7 - Черный Мыс-1, жил. 5; 8 - Черный Мыс-2, жил. 1;
 9 - Черный Мыс-2, жил. 3; 10 - Соколово-Крохалевка-5, жил. 6; 11 - Юрт-Акбалык-5, жил. 1;
 12 - Юрт-Акбалык-1, жил. 1; 13 - Юрт-Акбалык-1, жил. 2; 14 - Соколово-Крохалевка-5, жил. 4;
 15 - Юрт-Акбалык-4, жил. 1; 16 - Соколово-Крохалевка-5, жил. 3; 17 - Красный Яр-3, жил. 1;
 18 - Соколово-Крохалевка-5, жил. 2; 19 - Соколово-Колывань-3, жил. 2.

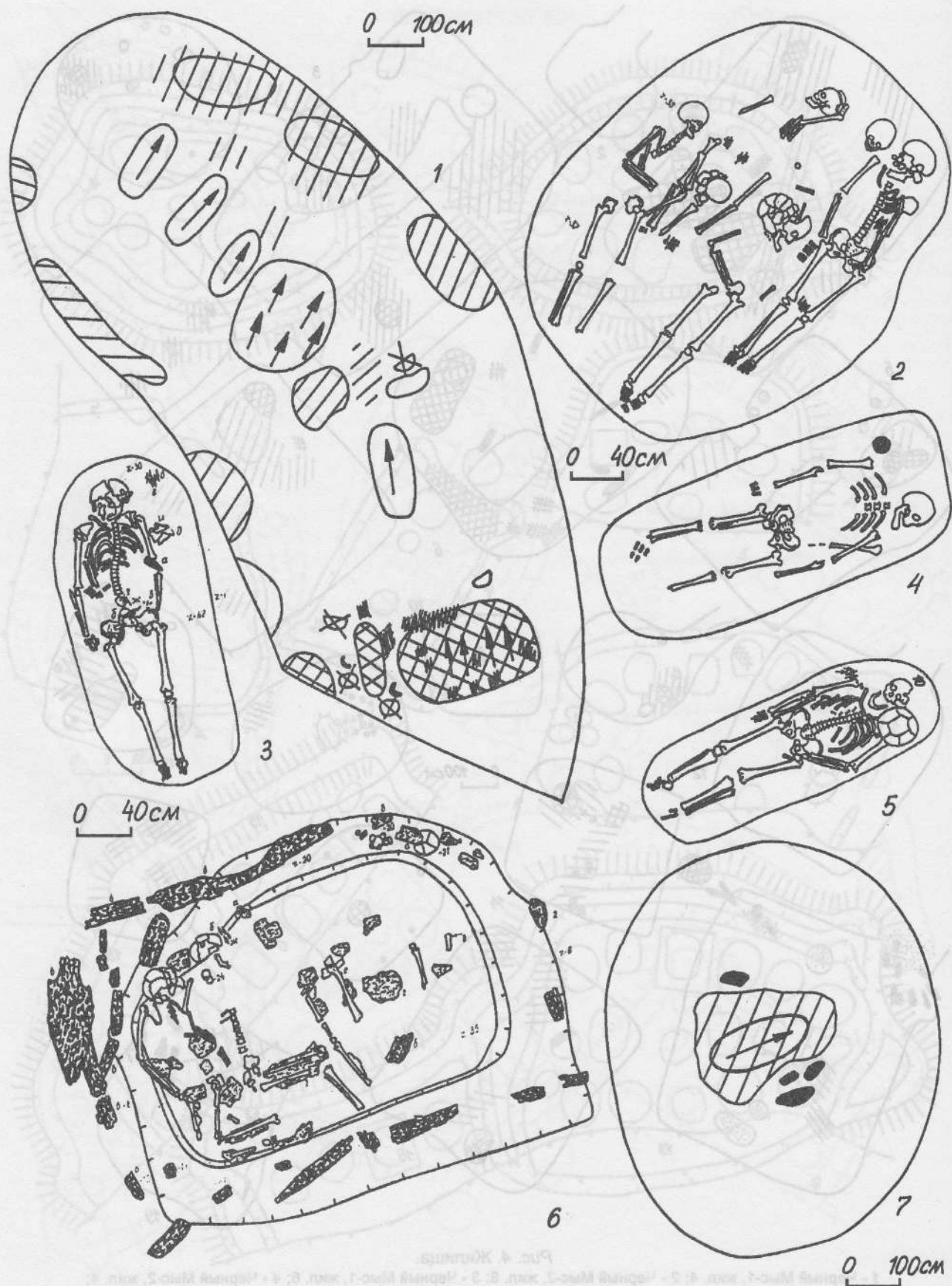

Рис. 5. Курганы и погребения одинцовского этапа. Крохалева-23.

1 - кург. 14; 2 - кург. 14, мог. 4; 3 - кург. 14, мог. 5; 4, 7 - кург. 11; 5 - кург. 14, мог. 2; 6 - кург. 14, мог. 8.

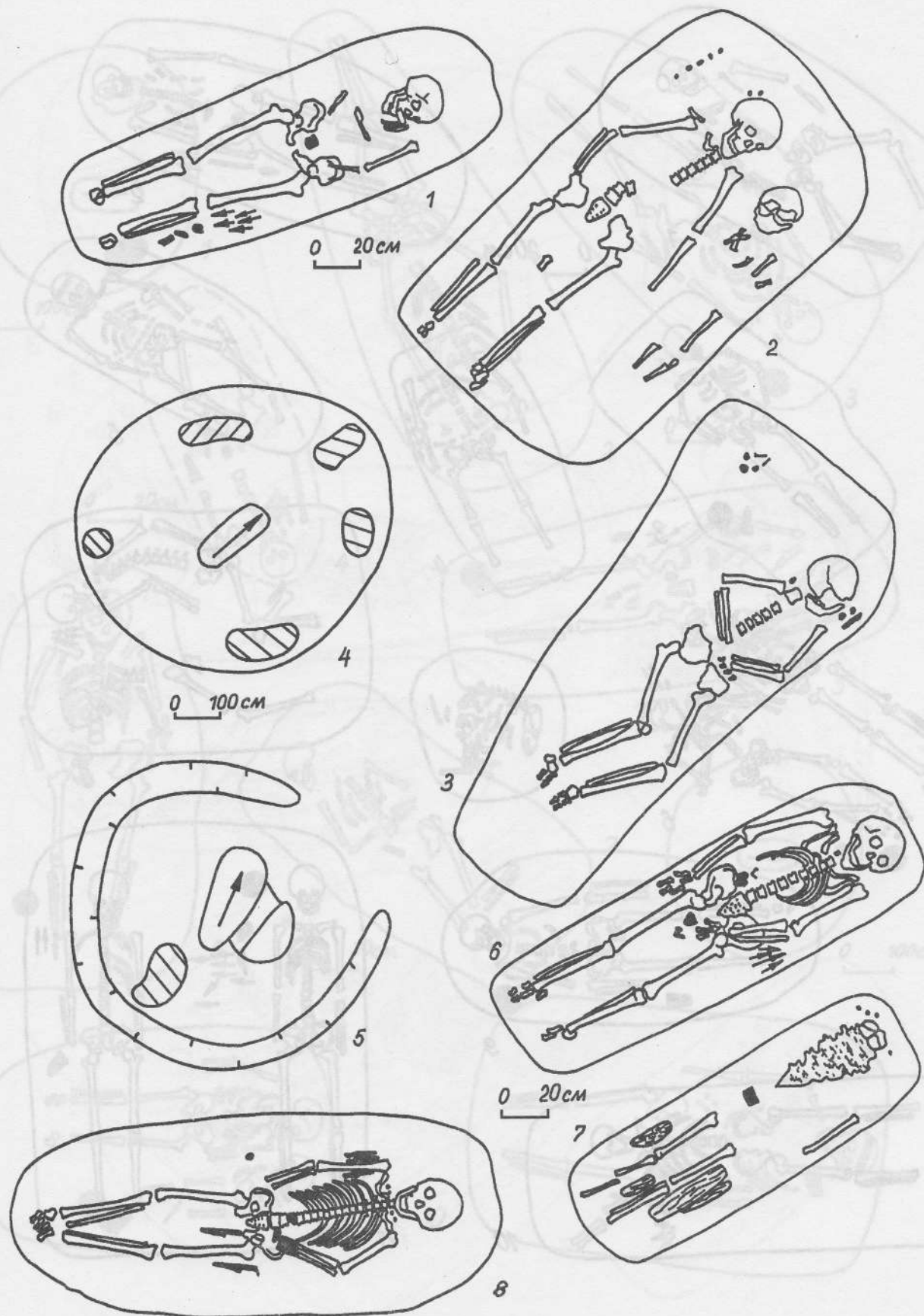

Рис. 6. Курганы и погребения одинцовского и тимирязевского этапов. Черное Озеро-1
1 - кург. 1; 2 - кург. 3, мог. 2; 3, 5 - кург. 4; 4, 6 - кург. 15; 7 - кург. 14; 8 - кург. 11.

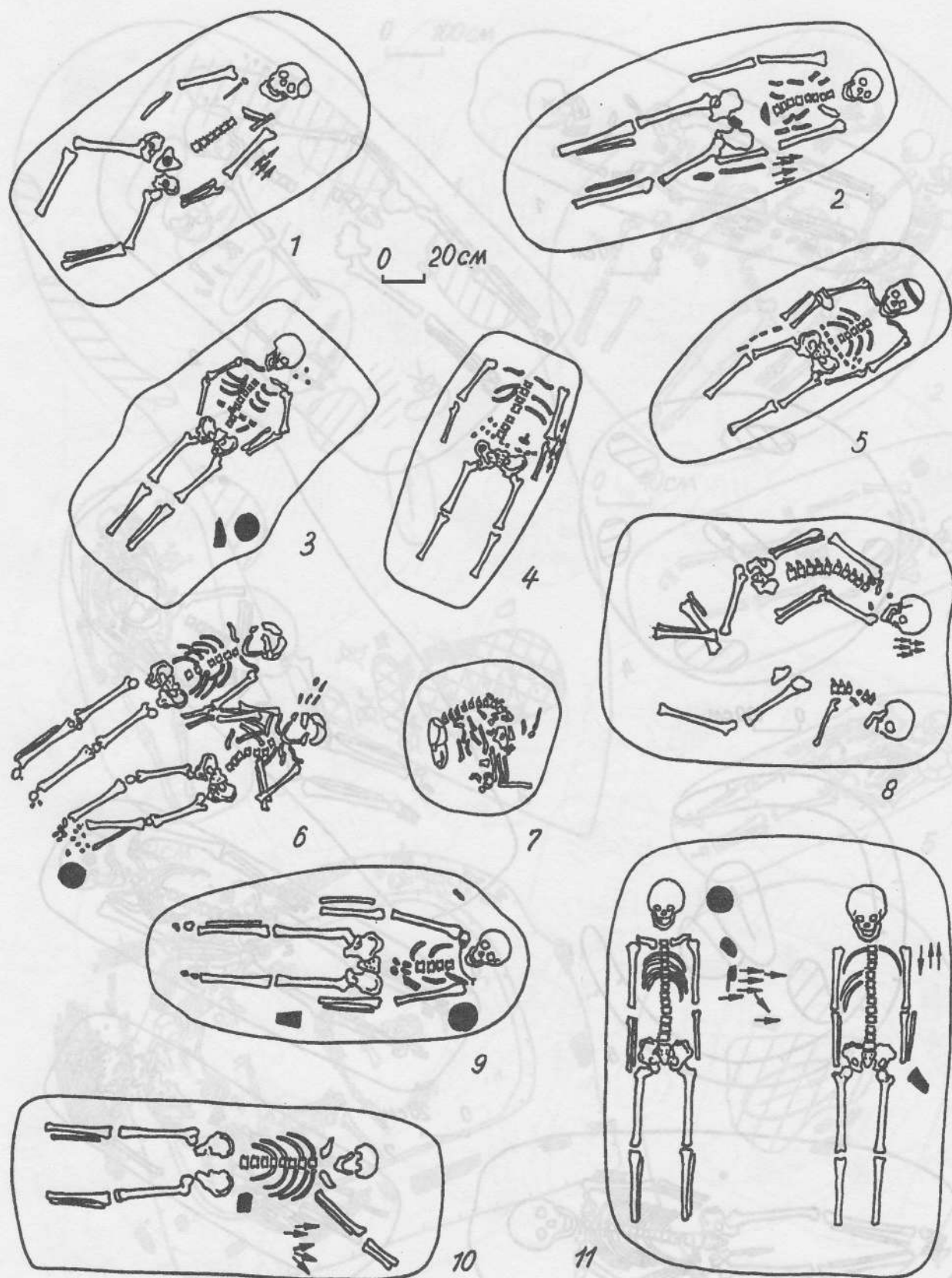

Рис. 7. Погребения одинцовского и тимирязевского этапов. Юрт-Акбалык-8.

1 - кург. 1; 2 - кург. 3; 3 - кург. 17, мог. 2; 4 - кург. 8; 5 - кург. 2, мог. 2; 6 - кург. 20, мог. 1;
7 - кург. 27; 8 - кург. 10; 9 - кург. 5; 10 - кург. 20, мог. 2; 11 - кург. 21.

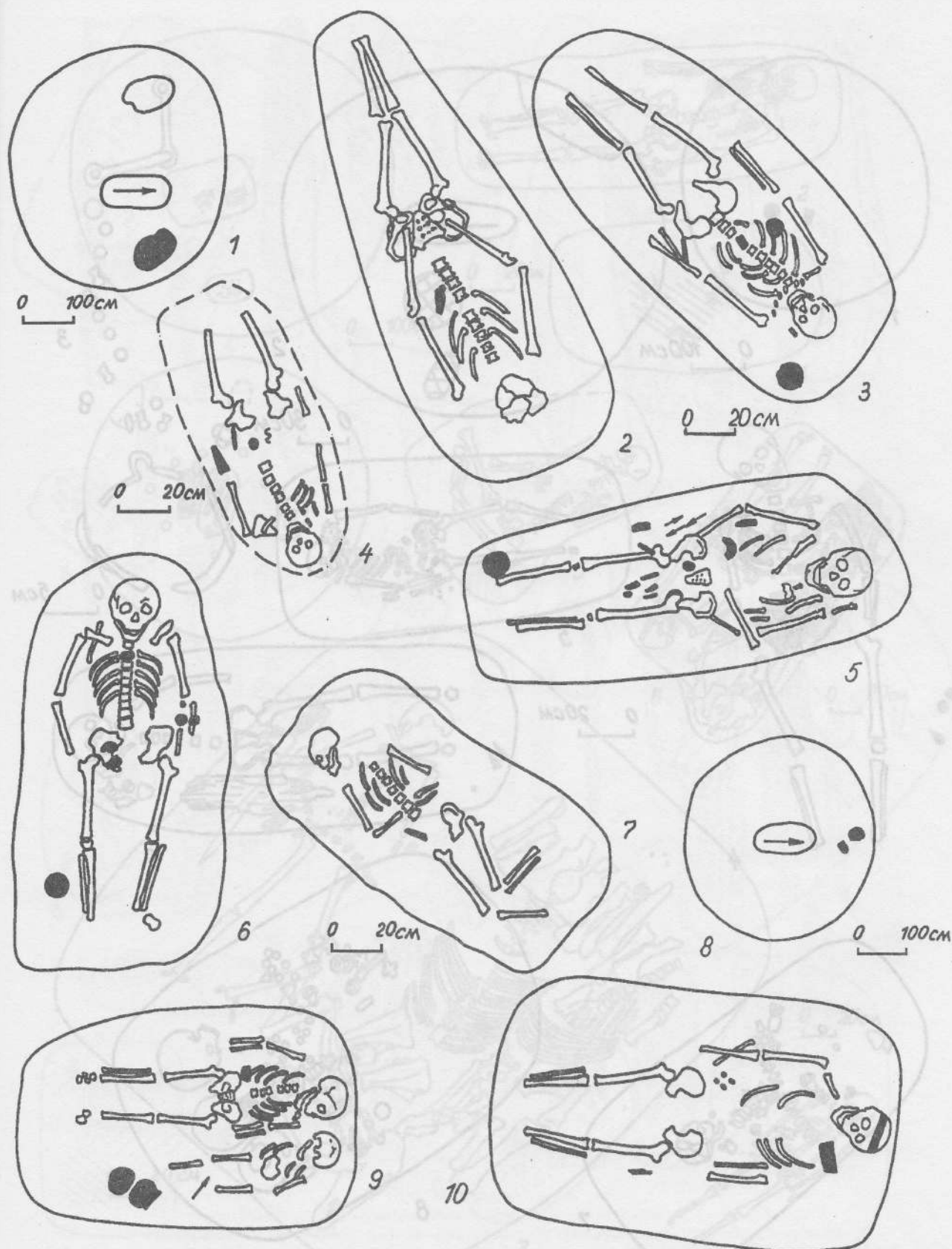

Рис. 8. Курганы и погребения тимирязевского этапа.

1 - Умна-3, кург. 8; 2 - Умна-2, кург. 2; 3 - Умна-3, кург. 20; 4 - Высокий Борок, кург. 15;
5 - Юрт-Акбалык-11, кург. 4; 6 - Юрт-Акбалык-11, кург. 5; 7 - Умна-3, кург. 26; 8 - Умна-2, кург. 1;
9 - Юрт-Акбалык-11, кург. 2; 10 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2.

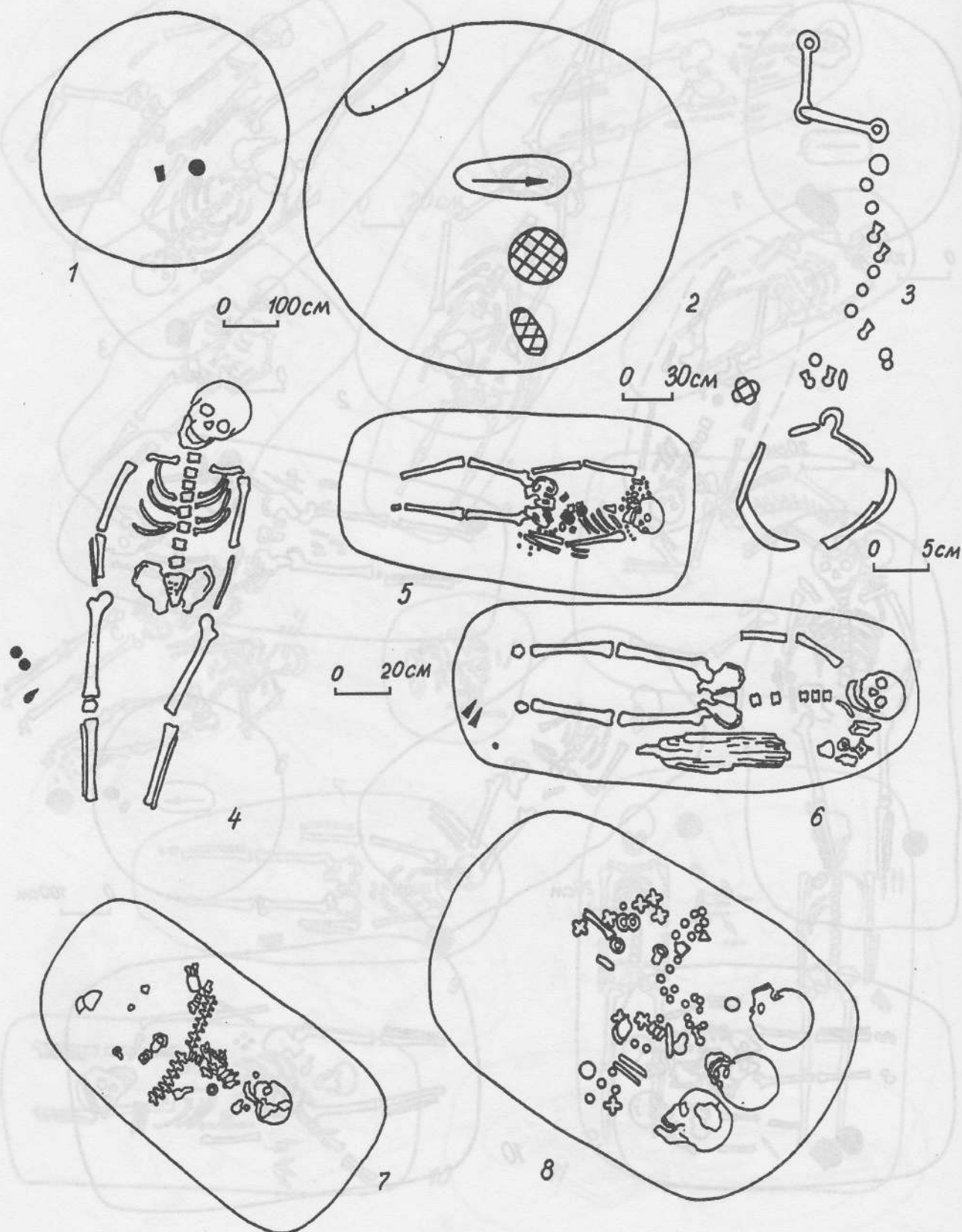

Рис. 9. Курганы и погребения тимирязевского этапа.

1 - 6 - Красный Яр-1: 1 - кург. 8, 2 - кург. 36, 3 - скопление вещей в насыпи кург. 20, 4 - кург. 17 - 18, мог. 1, 5 - кург. 7, 6 - кург. 5; 7, 8 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23: 7 - мог. 2, 8 - мог. 1.

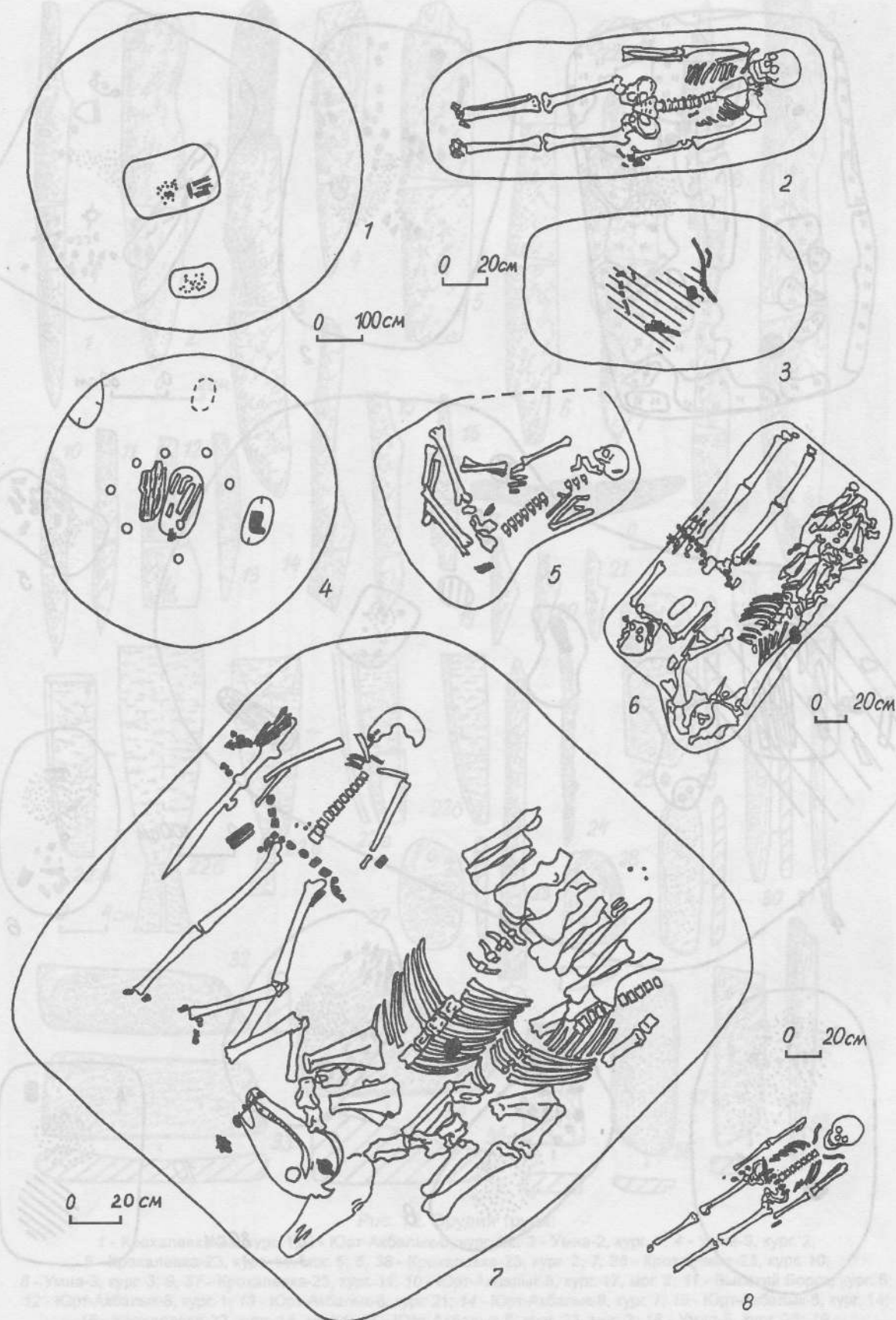

Рис. 10. Курганы и погребения юрт-акбалыкского этапа

1 - Красный Яр-1, кург. 15; 2 - Красный Яр-1, грунт. мог. 3; 3 - Красный Яр-1, кург. 10; 4 - Крохалевка-13, кург. 6; 5 - Крохалевка-13, кург. 5; 6 - Чингис-2, кург. 1; 7 - Чингис-2, кург. 3; 8 - Чингис-2, кург. 7.

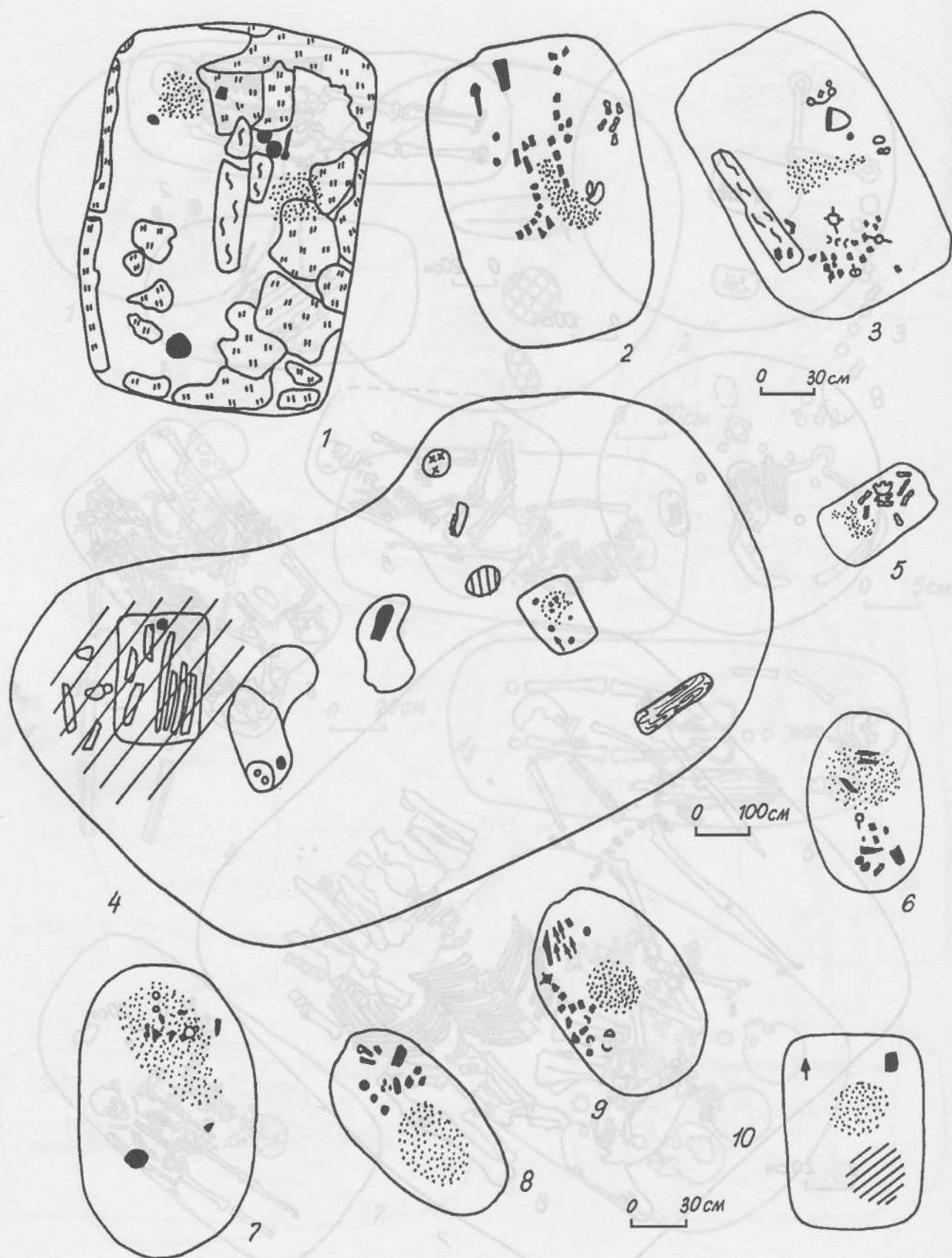

Рис. 11. Курганы и погребения юрт-акбалыкского этапа

1 - 5 - Каменный Мыс: 1 - кург. 21 - 22, мог. 3, 2 - кург. 8, мог. 1, 3 - кург. 7, мог. 1, 4 - кург. 21 - 22, 5 - кург. 9, мог. 4;
6 - 10 - Умна-3: 6 - кург. 18, 7 - кург. 22, 8 - кург. 10, мог. 1, 9 - кург. 10, мог. 2, 10 - кург. 16.

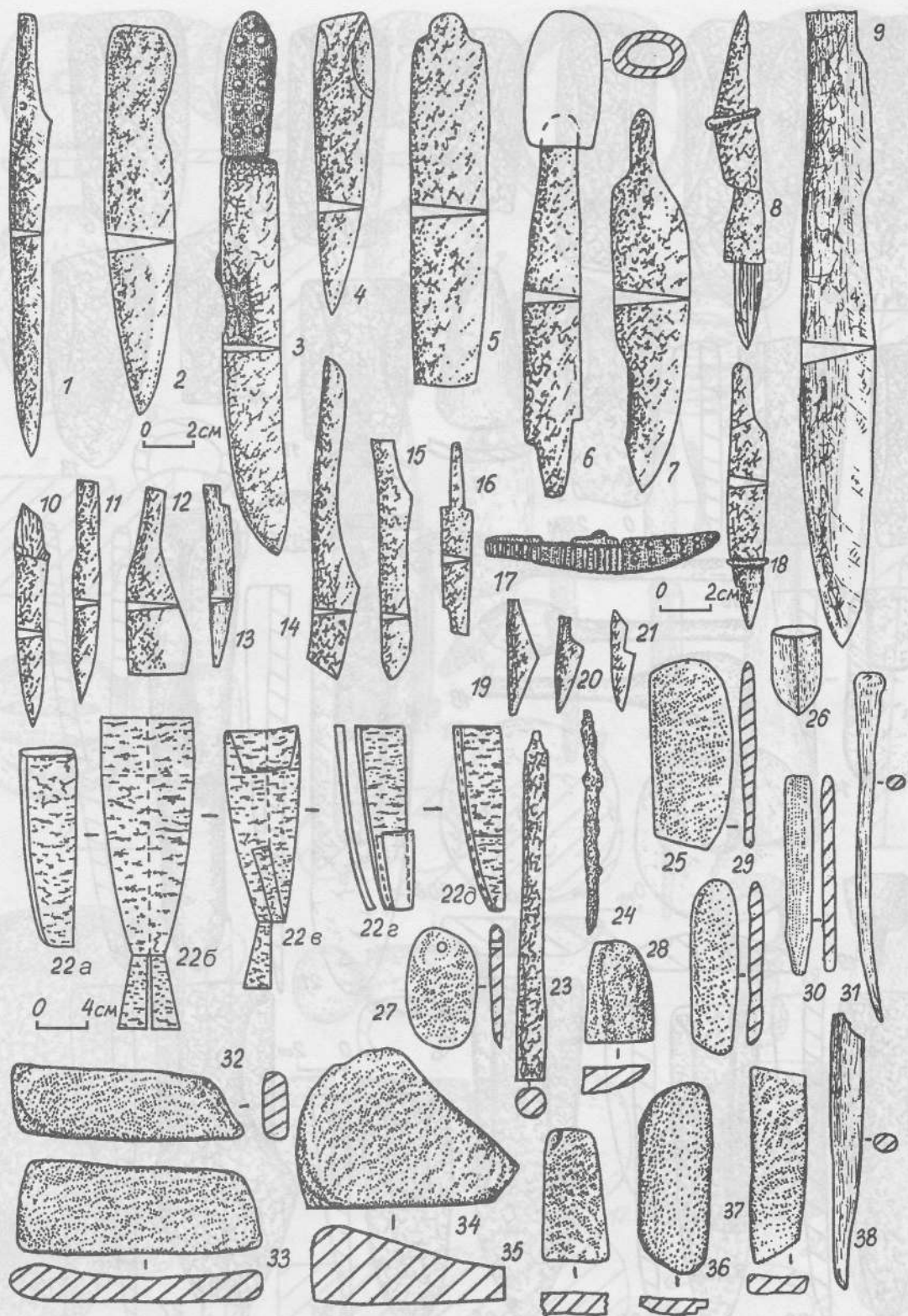

Рис. 12. Орудия труда:

- 1 - Крохалевка-23, кург. 1; 2 - Юрт-Акбалык-8, кург. 22; 3 - Умна-2, кург. 1; 4 - Умна-3, кург. 2;
 5 - Крохалевка-23, кург. 14, мог. 5; 6, 38 - Крохалевка-23, кург. 2; 7, 36 - Крохалевка-23, кург. 10;
 8 - Умна-3, кург. 3; 9, 37 - Крохалевка-23, кург. 11; 10 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17, мог. 2; 11 - Высокий Борок, кург. 6;
 12 - Юрт-Акбалык-8, кург. 1; 13 - Юрт-Акбалык-8, кург. 21; 14 - Юрт-Акбалык-8, кург. 7; 15 - Юрт-Акбалык-8, кург. 14;
 16 - Крохалевка-23, кург. 14, мог. 4; 17 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, мог. 2; 18 - Умна-3, кург. 25; 19,
 20 - Юрт-Акбалык-8, кург. 20; 21 - Юрт-Акбалык-8, кург. 18; 22 - Топовское; 23, 26, 29 - Умна-3, кург. 11;
 24 - Крохалевка-23, кург. 5; 25 - Умна-3, кург. 10; 27 - Умна-3, кург. 19; 28 - Умна-3, кург. 24; 30 - Умна-3, кург. 18;
 31 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2; 32, 33 - Юрт-Акбалык-1; 34 - Крохалевка-Соколово-5, жил. 4;
 35 - Юрт-Акбалык-3 (1 - 8, 10 - 12, 14 - 16, 18 - 21, 23, 24 - железо; 9, 13, 26, 31, 32, 38 - кость; 17 - бронза;
 22 - береста; 25, 28 - 30, 32 - 37 - камень; 27 - кость и железо)

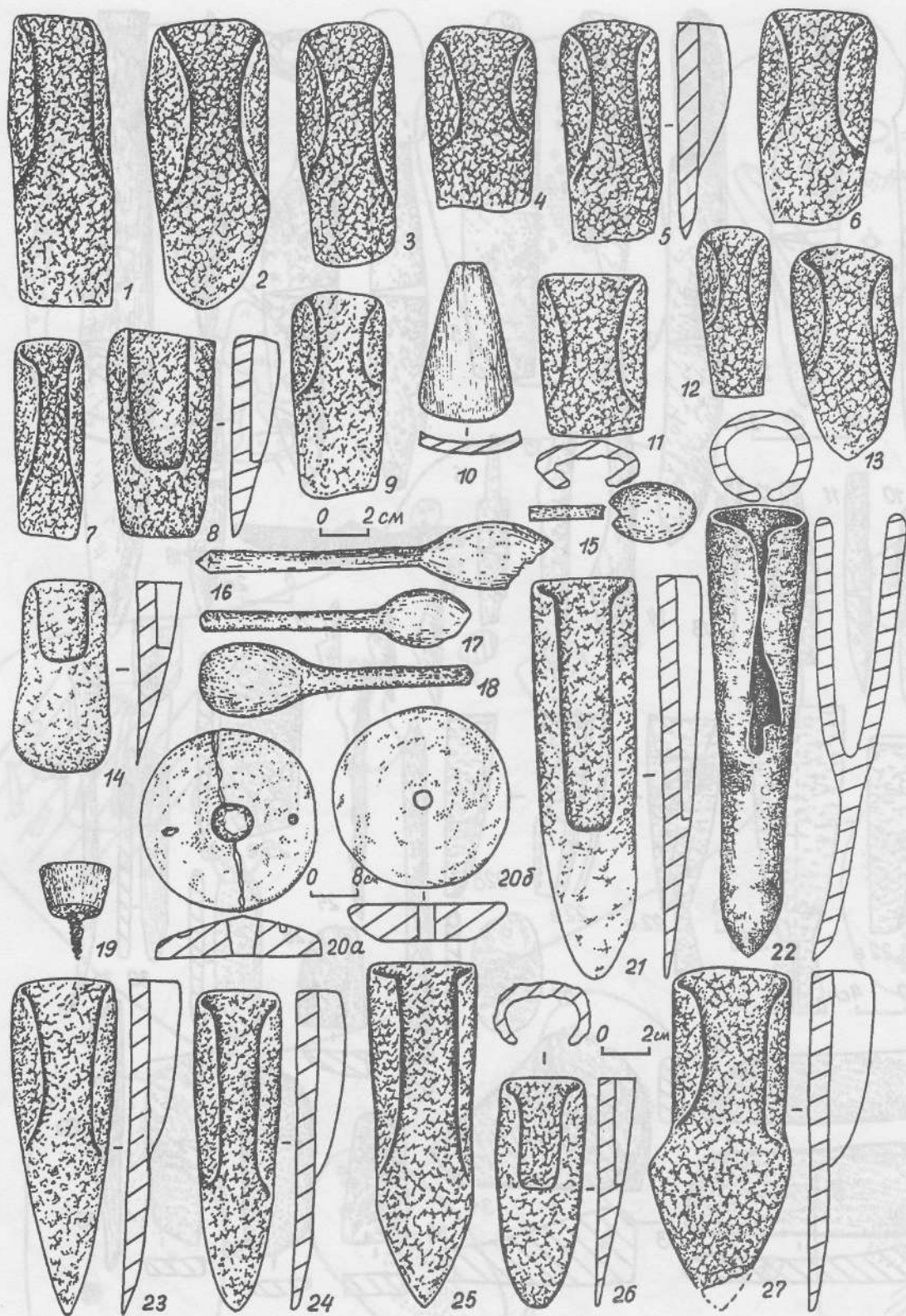

Рис. 13. Орудия труда.

- 1 - Юрт-Акбалык-8, кург. 5; 2 - Юрт-Акбалык-8, кург. 29; 3 - Черное Озеро-1, кург. 1; 4 - Черное Озеро-1, кург. 11; 5 - Крохалевка-23, кург. 6; 6 - Крохалевка-23, кург. 5; 7 - Юрт-Акбалык-8, кург. 26; 8 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2; 9 - Умна-3, кург. 18; 10 - Чучка-7; 11 - Крохалевка-13, кург. 2; 12 - Красный Яр-1, кург. 8; 13 - Красный Яр-1, кург. 5; 14 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2; 15 - Каменный Мыс, кург. 21 - 22, мог. 3; 16 - Умна-3, мог. 11; 17 - Красный Яр-1, кург. 1; 18 - Каменный Мыс, кург. 8; 19 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17, мог. 1; 20 - Черное Озеро-1, кург. 5; 21 - Черное Озеро-1, кург. 12; 22 - Черное Озеро-1, кург. 13; 23 - Крохалевка-23, кург. 2; 24 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17, мог. 2; 25 - Высокий Борок, кург. 15; 26 - Юрт-Акбалык-8, кург. 21; 27 - Крохалевка-13, кург. 7 (1 - 9, 11 - 14, 21 - 27 - железо; 10, 16 - 18 - кость; 15 - дерево; 19 - дерево и железо; 20 - камень).

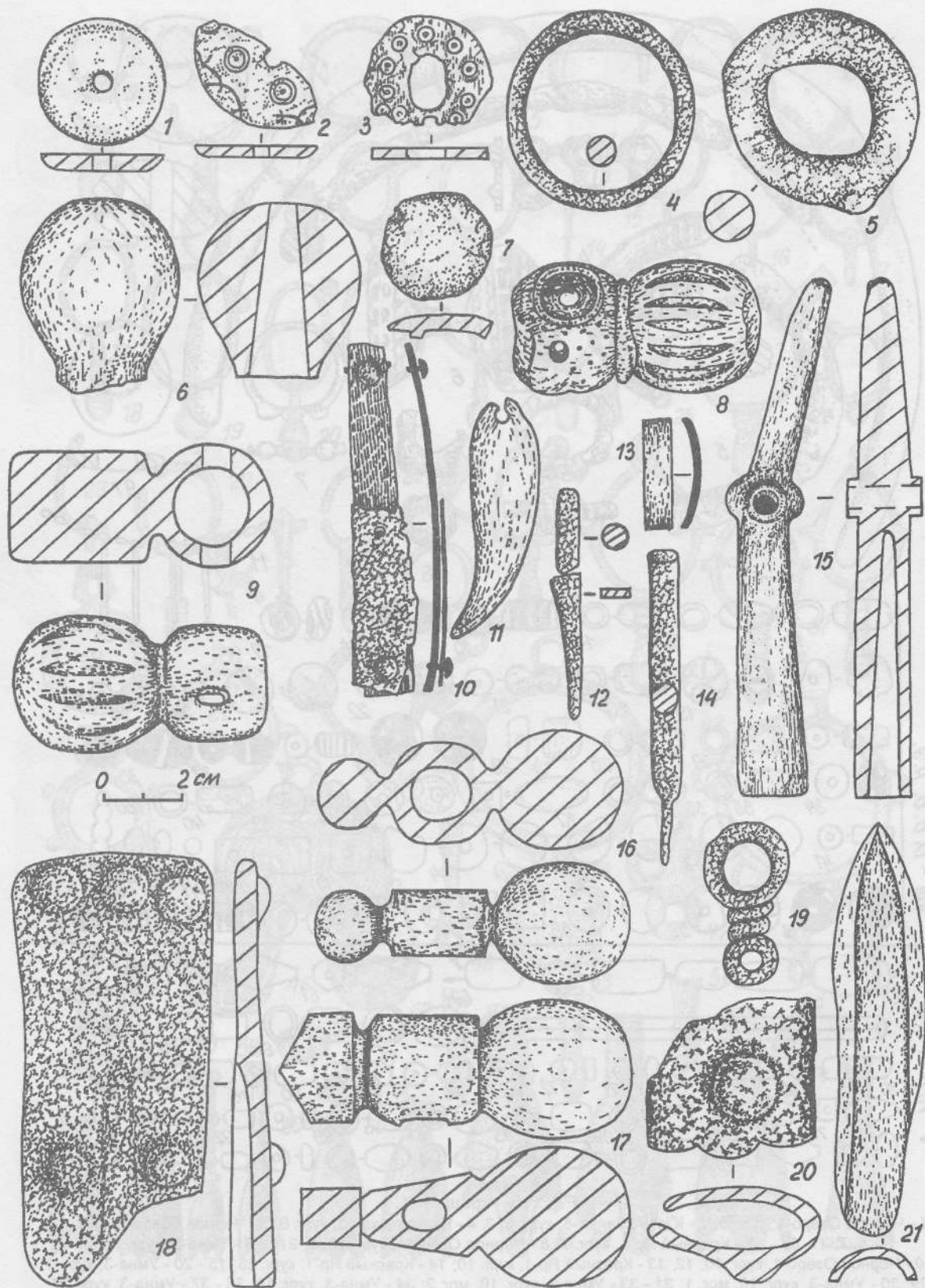

Рис 14. Находки из курганов.

- 1 - Юрт-Акбалык-8, кург. 3; 2 - Юрт-Акбалык-8, кург. 13; 3 - Юрт-Акбалык-8, кург. 16; 4 - Юрт-Акбалык-8, кург. 8;
 5 - Крохалевка-23, кург. 11; 6 - Красный Яр-1, кург. 15; 7 - Чучка-7; 8 - Красный Яр-1, кург. 2; 9 - Чингис-2, кург. 1;
 10 - Крохалевка-23, кург. 1; 11 - Красный Яр-1, грунт. мог. 1; 12 - Крохалевка-23, кург. 14, мог. 4;
 13 - Юрт-Акбалык-11, кург. 4; 14 - Красный Яр-1, кург. 5; 15 - Красный Яр-1, кург. 7; 16 - Чингис-2, кург. 3;
 17 - Умна-3, кург. 18; 18 - Ирмень-4, кург. 1; 19 - Крохалевка-23, кург. 12; 20 - Крохалевка-23, кург. 8;
 21 - Юрт-Акбалык-8, кург. 19 (1, 2 - камень, 3, 6, 8, 9, 11, 14, 16, 17, 21 - кость; 4, 5, 12, 15, 18 - 20 - железо;
 7 - глина; 10 - бронза и железо; 13 - зуб бобра).

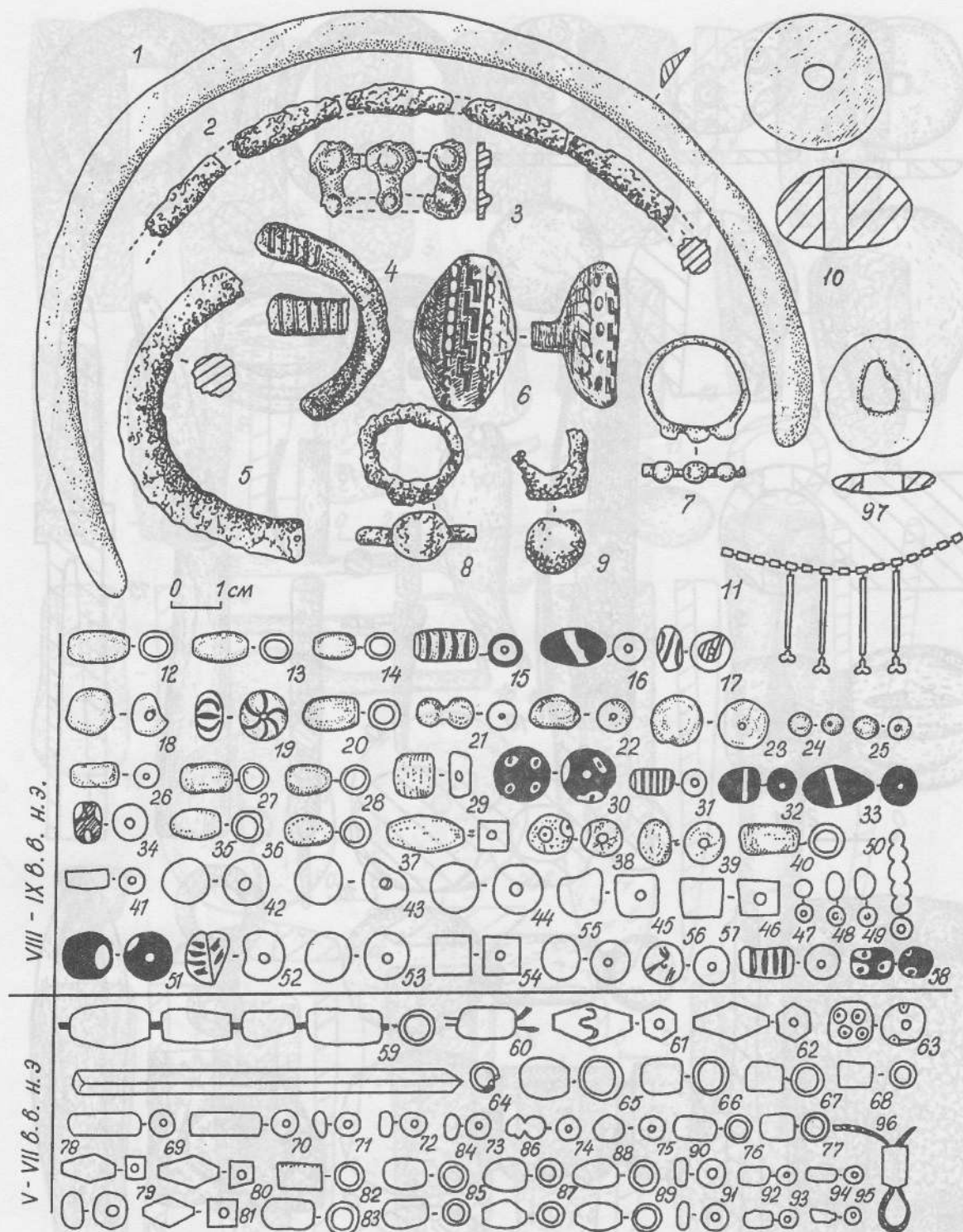

Рис. 15. Украшения.

- 1 - Черное Озеро-1, кург. 6; 2 - Юрт-Акбалык-8, кург. 5; 3, 4 - Крохалевка-13, кург. 6; 5 - Черное Озеро-1, кург. 12; 6, 7, 11, 64 - 68 - Красный Яр-1, кург. 7; 8 - Черное Озеро-1, кург. 15; 9, 21 - 28 - Умна-3, кург. 3; 10 - Черное Озеро-1, кург. 10; 12, 13 - Красный Яр-1, кург. 10; 14 - Красный Яр-1, кург. 26; 15 - 20 - Умна-3, кург. 1; 29, 30 - Умна-3, кург. 10, мог. 1; 31 - 33 - Умна-3, кург. 10, мог. 2; 34 - Умна-3, кург. 18; 35 - 37 - Умна-3, кург. 21; 38 - Умна-3, кург. 30; 39 - Каменный Мыс, кург. 9, мог. 1; 40 - 43 - Каменный Мыс, кург. 8; 44 - 51 - Каменный Мыс, кург. 9, мог. 1; 52, 53 - Каменный Мыс, кург. 9, мог. 4; 54 - 58 - Чингис-2, кург. 1; 59 - Умна-3, кург. 20; 60 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2; 61 - 63, 97 - Каменный Мыс, кург. 19; 69 - 73 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17, мог. 2; 74 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17, мог. 1; 75 - Ирмень-4, кург. 1; 76, 77 - Умна-3, кург. 8; 78 - 81 - Крохалевка-23, кург. 14, мог. 4; 82, 83 - Черное Озеро-1, кург. 3, мог. 1; 84 - 91 - Черное Озеро-1, кург. 3, мог. 2; 92 - 95 - Черное Озеро-1, кург. 14; 96 - Черное Озеро-1, кург. 4; 97 - Каменный Мыс, кург. 19 (1, 3, 4, 6, 7, 12-14, 20, 27, 28, 35, 36, 40, 59, 60, 64 - 68, 76, 77, 82 - 89, 96 - бронза; 2, 5, 8, 9 - железо; 10 - халцедон; 11 - реконструкция ожерелья; 15 - 19, 21 - 26, 29 - 34, 38, 39, 41 - 48, 51 - 58, 63, 79, 90 - 95 - стекло; 37, 61, 62, 78, 80, 81 - сердолик; 49, 50, 69 - 75 - позолоченное стекло; 96 - бронза и кожа; 97 - нефрит).

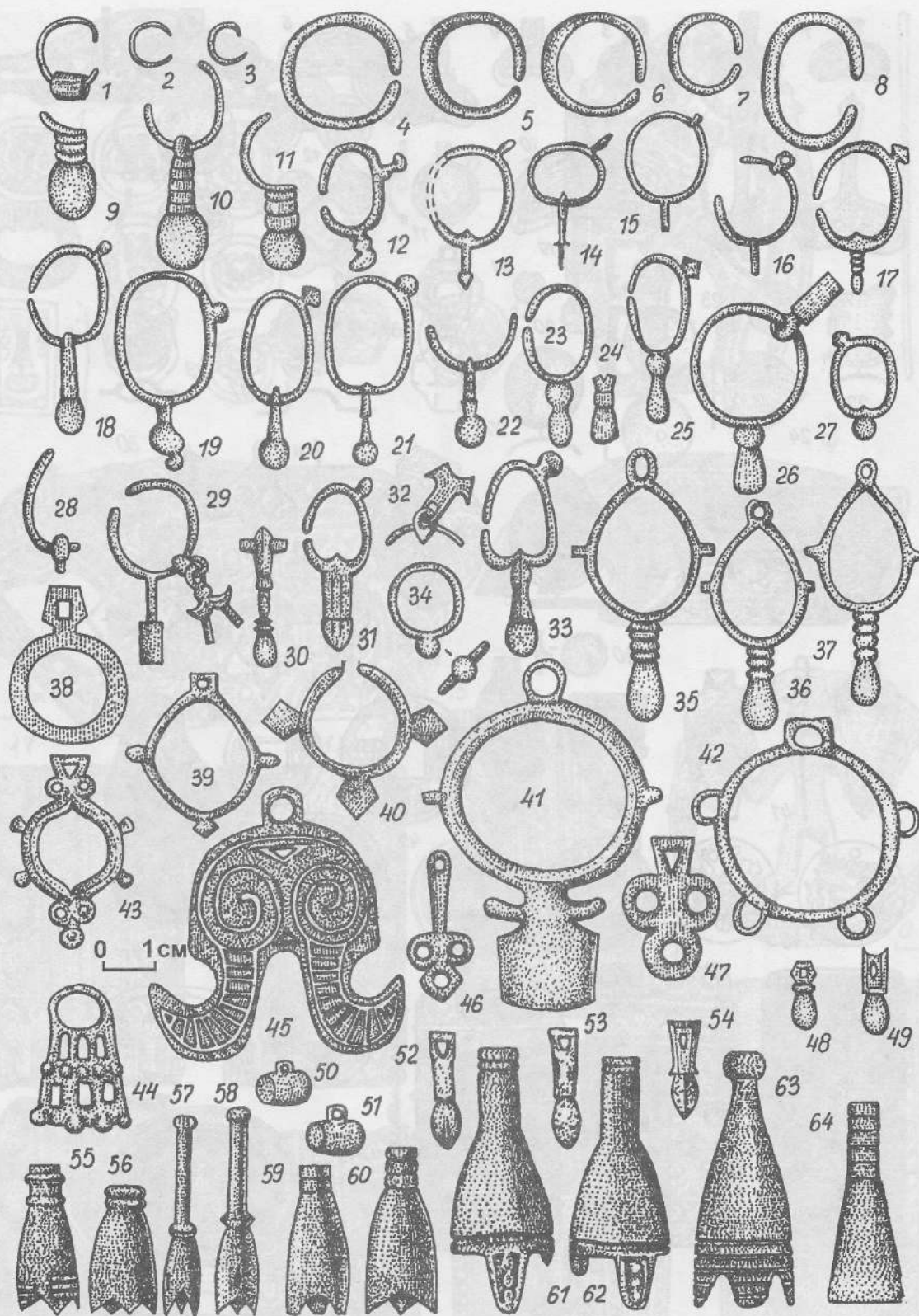

Рис. 16. Бронзовые серьги и подвески.

- 1, 50, 51 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23; 2, 3, 44 - Умна-3, кург. 8; 4 - Красный Яр-1, кург. 7; 5, 6, 23 - 25, 39, 42 - Умна-3, кург. 4; 7 - Умна-3, кург. 18; 8 - Чингис-2, кург. 3; 9, 10 - Крохалевка-23, кург. 5; 11 - Черное Озеро-1, кург. 10; 12 - Крохалевка-13, кург. 6; 13 - Крохалевка-13, кург. 7, мог. 1; 14, 19 - 22 - Умна-3, кург. 3; 15, 26, 37, 43 - Умна-3, кург. 21; 16, 60 - Красный Яр-1, грунт. мог. 3; 17, 52, 53, 62 - Каменный Мыс, кург. 8; 18, 27, 45 - Умна-3, кург. 11; 28 - Чингис-2, кург. 7; 29, 30, 35, 46 - Умна-3, кург. 7; 31, 32, 36, 54, 61 - Каменный Мыс, кург. 9, мог. 1; 33 - Каменный Мыс, кург. 9, мог. 2; 34 - Чингис-2, кург. 1; 38 - Крохалевка-13, кург. 16; 40 - Умна-3, кург. 10, мог. 2; 41, 63 - Умна-3, кург. 22; 47 - Каменный Мыс, кург. 9, мог. 3; 48, 49 - Умна-3, кург. 1; 55 - 58 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, мог. 2; 59 - Юрт-Акбалык-11, кург. 5; 64 - Умна-3, кург. 17.

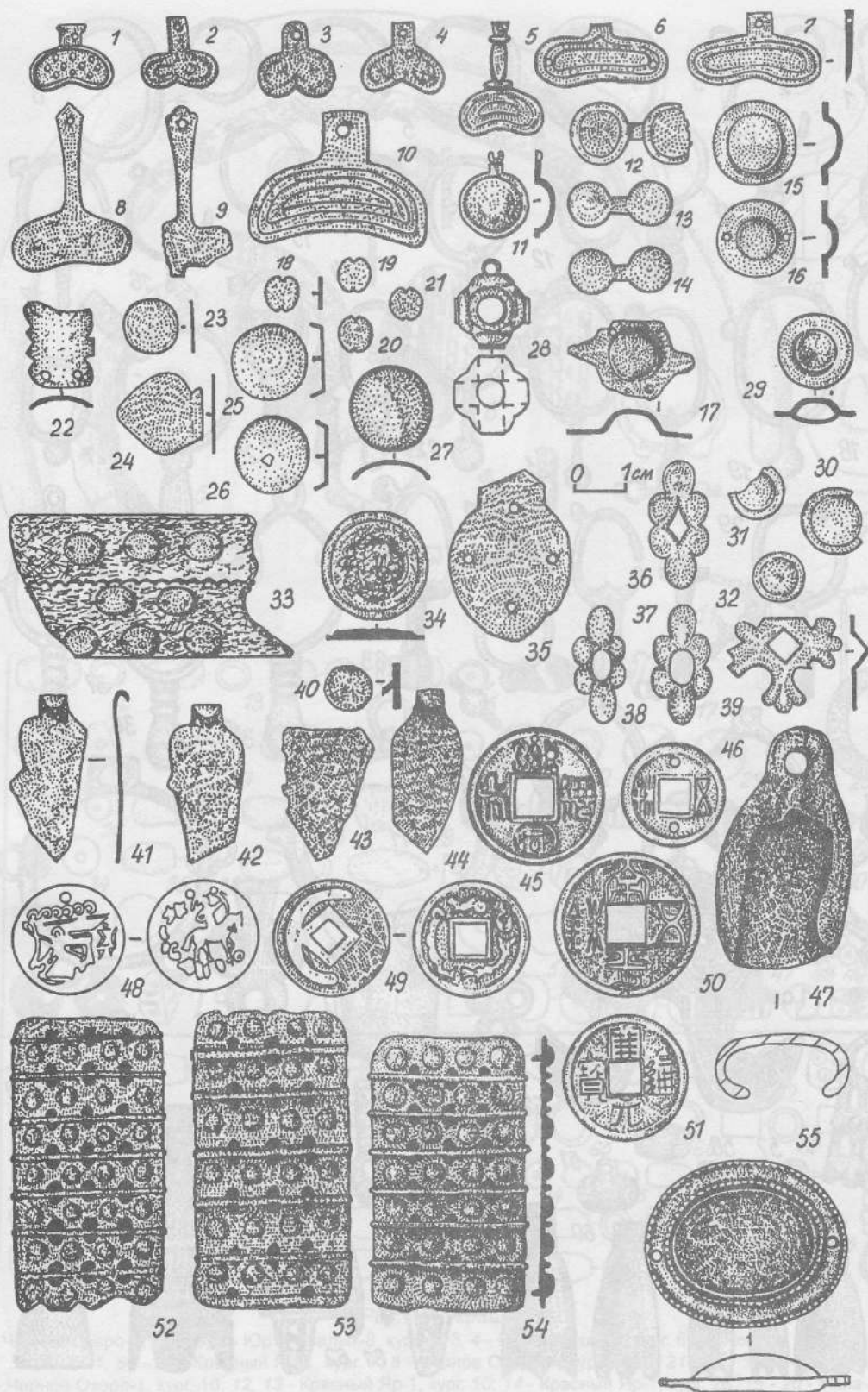

Рис. 17. Украшения и монеты.

- 1 - 4 - Красный Яр-1, кург. 7; 5 - 7 - Умна-2, кург. 1; 8, 9, 27, 28 - Умна-3, кург. 3; 10, 13, 14, 16, 22 - Умна-3, кург. 22; 11 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2; 12, 18 - 21, 40 - Умна-3, кург. 4; 15 - Умна-3, кург. 10, мог. 1; 17, 46 - Умна-3, кург. 20; 23, 24 - Умна-3, кург. 9; 25, 26 - Юрт-Акбалык-11, кург. 5; 29 - Умна-3, кург. 21; 30 - Юрт-Акбалык-8, кург. 22; 31 - Умна-3, кург. 10, мог. 2; 32, 45 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, мог. 1; 33, 53 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2, мог. 2; 34, 50 - Умна-3, кург. 8; 35-39, 41 - 44, 52 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, мог. 2; 46 - Юрт-Акбалык-8, кург. 6; кург. 23, мог. 2; Умна-3, кург. 20; 47 - Юрт-Акбалык-8, кург. 14; 48 - Каменный Мыс, кург. 1; 49 - Чингис-2, кург. 3; Каменный Мыс, кург. 9, мог. 1; 51 - Каменный Мыс, кург. 8, 9; Красный Яр-1, кург. 1, 2; 54 - Черное Озеро, кург. 14; 55 - Крохалевка-23, кург. 6 (28 - золото; 55 - бронза и сердолик; остальное - бронза).

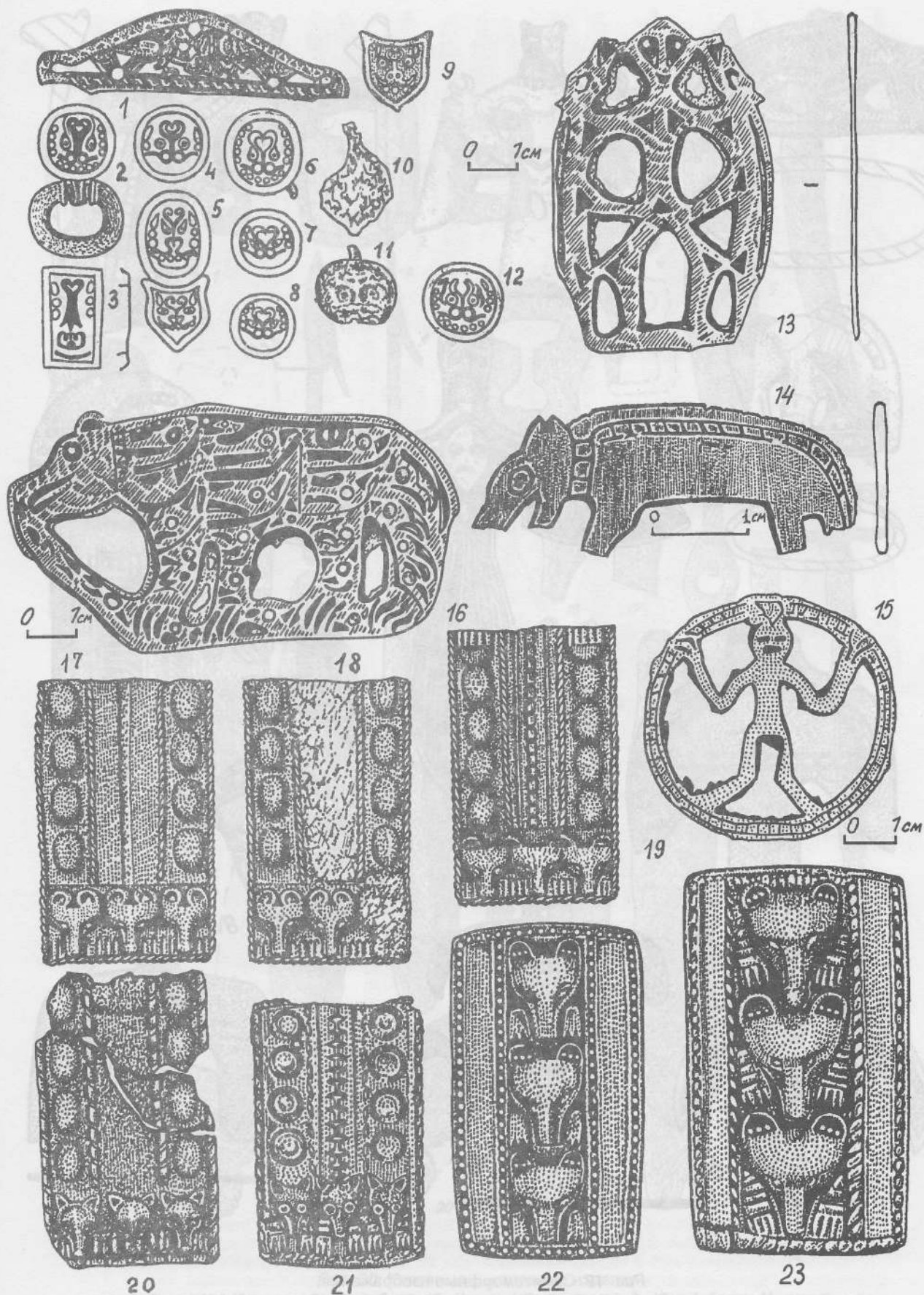

Рис. 18. Бронзовые зооморфные и антропоморфные изображения.

1 - 12 - Умна-2, кург. 1, насыпь; 13, 14, 21 - случайные находки; 15 - Завьялово-2; 16 - III Кордин-2; 17 - 19 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17, мог. 1; 20 - Юрт-Акбалык-8, кург. 13; 22, 23 - Красный Яр-1, кург. 7.

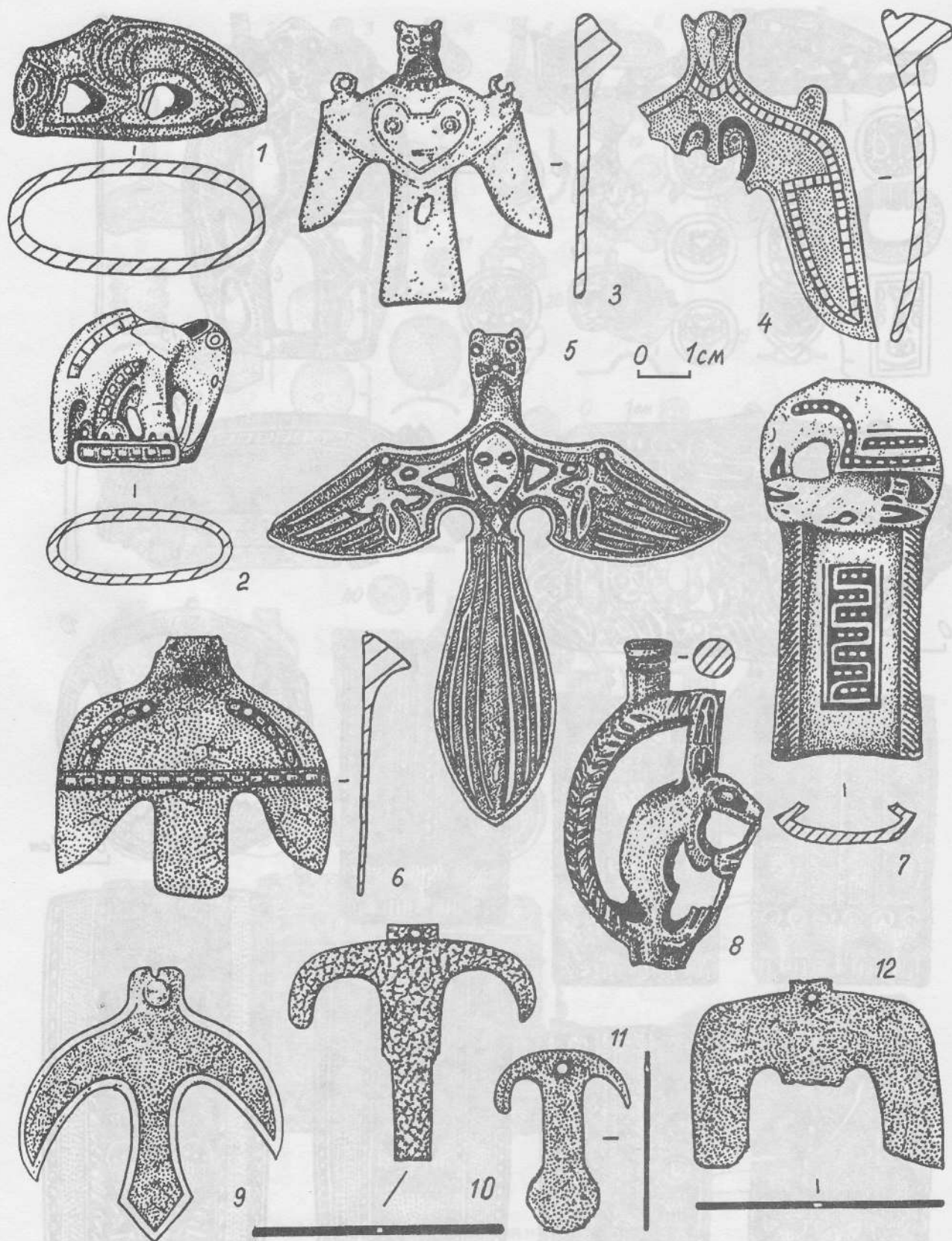

Рис. 19. Орнитоморфные изображения.

1 - случайная находка у с. Вьюны; 2 - Ордынское-1, кург. 21; 3 - случайная находка под Новосибирском; 4 - Высокий Борок, кург. 16; 5 - случайная находка; 6 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2; 7 - Высокий Борок, кург. 13; 8 - Красный Яр-1, кург. 17 - 18, насыпь; 9 - Сапогово, Кемеровская область; 10 - Крохалевка-13, кург. 15; 11 - Юрт-Акбалык-8, кург. 8; 12 - Черное Озеро-1, кург. 11 (10 - железо; остальное - бронза).

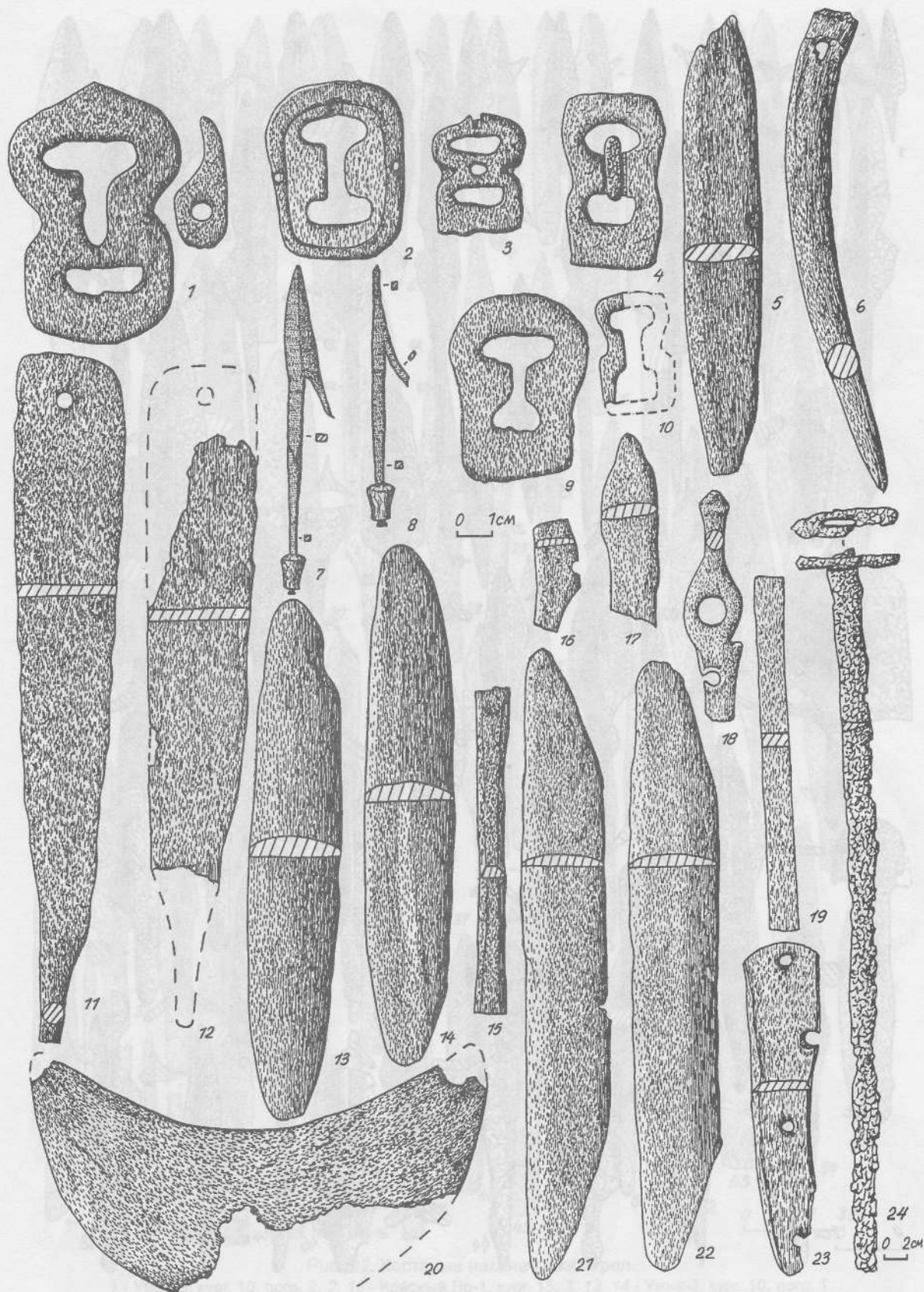

Рис. 20. Костяные и железные изделия.

- 1 - Каменный Мыс, кург. 21-22; 2, 5, 16, 17 - Красный Яр-1, кург. 10; 3 - Юрт-Акбалык-11, кург. 2;
 4 - Красный Яр-1, кург. 2; 6, 18, 19, 21 -23 - погребение на поселении Турист-1; 7, 8 - Крохалевка-23, кург. 1;
 9 - Черное Озеро-1, кург. 15; 10 - Крохалевка-13, кург. 6; 11, 12, 20 - Красный Яр-1, кург. 15;
 13 - 15 - Умна-3, кург. 18; 24 - Чингис-2, кург. 3 (7, 8 - железо, кость; 24 - железо; остальное - кость, рог).

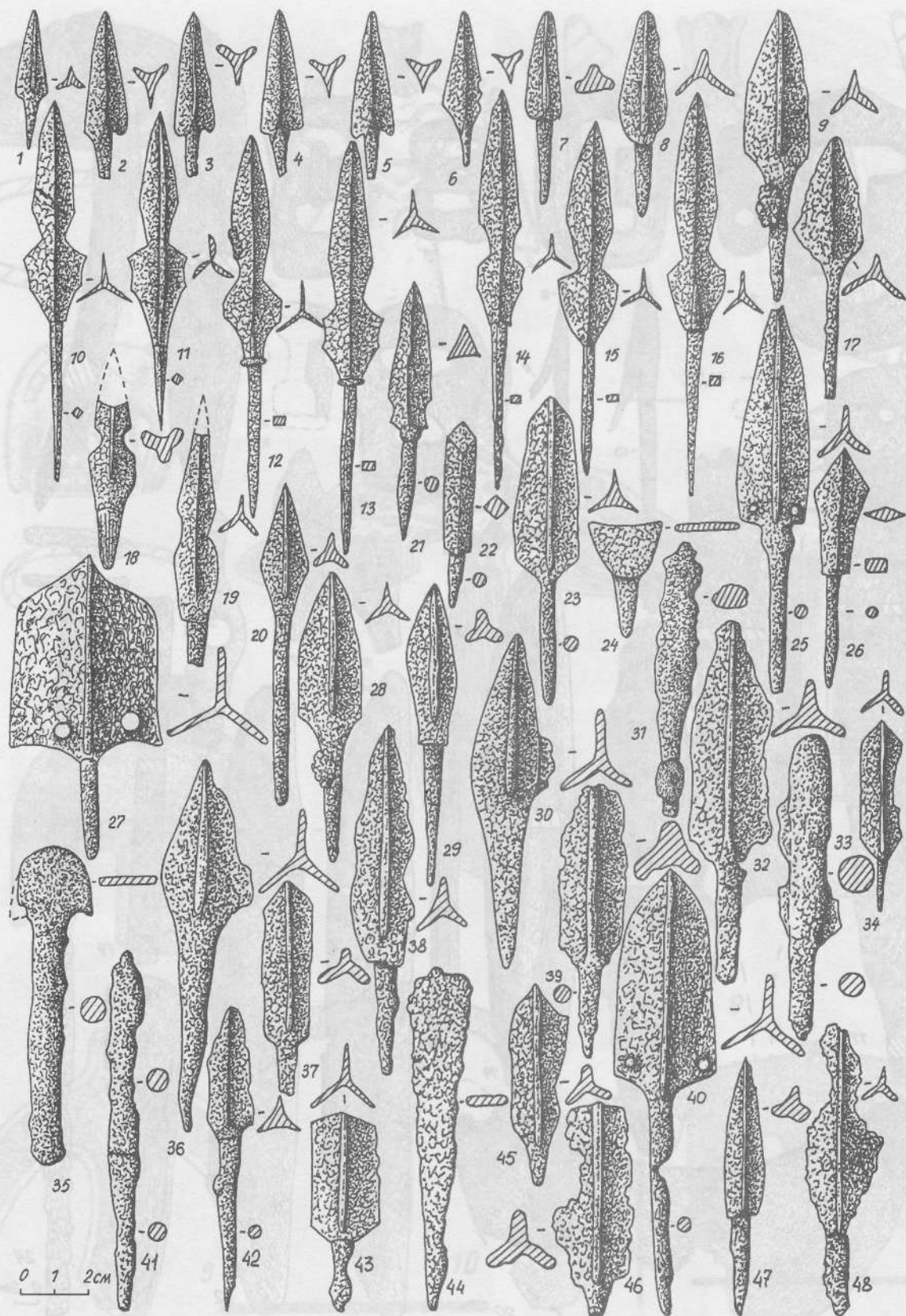

Рис. 21. Железные наконечники стрел и "лопаточка".

- 1 - 6 - Юрт-Акбалык-8, кург. 8; 7 - Черное Озеро-1, кург. 10; 8, 9, 18, 24, 28 - Черное Озеро-1, кург. 1; 10 - 17 - Крохалевка-23, кург. 1; 19, 29, 47 - Черное Озеро-1, кург. 11; 20 - Красный Яр-1, кург. 6; 21, 22, 42, 44 - Каменный Мыс, кург. 26; 23, 25, 40 - Красный Яр-1, кург. 20; 26 - Красный Яр-1, кург. 26; 27 - Умна-3, кург. 11; 30, 36-38 - Юрт-Акбалык-8, кург. 27; 31 - Умна-3, кург. 1; 32, 33, 41 - Чингис-2, кург. 6; 34, 43 - Умна-3, кург. 24; 35 - "лопаточка" - Красный Яр-1, кург. 7; 39, 45 - Каменный Мыс, кург. 24; 46 - Дубровинский Борок, кург. 2; 48 - Красный Яр-1, кург. 5 (31 - железо, кость; остальное - железо).

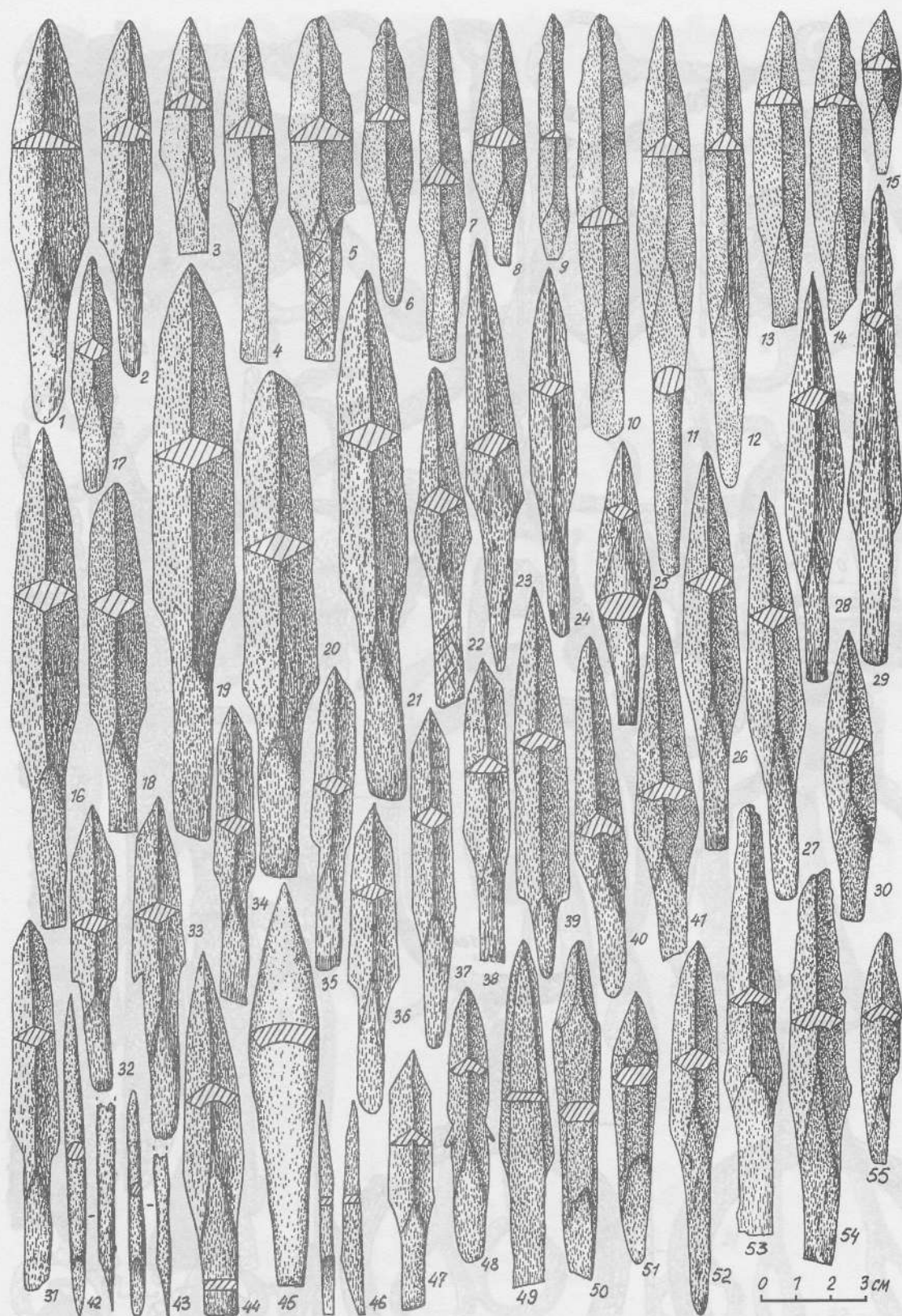

Рис. 22. Костяные наконечники стрел.

- 1 - Умна-3, кург. 10, погр. 2; 2, 18 - Красный Яр-1, кург. 15; 3, 13, 14 - Умна-3, кург. 10, погр. 1;
 4, 5 - Каменный Мыс, кург. 24; 6, 17 - Дубровинский Борок-5, кург. 2; 7 - Ордынское-1, кург. 8;
 8-10, 52 - Юрт-Акбалык-8, кург. 21; 11, 12 - Юрт-Акбалык-8, кург. 7; 15 - Умна-3, кург. 21;
 16, 19 - 21, 45 - Красный Яр-1, кург. 20; 22, 23, 40, 41, 49 - Юрт-Акбалык-8, кург. 18; 24 - Юрт-Акбалык-8, кург. 3;
 25 - 29 - Юрт-Акбалык-8, кург. 1; 30 - Юрт-Акбалык-11, кург. 5; 31 - 35 - Юрт-Акбалык-11, кург. 4;
 36, 55 - Юрт-Акбалык-8, кург. 8; 37, 38 - Умна-3, кург. 25; 39 - Красный Яр-1, кург. 19;
 42, 43, 46 - Юрт-Акбалык-8, кург. 19; 44 - Юрт-Акбалык-8, кург. 13; 47, 48 - Умна-3, кург. 24;
 49 - Юрт-Акбалык - 8, кург. 18 (насыпь); 50, 51 - Черное Озеро-1, кург. 15; 53, 54 - Юрт-Акбалык-8, кург. 20, погр. 2.

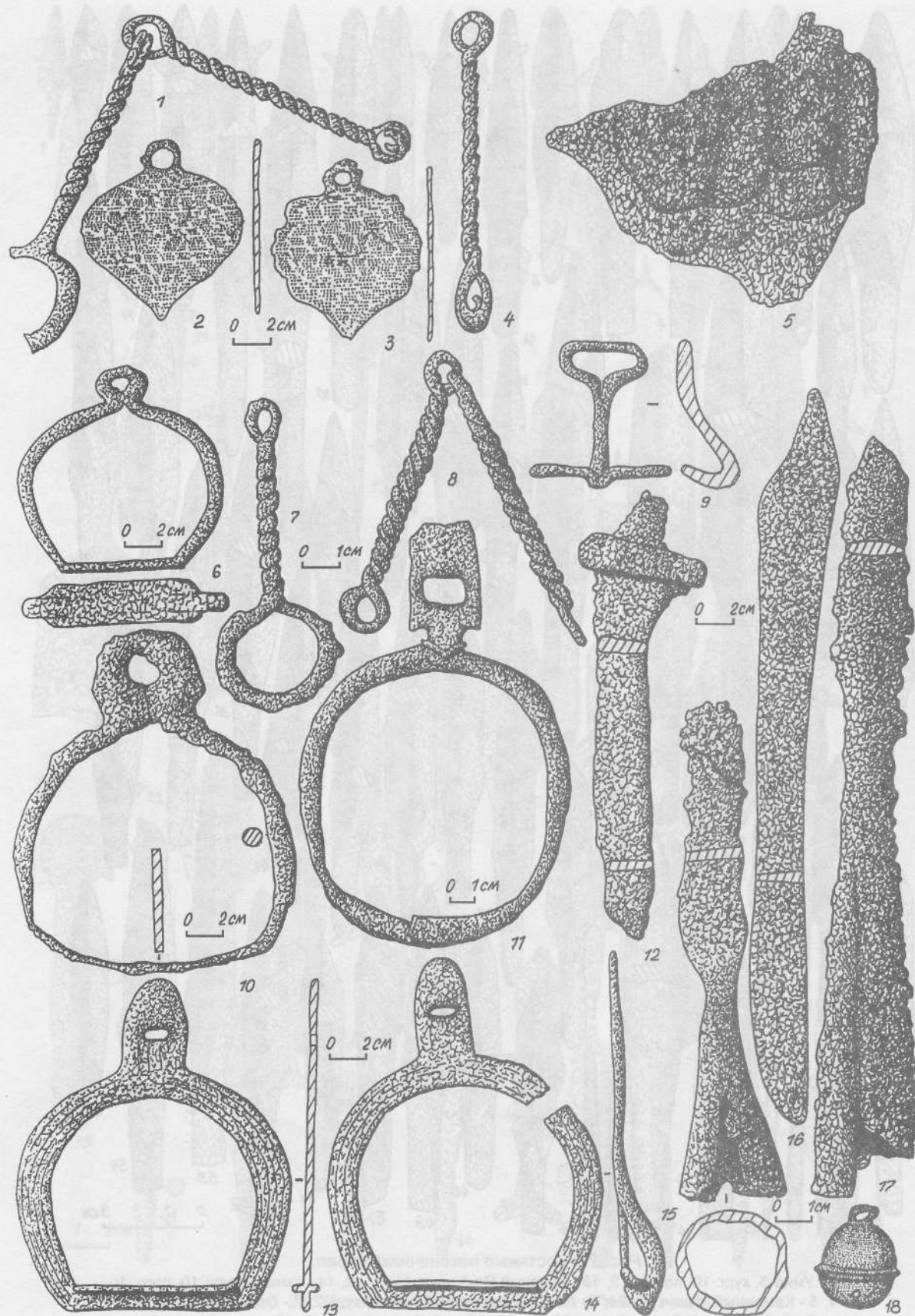

Рис. 23. Предметы конской упряжи и оружие.

1, 4, 7 - городище Чучка-7; 2, 3, 10 - Чингис-2, кург. 3; 5, 14 - Крохалевка-23, кург. 6; 6 - Крохалевка-13, кург. 2; 8 - Юрт-Акбалык-8, кург. 2; 9, 13 - Крохалевка-23, кург. 1; 11 - Умна-2, кург. 1; 12, 17 - Чингис-2, кург. 7; 15 - Каменный Мыс, кург. 16; 16 - Умна-3, кург. 29; 18 - Чингис-2, кург. 1 (2, 3, 18 - бронза; остальное - железо).

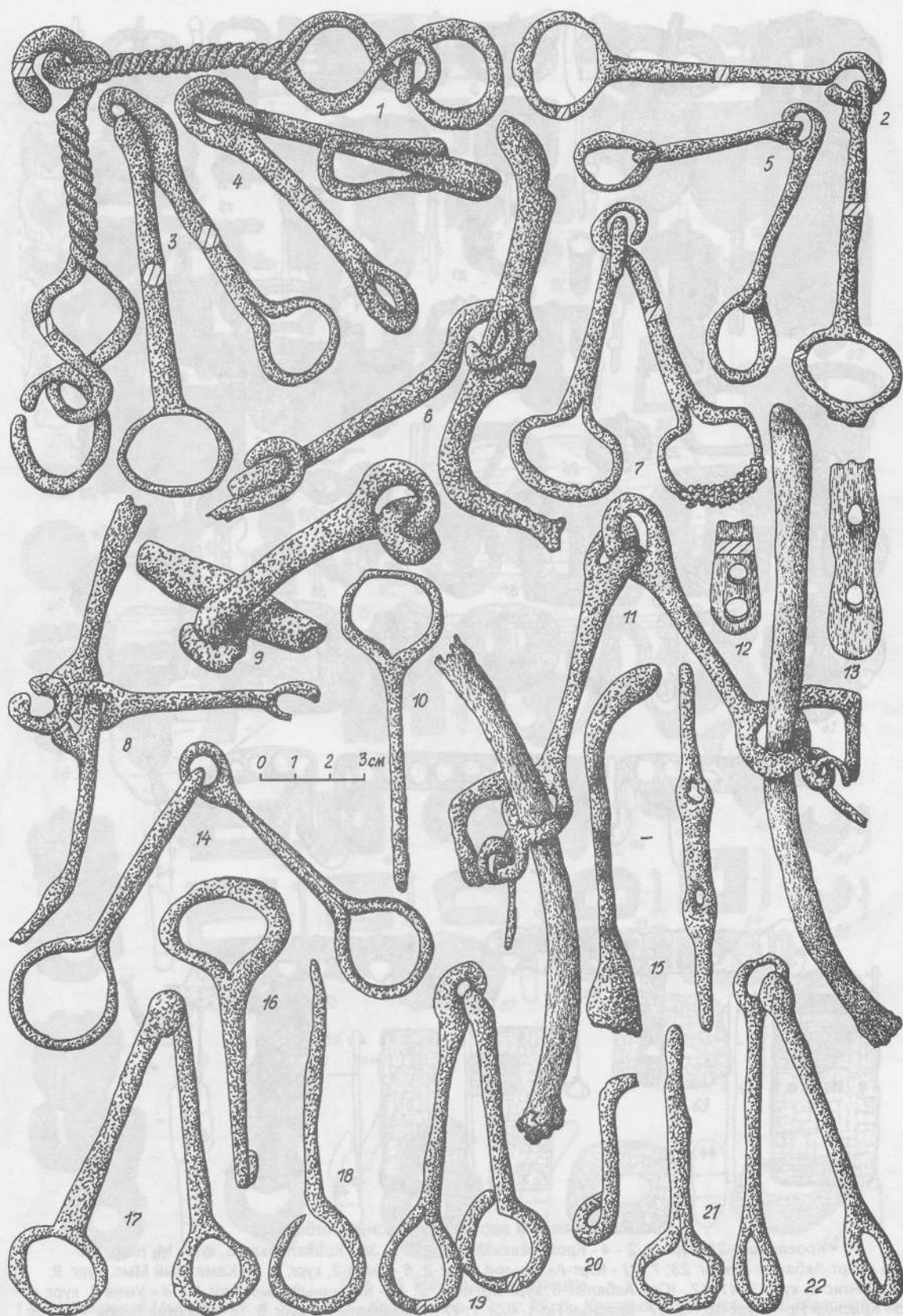

Рис. 24. Предметы конской упряжи.

- 1 - Каменный Мыс, кург. 15, насыпь; 2, 3, 17 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17; 4, 15 - Крохалевка-23, кург. 12;
 5 - Черное Озеро-1, кург. 10; 6 - Каменный Мыс, кург. 10; 7 - Крохалевка-23, кург. 2; 8 - Красный Яр-1, кург. 10;
 9 - Каменный Мыс, кург. 9, погр. 2; 10 - Черное Озеро-1, кург. 6; 11 - Чингис-2, кург. 1; 12 - Юрт-Акбалык-8, кург. 16;
 13 - Юрт-Акбалык-8, кург. 7; 14 - Умна-2, кург. 1, насыпь; 16 - Черное Озеро-1, кург. 1; 18 - Юрт-Акбалык-8, кург. 20;
 19 - Черное Озеро-1, кург. 12; 20, 21 - Черное Озеро-1, кург. 11;
 22 - Крохалевка-23, кург. 6 (11 (псалии), 12, 13 - кость; остальное - железо).

Рис. 25. Пряжки и застёжки, поясные наборы.

- 1 - Крохалевка-23, кург. 2; 2 - 4 - Крохалевка-23, кург. 1; 5, 38 - Крохалевка-23, кург. 14, погр. 5;
 6 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23; 7, 31 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2; 8 - Умна-2, кург. 1; 9 - Каменный Мыс, кург. 9;
 10 - Чингис-2, кург. 3; 11, 12 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 2; 13 - Каменный Мыс, кург. 8; 14 - Умна-3, кург. 4;
 15 - Красный Яр-1, кург. 10; 16, 27 - Красный Яр-1, кург. 7; 17 - Крохалевка-23, кург. 5; 18 - Высокий Борок, кург. 15;
 19 - Умна-2, кург. 1; 20 - Каменный Мыс, кург. 9, погр. 1; 21 - Каменный Мыс, кург. 8; 22 - Умна-3, кург. 11;
 23 - Красный Яр-1, кург. 1, погр. 1; 24, 29 - Умна-3, кург. 3; 25 - Чучка-7; 26 - Юрт-Акбалык-8, кург. 22;
 28 - Каменный Мыс, кург. 19; 30 - Высокий Борок, кург. 6; 32 - Черное Озеро, кург. 6; 33 - Юрт-Акбалык-8, кург. 1;
 34 - Юрт-Акбалык-8, кург. 20; 35 - Юрт-Акбалык-8, кург. 26; 36 - Черное Озеро-1, кург. 10;
 37, 44 - Юрт-Акбалык-8, кург. 8; 39 - Черное Озеро-1, кург. 11; 40 - Юрт-Акбалык-8, кург. 27;
 41 - Ордынское-1, кург. 8; 42 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 1 (реконструкция А.П. Бородавского);
 43 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 2 (реконструкция А.П. Бородавского); 45, 46 - Юрт-Акбалык-8, кург. 17
 (1, 2, 17, 26, 29 - 41, 44 - 46 - железо; 21 - бронза, железо; 42, 43 - кожа, бронза; остальное - бронза).

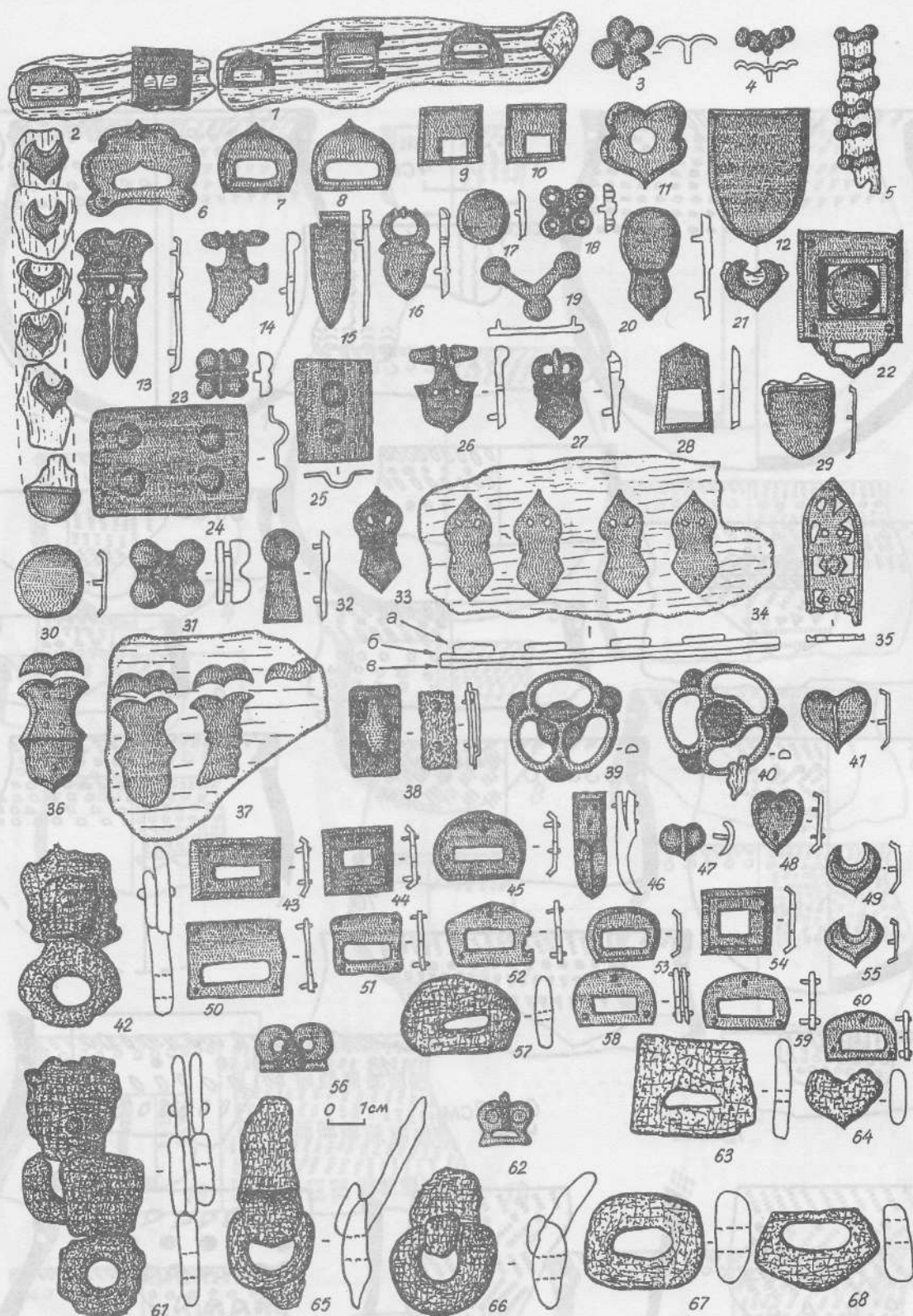

Рис. 26. Накладные бляшки.

- 1 - 3 - Каменный Мыс, кург. 9; 4, 11, 12, 22 - Красный Яр-1, кург. 29; 5 - Красный Яр-1, кург. 10; 6 - Красный Яр-1; 7, 8 - Красный Яр-1, грунт. погр. 2; 9, 10 - Красный Яр-1, грунт. погр. 3; 13 - Умна-2, кург. 1; 14 - Умна-3, кург. 20; 15 - 20, 23, 26 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 1; 21 - Умна-3, кург. 11; 24, 25 - Красный Яр-1, кург. 7; 27, 28, 35 - Юрт-Акбалык-8, кург. 23, погр. 2; 29 - Каменный Мыс, кург. 9; 30-32 - Красный Яр-1, кург. 20, насыпь; 33, 34, 36, 37 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2, погр. 1; 38 - Ордынское-1, кург. 1; 39 - 41, 57, 63, 64 - Чингис-2, кург. 3; 42, 61 - Крохалева-23, кург. 2; 43 - 47, 49, 53-55 - Каменный Мыс, кург. 7; 48 - Каменный Мыс, кург. 8; 50 - 52, 58 - 60 - Чингис-2, кург. 1; 56 - Юрт-Акбалык-8, кург. 11; 62 - Умна-3, кург. 24; 65 - 67 - Чингис-2, кург. 7; 68 - Юрт-Акбалык-4, кург. 2 (1, 2, 5, 34, 37, 40 - бронза, кожа; 38, 56, 62 - бронза, железо; 42, 57, 61, 63, 68 - железо; остальное - бронза).

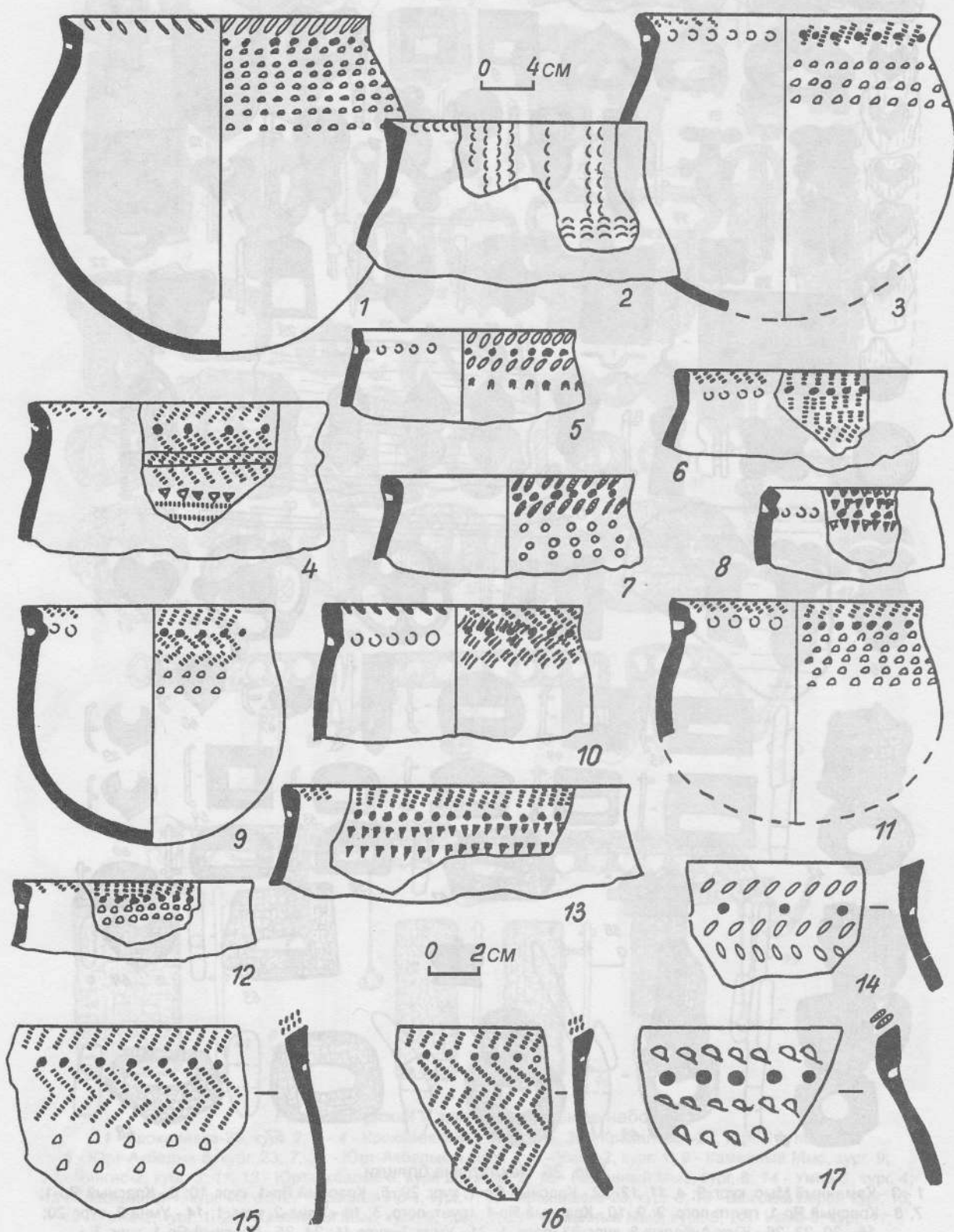

Рис. 27. Керамика одинцовского этапа из городищ.

1 - 7 - Черный Мыс-1; 8 - 11 - Ирмень-3; 12 - Дубровинский Борок-6; 13 - Вьюны-11; 14 - 17 - Юрт-Акбалык-5.

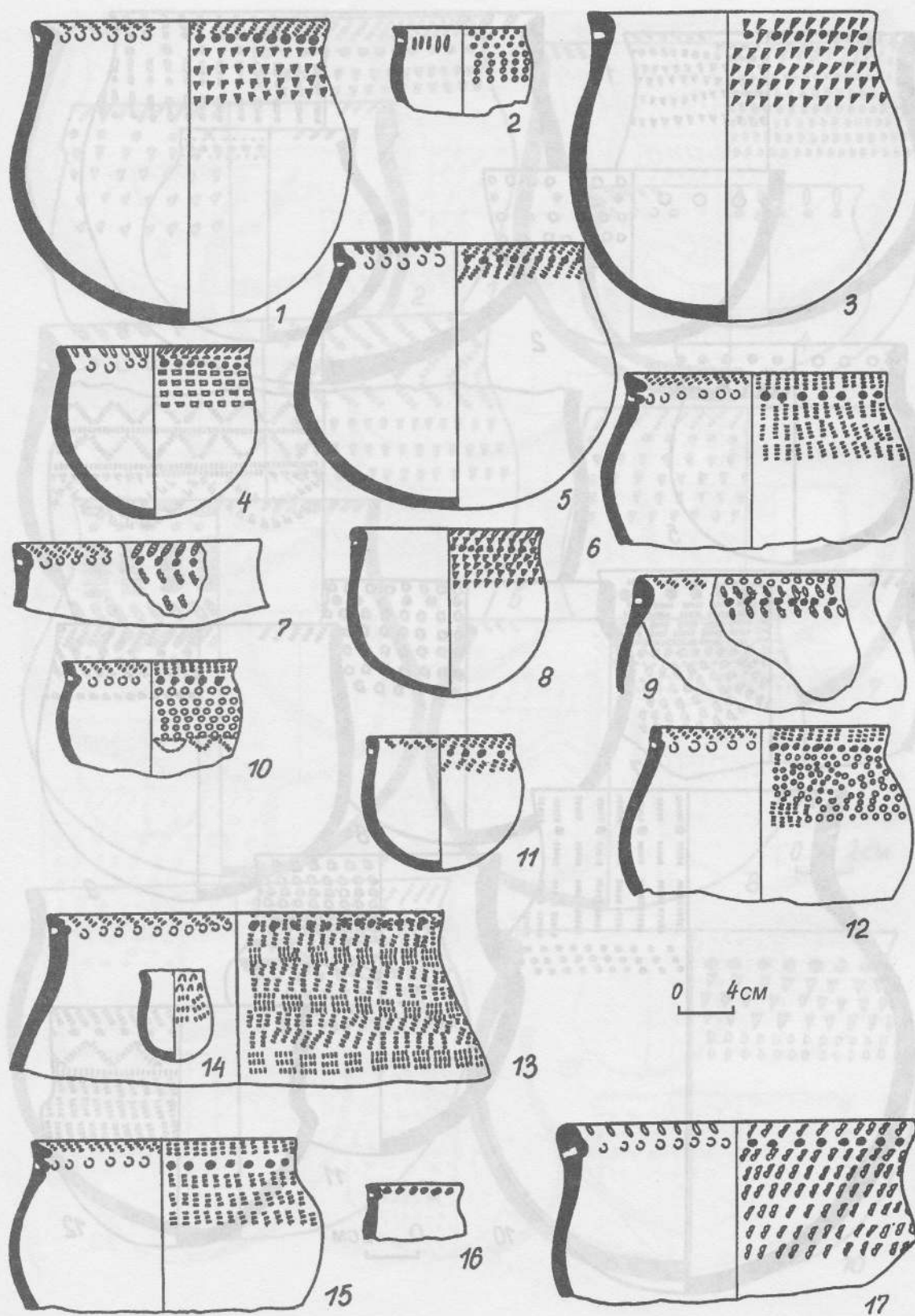

Рис. 28. Керамика одиновского этапа из городищ Черный Мыс-2.

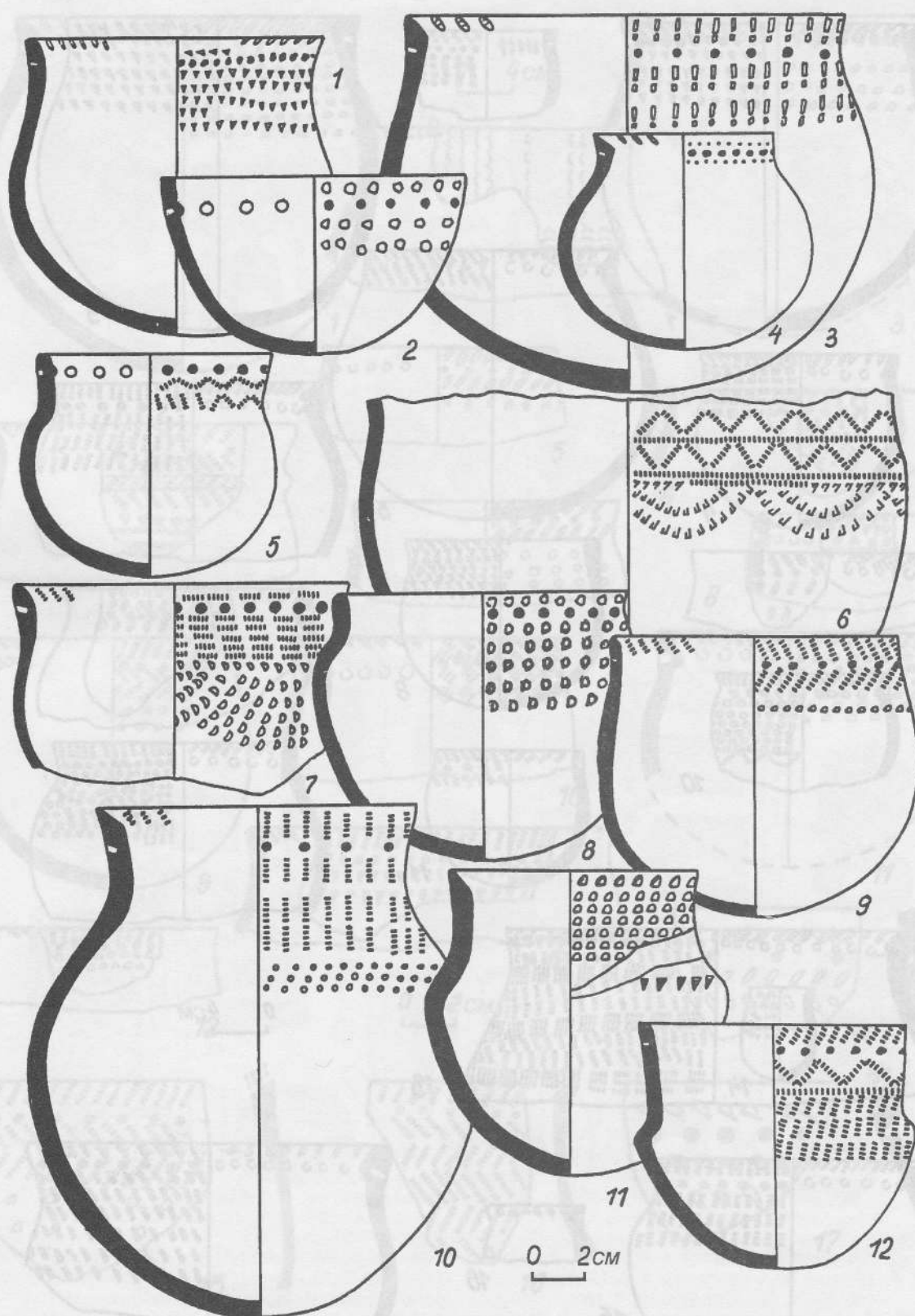

Рис. 29. Керамика одиновского этапа из могильника Крохалевка-23.

1 - кург. 1; 2 - кург. 10; 3 - кург. 14, насыпь; 4 - кург. 14, мог. 8; 5, 6, 10 - кург. 8;

7 - кург. 14, мог. 6; 8 - кург. 11; 9 - кург. 7; 11, 12 - кург. 6.

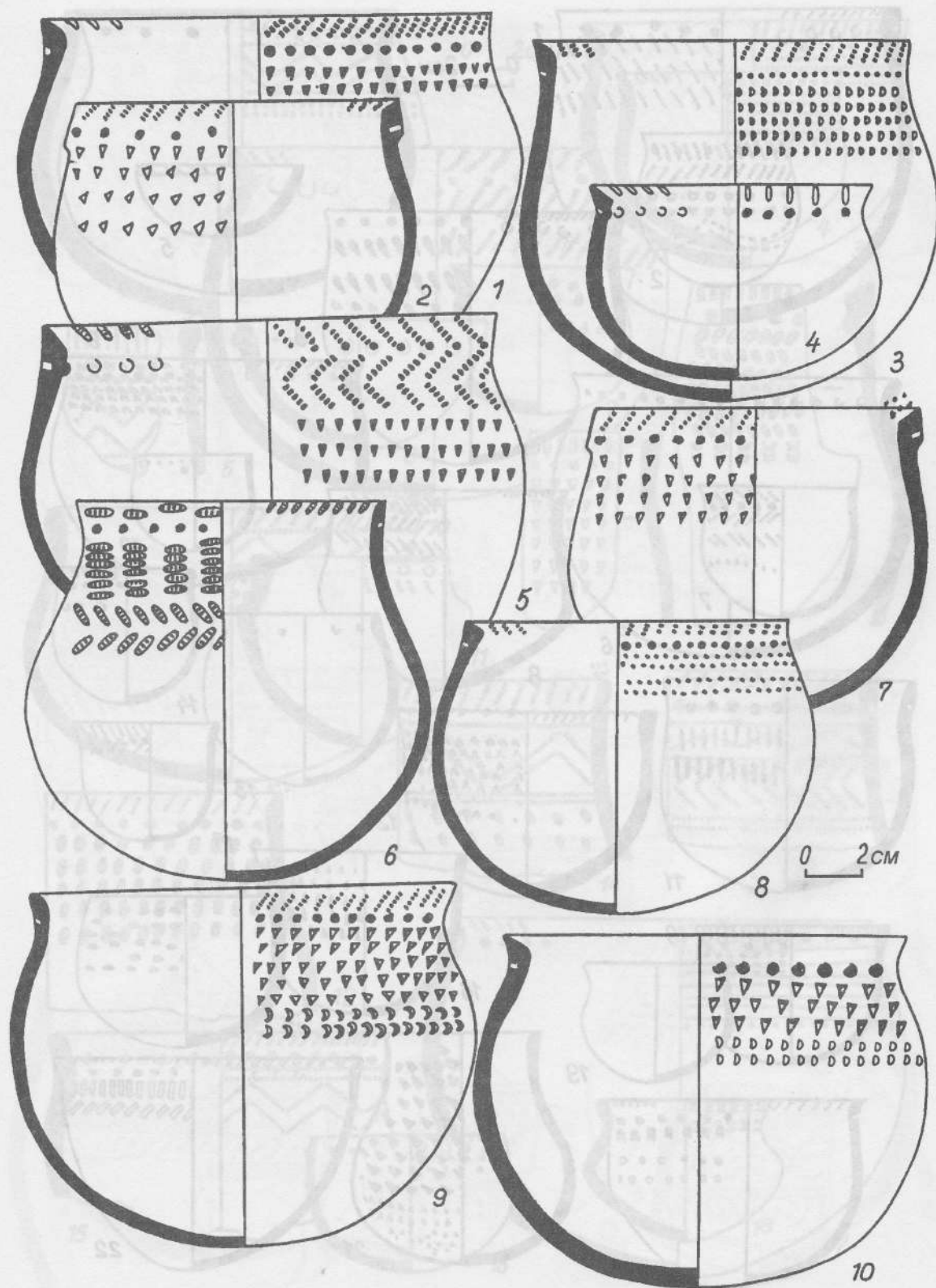

Рис. 30. Керамика одинцовского этапа из могильников.

1 - 8 - Крохалевка-23: 1 - кург. 14, мог. 2, 7 - кург. 14, мог. 6, 3 - 5 - кург. 14, мог. 4, 6 - кург. 14, мог. 8, 8 - кург. 14, мог. 3; 9 - 10 - Черное Озеро-1: 9 - кург. 1, 10 - кург. 10.

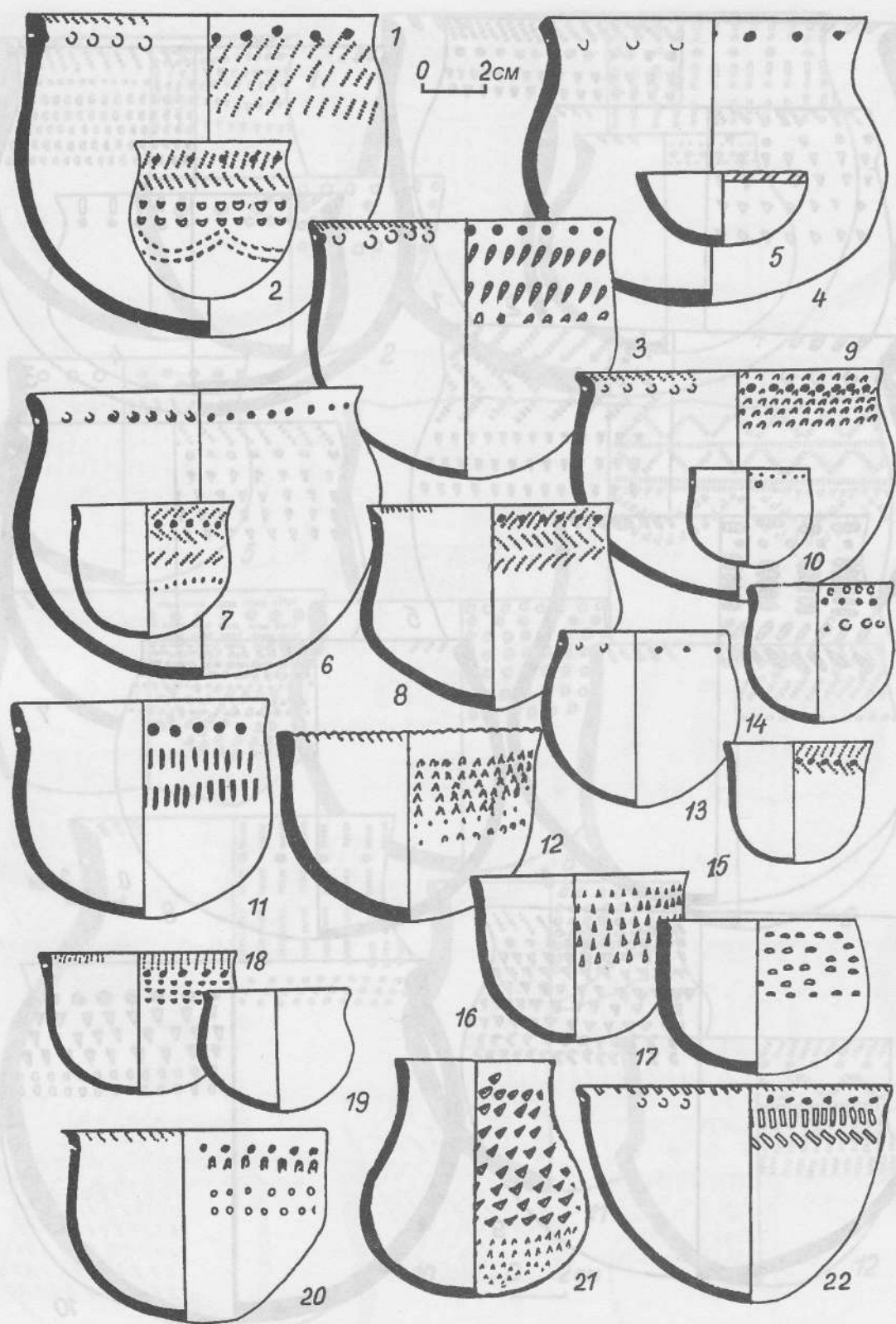

Рис. 31. Керамика одинцовского этапа из могильников.

1 - 17 - Юрт-Акбалык-8: 1 - кург. 17, мог. 2, 2 - кург. 13, 3 - кург. 17, мог. 1, 4, 17 - кург. 30, 5 - 7, 10 - кург. 20, 8 - кург. 17, насыпь, 9, 12, 16 - кург. 21, 11 - кург. 28, 13 - 15 - кург. 18; 18 - 20 - Ирмень-4: 18, 20 - кург. 1, 19 - кург. 2; 21, 22 - Дубровинский Борок-5: 21 - кург. 1, 22 - кург. 2.

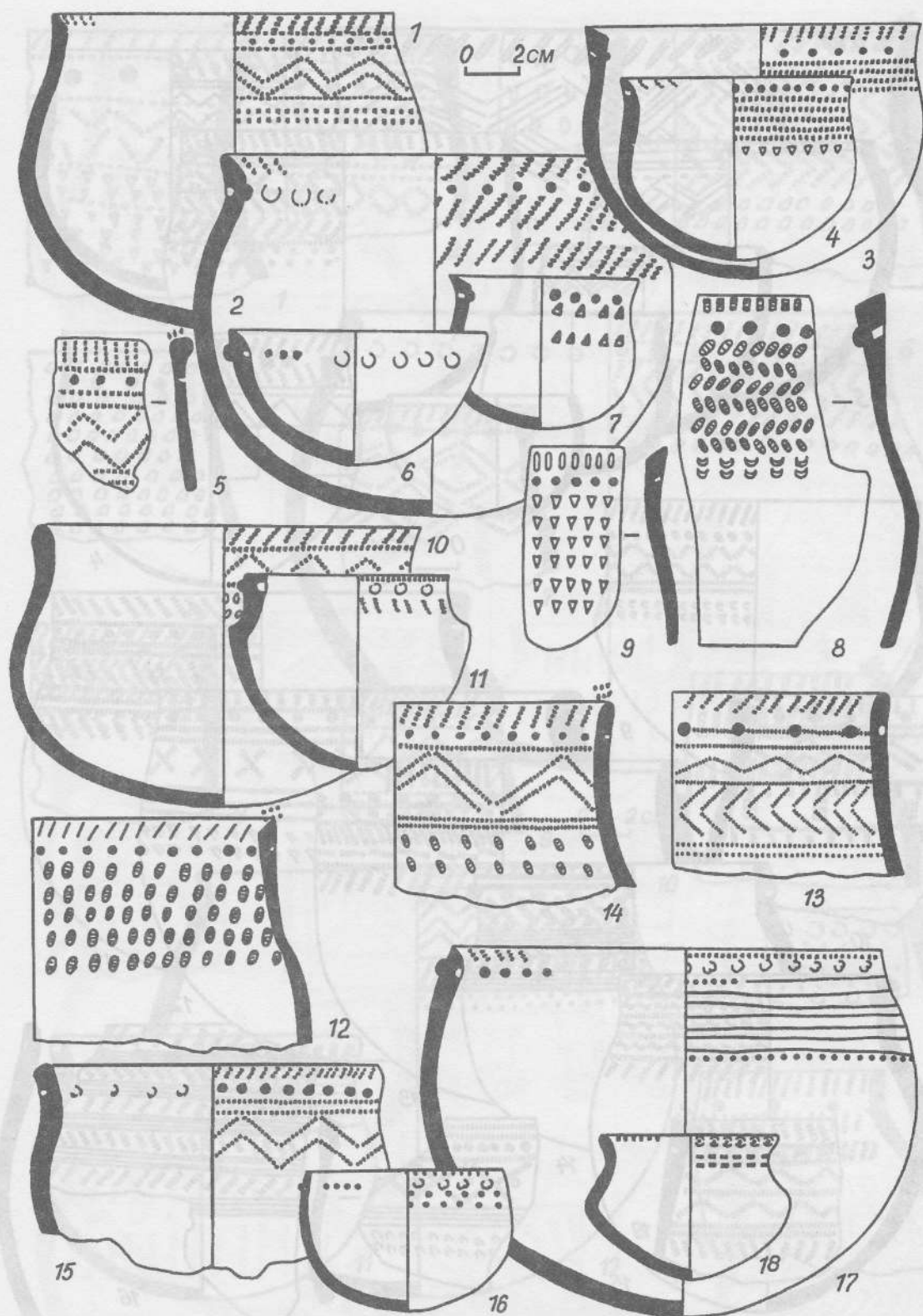

Рис. 32. Керамика тимирязевского этапа из могильников.

1 - 10, 12, 13 - Юрт-Акбалык-8: 1, 2 - кург. 26, 3 - кург. 9, 4, 8 - кург. 27, 5 - кург. 16, 6, 7 - кург. 23, 9, 12, 13 - кург. 11; 10 - кург. 5;
 11 - Юрт-Акбалык-4, кург. 1; 14, 15 - Красный Яр-1: 14 - кург. 5, 15 - кург. 36;
 16 - 18 - Умна-3: 16, 17 - кург. 20, 18 - кург. 8.

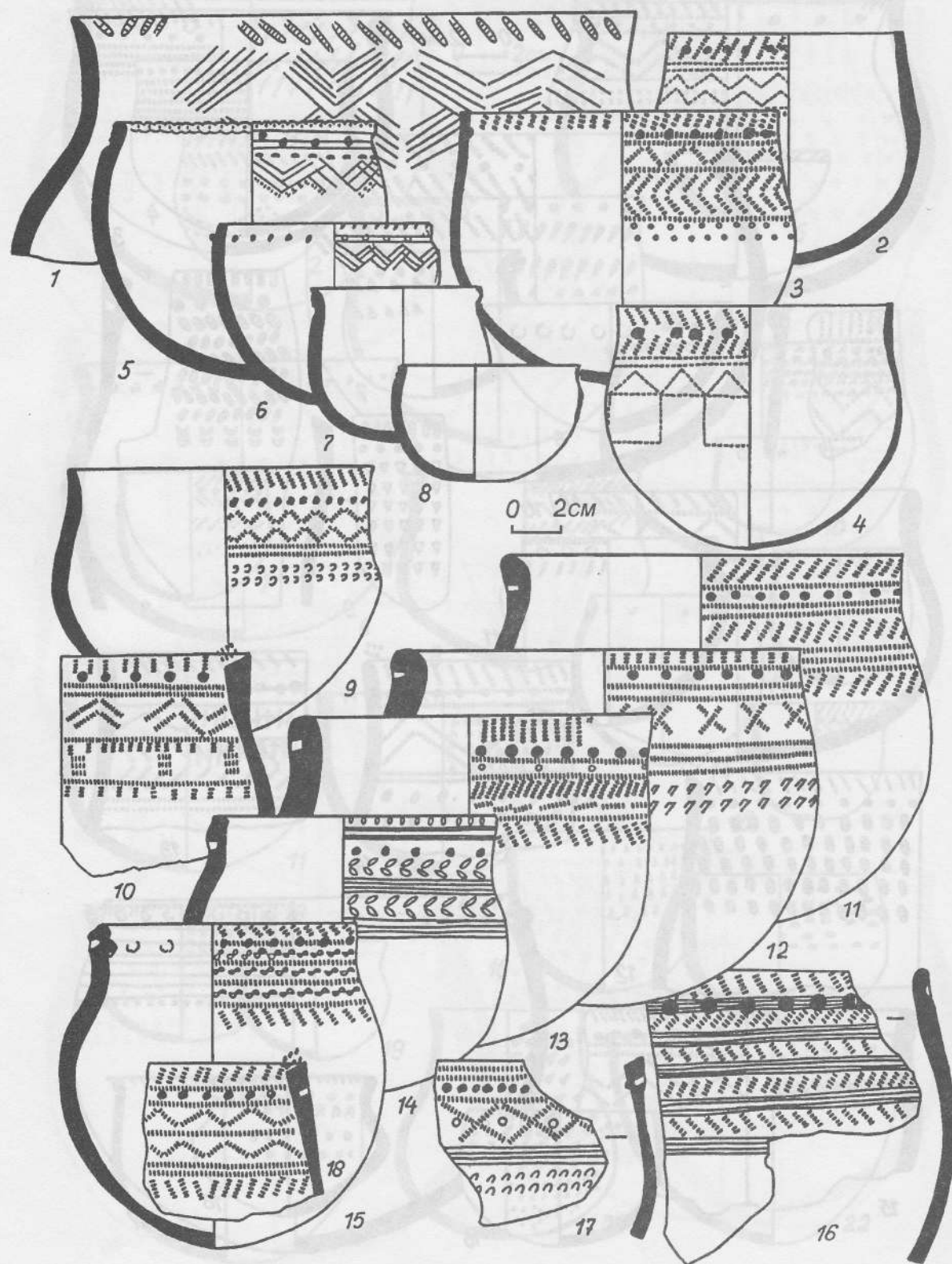

Рис. 33. Керамика тимирязевского этапа из могильников.

1 - 4 - Высокий Борок: 1, 3 - кург. 15, 2 - кург. 6, 4 - кург. 13;
 5 - 8 - Юрт-Акбалык-11: 5 - кург. 4, 6 - кург. 5, 7, 8 - кург. 2;
 9, 10, 18 - Черное Озеро-1: 9 - кург. 13, 10, 18 - кург. 11;
 11 - 17 - Ордынское-1: 11, 17 - кург. 2, 12 - кург. 23, 13 - кург. 24, 14 - кург. 1, 15, 16 - кург. 20.

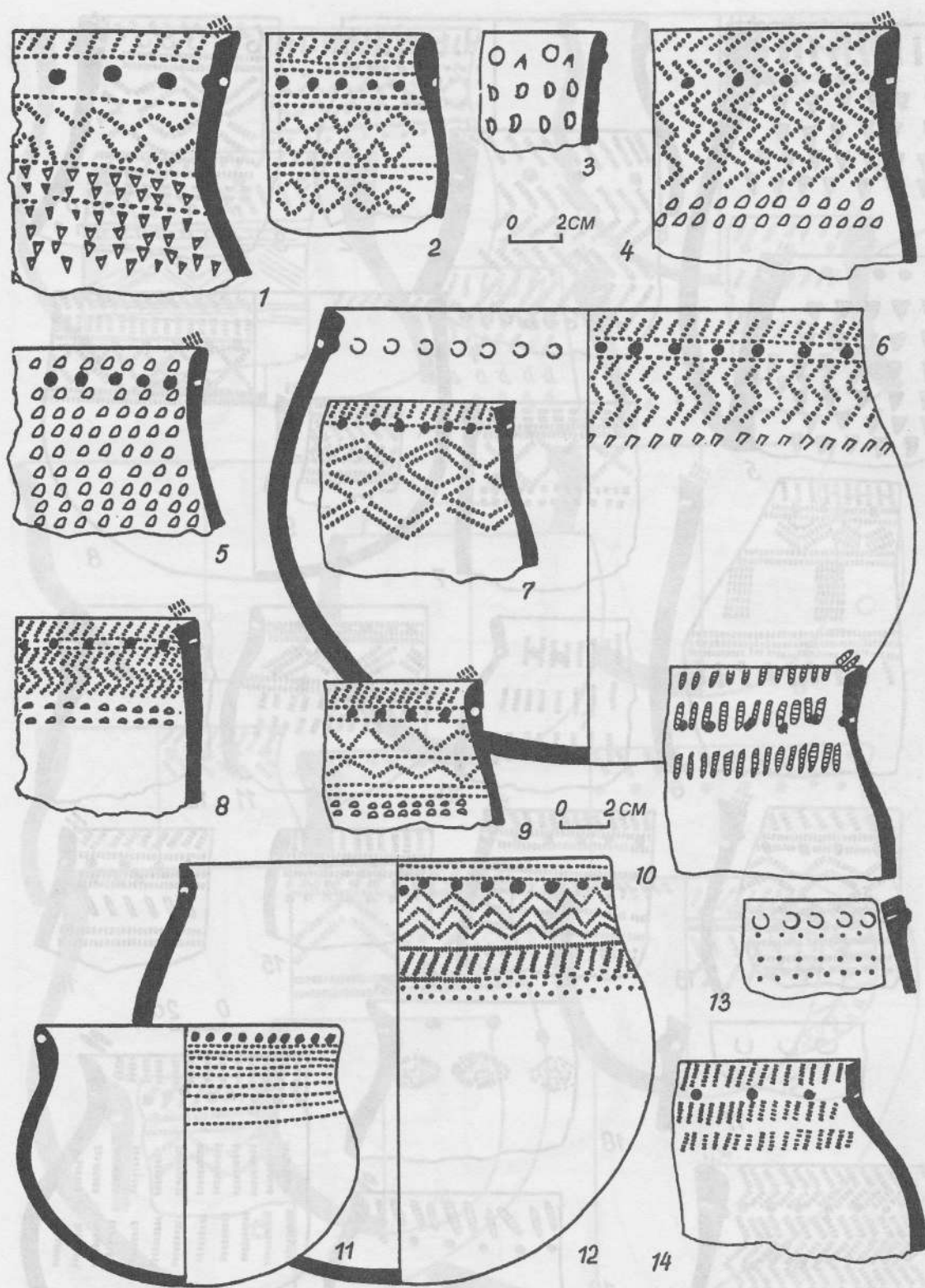

Рис. 34. Керамика тимирязевского этапа из городищ и поселений.

1 - Ирмень-1; 2 - 5 - Чучка-7; 6 - 9 - Соколово-Колывань-3;

10 - 11 - III Кordon-2; 12 - Завьялово-2; 13, 14 - Юрт-Акбалык-9.

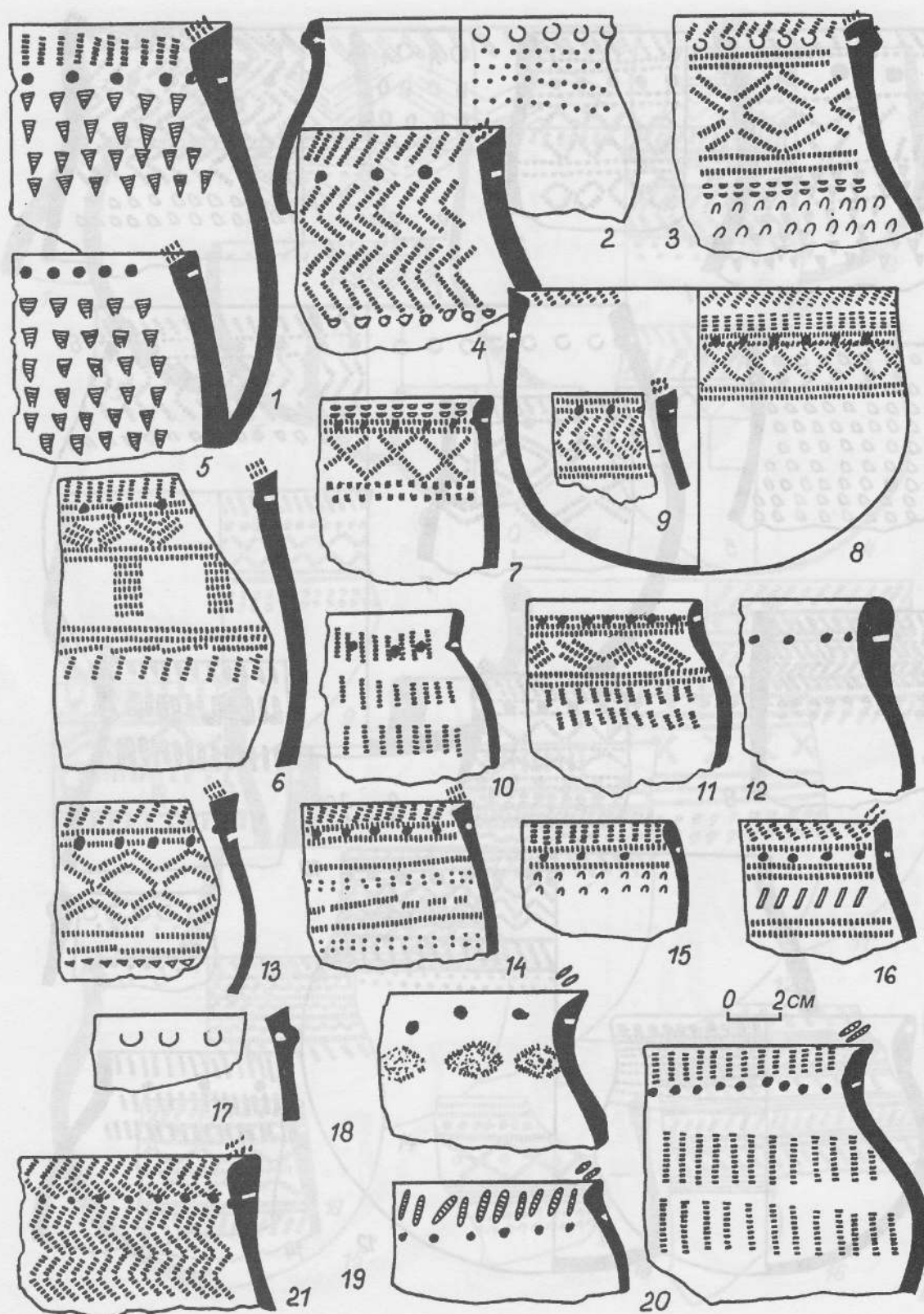

Рис. 35. Керамика тимирязевского этапа из городищ и поселений.
 1 - 5 - Ирмень-5; 6 - 14 - Крохалевка-Соколово-5; 15, 16 - Крутоборка-1;
 17 - 20 - Вьюны-18; 21 - Крохалевка-Соколово-6.

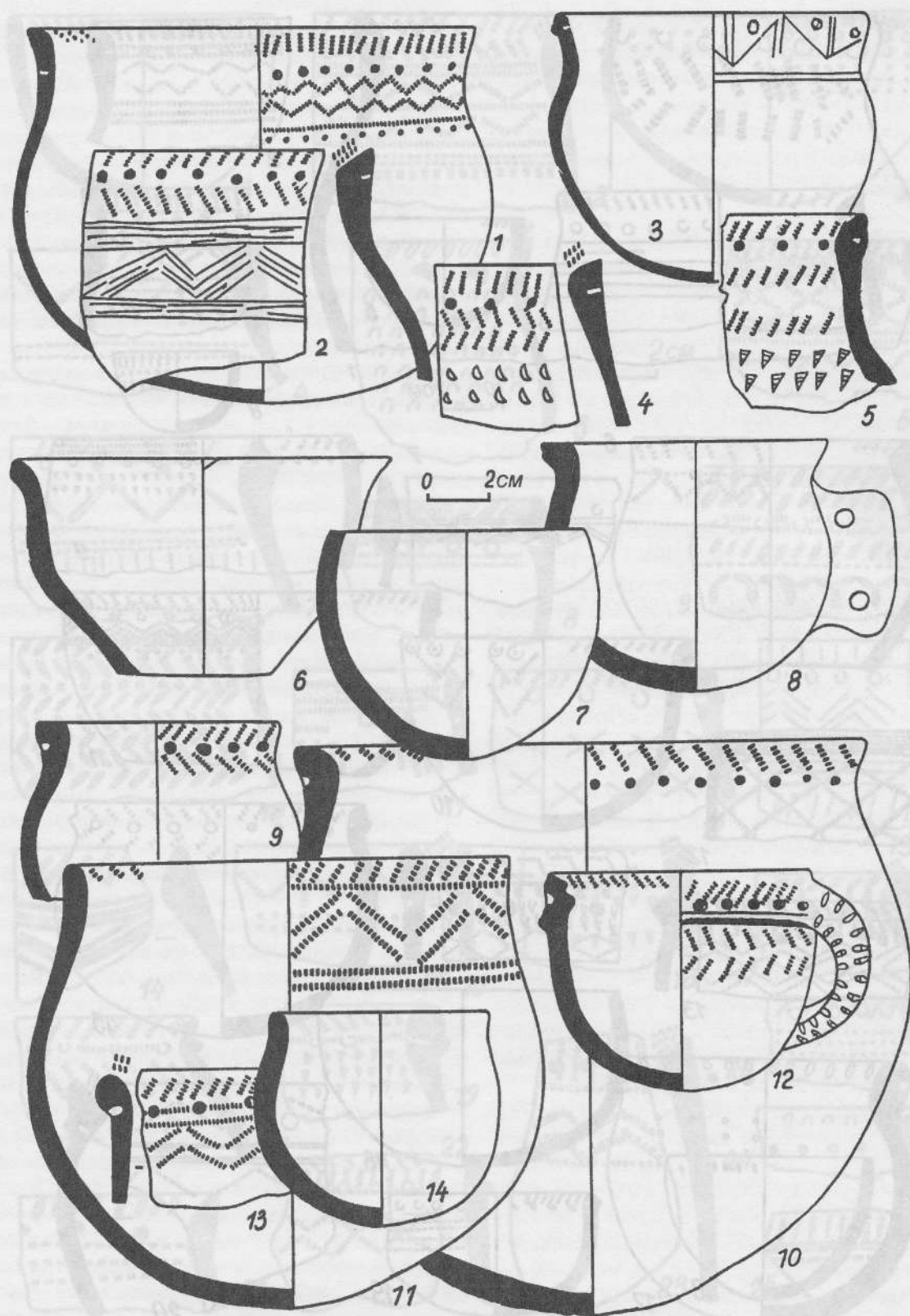

Рис. 36. Керамика юрт-акбалыкского этапа из могильников.

1 - 5 - Крохалевка-13: 1, 4, 5 - кург. 8, 2 - кург. 5, 3 - кург. 6; 6 - 8 - Каменный Мыс, кург. 21 - 22; 9 - 14 - Чингис-2: 9 - кург. 3, 10, 11, 13 - кург. 7, 12 - кург. 1, 14 - кург. 5 (6 - дерево; остальное - глина).

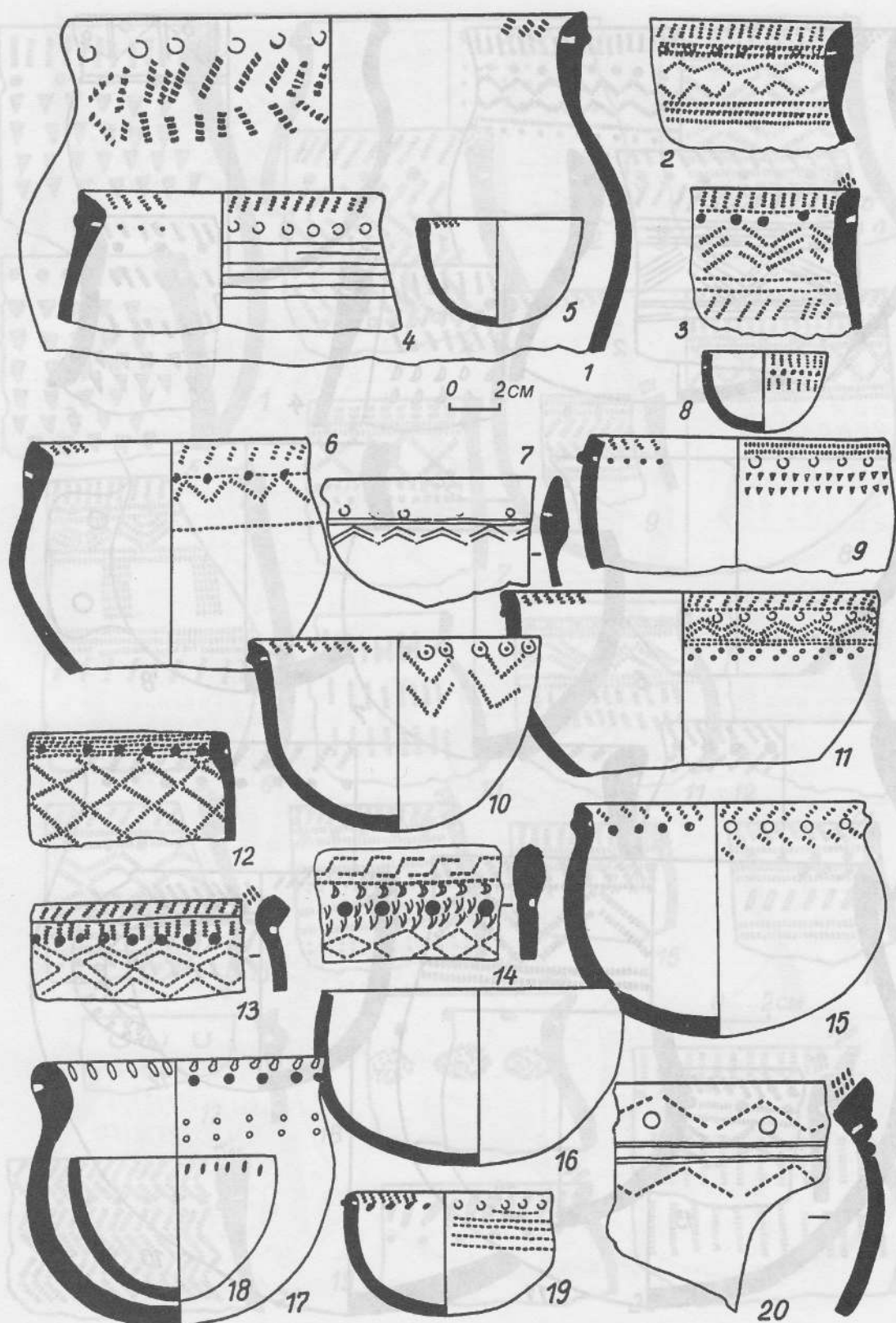

Рис. 37. Керамика юрт-акбалыкского этапа из могильников.

1 - 11 - Красный Яр-1: 1, 6, 10 - кург. 1, 2 - кург. 25, 3 - кург. 6, 4, 7 - раскоп 1, 5 - кург. 11, 8, 9 - кург. 24, 11 - кург. 17 - 18; 12 - 20 - Умна-3: 12 - 14 - кург. 9, 15 - кург. 21, 16 - кург. 11, 17 - кург. 22, 18, 20 - кург. 18, 19 - кург. 19.

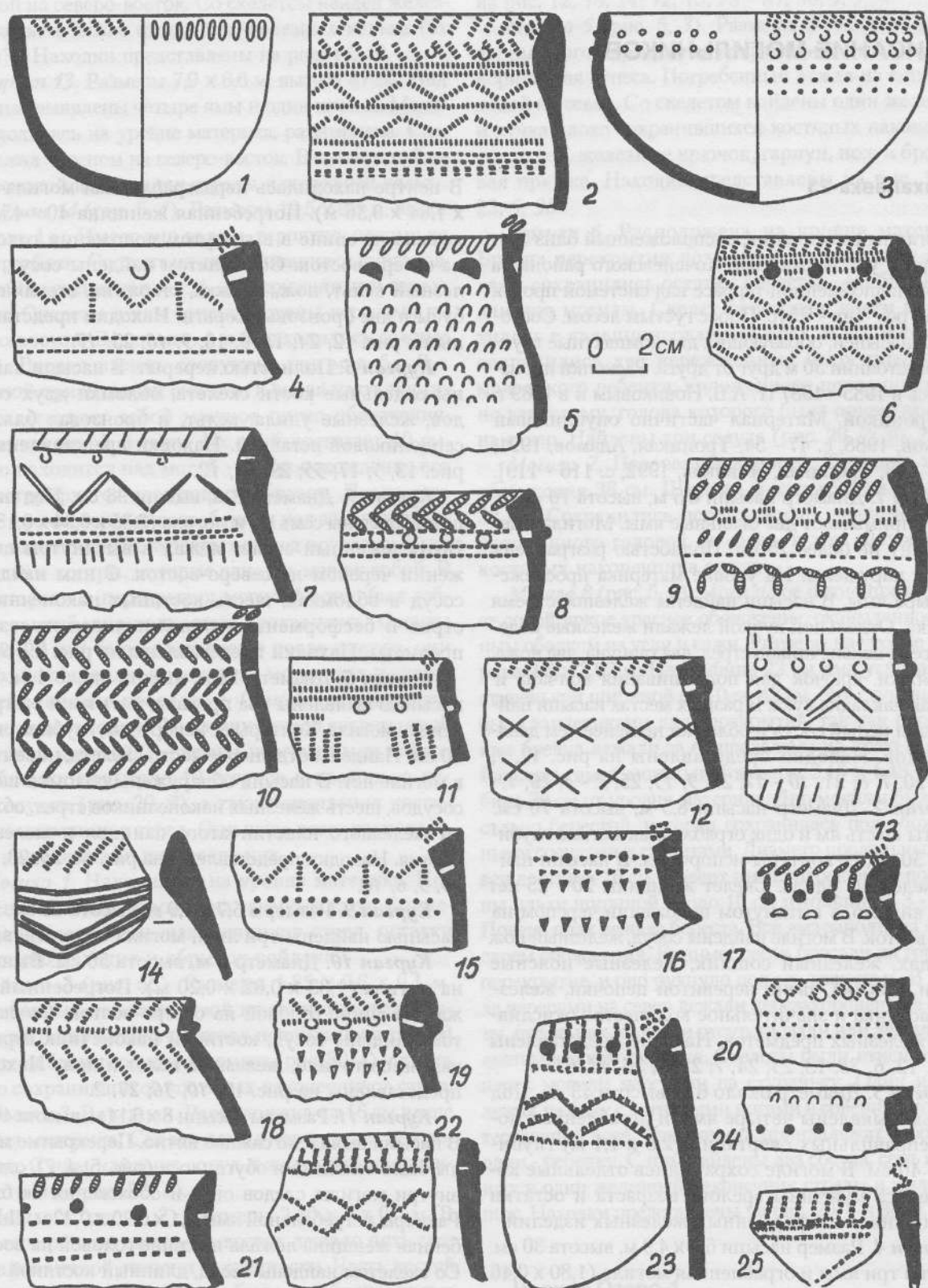

Рис. 38. Керамика юрт-акбалыкского этапа из поселений и городищ.

1 - 13 - Юрт-Акбалык-1; 14 - Крохалевка-11а; 15 - Юрт-Акбалык-4; 16 - Марахта-2; 17 - 20 - Красный Яр-3;
21, 24 - Юрт-Акбалык-3; 22, 23, 25 - Турист-2.

ОПИСАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ

Крохалевка-23

Курганный могильник, расположенный близ Новосибирска у с. Крохалевка Коченевского района на высокой надпойменной террасе над системой проток и стариц рек Чик - Чаус. Порос густым лесом. Состоял из 22 насыпей, образующих две компактные группы на расстоянии 50 м друг от друга. Раскопки производились в 1985 - 1987 гг. А.В. Новиковым и в 1989 г. Т.Н. Троицкой. Материал частично опубликован [Новиков, 1988, с. 47 - 54; Троицкая, Адамов, 1991, с. 142 - 143; Троицкая, Новиков, 1992, с. 116 - 119].

Курган 1. Диаметр насыпи 6,5 м, высота 70 см. К кургану примыкают две овальные ямы. Могила имеет глубину не более 25 см. Полностью разграблена, контуры нарушены. На уровне материка прослежены четыре ямы. В насыпи найдены железное стремя и пряжка. Отдельной кучкой лежали железные изделия: восемь наконечников стрел, два гарпуна, два ножа, три пряжки, крючок для подвешивания колчана и костяная накладка лука. В разных местах насыпи найдены один целый сосуд и обломки не менее чем девяти сосудов. Находки представлены на рис. 12, 1; 14, 10; 20, 7, 8; 21, 10 - 17; 23, 9, 13; 25, 2 - 4; 29, 1.

Курган 2. Диаметр насыпи 8,5 м, высота 70 см. Вскрыты шесть ям и одна ограбленная могила глубиной до 50 см, ее контуры испорчены. В насыпи найдены железные удила. Скелет женщины 20 - 25 лет лежал, видимо, в вытянутом положении черепом на северо-восток. В могиле найдены сосуд, железный нож в ножнах, железный сошник, железные поясные бляшки, пряжка, звено перевитой цепочки, железная пластинка и значительное количество окислившихся железных предметов. Находки представлены на рис. 12, 6, 38; 13, 23; 24, 7; 25, 1; 26, 42, 61.

Курган 3. Диаметр около 6 м, высота 43 см. Под насыпью выявлены четыре ямы и ограбленная могила неправильных очертаний (2,8 x 1,1 м) глубиной до 40 см. В могиле сохранились отдельные кости скелета мужчины зрелого возраста и остатки окислившихся бесформенных железных изделий.

Курган 4. Размер насыпи 6,2 x 4,9 м, высота 30 см. Вскрыты три ямы и ограбленная могила (1,80 x 0,46 x 0,58 м). Сохранились отдельные кости мужчины 40 - 45 лет, видимо, положенного головой на северо-восток, и окислившееся железное колечко.

Курган 5. Диаметр 7,5 м, высота 65 см. В насыпи обнаружено потревоженное погребение собаки.

В центре находилась неразграбленная могила (3,6 x 1,84 x 0,36 м). Погребенная женщина 40 - 45 лет лежала на спине в вытянутом положении головой на северо-восток. Со скелетом найдены сосуд, железный кельт, нож, пряжка, стержень, стеклянные бусы и две бронзовые серьги. Находки представлены на рис. 12, 24; 13, 6; 16, 9, 10; 25, 17.

Курган 6. Полностью перерыт. В насыпи найдены отдельные кости скелета, обломки двух сосудов, железные удила, кельт, и бронзовая бляха с сердоликовой вставкой. Находки представлены на рис. 13, 5; 17, 55; 29, 11, 12.

Курган 7. Диаметр 8 м, высота 98 см. Под насыпью выявлены семь ям и могила (2,35 x 0,94 x 0,13 м). Потревоженный скелет лежал в вытянутом положении черепом на северо-восток. С ним найдены сосуд в обломках, шесть костяных наконечников стрел и бесформенные окислившиеся железные предметы. Находки представлены на рис. 29, 9.

Курган 8. Диаметр 12 м, высота около 1 м. Под насыпью выявлены два прокала, пять ям и разграбленная могила. Контуры ее испорчены, глубина около 40 см. Найдены отдельные кости скелета, инвентаря в могиле нет. В насыпи обнаружены обломки шести сосудов, шесть железных наконечников стрел, обломки железного пластинчатого панциря и железное стремя. Находки представлены на рис. 14, 20; 23, 5, 8; 29, 5, 6, 10.

Курган 9. Размеры 5,7 x 4,9 м, высота 40 см. Под насыпью найдены три ямы, могила отсутствовала.

Курган 10. Диаметр 6 м, высота 50 см. Выявлена могила (1,83 x 0,62 x 0,20 м). Погребенный лежал на спине головой на северо-восток. Со скелетом найдены сосуд, костяной наконечник стрелы, каменное точило, железные кельт и нож. Находки представлены на рис. 12, 10, 36; 27, 2.

Курган 11. Размеры насыпи 8 x 6,14 м, высота 40 см. В насыпи выявлено сажное пятно. Перекрытие могилы было сожжено и обуглилось (рис. 5, 4, 7), однако внутри могилы следов огня и обожжения не было. Размеры погребальной ямы 2,1 x 0,90 x 0,22 м. Погребенная женщина лежала на спине головой на восток. Со скелетом найдены сосуд, длинный костяной нож, девять костяных наконечников стрел, обломки железных удили, каменное точило, железное кольцо. Находки представлены на рис. 12, 9, 37; 14, 5; 29, 8.

Курган 12. Диаметр 6,5 м, высота около 60 см. В насыпи обнаружено скопление вещей: железные уди-

ла с псалиями, обломок бронзовой серьги, одно звено перевитой цепочки, обломок сосуда. Размеры могилы 2,14 x 1,28 x 0,18 м. Погребенный лежал на спине головой на северо-восток. Со скелетом найден железный кельт и возле стоп - два железных кольца (от обуви?). Находки представлены на рис. 14, 19.

Курган 13. Размеры 7,9 x 6,6 м, высота 87 см. Под насыпью выявлены четыре ямы и один прокол. Могила находилась на уровне материка, разграблена. Скелет лежал черепом на северо-восток. В насыпи найдены костяной наконечник стрелы и железный кельт.

Курган 14 (рис. 5, 1). Размеры 19,5 x 8,5 м, высота около 1 м. Имеет вид вала и, вероятно, потому не был ограблен. Состоит из двух слившихся курганов. Первый насыпан над мог. 1 - 4, окруженными семью ямами. Скелеты в них ориентированы черепами на северо-восток. Возле мог. 1 и 2 находились сажные пятна. Вторая насыпь сооружена над мог. 5 - 8 с северной ориентацией скелета. Южная часть кургана представляет собой мощное пятно обожжения, скопления углей и саж. Их слой достигает 40 см. Пятно находится над мог. 6 - 8. Происхождение его реконструируется следующим образом. После того как в перечисленных погребениях над захороненными были поставлены перекрытия, над могилами были возведены костры, которые слились между собой. В огне сгорели и перекрытия могил. Костер был заброшен землей, она полностью прокалилась. Сосуды над мог. 6 и 8 были поставлены после пожара, они совсем не обгорели, а сосуды из могил, как и скелеты, были сильно прокалены. Самый южный конец насыпи вместе с мог. 7 был уничтожен современной грунтовой дорогой. В насыпи кургана были найдены обломки примерно 10 сосудов и несколько целых сосудов (рис. 29, 3), а также скопления костяных наконечников стрел. Они чаще всего располагались над могилами или возле них.

Могила 1. Находилась на уровне материка. Погребенный лежал головой на северо-восток. Со скелетом найдены семь наконечников стрел, остатки железного изделия и обрывок войлока.

Могила 2 (рис. 55). Размеры 1,85 x 0,6 x 0,1 м. Погребенный лежал головой на северо-восток, правая рука была вытянута, левая покоилась на тазе. В могиле найдены сосуд в обломках (рис. 30, 1) и кучка плохо сохранившихся костяных наконечников стрел.

Могила 3. Впускная. Расположена на 16 см выше уровня материка. Скелет лежал черепом на северо-восток. С ним найдены сосуд и железный наконечник стрелы (рис. 30, 8).

Могила 4 (рис. 5, 2). Размеры 2,55 x 2 x 0,5 м. В могиле черепами на северо-восток лежало пять скелетов различной степени сохранности. Часть костей отсутствует, хотя могила не была ограблена: прямо над ней найдено скопление костяных наконечников стрел. Вероятно, это повторное захоронение. Хорошо сохранился лишь скелет 5. В могиле найдены обломки четырех сосудов, 22 костяных наконечника

стрел, кучка спекшихся железных наконечников, три железных ножа и четыре бусинки (сердоликовая, две стеклянных и лигнитовая). Находки представлены на рис. 12, 16; 14, 12; 15, 78 - 81; 30, 3, 5.

Могила 5 (рис. 5, 3). Размеры 2 x 1 x 0,4 м. От деревянного перекрытия сохранились лишь следы - коричневая супесь. Погребенный лежал на спине головой на север. Со скелетом найдены один железный и кучка плохо сохранившихся костяных наконечников стрел, железные крючок, гарпун, нож и бронзовая пряжка. Находки представлены на рис. 12, 5; 25, 5, 38.

Могила 6. Расположена на уровне материка. Бревна перекрытия полностью сгорели, под сосудами сохранились остатки бересты - ею был выстлан пол могилы. Скелет пережжен, кости превратились в кальцинированный прах. В его изголовье сохранились две пережженные бедренные кости маленького ребенка, положенного перпендикулярно взрослому, голова которого была ориентирована на север. Найдены три сосуда (рис. 29, 7; 30, 2, 7).

Могила 7. Перерезана дорогой. Толщина пятна обожжения 36 см. Ширина могилы 98 см, глубина 32 см. Сохранились пережженный череп человека, положенного головой на север, и три обожженных костяных наконечника стрел.

Могила 8 (рис. 5, 6). Могильное пятно представляет собой яркое красное обожжение, окаймленное черным ободком из угля и саж. Размеры на уровне материка 2,6 x 2,07 м. На глубине 22 см яма углублялась ступенькой шириной от 10 до 42 см. Эта ступенька не была заплечиками для перекрытия, так как продольные бревна лежали за ее пределами на краю могилы. Размеры самой могильной камеры 2,15 x 1,43 м, глубина 30 см от уровня материка. Дно могилы было выстлано берестой, которая сохранилась под обожженными сосудами и скелетами. Диаметр продольных бревен достигал 16 см. Поверх них поперек были положены плахи шириной около 10 см и толщиной 3 - 4 см. Поверх плах лежала береста. Вся яма заполнена ярким слоем обожжения. Видимо, песок бросали на горящее перекрытие, и оно рухнуло под его тяжестью. В могиле черепами на север лежали перезахороненные скелеты, отдельные их кости отсутствовали или лежали не в анатомическом порядке. Скелеты были втиснуты поперек могилы черепами на ступеньку. Один из них лежал на боку с согнутыми ногами в совершенно неестественной позе. Три скелета принадлежат взрослым, один - ребенку. С ним найдены два сосуда, семь костяных и один железный наконечник стрелы и железный нож. Находки представлены на рис. 29, 4 и 30, 6.

Черное Озеро-1

Комплекс памятников, расположенный на расстоянии 10 км к востоку от р.п. Колывань на длинной гряде берега Черного Озера - старицы, находя-

шейся в обской пойме. Раскопки производились Т.Н. Троицкой и Е.А. Сидоровым в 1982 и 1983 гг. В состав комплекса входят поселения кротовской и еловской культур и курганы ирменской и верхнеобской культур. Могильник состоит из 38 насыпей, вытянутых на увале с севера на юг. Материал частично опубликован [Троицкая, 1989б, с. 47 - 54].

Курган 1. Диаметр 7 м, высота 40 см. Сооружен на поселении кротовской культуры. Под насыпью вскрыты могила и серия ям, из которых четыре относятся ко времени сооружения могилы. В одной из них найдены сосуд (рис. 30, 9) и истлевшие конские кости. Размеры могилы 1,9 x 0,64 x 0,15 м. Погребенный мужчина 25 - 30 лет лежал головой на северо-восток в вытянутом положении, руки покоились на лобке (рис. 6, 1). Со скелетом найдены обломок железного стержня, шесть железных наконечников стрел, железные пряжка и нож. Над могилой и рядом с ней в насыпи обнаружены железные удила и кельт (рис. 13, 3; 21, 8, 9, 18, 24, 28; 24, 16).

Курган 3. Диаметр 8 м, высота 40 см. Сооружен на месте поселения еловской культуры. В насыпи найдены обломки сосуда и скопление углей, а под ней выявлены две могилы и несколько ям, из которых не менее трех с сажным заполнением относились ко времени сооружения кургана.

Могила 1. Размеры 1,93 x 1 x 0,2 м. Ограблена. Кости мужчины 50 лет перемещены, - видимо, скелет лежал черепом на северо-восток. Найдены две бронзовые бусинки (рис. 15, 82, 83).

Могила 2. Размеры 2 x 1,12 x 0,57 м. Впущена в яму эпохи бронзы. Скелеты женщины 40 - 45 лет и ребенка 5 - 6 лет лежали черепами на северо-восток. В изголовьях найдено семь бронзовых бусинок (рис. 6, 2; 15, 84 - 91).

Курган 4. Диаметр 6,8 м, высота 36 см. Под насыпью выявлен ров диаметром около 6,6 м. Ширина его 40 - 46 см, глубина 17 - 20 см. Он имеет вид несомкнутого конца с проходом на северо-востоке. Могила (2,28 x 0,8 x 0,3 м) имела форму вытянутой трапеции. Погребенный лежал на спине со слегка поджатыми ногами, кисти рук располагались выше таза. В могиле найдены две бронзовые бусины на узеньком ремешке, бронзовая бляшка, две стеклянные и три бронзовые бусины (рис. 6, 3, 5; 15, 96).

Курган 5. Овальный, размеры 9x5,4 м, высота 30 см. В насыпи найдены два камня ручной мельницы (рис. 13, 20). Могила размерами 1,8 x 0,8 x 0,22 м оказалась пустой, полностью разграбленной.

Курган 6. Диаметр 8 м, высота 30 см. Под насыпью обнаружены могила и две ямы. Могила (1,8 x 0,8 x 0,1 м) частично разграблена. Скелет мужчины 40 - 50 лет лежал черепом на восток. На шейных позвонках найдена бронзовая гривна. Со скелетом также обнаружены железные удила, пряжка и остаток непонятного изделия (рис. 15, 1; 24, 10; 25, 32).

Курган 10. Разграблен туристами, вещи переданы в НГПИ. Погребенный лежал на спине головой

на восток. Со скелетом найдены бронзовая серьга, крупная халцедоновая бусина, костяные и железные наконечники стрел. При исследовании насыпи найдены сосуд, железные удила и кельт (рис. 15, 10; 16, 11; 21, 7; 24, 5; 25, 36; 30, 10).

Курган 11. Внешних признаков не имел. При раскопках еловского поселения обнаружена могила размерами 2,1 x 0,9 м (рис. 6, 8), расположенная чуть ниже уровня материка. Погребенный мужчина возмужалого возраста лежал на спине головой на восток, руки покоились на лобке. Со скелетом найдены четыре железных и один костяной наконечник стрелы, железные пряжки, в насыпи - железные удила, кельт и бронзовая подвеска (рис. 13, 4; 19, 12; 21, 19, 29, 47; 24, 20, 21; 25, 39; 32, 10, 18).

Курган 12. Внешних признаков не имел. Могила (1,7 x 0,7 x 0,16 м) выявлена при раскопках еловского поселения. Она содержала скелет женщины 18 - 20 лет. Погребенная была ориентирована головой на юго-восток, кисти лежали на лобке. Найдены четыре костяных наконечника стрел, железные браслет, пряжка, нож, сошник и округлая галька. В насыпи обнаружены железные удила (рис. 13, 21; 15, 5; 24, 19).

Курган 13. Вскрыт при раскопках еловского поселения. Могила расположена в культурном слое. В ней найден скелет женщины 35 - 40 лет. Погребенная лежала на спине головой на северо-восток, кисти рук находились на лобке. Со скелетом обнаружены железные пряжка, нож и сошник (рис. 13, 22; 32, 9).

Курган 14. Диаметр 5 м, высота 30 см. Под насыпью обнаружена могила и две ямы с темным сажным заполнением. Скелет плохой сохранности лежал черепом на северо-восток, на черепе сохранился обрывок бересты. В могиле прослежены остатки четырех продольных плах, четыре стеклянных бусины и ажурная прямоугольная пластина (рис. 6, 7; 15, 92 - 95; 17, 54).

Курган 15. Диаметр 7 м, высота около 40 см. Под насыпью выявлена могила (1,9 x 0,6 x 0,3 м) и пять окружавших ее ям с темным сажным заполнением. Погребенный был положен головой на северо-восток, кисть левой руки лежала на лобке. Со скелетом найдены шесть костяных наконечников стрел, костяная подпружная пряжка и железный перстень (рис. 6, 4, 6; 15, 8; 20, 9).

Юрт-Акбалык-8

Курганный могильник, расположенный на левом берегу р. Уень, протекающей в пойме Оби, у с. Юрт-Акбалык Колыванского района близ границы с Томской областью. Состоял из 52 насыпей со следами ограбления, порос кедровым лесом. Т.Н. Троицкой в 1963, 1964 и 1975 гг. было раскопано 36 курганов, из которых восемь оказались совершенно пустыми. Материал частично опублико-

ван [Троицкая, 1981, с. 101 - 120; Троицкая, Боровский, 1990, с. 150 - 157].

Курган 1. Диаметр 5,6 м, высота 40 см. В могиле (2,1 x 1,16 x 0,1 м) лежал скелет мужчины 60 лет. Погребенный был положен на спину головой на северо-восток, ноги его были согнуты в коленях и распались по сторонам (рис. 7, 1). Череп подвергнут искусственной деформации. Со скелетом найдены две железные пряжки, нож и пять наконечников стрел (рис. 12, 12; 22, 25 - 29).

Курган 2. Диаметр 6 м, высота 40 см. Под насыпью выявлены две могилы и яма с темным сажным заполнением.

Могила 1. Впускная. Погребенный мужчина лежал на спине головой на юго-восток. Со скелетом найдены два звена перевитой цепочки (рис. 23, 8).

Могила 2 (рис. 7, 5). Размеры 1,88 x 0,8 x 0,12 м. В могиле найден скелет женщины с кольцевой деформацией черепа. Она была положена в вытянутом положении головой на северо-восток. На черепе сохранились следы бронзовой ленты-диадемы. Найдены также железные поясные пластины, кельт, нож, обломки пряжки, остатки бронзового рассыпавшегося изделия и остатки узкого ремня (плет?), лежавшего вдоль скелета.

Курган 3. Диаметр 6,5 м, высота 48 см. В могиле (рис. 7, 2) размерами 1,9 x 0,7 x 0,12 м лежал скелет мужчины 50 - 60 лет с деформированным черепом. Умерший был положен в вытянутом положении головой на северо-восток. Со скелетом найдены обломки железных удилищ, железный нож, каменное пряслице и пять костяных наконечников стрел. В насыпи обнаружен обломок сосуда одиновского типа (рис. 14, 1; 22, 24).

Курган 4. Диаметр 5 м, высота 40 см. В могиле (1,86 x 1 x 0,15 м) черепом на северо-восток лежал скелет. С ним найдены сосуд и железный нож.

Курган 5. Диаметр 4,8 м, высота 26 см. В могиле (1,78 x 0,8 x 0,1 м) лежал скелет возмужалого мужчины черепом на восток (рис. 7, 9). С ним найдены остатки железной гривны, железные прямоугольные пластины, нож, кельт, обломок каменного точила и сосуд (рис. 13, 1; 15, 2; 32, 10).

Курган 6. Диаметр 5,6 м, высота 52 см. Могила повреждена грабителями и нарушена корнями кедра, контуры ее не прослежены. В изрытой яме найдены четыре китайские монеты и 16 конских бабок (рис. 17, 46).

Курган 7. Диаметр 4,8 м, высота 20 см. В могиле (1,7 x 0,6 x 0,2 м) находился непогребенный скелет, у которого отсутствовала кисть левой руки. Погребенный лежал в вытянутом положении головой на северо-восток. С ним найдены семь костяных наконечников стрел, железные пряжка, миниатюрный и обычный ножи, кельт и костяной чумбур (рис. 12, 14; 22, 11, 12; 24, 13).

Курган 8. Диаметр 4,7 м, высота 26 см. В могиле (1,6 x 0,75 x 0,2 м) лежал скелет мужчины, ориентированный на северо-восток, череп у него отсут-

ствовал. С ним найдены пять костяных и три железных наконечника стрел, железные поясные бляшки, 11 прямоугольных железных пластинок, бронзовая подвеска, две железные пряжки и кольцо (рис. 7, 4; 14, 4; 21, 1 - 6; 22, 36, 55; 25, 37, 44).

Курган 9. Диаметр 4 м, высота 0,18 м. В могиле (1,8 x 0,74 x 0,1 м) сохранился лишь череп скелета, ориентированного на северо-восток. С ним найдены железный нож и сосуд (рис. 32, 3).

Курган 10. Диаметр 4,6 м, высота 22 см. В могиле (2 x 1,5 x 0,15 м) на левом боку с согнутыми руками и ногами лежали два погребенных. Они были ориентированы головами на северо-восток. Скелеты были перезахоронены, у одного из них отсутствовал ряд костей, хотя могила не была потревожена. С ними найдены четыре костяных наконечника стрел (рис. 7, 8; 14, 3).

Курган 11. Диаметр 6 м, высота 22 см. В насыпи обнаружены следы тризны: обломки трех сосудов и один целый сосуд (рис. 29, 9, 12, 13). В могиле (1,8 x 0,8 x 0,2 м) на спине головой на восток лежал погребенный, его ноги были согнуты в коленях и распались по сторонам. С ним найдены железные прямоугольные пластинки, бронзовые пряжки и ворворка, а также непонятный железный предмет (рис. 26, 56; 32, 9, 12, 13).

Курган 13. Диаметр 5 м, высота 30 см. В насыпи найден потревоженный скелет собаки. Могила (1,7 x 0,8 x 0,12 м) разграблена, сохранились отдельные кости взрослого человека, положенного головой на северо-восток. В могиле найдены два костяных наконечника стрел, обломок сосуда, сломанная бронзовая бляха с изображением трех голов медведей (рис. 14, 2, 18, 20; 22, 44; 31, 2).

Курган 14. Диаметр 4,8 м, высота 15 см. В могиле (1,35 x 0,65 x 0,14 м) был погребен ребенок 10 - 12 лет. Он был положен на спину, головой на восток, ноги его были слегка согнуты в коленях. Со скелетом найдены железные прямоугольные пластинки, железный нож, бронзовый бубенчик с ремешком и остатком меха, на котором он лежал (рис. 12, 15; 17, 47).

Курган 16. Диаметр 5 м, высота 55 см. В насыпи найдены обломки четырех сосудов. Могила (1,67 x 0,6 x 0,54 м) разграблена. Сохранились остатки скелета, положенного черепом на северо-восток, наконечники стрел (один железный и один костяной), костяные чумбур, пряжка и железный нож (рис. 24, 12; 32, 5).

Курган 17. Диаметр около 6 м, высота 25 см. В насыпи обнаружены скопления предметов: две пары железных удилищ и два почти целых сосуда. Под насыпью выявлены две могилы и яма с обожженными, разрубленными конскими костями. Заполнение ямы сажное. Находки из насыпи представлены на рис. 24, 2, 3, 17; 31, 8.

Могила 1. Детская, размеры 1,3 x 0,6 x 0,15 м. Скелет ребенка около 6 лет лежал черепом на северо-

ро-восток. С ним найдены две позолоченные двойные стеклянные бусинки, железный нож и железное шило с костяной рукоятью. В области пояса и груди погребенного обнаружены три бронзовые бляхи с изображением трех голов медведей, костяная пуговица и один сосуд. Материал представлен на рис. 13, 19; 15, 74; 18, 17 - 19; 31, 3.

Могила 2 (рис. 7, 3). Размеры 1,95 x 1 x 0,2 м. Погребенный лежал головой на северо-восток, кисти рук покоились на лобке. Со скелетом найдены железные удила, сошник, нож, прямоугольная пластина, пять стеклянных позолоченных бусинок и сосуд. Материал представлен на рис. 12, 10; 13, 24; 15, 69 - 73; 25, 45, 46; 31, 1.

Курган 18. Диаметр 8,8 м, высота 1 м. В насыпи обнаружены куски охры и угля, 21 костяной наконечник стрелы, три сосуда. Могила находилась на уровне материка. Ее размеры 2,3 x 2 м. В ней лежали пять потревоженных скелетов, - видимо, они были перезахоронены. С ними найдены два железных кельта, миниатюрный ножик и 13 костяных наконечников стрел (рис. 12, 21; 22, 41; 31, 13 - 15).

Курган 19. Диаметр 6 м, высота 40 см. Перерыв гравительскими ямами, контур могилы поврежден. В насыпи выявлены угли, сажа и обломки сосуда. В могиле найдены три костяные заготовки для наконечников стрел, семь обычных костяных наконечников и семь миниатюрных шиловидных (рис. 14, 21; 22, 42, 43, 46).

Курган 20. Диаметр 6 м, высота 30 см. Разграблен. В насыпи найдены кусочки охры, сажа, обломки костей скелетов, четыре миниатюрных железных ножа, обломок железной пряжки, меловая бусина, один костяной наконечник стрелы и три сосуда. Под насыпью выявлены две потревоженные могилы. Находки представлены на рис. 12, 19, 20; 22, 53, 54; 24, 18; 25, 34; 30, 5 - 7, 10.

Могила 1 (рис. 7, 6). Размеры 2,07 x 1,25 м. Находилась на уровне материка. В ней найдены два потревоженных скелета (возможно, перезахороненных), они лежали черепами на северо-восток. С ними находились сосуд и семь костяных наконечников стрел.

Могила 2 (рис. 7, 10). Размеры 2 x 0,8 м. Находилась на уровне материка, скелет потревожен, лежал черепом на восток. С ним найдены семь костяных наконечников стрел, железные удила и кельт.

Курган 21. Диаметр 6,5 м, высота 1,1 м. Не разграблен. В насыпи обнаружены угли, два сосуда в обломках, пять костяных наконечников стрел и костяной нож. В могиле размерами 2 x 1,6 x 0,4 м (рис. 7, 11) черепами на север лежали два скелета. С одним обнаружены семь костяных наконечников стрел и железный сошник, с другим - шесть костяных и один железный наконечник стрелы. В могиле найден один сосуд (рис. 12, 13; 13, 26; 22, 52; 31, 9, 12, 16).

Курган 22. Диаметр 6,5 м, высота 60 см. Ограблен, контуры могилы повреждены. В насыпи най-

дены обломки сосуда и обломок железного предмета. В могиле обнаружены отдельные кости человека, бронзовая умбоновидная бляшка, железный нож и пряжка (рис. 12, 2; 17, 30; 25, 26).

Курган 23. Содержал две богатые детские могилы. Весь материал опубликован [Троицкая, Бородавский, 1990, с. 149 - 162].

Курган 24. Диаметр около 4 м, высота 12 см. В могиле (1,7 x 0,6 x 0,08 м) черепом на северо-восток лежал истлевший скелет. С ним найдены две бронзовые бляшки, железный кельт, обломок железного кольца (удил), костяная пуговица.

Курган 25. Диаметр 6,8 м, высота 20 см. Ограблен, насыпь перерыта. Разрушенная могила располагалась на уровне материка. Из инвентаря сохранились железные кельт и пряжка, один целый сосуд и два в обломках (рис. 13, 7; 29, 1, 2).

Курган 26. Диаметр 7,5 м, высота 40 см. В насыпи найдены остатки кострища, скелет собаки (рис. 7, 7), обломок сосуда и сломанные железные удила с псалием. Под насыпью имелись две могилы.

Могила 1. Детская, впускная, скелет почти полностью истлел. Найдены обрывок ремешка, первитого бронзовой лентой, и сосуд.

Могила 2. Расположена на уровне материка, разграблена. От скелета мужчины осталась лишь кучка костей, здесь же найдены семь железных наконечников стрел, железная пряжка, бронзовая бляшка и железный кельт, находки представлены на рис. 13, 7; 25, 35; 32, 1, 2.

Курган 27. Диаметр 9,2 м, высота 80 см. В насыпи встречены угли, обломки сосудов, пятна обожжения. В могиле (2,15 x 2 x 0,12 м) черепами на северо-восток лежали пять потревоженных (перезахороненных) скелетов: три детских и два взрослых. У одного из погребенных взрослых ноги согнуты в коленях. Со скелетами найдены сосуд, костяной наконечник стрелы и железное изделие (рис. 7, 7; 21, 36 - 38; 25, 40; 32, 4, 5).

Курган 28. Диаметр 9,2 м, высота 80 см. В насыпи найдены захоронение собаки, угли и обломок сосуда (рис. 31, 1). В могиле размерами 2,15 x 2 x 0,12 м обнаружены пять перезахороненных скелетов, три из которых принадлежали детям, два - взрослым. Видимо, погребенные лежали головами на северо-восток, на спине, у одного ноги были согнуты. Могила ограблена. Найдено несколько поврежденных костяных наконечников стрел.

Курган 29. Диаметр 4,8 м, высота 30 см. В насыпи встречен прокол. В могиле (1,7 x 0,65 м), расположенной на уровне материка, найдены скелет, лежавший черепом на северо-восток, и кельт (рис. 13, 2).

Курган 30. Диаметр 4,6 м, высота 18 см. В насыпи найдены обломки сосуда. В могиле (1,72 x 0,98 x 0,2 м) черепом на северо-восток лежал скелет. С ним найдены железный нож и два сосуда (рис. 31, 4, 17).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Спектральный количественный анализ материалов верхнеобской культуры, %

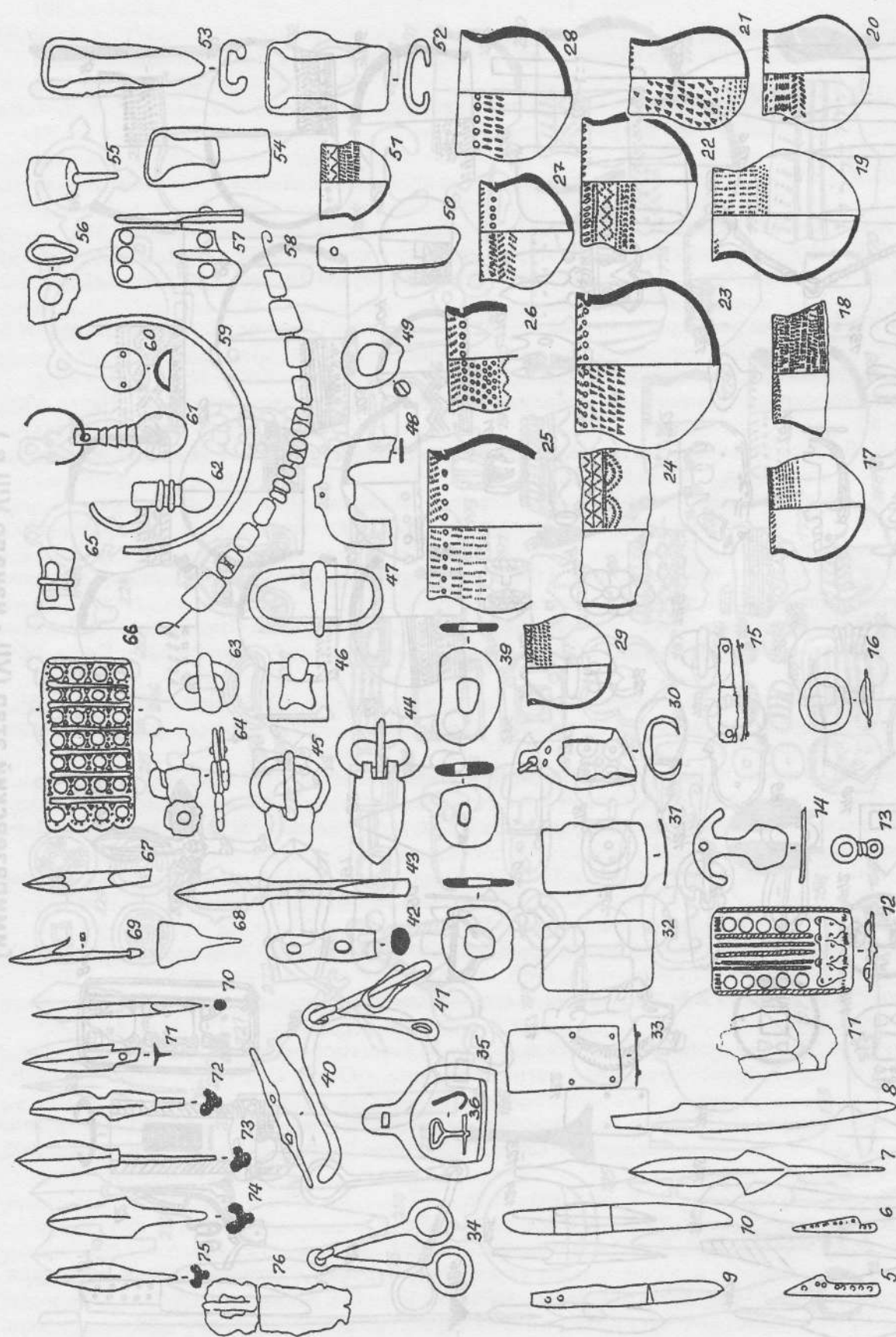
№ п/п	Предмет, № рисунка	Место находки	As	Sn	Pb	Sb	Bi	Ag	Fe	Ni	Co	Zn
1	Бляшка, рис. 26, 44	КМ, кург. 7	0,7	10,0	8,5	0,3	0,06	0,07	0,2	0,11	0,015	0,3
2	Бляшка, рис. 26, 54	"	0,9	11,0	6,5	0,45	0,05	0,1	0,065	0,13	0,02	0,1
3	Бляшка, рис. 24, 43	"	0,7	11,0	4,1	0,27	0,05	0,16	0,1	0,1	0,016	0,36
4	Бляшка, рис. 26, 45	"	0,6	12,0	7,0	0,22	0,05	0,02	0,15	0,1	0,02	0,33
5	Бляшка, рис. 16, 53	"	0,6	10,0	4,0	0,22	0,05	0,13	0,06	0,1	0,013	0,4
6	Серьга, рис. 16, 29	"	0,23	7,5	4,5	0,15	0,04	0,1	0,19	0,065	0,01	12,0
7	Бляшка, рис. 26, 47	"	0,8	12,0	18,0	0,55	0,05	0,1	0,35	0,12	-	0,12
8	Бляшка, рис. 26, 49	"	0,7	9,0	7,5	0,28	0,04	0,27	0,1	0,11	0,015	0,21
9	Бубенчик типа представлен. на рис. 23, 18	"	-	15,0	0,12	-	0,016	0,008	0,24	0,18	0,04	-
10	Подвеска, рис. 16, 46	"	0,33	19,0	1,5	0,2	0,023	0,1	0,8	0,07	0,015	1,5
11	Подвеска, рис. 16, 30	"	0,52	3,5	2,1	0,14	0,032	0,08	0,95	0,04	0,02	7,5
12	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 44	КМ, кург. 9	0,4	3,0	10,0	0,26	0,04	0,03	0,03	0,13	-	0,1
13	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 53	"	0,35	0,8	1,4	0,1	0,021	0,008	0,04	0,035	-	0,1
14	Наконечник ремня	"	0,6	4,3	1,6	0,13	0,037	0,016	0,33	0,1	0,2	0,13
15	Бляшка, рис. 26, 3	"	0,6	6,5	11,0	0,4	0,06	0,12	0,08	0,09	0,009	0,04
16	Пряжка типа представлен. на рис. 25, 9	"	0,2	1,0	4,5	0,035	0,02	0,033	1,1	0,07	0,025	15,0
17	Пряжка типа представлен. на рис. 25, 10	"	0,7	11,0	2,5	0,5	0,055	0,1	1,1	0,03	0,014	0,05
18	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 47	"	1,0	13,0	2,6	0,13	0,05	0,01	0,8	0,05	0,013	0,45
19	Бляшка типа представлен. на рис. 27, 47	"	0,13	13,0	0,7	0,05	0,009	0,009	0,7	0,09	0,013	6,0
20	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 47	"	0,9	8,5	3,5	0,18	0,07	0,01	1,2	0,06	0,017	-
21	Наконечник ремня, рис. 26, 9	"	0,36	6,0	3,6	0,24	0,022	0,005	0,03	0,09	0,006	-
22	Наконечник ремня, рис. 26, 2	"	0,2	7,5	3,6	0,07	0,023	0,007	1,0	0,12	0,014	5,0
23	Подвеска, рис. 16, 32	"	0,17	13,0	1,0	0,05	0,008	0,01	0,85	0,045	0,01	4,5
24	Наконечник ремня целый, рис. 26, 46	"	0,27	1,3	3,4	0,16	0,023	0,75	1,0	0,07	0,027	10,0
25	Обломок наконечника ремня типа № 24	"	0,27	0,9	1,8	0,075	0,024	0,027	1,2	0,04	0,021	10,0
26	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 44	КМ, кург. 8	0,4	4,4	15,0	0,28	0,075	0,12	0,75	0,09	0,008	-
27	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 44	"	0,5	20,0	5,0	0,17	0,02	0,035	0,36	0,06	0,014	0,03
28	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 44	"	0,05	0,03	0,02	0,007	-	0,006	0,1	0,04	-	-
29	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 44	"	0,06	0,025	0,02	0,006	-	0,006	0,11	0,042	-	-
30	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 53	"	0,34	21,0	0,6	0,09	0,011	0,009	0,07	0,04	0,016	-
31	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 58	"	0,2	20,0	0,06	0,013	0,006	0,01	0,45	0,04	0,012	-
32	Пряжка, рис. 25, 21	"	0,4	10,0	1,4	0,17	0,016	1,0	0,05	0,05	0,011	0,12
33	Подвеска, рис. 16, 52	"	0,2	24,0	1,2	0,032	0,01	0,009	0,1	0,05	0,027	0,07
34	Серьга, рис. 16, 17	"	0,07	23,0	0,35	0,005	-	0,006	0,8	0,01	0,009	5,5
35	Бляшка, рис. 26, 48	"	0,18	0,5	0,65	0,05	0,012	0,01	0,014	0,05	0,015	-
36	Подвеска типа представлен. на рис. 23, 2	КМ, кург. 21	0,18	10,0	0,16	0,023	0,009	0,0075	0,8	0,005	0,015	0,09
37	Часть застежки, рис. 25, 28	КМ, кург. 19	0,7	9,0	18,0	1,1	0,09	0,45	0,1	0,04	0,011	1,9
38	Часть застежки, рис. 25, 21	"	0,6	6,0	7,0	0,9	0,075	0,4	0,07	0,065	0,013	3,0
39	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 43	Ум-3, кург. 10	0,4	1,2	1,0	0,05	0,02	0,06	0,008	0,05	-	0,06
40	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 43	"	0,5	1,6	1,3	0,1	0,035	0,03	0,015	0,04	-	0,1
41	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 43	"	0,35	4,0	2,0	0,13	0,036	0,05	0,013	0,1	-	0,08
42	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 43	"	0,4	2,2	0,8	0,08	0,015	0,04	0,009	0,04	-	-
43	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 53	"	0,32	3,2	0,8	0,09	0,016	0,02	0,008	0,06	-	0,05
44	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 53	"	0,4	4,0	1,5	0,13	0,032	0,06	0,011	0,04	-	0,08
45	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 53	"	0,4	3,0	0,9	0,06	0,02	0,02	0,024	0,04	-	0,09
46	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 53	"	0,32	2,0	0,8	0,05	0,02	0,035	0,011	0,04	-	0,06
47	Подвеска, рис. 16, 40	"	0,38	18,0	3,0	0,13	0,02	0,12	0,055	0,14	0,017	0,045
48	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 49	"	0,4	1,7	1,2	0,16	0,012	0,02	0,012	0,07	-	-
49	Подвеска, рис. 16, 41	Ум-3, кург. 22	0,4	10,0	8,0	0,4	0,06	0,11	0,017	0,08	0,015	-
50	Подвеска, рис. 16, 43	"	0,42	13,0	2,4	0,03	0,008	0,01	0,04	0,024	-	-
51	Подвеска, рис. 17, 10	"	0,45	8,0	0,75	0,09	0,035	0,1	0,04	0,06	-	-
52	Бляшка, рис. 17, 13	"	0,4	0,6	0,9	0,11	0,024	0,05	0,007	0,03	-	-
53	Бляшка, рис. 17, 16	"	0,3	7,0	2,2	0,11	0,28	0,01	0,09	0,04	0,016	-
54	Бляшка, рис. 17, 32	"	0,25	11,0	0,6	0,03	0,013	0,02	0,045	0,01	-	-
55	Псевдопряжка, рис. 26, 62	Ум-3, кург. 24	0,28	9,0	15,0	0,24	0,06	0,05	0,1	0,05	0,08	-
56	Бляшка	Ум-3, кург. 25	0,45	13,0	0,9	0,06	0,018	0,024	0,06	0,045	-	-
57	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 50	Ч-2, кург. 1	0,5	6,7	12,0	0,16	0,037	0,022	0,05	0,1	0,012	-
58	Бляшка типа представлен. на рис. 26, 51	"	0,9	9,0	13,0	0,3	0,05	0,06	0,11	0,18	0,023	0,1
59	Бляшка, рис. 26, 59	"	0,7	7,0	10,0	0,8	0,04	0,025	0,1	0,11	0,012	-
60	Бубенчик, рис. 23, 18	"	0,13	8,0	0,06	0,02	0,005	0,014	0,16	0,07	0,008	-
61	Обломок изделия	"	0,13	8,0	0,45	0,018	0,004	0,013	0,1	0,06	0,009	-
62	Бляха с медведями, рис. 18, 20	ЮА-8, кург. 13	0,52	17,0	0,4	0,03	0,026	0,008	0,6	0,07	0,03	1,7
63	Подвеска, рис. 17, 47	ЮА-8, кург. 14	0,5	1,1	0,5	0,32	0,035	0,01	0,007	0,1	0,001	-
64	Фигура человека в круге, рис. 18, 15	Зав-2, сборы	0,21	5,0	2,8	0,09	0,02	0,04	0,4	0,4	-	-

Примечание. Зав - Завьялово, КМ - Каменный Мыс, Ум - Умна, Ч - Чингисы, ЮА - Юрт-Акбалык.

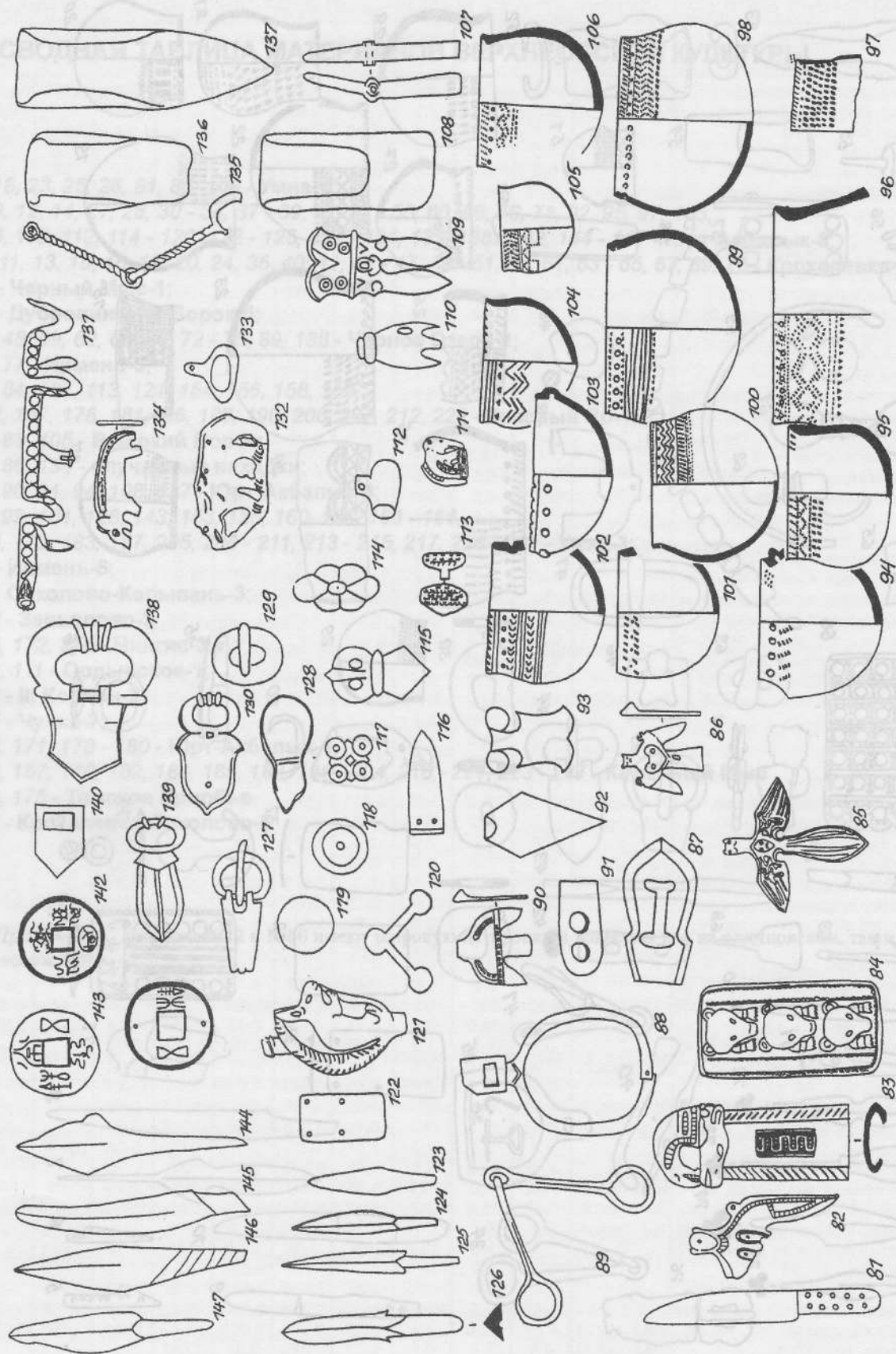
СВОДНАЯ ТАБЛИЦА МАТЕРИАЛОВ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

- 1, 18, 23, 25, 26, 81, 88, 109 - Умна-2;
 5, 6, 12, 14, 27, 28, 30 - 34, 37 - 39, 42, 52 - 55, 60, 66, 70, 71, 92, 95, 97, 103,
 106, 110, 112, 114 - 120, 122 - 125, 127 - 131, 133, 138 - 142, 144 - 147 - Юрт-Акбалык-8;
 7 - 11, 13, 15, 16, 19, 20, 24, 35, 40, 41, 43 - 47, 49 - 51, 56, 61, 63 - 65, 67, 69, 76 - Крохалевка-23;
 17 - Черный Мыс-1;
 21 - Дубровинский Борок-5;
 22, 48, 59, 62, 66, 68, 72 - 75, 89, 136 - Черное Озеро-1;
 57, 77 - Ирмень-3;
 58, 84, 107, 113, 121, 154, 156, 158, 159,
 162, 167, 176, 181, 186, 188, 190, 206, 207, 212, 222 - Красный Яр-1;
 82, 83, 105 - Высокий Борок;
 85, 86, 134 - случайные находки;
 87, 90, 91, 94, 108, 137 - Юрт-Акбалык-4;
 93, 99, 101, 126, 143, 153, 155, 160, 161, 163 - 166,
 169, 173, 183, 187, 205, 208 - 211, 213 - 215, 217, 228 - 231 - Умна-3;
 96 - Ирмень-5;
 98 - Соколово-Колывань-3;
 100 - Завьялово-2
 168, 172, 216 - Чингис-3;
 102, 111 - Ордынское-1;
 132 - III Кордон-2;
 135 - Чучка-7;
 148, 171, 178 - 180 - Юрт-Акбалык-1;
 152, 157, 170, 182, 184, 185, 189, 191 - 204, 218 - 221, 223 - 227 - Каменный Мыс
 174, 175 - Томское Приобье
 177 - Крохалевка-Соколово-5

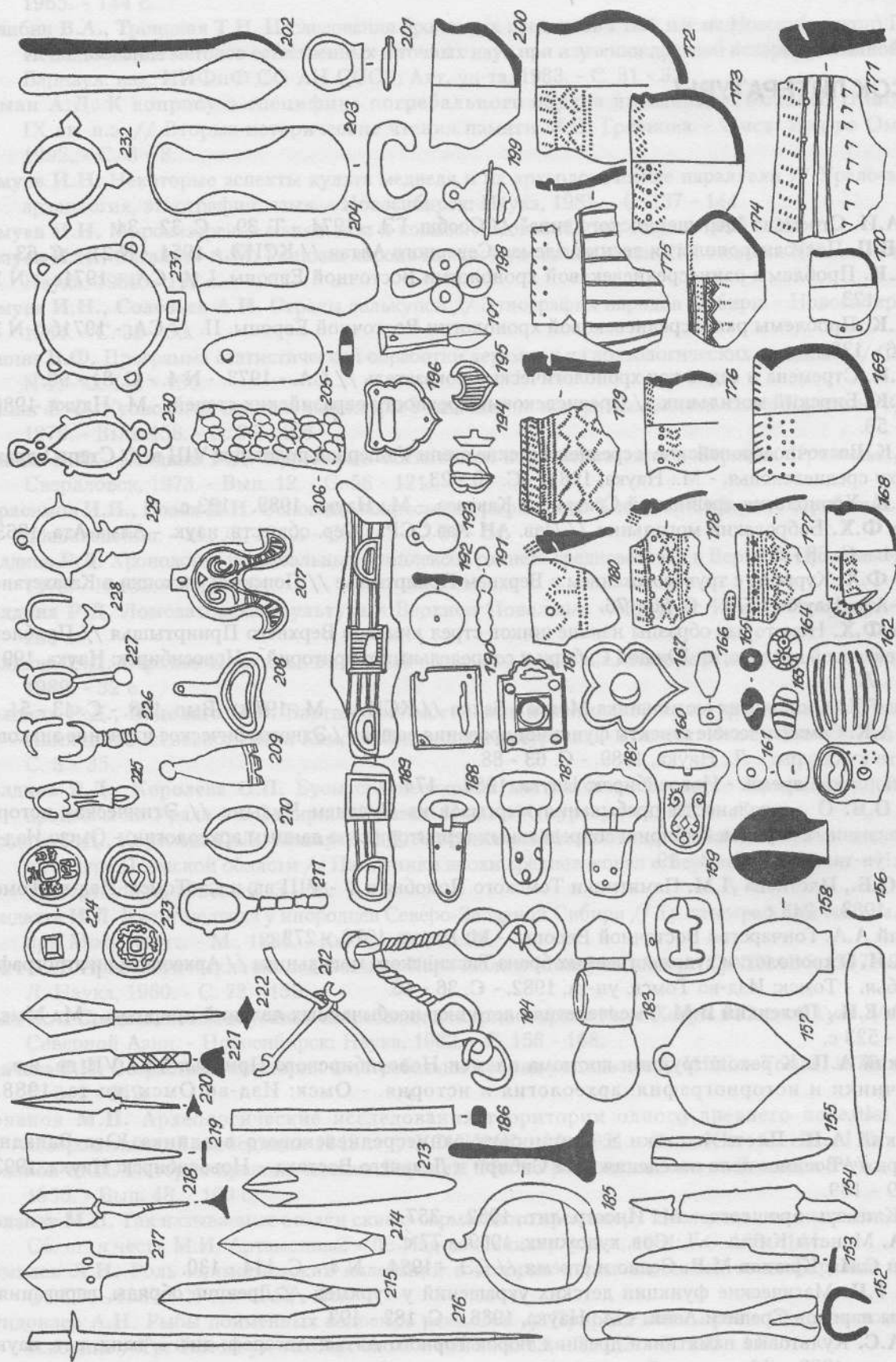
Примечание. Находки N 12 и N 66 имеют широкую датировку и известны как на одинцовском, так и на тимирязевском этапе.

Одинцовский этап (V - VI вв.)

Тимирязевский этап (VII - начало VIII в.)

Юрт - акбалыкский этап (VIII - IX вв.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абайбин А.И. Стремена "перещепинского типа". // Сообщ. ГЭ. - 1974. - Т. 39. - С. 32 - 34.
- Алексеев В.П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая // КСИЭ. - 1954. - N 21. - С. 63 - 69.
- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I. // СА. - 1971а. - N 2. - С. 96 - 123.
- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. // СА. - 1971б. - N 3. - С. 106 - 132.
- Амброз А.К. Стремена и седла как хронологический показатель // СА. - 1973. - N 4. - С. 81 - 98.
- Амброз А.К. Бирский могильник // Средневековые древности евразийских степей. - М.: Наука, 1980. - С. 3 - 56.
- Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1981. - С. 10 - 23.
- Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. - М.: Наука, 1989. - 133 с.
- Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Изв. АН Каз.ССР. - Сер. обществ. наук. - Алма-Ата, 1963. - Вып. 4. - С. 68 - 84.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата: Наука, 1972. - С. 56 - 76.
- Арсланова Ф.Х. Некоторые образцы наконечников стрел кимаков Верхнего Прииртышья // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Наука, 1991. - С. 67 - 77.
- Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. - М., 1979. - Вып. 158. - С. 43 - 51.
- Байбурун А.К. Семантические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. - Л.: Наука, 1989. - С. 63 - 88.
- Бараба в тюркское время. - Новосибирск: Наука, 1988. - 174 с.
- Беликова О.Б. О длительности пребывания кыргызов на Среднем Чулыме // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: по данным археологии. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. - С. 13 - 19.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V - VIII вв. н.э. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. - 243 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. - М.: Наука, 1978. - 272 с.
- Боброва А.И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. - С. 36 - 46.
- Бодженков Е.П., Палецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. - М.: Мысль, 1988. - 523 с.
- Бородавский А.П. К реконструкции костюма племен Новосибирского Приобья VI - VII вв. н.э. // Источники и историография: археология и история. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1988. - С. 37 - 46.
- Бородавский А.П. Плети и стеки в экипировке раннесредневекового всадника Юга Западной Сибири // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1993. - С. 179 - 189.
- Брукс К. Климаты прошлого. - М.: Иностран. лит., 1952. - 357 с.
- Быков А.А. Монеты Китая. - Л.: Сов. художник, 1969. - 77 с.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. - 1984. - N 4. - С. 114 - 130.
- Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. - М.: Наука, 1986. - С. 182 - 193.
- Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрков Горного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Кемерово, 1983. - 16 с.
- Воробьев М.А. Старинные китайские монеты из собрания Хабаровского музея // СА. - 1953. - N 3. - С. 194 - 205.

- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.;Л.: Наука, 1965. - 144 с.
- Галибин В.А., Троицкая Т.Н.** Исследования бронзовых предметов I тыс. н.э. из Новосибирского Приобья // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. - Барнаул: изд. ИИФиФ СО АН СССР; Алт. ун-та, 1983. - С. 31 - 33.
- Гаман А.Д.** К вопросу о специфике погребального обряда населения Томского Приобья в V - IX вв. н.э. // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. - С. 6 - 8.
- Гемуев И.Н.** Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-алтаистика: археология, этнография, язык. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 137 - 144.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: дом и космос. - Новосибирск: Наука, 1990. - 232 с.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси: Культовые места XIX - начала XX в. - Новосибирск: Наука, 1986. - 192 с.
- Гемуев И.Н., Соловьев А.И.** Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. - Новосибирск: Наука, 1984. - С. 39 - 55.
- Генинг В.Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. - 1973. - N 1. - С. 114 - 136.
- Генинг В.Ф.** Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э.: по материалам могильников Прикамья // КСИА. - 1979. - Вып. 158. - С. 96 - 106.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.** Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. - Свердловск, 1973. - Вып. 12. - С. 58 - 121.
- Герасимов И.П., Розов Н.Н.** Основные вопросы географии почв Западной Сибири // Проблемы советского почвоведения. - М.; Л., 1940. - Сб. 11. - С. 37 - 64.
- Голдина Р.Д.** Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. - 1979. - N 158. - С. 79 - 91.
- Голдина Р.Д.** Ломоватовская культура в Верхнем Поволжье. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. - 280 с.
- Голдина Р.Д.** Верхнее Прикамье во второй половине I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1989. - 32 с.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.** Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. - Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1984. - С. 3 - 35.
- Голдина Р.Д., Королева О.П.** Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири. - Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1983. - С. 40 - 71.
- Голдина Р.Д., Королева О.Л., Макаров Л.Д.** Агафоновский I могильник - памятник ломатовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. - Ижевск: изд. Удмурт. ун-та, 1980. - С. 3 - 66.
- Гондатти И.Л.** Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Тр. этнограф. отд-ия о-ва любителей при Моск. ун-те. - М., 1888. - Кн. 8. - С. 74 - 78.
- Грач А.Д.** Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Тр. ТКАЭЭ 1957-1958 гг. - М.; Л.: Наука, 1960. - С. 73 - 150.
- Грач В.А.** Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 156 - 168.
- Грачева Г.Н.** Возрастные категории и погребальный обряд у нганасан // ИИС. - Томск, 1976. - Вып. 10. - С. 241 - 249.
- Грязнов М.П.** Археологические исследования территории одного древнего поселка: Раскопки североалтайской экспедиции 1949 г. // КСИИМК. - М., 1951. - Вып. XL. - С. 105 - 113.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. - 1956. - Вып. 48. - 160 с.
- Грязнов М.П.** Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР: Сб. ст. в честь М.И. Артамонова. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. - С. 139 - 144.
- Гумилев Л.Н.** Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. - 1967. - N 1. - С. 53 - 66.
- Гундризер А.Н.** Рыбы пойменных водоемов реки Оби // Природа поймы реки Оби и ее хозяйственное освоение / Тр. Томск. ун-та. Сер. биол. - Томск, 1963. - Т. 152. - С. 126 - 147.
- Гутов Е.А.** Процесс изготовления полых бронзовых изделий во второй половине I тыс. н.э.: по материалам Новосибирского Приобья // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. - Новосибирск: изд. НГПИ, 1989. - С. 69 - 73.

- Гынгазов А.М. Фауна птиц поймы реки Оби // Природа поймы реки Оби и ее хозяйственное освоение. - С. 302 - 317.
- Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI - IX вв. // СА. - 1961. - N 3. - С. 202 - 232.
- Деревянко Е.И. Троицкий могильник. - Новосибирск: Наука, 1977. - 224 с.
- Деревянко Е.И. Очерки военного дела Приамурья. - Новосибирск: Наука, 1987. - 225 с.
- Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V - VIII вв. - М: Наука, 1982. - С. 69 - 107.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. - Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1990. - 164 с.
- Дремов В.А. Антропологические материалы II - VIII вв. н.э. из могильников Уени // ИИС. - Томск, 1975. - Вып. 16. - С. 94 - 129.
- Дремов В.А. Обычай искусственного деформирования головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // Проблемы археологии и этнографии. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. - С. 99 - 110.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1956. - С. 23, 240; рис. 263.
- Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тыс. н.э. - Новосибирск: Наука, 1991. - 124 с.
- Елин В.Н. Классификация железных наконечников стрел хуннского времени в памятниках Южной Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Вып. 1: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма. - Новосибирск: изд. ИИФиФ СО АН СССР, 1989. - С. 22, 23.
- Елин В.Н., Васютин А.С. Воинское погребение предкудыргинского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. - Горно-Алтайск: изд. ГАНИИЯЛ, 1986. - С. 149 - 157.
- Записки Российского археологического общества. - СПб., 1899. - Т. XI. - Вып. 1 - 2.
- Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. - Л.: Наука, 1975. - 79 с.
- Зиняков Н.М. Кузнечные изделия Тимирязевского курганного могильника I // Археология и этнография Приобья. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. - С. 22 - 35.
- Зиняков Н.М. Основные этапы освоения железа в Евразии // Проблемы археологии степей Евразии. - Кемерово: Изд-во Кемеровск. ун-та, 1987. - Ч. 1. - С. 35 - 38.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. - 275 с.
- Зиняков Н.М., Любченко В.М. Технологические исследования оружия памятников Верхнего Приобья // Археология Южной Сибири. - Кемерово: Изд-во Кемеровск. ун-та, 1980. - С. 120 - 125.
- Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII - XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 172 - 189.
- Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 61 - 69.
- Илюшин А.М. Опыт типологической классификации наконечников стрел I тыс. н.э. из Восточного Алтая // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. - С. 31 - 43.
- Илюшин А.М. Хронология и периодизация средневековых погребений по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1991. - С. 164, 165.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Секция археологии и этнографии. - Омск: Изд-во Омск. пед. ин-та, 1992а. - С. 39 - 41.
- Илюшин А.М. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации на стороне конца I тыс. н.э. в лесостепной зоне Западной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: по данным археологии. - Омск: изд. Омск. ун-та, 1992б. - С. 52 - 56.
- Илюшин А.М. Верхнеобская культурная общность: по материалам Кузнецкой котловины // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993а. - С. 74 - 77.
- Илюшин А.М. Курганы-кладбища самодийцев Кузнецкой котловины // Проблемы этнической истории самодийских народов. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1993б. - Ч. 1. - С. 45-49.
- Илюшин А.М., Сулейманов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово - памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. - Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1992. - 127 с.
- Иоганзен Б.Г. Природа поймы реки Оби: экологический этюд // Природа поймы реки Оби и ее хозяйственное освоение - С. 5 - 31.

- Иоганзен П.Г., Тюменцев Н.Ф.** Пойма Оби: природа, освоение, мелиорация. - Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. - С. 158.
- Казаков А.А.** Одинцовская культура Барноульско-Бийского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Барнаул, 1996.
- Казаков А.А., Неверов С.В.** Хронология и периодизация памятников середины второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1991. - С. 167 - 170.
- Кирпичников А.Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв. // САИ. - 1973. - Е I -36. - Л.: Наука, 1973. - 140 с.
- Ковалевская В.Б.** Башкирия и евразийские степи IV - IX вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории Урала. - М.: Наука, 1972. - С. 95 - 117.
- Ковалевская В.Б.** Поясные наборы Евразии IV - IX вв.: Пряжки // САИ. - 1979. - Е I-2. - 112 с.
- Ковалевская В.Б.** Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА. - 1990. - Вып. 199. - С. 37 - 46.
- Козлов В.И.** Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. - М.: Наука, 1991. - С. 14 - 43.
- Комарова М.Н.** Томский могильник // МИА. - М., 1952. - N 24. - С. 7 - 50.
- Комплекс** археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. - Новосибирск: Наука, 1979. - 167 с.
- Конилов Б.А.** Культуры таежного Прииртышья VI - XIII вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1982. - 16 с.
- Конилов Б.А.** Курганная группа X - XII вв. н.э. у с. Усть-Ишим Омской области: К вопросу об усть-ишимской культуре // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. - Новосибирск, 1983. - С. 96 - 111.
- Конилов Б.А., Худяков Ю.С.** Железные наконечники стрел из лесостепного и таежного Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. - С. 94 - 104.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. - М.: Наука, 1984. - 245 с.
- Косарев М.Ф.** Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии. - М., 1988. - С. 84 - 112.
- Косарев М.Ф.** Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. - М.: Наука, 1991. - 300 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск: Наука, 1984. - 230 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В.** Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 43 - 95.
- Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. - 192 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Васюганско-ваховские ханты. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. - 225 с.
- Кызласов И.Л.** О происхождении стремян // СА. - 1973. - N 3. - С. 24 - 36.
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. - 197 с.
- Кызласов Л.Р.** Древнехакасская культура чаатас (VI - IX вв.). Культура древних уйгур (VIII - IX вв.). Туютская культура древних хакасов (IX - X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1981. - С. 29 - 61.
- Лаптев И.П.** Фауна наземных позвоночных рек бассейна Оби и вопросы охотничьего хозяйства // Природа поймы реки Оби и ее хозяйственное освоение - С. 279 - 292.
- Лебедева О.И.** К вопросу о погребениях с трупосожжениями IX - X вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. XXV археол. конф. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. - С. 34.
- Леньков В.Д., Шавкунов В.Д.** Железные наконечники стрел бохайцев Приморья // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1993. - С. 214 - 226.
- Лисина Л.Ю.** Экологический компонент исторического процесса: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Саратов, 1988. - 24 с.
- Литвинский Б.А.** Орудия труда и утварь могильников Западной Ферганы. - М.: Наука, 1978. - 216 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск: Наука, 1975. - С. 156 - 169.
- Лукина Н.В.** Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. - Л.: Наука, 1983. - С. 226 - 233.
- Мажитов Н.А.** Южный Урал в VII - XIV вв. - М.: Наука, 1977. - 240 с.
- Мажитов Н.А.** Курганы Южного Урала VIII - XII вв. - М.: Наука, 1981. - 163 с.
- Малолетко А.М., Мананков А.В., Паскаль Ю.И., Плетнева Л.М.** Железодельное производство в

- низовье Томи в позднем средневековье // Древние горняки и металлурги Сибири. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1983. - С. 115 - 138.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на среднем Тоболе. - Новосибирск: Наука, 1993. - 174 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. - Новосибирск: Наука, 1994. - 162 с.
- Могильников В.А.** Начало тюркизации населения Притомья Среднего Приобья // Проблемы этногенеза Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. - Новосибирск: изд. ИИФиФ СО АН СССР, 1973. - С. 82 - 84.
- Могильников В.А.** Сибирские древности VI - X вв.: Тюрки. Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1981. - С. 29 - 46.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1987а. - С. 163 - 235.
- Могильников В.А.** Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири // Смена культур и миграции в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987б. - С. 109 - 111.
- Могильников В.А.** Время и пути тюркизации юга Западной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. - С. 75 - 81.
- Могильников В.А., Конилов Б.А.** Могильник потчевашской культуры в среднем Прииртышье // СА. - 1983. - N 2. - С. 162 - 182.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977. - 173 с.
- Молодин В.И.** Кыштовский могильник. - Новосибирск: Наука, 1979. - 181 с.
- Молодин В.И.** Древнее искусство Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1992. - 190 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. - Новосибирск: Наука, 1980. - 208 с.
- Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н.** Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. - Новосибирск, 1996.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г. и др.** Археологические памятники города Новосибирска. - Новосибирск: Наука, 1993. - 33 с.
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С.** Погребение тюркского времени из могильника Преображение-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западно-сибирской археологии. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 123 - 137.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск: Наука, 1990. - 261 с.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.** Погребение воина IV - V вв. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 161 - 179.
- Мошинская В.И.** Материальная культура Усть-Полуя // МИА. - 1955. - N 35. - С. 72 - 106.
- Мошинская В.И., Лукина Н.В.** О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. - С. 46 - 60.
- Неверов С.В.** Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII - X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1985. - С. 192 - 206.
- Неверов С.В.** Проблемы классификации стремян // Актуальные проблемы методики западно-сибирской археологии. - Новосибирск: изд. ИИФиФ СО АН СССР, 1989. - С. 91-95.
- Неверов С.В.** Этнокультурные особенности сросткинской культуры // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. - С. 170 - 172.
- Неверов С.В.** Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблема хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1991. - С. 180 - 182.
- Нейштадт М.И.** История лесов и палеогеография СССР в голоцене. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. - 404 с.
- Нестеров С.П.** Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. - Новосибирск: Наука, 1988. - С. 173 - 183.
- Нестеров С.П.** Конь в культах тюркоязычных племен Центрального Алтая в эпоху средневековья. - Новосибирск: Наука, 1990. - 142 с.
- Николаев Н.Н.** К методике изучения ярусных наконечников стрел // Актуальные проблемы методики западно-сибирской археологии. - Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1989. - С. 89 - 91.
- Новиков А.В.** Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники и историография: археология и история. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1988. - С. 47 - 54.
- Новиков А.В.** Технология керамического производства лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1990. - 23 с.
- Новиков А.В.** Особенности сырьевой базы древнего керамического производства в лесостепной зоне

- Западной Сибири // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. - С. 87, 88.
- Новиков А.В.** Собаки в погребальной обрядности древнего населения Новосибирского Приобья // III истор. чтения памяти М.П. Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995. - Ч. 2. - С. 130 - 134.
- Новиков А.В., Троицкая Т.Н.** Керамика верхнеобской культуры // Памятники истории и культуры Омской области: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1989. - С. 41 - 43.
- Оборин В.А.** Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. - Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1976. - 190 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. - Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1988. - 183 с.
- Особенности** естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. - 156 с.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. - 424 с.
- Плетнева Л.М.** Курганный могильник у д. Могильники // ИИС. - Томск, 1973. - Вып. 5. - С. 94 - 102.
- Плетнева Л.М.** Погребения IX - X вв. в Томском Приобье. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. - С. 64 - 87.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в позднем средневековье. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. - 132 с.
- Плетнева С.А.** От кочевий к городам. - М., 1967. - 198 с.
- Потапов Л.П.** Очерки по истории алтайцев. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - 443 с.
- Распопова В.И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. - Л.: Наука, 1980. - 138 с.
- Романцова В.Д.** Городище Седова Заимка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. - С. 81 - 90.
- Романцова В.Д.** Курганный могильник Седова Заимка-2 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. - Новосибирск: изд. НГПИ, 1983. - С. 82 - 95.
- Росляков С.Г.** Новые находки плоского литья в Новосибирском Приобье // Изв. СО АН СССР. Сер. истор., филол. и филос. - Новосибирск: Наука, 1990. - Вып. 2. - С. 62, 63.
- Савельева Э.А., Чесноков Н.П.** Весленское I поселение // Археологические памятники Северного Приуралья. - Сыктывкар: изд. Коми филиала АН СССР, 1985. - С. 113 - 151.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. - 175 с.
- Сагалаев А.М.** Птица, дающая жизнь: из тюркоугорских мифологических параллелей // Мировоззрение финно-угорских народов. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 21 - 34.
- Сагалаев А.М.** Урало-алтайская мифология: символ и архетип. - Новосибирск: Наука, 1991. - 154 с.
- Сидоров Е.А.** Новые данные по истории земледелия эпохи средневековья в западно-сибирской лесостепи // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. - Тобольск: изд. Тобольск. пед. ин-та, 1982. - С. 52 - 56.
- Сидоров Е.А.** Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. - Новосибирск: изд. НГПИ, 1989. - С. 16 - 40.
- Смирнова О.И.** Каталог монет с городища Пентджикент. - М.: Изд-во вост. лит., 1963. - 172 с.
- Соловьев А.И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири: эпоха средневековья. - Новосибирск: Наука, 1987. - 193 с.
- Сорокин С.С.** О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. - 1965. - Вып. 64. - С. 3 - 14.
- Степи** Евразии в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1981. - 301 с.
- Степная** полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992. - 494 с.
- Толстов С.П.** Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // ВДИ. - 1938. - N 4. - С. 120 - 145.
- Троицкая Т.Н.** К вопросу о культе медведя // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. - Новосибирск: Наука, 1963. - N 9. - Вып. 3. - С. 60 - 65.
- Троицкая Т.Н.** Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н.э. // Происхождение аборигенов Сибири. - Томск: Изд-во Томск. пед. ин-та, 1973а. - С. 183 - 185.
- Троицкая Т.Н.** Пояса из погребений Новосибирского Приобья II - IV вв. н.э. // КСИА. - 1973б. - N 136. - С. 100 - 103.
- Троицкая Т.Н.** Курганный могильник Ордынское-1 // Вопросы археологии Сибири / Науч. тр. НГПИ. - Новосибирск, 1973в. - Вып. 85.
- Троицкая Т.Н.** Новосибирское Приобье в IX - X вв. н.э. // Языки и топонимия. - Томск: Изд-во Томск. пед. ин-та, 1976. - С. 126 - 130.

- Троицкая Т.Н.** Развитие скотоводства у племен Новосибирского Приобья в I тыс. до н.э. - V в. н.э. // ИИС. - Томск, 1976. - Вып. 21. - С. 155 - 156.
- Троицкая Т.Н.** Погребения с трупосожжениями конца I тыс. н.э. на р. Уени Новосибирской области // Археология Южной Сибири. - Кемерово: Изд-во Кемеровск. ун-та, 1977. - Вып. IX. - С. 121 - 130.
- Троицкая Т.Н.** Красный Яр-1 - могильник позднего железного века // Древняя история Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 99 - 117.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск: Наука, 1979а. - 124 с.
- Троицкая Т.Н.** К вопросу о тюркизации населения Новосибирского Приобья во второй половине I тыс. н.э. // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1979б. - С. 74 - 76.
- Троицкая Т.Н.** Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии эпохи железа. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 101 - 120.
- Троицкая Т.Н.** Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. - Новосибирск: изд. НГПИ, 1983. - С. 31 - 50.
- Троицкая Т.Н.** Верхнеобская культура лесостепного Приобья // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. - Новосибирск: Наука, 1988. - С. 45 - 101.
- Троицкая Т.Н.** Детские погребения VI - V вв. до н.э. - VII - VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. - Новосибирск: изд. НГПИ, 1989а. - С. 59 - 68.
- Троицкая Т.Н.** Черное Озеро-1 - комплекс археологических памятников // Памятники Новосибирской области. - Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1989б. - С. 47 - 54.
- Троицкая Т.Н.** Новый тип "поминальных" памятников в Западной Сибири // СА. - 1990. - N 2. - С. 256 - 258.
- Троицкая Т.Н.** Погребения с сожжениями верхнеобской культуры в лесостепном Приобье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1991. - С. 170 - 172.
- Троицкая Т.Н.** "Кусты" поселений в Новосибирском Приобье // II истор. чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992а. - Ч. II. - С. 57 - 60.
- Троицкая Т.Н.** Орнаментация керамики верхнеобской культуры // Орнамент народов Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992б. - С. 22 - 35.
- Троицкая Т.Н.** Начало проникновения тюрков в Новосибирское Приобье // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993а. - С. 115 - 116.
- Троицкая Т.Н.** Украшения самодийского круга в Новосибирском Приобье во второй половине I тыс. н.э. // Проблемы этнической истории самодийских народов. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1993б. - Ч. I. - С. 53 - 56.
- Троицкая Т.Н.** К вопросу о распространении ручных жерновов // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. - Екатеринбург, 1993в. - С. 204.
- Троицкая Т.Н., Адамов А.А.** Смена археологических культур в Новосибирском Приобье на рубеже I - II тыс. н.э. // Проблемы археологии степей Евразии. - Кемерово: Изд-во Кемеровск. ун-та, 1987. - Ч. II. - С. 177 - 178.
- Троицкая Т.Н., Адамов А.А.** Новые памятники верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. - Тюмень: Изд-во Тюменск. ун-та, 1991. - С. 140 - 148.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 149 - 162.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск: Наука, 1994. - 184 с.
- Троицкая Т.Н., Галибин В.А.** Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлурги Сибири. - Барнаул: изд. Алтайск. ун-та, 1983. - С. 35 - 46.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С.** Городище Юрт-Акбалык-3 - памятник рубежа н.э. // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1991. - С. 53 - 60.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С., Семьянов И.В.** Крохалевка-13 - памятник верхнеобской культуры // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995. - С. 225 - 242.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С.** Старобибеево-6 могильник VII в. н.э. // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995. - С. 199 - 207.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.** Археологическая карта Новосибирской области. - Новосибирск: Наука, 1980. - 184 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Крохалевка-23 - памятник одинцовского этапа верхнеобской культуры //

- Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: по данным археологии: Мат. Всерос. конф. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. - С. 116 - 119.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Средневековый могильник у с. Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995. - С. 138 - 153.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В.** Погребения с сожжениями могильника Каменный Мыс // Вопросы древней истории Южной Сибири. - Абакан: Изд-во ХНИИЯЛ, 1984а. - С. 80 - 97.
- Троицкая Т.Н., Сидоров Е.А., Бородавский А.П.** Местные традиции в погребениях VII - нач. VIII в. н.э. в Новосибирском Приобье // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1984б. - С. 127 - 128.
- Троицкая Т.Н., Соболев В.И.** Памятники железного века и позднего средневековья // Памятники истории и культуры Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 31 - 42.
- Уманский А.П.** Археологические памятники у с. Иня // Изв. Алт. отд. ВГО СССР. - Барнаул, 1970. - Вып. 11. - С. 45 - 74.
- Уманский А.П.** Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чулыме // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск: Наука, 1974. - С. 136 - 149.
- Уманский А.П.** Погребение эпохи "Великого переселения народов" на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 129 - на Алтае // Урало-алтаистика. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 55 - 62.
- Файнбург З.И.** Противоречие общества и природы как генетический фактор культуры // Экология и культура: методологические аспекты. - Ставрополь: изд. Ставропольск. пед. ин-та, 1982. - С. 63 - 77.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья.** - М.: Наука, 1987. - 510 с.
- Хотинский Н.А., Савина С.С.** Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах голоцена // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1985. - N 4. - С. 18 - 34.
- Худяков Ю.С.** О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 164 - 169.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI - XII вв. - Новосибирск: Наука, 1980. - 176 с.
- Худяков Ю.С.** Коллекция железных наконечников стрел Читинского музея // Археология Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1982. - С. 135 - 148.
- Худяков Ю.С.** Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н.э. // Материалы по археологии Горного Алтая. - Горно-Алтайск: изд. ГАНИИИЯЛ, 1986а. - С. 81 - 99.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1986б. - 268 с.
- Худяков Ю.С.** Оружие как исторический источник // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1990. - С. 5 - 9.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. - Новосибирск: Наука, 1991. - 188 с.
- Худяков Ю.С.** К вопросу о самодийской принадлежности средневековых погребений по обряду кремации в Кузнецкой котловине // Проблемы этнической истории самодийских народов. - Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1993. - Ч. II. - С. 3 - 6.
- Худяков Ю.С.** Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1993. - С. 107 - 148.
- Худяков Ю.С., Крачко О.В.** К вопросу о продвижении кыргызов в Западную Сибирь в IX - X вв. // Смена культур и миграции в Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. - С. 41 - 43.
- Чернецов В.Н.** Бронза Усть-Полуйского времени // МИА. - 1953. - N 35. - С. 121 - 178.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Прииртышье в I тыс. н.э. // МИА. - 1957. - N 58. - С. 136 - 245.
- Чижова Л.В.** Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири: по материалам культового литья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1983. - 24 с.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на Средней Оби. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. - 192 с.
- Чиндина Л.А.** Соболев в пластике населения Среднего Приобья // Проблемы западно-сибирской археологии: эпоха железа. - Новосибирск: Наука, 1981. - С. 144 - 147.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. - 255 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в V в. до н.э. - IX в. н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1985. - 38 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху средневековья. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. - 182 с.
- Чиндина Л.А.** Об этнокультурном взаимодействии в Приобье I тыс. н.э. // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992. - С. 18-23.

- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И.** Археологическая карта Томской области. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. - 340 с.
- Шмидт А.В.** К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник музея антропологии и этнографии. - Л., 1926. - Т. 6. - С. 125 - 164.
- Шнитников А.В.** Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. - С. 237.
- Ядринцев Н.М.** О культе медведя преимущественно у северных инородцев // Этнографическое обозрение. - СПб., 1890. - N 1. - С. 100 - 115.
- Яковлев Я.А.** Первая находка браслетов "обского типа" в Нарымском Приобье // Проблемы культуриногенеза и культурного наследия. - СПб., 1993. - Ч. II. - С. 148 - 151.
- Aslepin J.R.** Antiquite du Nord Finne-Ougrien. - Hels, 1879. - В. II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАУ - Вопросы археологии Урала
 ВГО СССР - Всесоюзное географическое общество
 ВДИ - Вестник древней истории
 ГАНИИИЯЛ - Горно-алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
 ГЭ - Государственный Эрмитаж
 ИИС - Из истории Сибири
 ИИФиФ - Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
 КСИА - Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИЭ - Краткие сообщения Института этнографии
 ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
 НГПИ - Новосибирский государственный педагогический институт
 НОКМ - Новосибирский областной краеведческий музей
 СА - Советская археология
 САИ - Свод археологических источников
 ТОКМ - Томский областной краеведческий музей
 ТТКАЭЭ - Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
 ХНИИИЯЛ - Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ	5
ГЛАВА II ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
1. Городища и поселения	10
2. Характеристика поселений и жилищ	15
3. Могильники	16
4. Случайные находки и местонахождения	22
5. Погребальный обряд	22
ГЛАВА III ИНВЕНТАРЬ	
1. Орудия труда и предметы быта	25
2. Украшения	27
3. Зооморфные и антропоморфные изображения	31
4. Вооружение	34
5. Предметы конской упряжи	44
6. Пояса и ременная гарнитура	47
7. Датировка памятников	56
8. Эволюция керамики	60
ГЛАВА IV ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО	
1. Производство и добыча продуктов питания	67
2. Ремесла	68
3. Общество	71
4. Духовная жизнь	74
ГЛАВА V ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
ИЛЛЮСТРАЦИИ	88
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ОПИСАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ	126
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 СПЕКТРАЛЬНЫЙ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ, %	131
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 СВОДНАЯ ТАБЛИЦА МАТЕРИАЛОВ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ	132
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	136
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	145
SUMMARY	146

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ	5
ГЛАВА II ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ	10
1. Города и поселения	10
2. Характеристика поселений и жилищ	18
3. Могильники	18
4. Случайные находки и местонахождения	22
5. Погребальный обряд	22
ГЛАВА III ИНВЕНТАРИ	25
1. Средства труда и предметы быта	25
2. Украшения	27
3. Техника и этноморфные изображения	31
4. Вооружение	34
5. Предметы	44
6. Плетка и ремесленная продукция	47
7. Детские предметы	56
8. Экономические предметы	60
ГЛАВА IV ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО	67
1. Производство и добыча продуктов питания	67
2. Численность	68
3. Общество	71
4. Духовная жизнь	74
ГЛАВА V ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
ЛИТЕРАТУРА	96
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ОПИСАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ	126
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 СВЯЗЬ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ДРУГИМИ КУЛЬТУРАМИ	140

Подписано в печать 20.02.98. Бумага офсетная. Формат 60x84/8.
 Гарнитура Petersburg. Офсетная печать. Усл. печ. л. 17,8.
 Уч.-изд. л. 18. Тираж 1000. Заказ N 235. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. Лицензия № ЛР 040755 от 12.04.96.
 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Типография РПО СО РАН.
 633128, Новосибирская обл., р.п. Краснообск.

